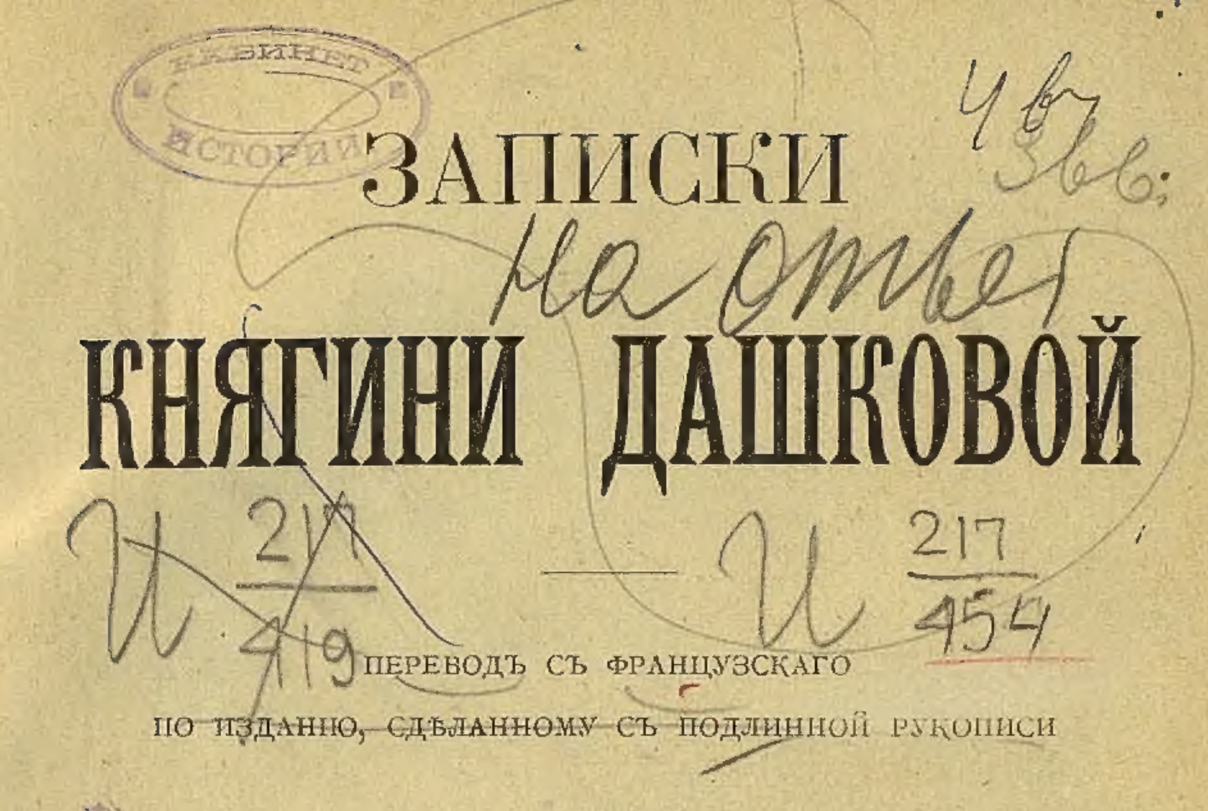

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПО ИЗДАНІЮ, СДѢЛАННОМУ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ

Съ приложеніемъ 4-хъ портретовъ, разныхъ документовъ и писемъ и указателя

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Н. Д. ЧЕЧУЛИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1907

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА.

Съ гравированнаго портрета Скородумова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, дочь графа Ром. Илл. Воронцова и жены его, рожденной Сурминой, родилась 17 марта 1744 г., умерла 4 января 1810 г. Ея записки, называющіяся въ рукописи «Mon histoire», писаны приблизительно въ 1804—1806 годахъ и обнимаютъ время до 1803 г. Въ основѣ записокъ лежатъ, вѣроятно, какія-нибудь замѣтки и записи, сдѣланныя въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, современно событіямъ: еще въ 1774—1775 годахъ въ 1-й и 2-й частяхъ «Опыта трудовъ вольнаго россійскаго собранія» напечатана статья «Путешествіе одной россійской знатной госпожи по нѣкоторымъ англійскимъ провинціямъ», безъ имени, но—какъ очевидно по сравненію съ соотвѣтственными частями записокъ Дашковой—именно ея произведеніе; такими записями только и можетъ быть объясняема полная хронологическая точность въ описаніи мельчайшихъ событій, происходившихъ за 30—35 л. до времени составленія записокъ.

Княгиня Дашкова рано начала писать и печатать: уже въ 1763 г. въ журналѣ «Невинное упражненіе» напечатанъ ея переводъ Вольтеровскаго «Опыта объ эпической поэзіи»; ей же принадлежатъ «Письмо къ другу», переводъ «Опыта о торговлѣ г. Гюма», «Посланіе къ слову Такъ», «О значеніи слова: воспитаніе», комедія «Тоисіоковъ или человѣкъ безхарактерный», комедія «Свадьба Фабіана, или алчность къ богатству, наказанная» и еще нѣкоторыя произведенія—всѣ они были напечатаны въ упомянутомъ «Опытѣ трудовъ», въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», и въ «Другѣ просвѣщенія», за 1775—1806 годы. Всѣ эти произведенія Дашковой, нимало не выдающіяся даже для своего времени, давно и по до-

стоинству забыты—исключая Записокъ, которыя представляютъ любопытный матеріалъ для характеристики весьма незаурядной фигуры ихъ автора и цѣнный источникъ для исторіи своего времени.

Записки Дашковой впервые были напечатаны на англійскомъ языкѣ, въ 1840 г.; затѣмъ—на нѣмецкомъ, въ 1857 г., на англійскомъ снова въ 1858 г., на французскомъ и на русскомъ въ Лондонѣ въ 1859 г. Въ 1881 г. онѣ были напечатаны по подлинной рукописи, на французскомъ языкѣ, въ Москвѣ, въ XXI книгѣ «Архива кн. Воронцова»; въ 1906 г. переводъ ихъ появился на страницахъ «Русской Старины». Для настоящаго изданія переводъ сдѣланъ по тексту, напечатанному въ «Архивѣ кн. Воронцова».

Когда Дашкова разсказываетъ событія, непосредственно ея не затрогивавшія, безразличныя для ея честолюбія, она сообщаетъ весьма цѣнныя свѣдѣнія; она умѣла въ такихъ случаяхъ вѣрно подмѣтить все существенное, выдвинуть главное, умѣла правильно оцѣнивать событія и лица. Ея разсказы о царствованіи Петра Ѳеодоровича блестящимъ образомъ свидѣтельствуютъ о дарѣ наблюдательности и рисуютъ живую и вѣрную картину этого страннаго времени, а многіе отдѣльные эпизоды, ею передаваемые, почти до мелочей подтверждаются показаніями другихъ очевидцевъ, напр. Болотова, донесеніями иностранныхъ представителей въ Петербургѣ и даже письмами самого Петра Ѳеодоровича къ Фридриху прусскому. Любопытные штрихи даетъ Дашкова и въ своихъ замѣчаніяхъ о московскомъ бытѣ, съ которымъ она познакомилась въ сравнительно кратковременное свое пребываніе въ Москвѣ вскорѣ послѣ свадьбы. Во всѣхъ такихъ случаяхъ разсказы Дашковой представляютъ интересный, цѣнный и вполнѣ достовѣрный историческій матеріалъ.

Осторожнѣе надо относиться къ тѣмъ страницамъ, гдѣ Дашкова говоритъ о своемъ непосредственномъ участіи въ томъ или другомъ событіи, вообще—о чемъ-либо живо и непосредственно ее затрагивающемъ. Нѣкоторыя особыя черты характера княгини Дашковой дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ необходимымъ старательно провѣрять ея разсказы.

«Съ ранняго дѣтства я жаждала любви окружающихъ меня людей и хотѣла заинтересовать собою моихъ близкихъ», говоритъ Дашкова въ самомъ началѣ своихъ записокъ. Эта черта сохранилась навсегда въ характерѣ княгини и даже, съ теченіемъ времени, развилась въ высшей степени: княгиня Дашкова не только все болѣе и болѣе хотѣла интересовать собою своихъ близкихъ, но привыкла считать себя чѣмъ-то совершенно осо-

бенным, центромъ всѣхъ совершающихся на ея глазахъ событій; были ли это событія крупныя или второстепенныя—княгинѣ безразлично всегда представлялось, что она тотъ центръ, къ которому направлены всѣ самыя разнообразныя чувства другихъ свидѣтелей и участниковъ, которые только группируются около нея, какъ величины далеко меньшаго значенія. Если что-нибудь дѣлалось не такъ, какъ бы она желала—по ея убѣжденію это было непремѣнно результатомъ особенныхъ усилій и интригъ, спеціально противъ нея направленныхъ, вслѣдствіе зависти къ ней; если ей оказывали вниманіе, любезно принимали ее при какомъ-нибудь дворѣ, — ей всегда представляется, что никому другому никогда такого вниманія не оказывалось; всякій, самый обычный комплиментъ она принимаетъ непремѣнно за чистую монету, за невольное выраженіе чувствъ, которыя, быть можетъ, иногда хотѣлось бы даже и скрыть и т. д.; во всѣхъ такихъ случаяхъ необходима тщательная провѣрка разсказовъ княгини, и нерѣдко открывается, что княгиня Дашкова, въ лучшемъ случаѣ, сильно заблуждалась. Такую чрезмѣрно субъективную окраску даетъ она, прежде всего, описанію того эпизода, которому сама же отводитъ исключительное мѣсто въ своемъ повѣствованіи, именно перевороту 1762 г.; Дашкова чрезмѣрно преувеличиваетъ свою роль и значеніе въ немъ. Императрица Екатерина въ первые же дни по воцареніи писала Станиславу Понятовскому между прочимъ: «шесть мѣсяцевъ я была въ сношеніяхъ со всѣми вождями заговора, прежде чѣмъ Дашкова узнала хоть одно имя». Но если даже усумниться, лучше ли знала Екатерина о связяхъ заговорщиковъ, чѣмъ Дашкова—хотя, конечно, дѣло неизмѣримо ближе касалось императрицы—то въ разсказахъ самой Дашковой можно найти доказательства, что она невѣрно оцѣниваетъ свое участіе въ заговорѣ. Прежде всего — Дашкова ни разу не сообщаетъ достаточно и опредѣленно, гдѣ, когда и какъ сговаривалась она съ офицерами — хотя рядомъ же передаетъ съ большою обстоятельностью совершенно незначительные разговоры; вѣроятно, надо представлять себѣ дѣло такъ, что Дашкова заговаривала со многими на щекотливую тему о переворотѣ и, не встрѣчая возраженій, частью потому, что большинство думало такъ же, частью—по весьма естественной осторожности собесѣдниковъ, она сейчасъ рѣшала, что это она именно первая и внушала людямъ такія мысли. Соловьевъ совершенно правдоподобно истолковалъ появленіе у Дашковой вечеромъ 27 іюня двухъ братьевъ Орловыхъ одного за другимъ, какъ наблюденіе, что дѣлаетъ эта молодая женщина, къ тому же сестра фаворитки императора. Разсказъ са-

мой Дашковой, что она улеглась спать около полуночи 27 іюня и явилась уже во дворецъ въ седьмомъ часу утра, когда все было кончено, слишкомъ ясно свидѣтельствуетъ, можно ли считать ее руководительницею заговора; а когда сама же Дашкова признается, что лишь послѣ переворота она поняла, какія отношенія существуютъ между Екатериною и Гр. Орловымъ, то можно ли сомнѣваться, что у императрицы съ нею далеко не было такой близости, какъ стремится представить это Дашкова, и что княгиня безъ достаточныхъ основаній принимала на себя говорить за императрицу. И есть даже основанія предполагать, что первоначально, ближе къ событію, Дашкова сама правильнѣе представляла себѣ свое участіе въ немъ и что только впослѣдствіи, мало-по-малу, стала она выставлять свою роль все активнѣе и активнѣе и, наконецъ, и сама себя въ этомъ убѣдила.

Допускала Дашкова очевидныя неточности и въ передачѣ другихъ эпизодовъ, близко ее интересовавшихъ; такъ, напр., она говоритъ, что послѣдніе 10—12 дней своего пребыванія въ Парижѣ она была почти неразлучна съ Дидро, но его бесѣды почти не передаетъ, зато сообщаетъ, что послѣ ея рѣчи о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, которую она текстуально и приводитъ, философъ воскликнулъ, въ сильнѣйшемъ душевномъ движеніи: Quelle femme vous êtes! Vous bouleversez des ideés que j'ai chéries et nourries pendant 20 ans! — Дидро въ своей замѣткѣ, посвященной знакомству съ Дашковой, говоритъ, что былъ у нея 4 раза, и ничѣмъ не даетъ понять, чтобы она произвела на него сколько-нибудь глубокое впечатлѣніе, а очевидно, что въ этомъ отношеніи Дидро безспорно лучшій судья, чѣмъ его собесѣдница. По поводу пожалованія имѣнія Круглое Дашкова говоритъ, что она, конечно, не напоминала и не просила о прибавкѣ, на которую, по ея мнѣнію, имѣла полное право—но сохранилось документальное доказательство, что она и напоминала, и просила. Дашкова постоянно говоритъ, что испытывала стѣсненіе въ средствахъ, разсказываетъ, что она многое раздавала роднымъ, по ея словамъ, конечно, безъ процентовъ и даже безъ отдачи— но послѣ ея смерти осталось наличными деньгами до 70.000 р.— сумма по тому времени громадная—и остались письма къ роднымъ, гдѣ она не только напоминаетъ о долгахъ, но очень аккуратно высчитываетъ и проценты.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ записки княгини Дашковой представляютъ тѣмъ не менѣе весьма цѣнный историческій памятникъ — и потому, что содержатъ нѣкоторыя интересныя указанія и, особенно, какъ произведеніе, рисующее отличный портретъ женщины, во всякомъ случаѣ весьма выдающейся. Дѣятельность

княгини Дашковой въ Академіи была дѣйствительно замѣчательна и полезна для русскаго просвѣщенія. И въ этомъ случаѣ мы почитаемъ нелишнимъ представить нѣкоторыя фактическія дополненія къ тому, что говоритъ о своемъ президентствѣ княгиня Дашкова, посвящающая этому періоду своей жизни гораздо меньше вниманія, чѣмъ онъ заслуживаетъ сравнительно съ участіемъ ея въ переворотѣ 1762 г. и съ заграничнымъ путешествіемъ, очень подробно и обстоятельно изложеннымъ въ ея запискахъ.

21 января 1783 г. послѣдовалъ именной указъ Сенату: «Дирекція надъ С.-Петербургскою Академіею Наукъ препоручается статсъ-дамѣ княгинѣ Дашковой».

За двѣнадцать лѣтъ своего управленія Академіею Наукъ Дашкова упорядочила ея хозяйство, уплатила долги Академіи и даже собрала нѣкоторый капиталъ; довольно значительную сумму доставила продажа академическихъ изданій, которыя получили значительное распространеніе, когда, по рѣшенію Дашковой, понижена была ихъ цѣна. Небывалымъ до того времени успѣхомъ пользовались и два учено-литературныя періодическія изданія, основанныя Дашковой при Академіи: «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» и «Новыя ежемѣсячныя сочиненія», къ сотрудничеству въ которыхъ Дашкова привлекла всѣ лучшія литературныя силы своего времени; въ «Собесѣдникѣ» участвовала и сама императрица. Княгиня Дашкова возобновила при Академіи общедоступные курсы, которые читались раньше, но прекратились при ея предшественникѣ. Домашневѣ: ежегодно, въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, академики Озерецковскій, Котельниковъ, Северинъ и др. читали лекціи по естественной исторіи, математикѣ минералогіи и т. п. Въ управленіи Академіею Дашкова руководствовалась по преимуществу совѣтами И. И. Лепехина и выборъ этого достойнѣйшаго человѣка и отличнаго ученаго дѣлаетъ большую честь уму и такту княгини.

30 сентября 1783 г. по мысли Дашковой учреждена была и ввѣрена ей же въ управленіе Россійская Академія. Дашкова весьма энергично повела это новое дѣло. Почти всѣ члены Россійской Академіи были избираемы по ея рекомендаціи и въ Академіи соединился, безъ преувеличенія, весь цвѣтъ тогдашней русской интеллигенціи, — писатели, духовные іерархи, государственные дѣятели. Изъ числа 364 засѣданій Академіи, происходившихъ за время управленія ею Дашковой, 263 происходили подъ ея личнымъ предсѣдательствомъ и часто у нея на дому. Первымъ дѣломъ академики приступили къ составленію словаря. Дашкова принимала въ этомъ дѣлѣ весьма активное участіе. По отзыву Сухомлинова, этотъ «Словарь Россійской Акаде-

міи, расположенный по словопроизводному порядку составлялъ въ свое время гордость и славу Академіи; позднѣйшія поколѣнія ученыхъ и писателей отзываются о немъ также съ большимъ уваженіемъ, находя, что Академія вѣрно поняла свое призваніе и принесла существенную пользу тогдашней нашей литературѣ.

Въ 1794 г., послѣ новаго охлажденія отношеній съ императрицей, Дашкова уѣхала въ продолжительный отпускъ и болѣе не видалась съ Екатериной. Въ декабрѣ 1796 г. по повелѣнію Павла Петровича она должна была уѣхать изъ Москвы и до весны 1798 г., когда получила разрѣшеніе вернуться въ подмосковную, провела въ отдаленной своей деревнѣ Коротовѣ. При Александрѣ I она жила въ столицахъ и въ своемъ Троицкомъ. Послѣдніе годы ея были печальны и унылы. Отношенія съ дочерью и сыномъ были совершенно порваны. Сынъ кн. Дашковой умеръ въ 1807 г., женатымъ, но бездѣтнымъ; дочь свою, Щербинину, она лишила наслѣдства и передала его, вмѣстѣ съ именемъ Дашкова, своему двоюродному племяннику, гр. Ив. Илл. Воронцову, получившему фамилію Воронцова-Дашкова.

Княгиня Дашкова представляетъ весьма замѣтную и весьма оригинальную фигуру среди дѣятелей екатерининскаго царствованія. Едва ли можно указать другую женщину, которая бы въ 18 лѣтъ принимала участіе въ заговорѣ, а 38 лѣтъ была президентомъ двухъ Академій. Всѣмъ, что прославило Дашкову, она обязана своему характеру, своей энергіи и рѣшительности; характеръ господствовалъ у нея и надъ умомъ, во всякомъ случаѣ тоже недюжиннымъ. Ея Записки, любопытныя вообще, особенно интересны какъ произведеніе, рисующее намъ умственный и нравственный обликъ этой далеко не заурядной женщины.

Н. Чечулинъ.

Часть первая

Я родилась въ 1744 г. въ Петербургѣ. Императрица Елизавета уже вернулась къ тому времени изъ Москвы, гдѣ она вѣнчалась на царство. Она держала меня у купели, а моимъ крестнымъ отцомъ былъ великій князь, впослѣдствіи императоръ Петръ III. Оказанной мнѣ императрицей честью я была обязана не столько ея родству съ моимъ дядей, канцлеромъ, женатымъ на двоюродной сестрѣ государыни, сколько ея дружбѣ съ моей матерью, которая съ величайшей готовностью, деликатностью, скажу даже-великодушіемъ снабжала императрицу деньгами въ бытность ея великой княгиней, въ царствованіе императрицы Анны, когда она была очень стѣснена въ средствахъ и нуждалась въ деньгахъ на содержаніе дома и на наряды, которые очень любила.

Я имѣла несчастіе потерять мать на второмъ году жизни и только впослѣдствіи узнала отъ ея друзей и людей хорошо знавшихъ ее и вспоминавшихъ о ней съ восхищеніемъ и благодарностью, насколько она была добродѣтельна, чувствительна и великодушна. Когда меня постигло это несчастіе, я находилась у своей бабушки съ материнской стороны въ одномъ изъ ея богатыхъ имѣній и оставалась у нея до четырехлѣтняго возраста, когда ее съ трудомъ удалось убѣдить привезти меня въ Петербургъ съ цѣлью дать мнѣ надлежащее воспитаніе, а не то, какое я могла получить изъ рукъ добродушной старушки-бабушки. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, канцлеръ, старшій братъ моего отца, совсѣмъ взялъ меня изъ теплыхъ объятій моей доброй ба-

бушки и сталъ воспитывать меня со своей единственной дочерью, впослѣдствіи графиней Строгановой. Общая комната, одни и тѣ же учителя, даже платья изъ одного и того же куска матеріи,—все должно было бы сдѣлать изъ насъ два совершенно одинаковыхъ существа; между тѣмъ трудно было найти людей болѣе различныхъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни (обращаю на это вниманіе тѣхъ людей, которые мнятъ себя свѣдущими въ воспитаніи и измышляютъ собственныя теоріи относительно столь важнаго предмета, имѣющаго рѣшающее значеніе для дальнѣйшей жизни и для счастья людей и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мало ими изслѣдованнаго, можетъ быть, вслѣдствіе того, что всѣ его многочисленныя развѣтвленія не могутъ быть восприняты во всемъ своемъ объемѣ однимъ умомъ).

Не буду говорить о моей фамиліи; ея старинное происхожденіе и выдающіяся заслуги моихъ предковъ такъ прославили имя графовъ Воронцовыхъ, что имъ могли бы гордиться даже люди, гораздо болѣе меня придающіе значенія знатности рода.

Мой отецъ, графъ Романъ, младшій братъ канцлера, былъ молодъ, любилъ жизнь, вслѣдствіе чего мало занимался нами, своими дѣтьми, и былъ очень радъ, когда мой дядя, изъ дружбы къ нему и изъ чувства благодарности къ моей покойной матери, взялся за мое воспитаніе. Мои двѣ старшія сестры [1]), находились подъ покровительствомъ императрицы и, будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ назначены фрейлинами, жили при дворѣ. Въ родительскомъ домѣ оставался только мой старшій братъ, Александръ, и я только его одного знала съ дѣтства; мы съ нимъ часто видѣлись и между нами съ ранняго возраста возникла привязанность, которая съ годами превратилась въ неослабное взаимное довѣріе и вѣрную дружбу. Мой младшій братъ жилъ у дѣдушки въ деревнѣ и по возвращеніи его въ го-

[1]) Марія, въ замужествѣ графиня Бутурлина, и Елизавета, впослѣдствіи Полянская.

родъ я его рѣдко видѣла, такъ же какъ и моихъ сестеръ. Я останавливаюсь на этомъ, потому что эти обстоятельства оказали вліяніе на мой характеръ.

Мой дядя не жалѣлъ денегъ на учителей, и мы—по своему времени—получили превосходное образованіе: мы говорили на четырехъ языкахъ и въ особенности владѣли отлично французскимъ; хорошо танцовали, умѣли рисовать; нѣкій статскій совѣтникъ преподавалъ намъ итальянскій языкъ, а когда мы изъявили желаніе брать уроки русскаго языка, съ нами занимался Бехтеевъ; у насъ были изысканныя и любезныя манеры, и потому не мудрено было, что мы слыли за отлично воспитанныхъ дѣвицъ. Но что же было сдѣлано для развитія нашего ума и сердца? Ровно ничего. Дядя былъ слишкомъ занятъ и у него не хватало на это времени, а у тетки не было къ тому ни способностей, ни призванія: ея характеръ представлялъ изъ себя странное сочетаніе гордости съ необыкновенной чувствительностью и мягкостью сердца.

Только благодаря случайности — кори, которою я заболѣла,—мое воспитаніе было закончено надлежащимъ образомъ и сдѣлало изъ меня ту женщину, которою я стала впослѣдствіи. Съ ранняго дѣтства я жаждала любви окружающихъ меня людей и хотѣла заинтересовать собой моихъ близкихъ, но когда, въ возрастѣ тринадцати лѣтъ, мнѣ стало казаться, что мечта моя не осуществляется, мною владѣло чувство одиночества. Къ тому времени былъ изданъ указъ, въ силу котораго воспрещались всякія сношенія съ дворомъ тѣмъ семействамъ, въ средѣ которыхъ появлялись прилипчивыя болѣзни, въ родѣ оспы, кори и т. п., изъ опасенія, чтобы великій князь Павелъ, впослѣдствіи императоръ Павелъ I, ими не заразился. При первыхъ же признакахъ кори меня отправили въ деревню, за 17 верстъ отъ Петербурга. Кромѣ моихъ горничныхъ меня сопровождали одна нѣмка и жена одного маіора; но я ихъ не любила и общеніе съ ними не удовлетворяло моего чувствительнаго любящаго сердца и тѣхъ понятій о счастіи, которыя я

соединяла съ присутствіемъ родныхъ и нѣжныхъ друзей. Болѣзнь моя пала главнымъ образомъ на глаза и лишила меня возможности заниматься чтеніемъ, къ которому я пристрастилась.

Глубокая меланхолія, размышленія надъ собой и надъ близкими мнѣ людьми измѣнили мой живой, веселый и даже насмѣшливый умъ. Я стала прилежной, серьезной, говорила мало, всегда обдуманно. Когда мои глаза выздоровѣли, я отдалась чтенію. Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескьё, Вольтеръ и Буало. Я начала сознавать, что одиночество не всегда бываетъ тягостно, и силилась пріобрѣсти всѣ преимущества, даруемыя мужествомъ, твердостью и душевнымъ спокойствіемъ. Мой братъ Александръ уѣхалъ въ Парижъ еще до моего возвращенія въ городъ. Съ его отъѣздомъ я лишилась человѣка, который своею нѣжностью могъ бы залечить раны, нанесенныя моему сердцу окружавшимъ меня равнодушіемъ. Я была довольна и покойна только, когда погружалась въ чтеніе или занималась музыкой, развлекавшей и умилявшей меня; когда же я выходила изъ своей комнаты, я всегда грустила; иногда я просиживала за чтеніемъ цѣлыя ночи напролетъ, что въ связи съ моимъ настроеніемъ придавало мнѣ болѣзненный видъ, обезпокоившій не только моего почтеннаго дядюшку, но и императрицу Елизавету. По ея приказанію меня сталъ лечить ея лейбъ-медикъ Бургавъ. Внимательно осмотрѣвъ меня, онъ объявилъ, что физическое мое состояніе не оставляетъ желать ничего лучшаго, а что болѣзненныя явленія, встревожившія моихъ друзей, вызваны какой-нибудь сердечной заботой, вслѣдствіе чего меня стали осаждать вопросами, не коренившимися однако въ любви или дѣйствительной заботѣ обо мнѣ. Потому-то я и не дала на нихъ искренняго отвѣта, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось бы признаться въ своей гордости, уязвленномъ самолюбіи и раскрыть принятое мною самонадѣянное рѣшеніе собственными силами добиться всего, что было мнѣ доступно— можетъ быть, то, что я сказала бы, было бы принято за

упрекъ. Я и рѣшила не открывать поглощавшей меня тайны и объявила, что мой болѣзненный видъ происходитъ исключительно отъ головныхъ болей и разстроенныхъ нервовъ. Тѣмъ временемъ умъ мой зрѣлъ и укрѣплялся. На слѣдующій годъ, перечитывая книгу «О разумѣ» Гельвеція, я пришла къ заключенію, что если бы не было второго тома этой книги, болѣе приспособленнаго къ пониманію большинства людей, и если бы ея теорія не была принаровлена къ состоянію вещей и человѣческаго ума, свойственному массамъ, то она могла бы нарушить гармонію и порвать цѣпь, связующую всѣ столь разнородныя части, составляющія государственность. Я потому останавливаюсь на этихъ мысляхъ, что онѣ доставили мнѣ впослѣдствіи не мало истинныхъ наслажденій.

Шуваловъ, фаворитъ императрицы Елизаветы, желая прослыть меценатомъ, выписывалъ изъ Франціи всѣ вновь появлявшіяся книги. Онъ оказывалъ особенное вниманіе иностранцамъ; отъ нихъ онъ узналъ о моей любви къ чтенію; ему были переданы и нѣкоторыя высказанныя мною мысли и замѣчанія, которыя ему такъ понравились, что онъ предложилъ снабжать меня всѣми литературными новинками. Я особенно оцѣнила его любезность на слѣдующій годъ, когда я вышла замужъ и мы переѣхали въ Москву, гдѣ въ книжныхъ лавкахъ можно было найти только старыя, извѣстныя сочиненія, къ тому же уже входившія въ составъ моей библіотеки, заключавшей въ себѣ къ тому времени 900 томовъ. Въ этомъ году я купила Энциклопедію и словарь Морери. Никогда драгоцѣнное ожерелье не доставляло мнѣ больше наслажденія, чѣмъ эти книги; всѣ мои карманныя деньги уходили на покупку книгъ. Иностранные артисты, литераторы и министры всевозможныхъ иностранныхъ дворовъ, находившіеся въ Петербургѣ и посѣщавшіе постоянно моего дядю, должны были платить дань моей безжалостной любознательности. Я разспрашивала ихъ объ ихъ странахъ, законахъ, образахъ правленія; я сравнивала ихъ страны съ моей родиной и во мнѣ про-

будилось горячее желаніе путешествовать; но я думала, что у меня никогда не хватитъ на это мужества, и полагала, что моя чувствительность и раздражительность моихъ нервовъ не вынесутъ бремени болѣзненныхъ ощущеній, уязвленнаго самолюбія и глубокой печали любящаго свою родину сердца. Я думала, что достигла уже всего, и если бы кто-нибудь могъ бы тогда предсказать мнѣ страданія, ожидавшія меня, я бы положила конецъ своему существованію: у меня уже появлялось предчувствіе, подсказывавшее мнѣ, что я буду несчастна. Нѣжность, которую я питала къ брату моему, графу Александру, побуждала меня писать ему часто и аккуратно. Я писала ему два раза въ мѣсяцъ и сообщала ему городскія, дворцовыя и военныя новости. Этой перепискѣ я обязана сжатымъ и образнымъ слогомъ. Мнѣ хотѣлось заинтересовать его и сдѣлать ему удовольствіе, и худо ли, хорошо ли я пишу, своимъ слогомъ я обязана этимъ дневникамъ, которые я писала для горячо любимаго брата.

Въ ту же зиму великій князь, впослѣдствіи императоръ Петръ III, и великая княгиня, справедливо названная Екатериной Великой, пріѣхали къ намъ провести вечеръ и поужинать. Иностранцы обрисовали меня ей съ большимъ пристрастіемъ; она была убѣждена, что я все свое время посвящаю чтенію и занятіямъ, что и привлекло мнѣ ея уваженіе, оказавшее столь большое вліяніе на всю мою жизнь и вознесшее меня на такой пьедесталъ, о которомъ я никогда не смѣла и мечтать. Я смѣло могу утверждать, что кромѣ меня и великой княгини въ то время не было женщинъ, занимавшихся серьезнымъ чтеніемъ. Мы почувствовали взаимное влеченіе другъ къ другу, а очарованіе, исходившее отъ нея, въ особенности когда она хотѣла привлечь къ себѣ кого-нибудь, было слишкомъ могущественно, чтобы подростокъ, которому не было и 15 лѣтъ, могъ ему противиться, и я навсегда отдала ей свое сердце; однако она имѣла въ немъ сильнаго соперника, въ лицѣ князя Дашкова, съ которымъ я была обручена; но вскорѣ

и онъ проникся моимъ образомъ мыслей, и между ними исчезло всякое соперничество.—Великая княгиня осыпала меня своими милостями и плѣнила меня своимъ разговоромъ. Возвышенность ея мыслей, знанія, которыми она обладала, запечатлѣли ея образъ въ моемъ сердцѣ и въ моемъ умѣ, снабдившемъ ее всѣми аттрибутами, присущими богато одареннымъ природой натурамъ. Этотъ длинный вечеръ, въ теченіе котораго она говорила почти исключительно со мной одной, промелькнулъ для меня какъ одна минута. Онъ и сталъ первоначальной причиной многихъ событій, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Однако мнѣ надо въ своемъ повѣствованіи вернуться къ іюлю и августу мѣсяцу, предшествовавшимъ этому вечеру. Мой дядя, его жена и дочь жили съ императрицей въ Петергофѣ и въ Царскомъ Селѣ; легкое нездоровье и любовь къ чтенію и покойной жизни задержали меня въ городѣ; я изрѣдка ѣздила въ итальянскую оперу и бывала только въ двухъ домахъ: у княгини Голицыной, которая очень любила меня, также какъ и ея мужъ, 65-тилѣтній старикъ, человѣкъ очень интересный, и у госпожи Самариной, мужъ которой принадлежалъ къ числу приближенныхъ моего дяди и бывалъ у насъ положительно каждый день. Госпожа Самарина была какъ-то больна, и я пошла провести съ нею вечеръ и поужинать у нея, вслѣдствіе чего я отправила свою карету, приказавъ кучеру пріѣхать за мной къ одиннадцати часамъ вмѣстѣ съ моей горничной. Вечеръ былъ чудесный, и сестра госпожи Самариной предложила мнѣ отправить мою карету впередъ и пройтись съ ней пѣшкомъ до конца малолюдной улицы. Я согласилась, тѣмъ болѣе, что мнѣ необходимъ былъ моціонъ. Не успѣли мы пройти и нѣсколькихъ шаговъ, какъ изъ боковой улицы вышелъ намъ навстрѣчу человѣкъ, показавшійся мнѣ великаномъ. Меня это поразило, и когда онъ былъ въ двухъ шагахъ отъ насъ, я спросила свою спутницу, кто это такой. Она назвала князя Дашкова. Я его никогда еще не видала. Будучи знакомъ съ Самари-

ными, онъ вступилъ съ ней въ разговоръ и пошелъ рядомъ съ нами, изрѣдка обращаясь ко мнѣ съ какой-то застѣнчивой учтивостью, чрезвычайно понравившейся мнѣ. Впослѣдствіи я не прочь была приписывать эту встрѣчу и благопріятное впечатлѣніе, которое мы произвели другъ на друга, особому соизволенію Промысла Божія, котораго мы не могли избѣгнуть; такъ какъ если бы я слышала когда-нибудь его имя въ домѣ моего дяди, куда онъ не имѣлъ доступа, мнѣ пришлось бы одновременно услышать и неблагопріятные для него отзывы и узнать подробности одной интриги, которая разрушила бы всякіе помыслы о бракѣ съ нимъ. Я не знала, что онъ слышалъ и что ему было извѣстно обо мнѣ до этой встрѣчи; но несомнѣнно, его связь съ очень близкой моей родственницей, которую я не могу назвать, и его виновность передъ ней должны были отнять у него всякую мысль, всякое желаніе и всякую надежду на соединеніе со мной. Словомъ, мы не были знакомы другъ съ другомъ, и, казалось, бракъ между нами не могъ бы никогда состояться; но Небо рѣшило иначе. Не было той силы, которая могла бы помѣшать намъ отдать другъ другу наши сердца и наша семья не поставила никакихъ препятствій нашему браку, а его мать, очень желавшая женить сына и тщетно и непрестанно умолявшая его выбрать жену, была внѣ себя отъ радости, когда узнала о принятомъ имъ рѣшеніи вступить въ бракъ. Хотя онъ и отвергъ невѣсту, намѣченную ею для него, она осталась довольна его выборомъ и тѣмъ, что онъ породнится съ нашей семьей. Какъ только князь убѣдился, что можетъ найти счастіе только въ бракѣ со мной, онъ, заручившись отъ меня согласіемъ поговорить объ этомъ съ моими родителями, попросилъ князя Голицына просить руки у моего отца и дяди въ первый же разъ, какъ онъ будетъ въ Петергофѣ, и просить ихъ держать это обстоятельство въ тайнѣ до возвращенія его изъ Москвы, куда онъ отправился, чтобы испросить разрѣшеніе и благословеніе своей матери на нашъ бракъ.

До отъѣзда князя, Ея Величество пріѣхала однажды въ итальянскую оперу въ свою закрытую ложу, находившуюся рядомъ съ нашей. Ее сопровождали только мой дядя и Шуваловъ, и такъ какъ она намѣревалась ужинать послѣ оперы у моего дяди, я осталась дома, чтобы принять ее; князь былъ со мной. Императрица отнеслась съ большой добротой ко мнѣ и къ моему жениху и, какъ настоящая крестная мать, вызвавъ насъ въ сосѣднюю комнату, объявила, что знаетъ нашу тайну, похвалила сыновнее почтеніе и повиновеніе князя своей матери, пожелала намъ счастья, увѣряя насъ, что будетъ всегда принимать участіе въ нашей судьбѣ, и въ заключеніе сказала князю, что велитъ Бутурлину дать ему шестимѣсячный отпускъ для его путешествія. Доброта и очаровательная нѣжность, которыми Ея Величество насъ осчастливила, до того умилили меня, что мое волненіе стало очевиднымъ и своей интенсивностью не могло не отозваться вредно на мнѣ. Императрица ласково потрепала меня по плечу и сказала:

— Успокойтесь, дитя мое; а то, пожалуй, подумаютъ, что я васъ бранила.

Я никогда не забыла этой сцены, еще сильнѣе привязавшей меня къ государынѣ, обнаружившей такое доброе сердце.

По возвращеніи своемъ изъ Москвы князь представился всей моей семьѣ, но свадьба наша была отложена до февраля вслѣдствіе тяжелой и опасной болѣзни моей тетки, жены канцлера; но и къ этому новому сроку моя тетка еще лежала въ постели, вслѣдствіе рецидива; поэтому наша свадьба была отпразднована безъ малѣйшаго блеска и намъ удалось уѣхать въ Москву только въ началѣ мая, когда здоровье моей тетки не внушало уже никакихъ опасеній. Передо мной открылся новый міръ, новая жизнь, которая меня пугала тѣмъ болѣе, что она ничѣмъ не походила на все то, къ чему я привыкла. Меня смущало и то обстоятельство, что я довольно плохо изъяснялась по-русски, а моя свекровь не знала ни одного иностраннаго языка. Ея

родня состояла все изъ стариковъ и старушекъ, которые относились ко мнѣ очень снисходительно, вслѣдствіе того, что мой мужъ былъ ихъ общимъ любимцемъ и всѣ они сильно желали, чтобы онъ женился, такъ какъ онъ былъ послѣдній князь Дашковъ; но я все-таки чувствовала, что они желали бы видѣть во мнѣ москвичку и считали меня почти чужестранкой. Я рѣшила заняться русскимъ языкомъ и вскорѣ сдѣлала большіе успѣхи, вызвавшіе единодушное одобреніе со стороны моихъ почтенныхъ родныхъ, въ отношеніи которыхъ я проявила до конца ихъ жизни нѣжную и почтительную заботливость, завоевавшую ихъ искреннюю дружбу, не ослабѣвшую даже послѣ смерти моего мужа, когда всякая другая женщина, 20-ти лѣтъ, могла бы считать соединявшія насъ родственныя узы расторгнутыми.

На слѣдующій годъ, 21-го февраля, я родила дочь; въ маѣ мѣсяцѣ мы уѣхали съ свекровью въ Троицкое. Въ обществѣ моего клавесина и моей библіотеки время для меня быстро летитъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ мы съ мужемъ посѣтили его орловскія помѣстья. Я была снова беременна, но дорогой князь окружилъ меня такимъ заботливымъ попеченіемъ, что это путешествіе не принесло мнѣ никакого вреда. Когда мы вернулись въ Москву, отпускъ моего мужа приходилъ къ концу и мы написали моему отцу, чтобы онъ испросилъ намъ разрѣшеніе его продлить. Императрица Елизавета была слаба и часто болѣла и ея приближенные стали ухаживать за наслѣдникомъ; кажется, это и доставило великому князю болѣе прямое командованіе лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ, въ которомъ онъ числился подполковникомъ; мой мужъ былъ штабсъ-капитаномъ въ томъ же полку, такъ что пришлось испрашивать у великаго князя продленіе отпуска еще на пять мѣсяцевъ, дабы я могла оправиться послѣ родовъ. Великій князь, можетъ быть, думая сдѣлать любезность, объявилъ, что не разрѣшитъ отпуска, если князь не пріѣдетъ на двѣ недѣли въ Петербургъ. Мой отецъ настаивалъ на томъ, чтобы мой мужъ пріѣхалъ, увѣряя его, что великій князь настроенъ

очень дружественно. Я была безутѣшна и мысль о разлукѣ съ мужемъ меня такъ печалила, что я не могла даже наслаждаться его присутствіемъ, пока онъ былъ еще со мной, и съ грустью думала о горестной разлукѣ и печальномъ прощаніи. Такое состояніе духа отразилось на моемъ здоровьѣ, и когда, наконецъ, мой мужъ уѣхалъ 8-го января, я была такъ огорчена, что у меня сдѣлался жаръ, который скорѣй гнѣздился въ моихъ нервахъ и моемъ мозгу, чѣмъ въ крови; кажется, благодаря тому, что я упорно отказывалась принимать лекарства, предписанныя мнѣ докторами, черезъ нѣсколько дней у меня все прошло. Я много плакала и этимъ облегчила свое стѣсненное сердце и натянутые нервы и благодаря наступившей большой слабости и нѣжнымъ попеченіямъ моей младшей золовки я отложила въ сторону свое перо, которымъ собиралась писать день и ночь своему мужу. Не надо забывать, что мнѣ было всего 17 лѣтъ и что я страстно любила своего мужа.—Ихъ императорскія высочества были очень милостивы къ нему и приглашали его принимать участіе въ катаньи на саняхъ, въ Оранiенбаумѣ, благодаря которому онъ простудился и схватилъ ангину. Но, зная, что его мать и жена будутъ сильно безпокоиться, если онъ не пріѣдетъ въ назначенный день, онъ выѣхалъ изъ Петербурга съ больнымъ горломъ. Во время путешествія онъ выходилъ изъ экипажа только для того, чтобы смочить горло чаемъ. Подъѣзжая къ московской заставѣ, онъ почувствовалъ, что потерялъ голосъ и не можетъ выговорить ни слова; зная, что его появленіе въ такомъ видѣ среди насъ могло бы повлечь за собой тяжелыя послѣдствія, такъ какъ его мать и жена теряли головы при малѣйшемъ его нездоровьи, онъ знакомъ объяснилъ своему лакею, что онъ желаетъ сперва поѣхать къ своей теткѣ Новосильцевой, чтобы прополоскать горло, дабы имѣть возможность сказать хоть нѣсколько словъ, пріѣхавъ къ намъ; но моя тетка, видя его совершенно больнымъ, заставила его лечь въ постель и послала за докторомъ. Чтобы не возбуждать нашихъ подозрѣній, рѣшили задержать почтовыхъ лошадей, чтобы

на слѣдующій день пріѣхать къ намъ, какъ бы прямо изъ Петербурга; докторъ нашелъ, что князь начинаетъ потѣть, и велѣлъ ему оставаться въ постели до утра. Это было 1-го февраля, и хотя морозъ не былъ великъ, но безопаснѣе было не подвергать больного риску новой простуды. Однако то, что произошло у насъ послѣ пріѣзда князя, могло бы имѣть роковыя послѣдствія. Моя горничная, которая была моихъ лѣтъ и очень легкомысленна, знала, что у меня начались уже родовыя боли; моя свекровь и ея сестра, княгиня Гагарина, присутствовавшая при первыхъ моихъ родахъ, уже нѣсколько часовъ находились въ моей комнатѣ, вмѣстѣ съ акушеркой. Несмотря на это, воспользовавшись тѣмъ, что я вышла на минуту въ другую комнату, она объявила мнѣ, что мужъ мой пріѣхалъ. Я испустила крикъ, который, къ счастью, не былъ услышанъ моей свекровью, бывшей въ сосѣдней комнатѣ. Горничная стала умолять меня держать это въ тайнѣ, такъ какъ князь запретилъ объявлять намъ о своемъ прибытіи, такъ какъ, пріѣхавъ въ Москву, онъ остановился у своей тетки. Надо себѣ представить семнадцатилѣтнюю безумно влюбленную женщину, съ горячей головой, которая не понимала другого счастья какъ любить и быть любимою, и на богатства и знатность смотрѣла какъ на ненужное и тяжелое бремя, отягчавшее ея счастье и спокойствіе, чтобы вообразить, какое дѣйствіе произвели на меня необдуманныя слова моей горничной. Я собралась съ силами и съ самымъ спокойнымъ видомъ вернулась къ княгинѣ-матери и объявила, что болей у меня нѣтъ и что я приняла желудочныя колики за родовыя схватки, и что по всей вѣроятности роды будутъ продолжаться не менѣе двадцати часовъ, какъ и въ первый разъ; вслѣдствіе чего я и попросила ихъ удалиться къ себѣ, обѣщая, что, когда настанутъ настоящія боли, я позволю себѣ обезпокоить ихъ и пригласить къ себѣ. Когда онѣ ушли, я спросила акушерку, не желаетъ ли она за мной слѣдовать. Она вытаращила глаза и, сомнѣваясь въ моемъ здравомъ разсудкѣ, объяснила на своемъ

силезскомъ нарѣчіи, что она не намѣрена поощрять безумнаго поступка, не желая отвѣчать передъ Богомъ за смерть невиннаго ребенка, такъ какъ она увѣрена, что я рожу черезъ нѣсколько часовъ. Въ отчаяніи отъ ея отказа, я съ волненіемъ разсказала ей, что хочу пойти въ сосѣднюю улицу навѣстить мужа, который должно быть боленъ или раненъ, потому что не пріѣхалъ прямо домой, и что въ случаѣ ея отказа я пойду одна, причемъ прибавила, что придется идти пѣшкомъ.

– Господи,—воскликнула она,—это еще хуже!

— Ничего не подѣлаешь,—отвѣтила я,—окна спальни моей свекрови выходятъ во дворъ и она услышала бы шумъ, если бы я велѣла заложить сани, испугалась бы до смерти и кромѣ того не выпустила бы меня.

Наконецъ акушерка сжалилась надо мной и я вышла, поддерживаемая ею и старикомъ-лакеемъ, всегда читавшимъ вслухъ моей свекрови молитвы. Не успѣла я сойти двѣ или три ступеньки, какъ боли возобновились; тогда акушерка хотѣла заставить меня снова подняться въ свою комнату, но я вытянула ноги и, наваливаясь на нее всей тяжестью своего тѣла, старалась спуститься внизъ. Наконецъ мы съ остановками сошли съ лѣстницы и вышли на улицу; по дорогѣ къ дому нашей тетки схватки возобновлялись пять разъ.

Не понимаю, какъ я могла подняться по лѣстницѣ ея дома; очевидно, Господу Богу было угодно, чтобы я вынесла эту муку.

Войдя въ комнату, гдѣ находился мой мужъ, и увидѣвъ его смертельную блѣдность, я упала въ обморокъ; меня безъ сознанія вынесли изъ дома, уложили на сани, на которыя положили матрацъ, привезли къ нашему дому и безшумно вынесли меня изъ саней, чтобы моя свекровь ничего не слыхала. Акушерка, мой добрый старикъ и трое лакеевъ снесли меня въ спальню, гдѣ я пришла въ сознаніе вслѣдствіе жестокихъ схватокъ. Я послала за свекровью, которая приказала себя разбудить въ случаѣ надобности.

Было одиннадцать часовъ вечера, когда княгиня-мать и ея сестра пришли ко мнѣ. Не прошло и часу, какъ я родила сына Михаила. Когда моя свекровь на минуту отошла отъ меня, я велѣла своей горничной послать старика къ мужу, чтобы возвѣстить ему, что я благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Впослѣдствіи князь приводилъ меня въ ужасъ своимъ разсказомъ о моемъ появленіи у его постели въ сопровожденіи акушерки и старика, и о моемъ обморокѣ. Будучи увѣренъ, что никто у насъ въ домѣ не знаетъ о его прибытіи, онъ сильно разсердился, увидавъ, что тайна не была соблюдена; узнавъ, что роды уже начались, онъ пришелъ въ ужасъ и хотѣлъ выскочить изъ постели; моя тетка бѣгала по комнатѣ, ломая себѣ руки, и только когда она ему сказала, что его мать спитъ и не знаетъ о происшедшемъ, ей удалось уговорить его лечь опять въ постель; когда же пришелъ старикъ, онъ снова бросился вонъ изъ постели, но вскорѣ его отчаяніе смѣнилось безумной радостью: онъ цѣловалъ старика-лакея, одарилъ его деньгами и, отказавшись лечь въ постель, велѣлъ немедленно же позвать священника и отслужить благодарственный молебенъ, такъ что, благодаря моей выходкѣ, моя тетка и весь ея домъ были всю ночь на ногахъ.

Въ шесть часовъ утра, когда его мать обыкновенно ѣздила къ ранней обѣднѣ, онъ велѣлъ заложить почтовыхъ лошадей и пріѣхалъ домой. Свекровь увидѣла его карету въѣзжающей во дворъ, вышла встрѣтить его на лѣстницу, но, увидѣвъ его блѣдное лицо и горло закутанное платками, бросилась внизъ, и если бы мой мужъ со свойственной ему ловкостью и силой не успѣлъ подхватить ее во-время, произошла бы еще одна трагическая сцена. Словомъ, чрезмѣрная любовь къ нему его жены и матери не мало измучили его за эти два дня. Онъ понесъ свою мать не въ ея комнату, а на нашу половину, и такимъ образомъ онъ могъ сразу пройти ко мнѣ. Наша радость, удвоенная пережитыми страхами, подкрѣпила наши силы; княгиня-мать, желая

сохранить приличія[1]), велѣла поставить кровать моего мужа въ его уборную, смежную съ моей спальней, и мы съ мужемъ испытывали муки Тантала: не могли ни видѣть другъ друга, ни разговаривать. Я чувствовала, что мужу моему было удобнѣе въ отдѣльной комнатѣ; сама же я была слишкомъ слаба, чтобы встать и пойти къ нему украдкой, такъ что мнѣ оставалось только плакать. Но вскорѣ мы придумали средство сообщаться. Свекровь приставила ко мнѣ старушку горничную, которая сидѣла со мной по ночамъ; она служила намъ Меркуріемъ; какъ только свекровь уходила спать, мы писали другъ другу самыя нѣжныя записки, старушка носила ихъ; ночью, когда мой мужъ спалъ, я писала ему еще съ тѣмъ, чтобы онъ утромъ просыпаясь могъ получить письмо отъ меня изъ рукъ нашего услужливаго Меркурія. Это занятіе, внушенное безграничной нѣжностью, холоднымъ разсудительнымъ людямъ, которыхъ я въ свою очередь назову безсердечными, пожалуй покажется ребячествомъ—а у меня отъ постоянныхъ слезъ и писанія по вечерамъ стали болѣть глаза. Теперь, когда прошло уже сорокъ печальныхъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, что я потеряла обожаемаго мужа, я радуюсь тому, что поддалась этому ребяческому влеченію. Мой Меркурій, очевидно опасаясь за мои глаза, на третій день выдалъ меня свекрови, которая побранила меня и даже погрозила, но уже значительно смягчившись, отнять у меня перо и бумагу. Къ счастію для насъ всѣхъ нарывъ въ горлѣ князя лопнулъ, лихорадка спала и онъ могъ сидѣть возлѣ меня. Мое выздоровленіе затянулось, но когда мнѣ удалось набраться хоть немного силъ, мои 17 лѣтъ быстро возстановили мое здоровье.

Мы не поѣхали въ деревню, такъ какъ должны были отправиться въ Петербургъ; я была рада повидаться съ родными и очутиться въ прежней обстановкѣ, съ дѣтства

---

[1]) Согласно установившемуся обычаю, родные и друзья приносили поздравленія роженицѣ.

мнѣ знакомой и столь различной отъ склада московской жизни, когда я часто становилась втупикъ передъ нѣкоторыми странными обычаями, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться во многихъ домахъ: все такъ отличалось отъ того, какъ дѣлалось въ домѣ моего дяди—а домъ моего дяди представлялъ изъ себя дѣйствительно княжескій дворецъ въ самомъ изысканномъ европейскомъ вкусѣ,—что часто я была въ большомъ затрудненіи.

Мы должны были выѣхать 10-го іюня, но различныя дѣла и просьбы моей свекрови задержали насъ, такъ что мы пріѣхали въ Петербургъ только 28-го іюня. Этотъ же день, годъ спустя, былъ самымъ славнымъ и достопамятнымъ днемъ для моей родины. И въ этотъ разъ онъ мнѣ показался сладостнымъ и счастливымъ; я съ любопытствомъ смотрѣла въ окно; Петербургъ мнѣ показался великолѣпнымъ и я надѣялась встрѣтить на улицѣ кого-нибудь изъ родныхъ; когда мы пріѣхали въ домъ, снятый моимъ мужемъ, я была какъ въ лихорадкѣ. Водворивъ свою дочь въ сосѣдней со мной комнатѣ, я отправилась къ отцу и къ дядѣ, но ни того, ни другого не застала дома.

На слѣдующій день отецъ объявилъ мнѣ, что, по приказанію императрицы, всѣ офицеры Преображенскаго полка съ женами, которые получили приглашеніе отъ ихъ императорскихъ высочествъ, должны были ѣхать въ Ораніенбаумъ. Мы съ мужемъ были въ ихъ числѣ. Мнѣ непріятно было подвергаться стѣсненіямъ придворной жизни и не хотѣлось разставаться съ дочерью. Тогда мой отецъ предложилъ намъ поселиться въ его домѣ, находившемся на полъ-пути между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, и я успокоилась. Вскорѣ мы переселились на новую квартиру и на слѣдующій же день поѣхали ко двору ихъ высочествъ.

Великій князь сказалъ мнѣ: «Если вы не хотите здѣсь жить, вы должны пріѣзжать каждый день, и я желаю, чтобы вы были больше со мной, чѣмъ съ великой княгиней». Я ничего не отвѣтила и рѣшила подъ всевозможными пред-

логами не ѣздить каждый день въ Ораніенбаумъ, а при своихъ посѣщеніяхъ пользоваться, насколько возможно, обществомъ великой княгини, которая оказывала мнѣ такое вниманіе, какимъ она не удостаивала ни одну изъ дамъ, жившихъ въ Ораніенбаумѣ.

Великій князь вскорѣ замѣтилъ дружбу ко мнѣ его супруги и то удовольствіе, которое мнѣ доставляло ея общество; однажды онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ слѣдующую странную фразу, которая обнаруживаетъ простоту его ума и доброе сердце:

- Дочь моя [1]), помните, что благоразумнѣе и безопаснѣе имѣть дѣло съ такими простяками, какъ мы, чѣмъ съ великими умами, которые, выжавъ весь сокъ изъ лимона, выбрасываютъ его вонъ [2]).

Я отвѣтила, что не понимаю смысла его словъ, и напомнила ему, что его августѣйшая тетка, императрица Елизавета, приказала намъ посѣщать и дворъ ея высочества. Я должна отдать справедливость моей сестрѣ, графинѣ Елизаветѣ, что она не требовала, чтобы я посвящала ей свое время. Она меня ничѣмъ не стѣсняла, а великій князь съ того времени вывелъ заключеніе, какъ мнѣ пришлось убѣдиться, что я просто дурочка. Все-таки мнѣ часто не удавалось уклониться отъ праздниковъ, которые великій князь задавалъ въ лагеряхъ; его высочество и его генералы сильно курили, но дымъ насъ не безпокоилъ, такъ какъ порывы вѣтра уносили его изъ палатки [3]). Эти празднества заканчивались обыкновенно баломъ и ужи-

---

[1]) Онъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ.

[2]) Я часто вспоминала эти слова впослѣдствіи и благодаря случайности узнала, изъ какого источника они исходили и кто ихъ подсказалъ моему крестному отцу.

[3]) Эти гольштинскіе генералы набирались большею частью изъ прусскихъ унтеръ-офицеровъ или нѣмецкихъ сапожниковъ, покинувшихъ родительскіе дома. Кажется, никогда въ Россіи не бывало генераловъ менѣе достойныхъ своего чина, за исключеніемъ развѣ гатчинскихъ генераловъ Павла I.

номъ въ «зеленой» залѣ, стѣны которой были убраны еловыми и сосновыми вѣтвями. Въ лагерѣ и на праздникахъ, задаваемыхъ великимъ княземъ, говорили преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, а тѣ, кто имъ не владѣлъ, должны были знать по крайней мѣрѣ имена и общеупотребительныя выраженія, чтобы не стать предметомъ насмѣшекъ. Когда праздникъ происходилъ въ имѣніи, принадлежавшемъ великому князю, гдѣ домъ былъ невеликъ и не вмѣщалъ много народу, общество не было такъ многочисленно; послѣ чаю и пунша играли въ камни, довольно безсмысленную игру, которую великій князь однако очень любилъ. Какъ это времяпрепровожденіе отличалось отъ тѣхъ часовъ, которые мы проводили у великой княгини, гдѣ царили приличіе, тонкій вкусъ и умъ! Ея императорское высочество относилась ко мнѣ съ возрастающимъ дружелюбіемъ; зато и мы съ мужемъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе привязывались къ этой женщинѣ, столь выдающейся по своему уму, по своимъ познаніямъ и по величію и смѣлости своихъ мыслей. Ей разрѣшалось одинъ разъ въ недѣлю ѣздить въ Петербургъ, гдѣ жила въ то время императрица, на свиданіе со своимъ сыномъ, великимъ княземъ Павломъ[1]).—Въ тѣ дни, когда она знала, что я не нахожусь въ Ораніенбаумѣ, она на обратномъ пути изъ Петергофа останавливалась у нашего дома, приглашала меня въ свою карету и увозила къ себѣ; я съ нею проводила остатокъ вечера. Въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама не ѣздила въ Ораніенбаумъ, она меня извѣщала объ этомъ письмомъ, и такимъ образомъ между великой княгиней и мной завязалась переписка и установились довѣрчивыя отношенія, составлявшія мое счастье, такъ какъ я была такъ привязана къ ней, что, за исключеніемъ мужа, пожертвовала бы ей рѣшительно всѣмъ.

---

[1]) Великій князь проявлялъ по отношенію къ сыну полное равнодушіе и никогда его не посѣщалъ.

Когда настало время вернуться въ городъ, порядокъ вещей измѣнился. Я не видѣла больше великой княгини и мы только обмѣнивались довольно частыми записками. Однажды во время большого обѣда на 80 персонъ во дворцѣ, на которомъ присутствовала и великая княгиня, великій князь сталъ говорить про конногвардейца Челищева, у котораго была интрига съ графиней Гендриковой, племянницей императрицы Елизаветы. Подъ вліяніемъ вина и прусской солдатчины, онъ сказалъ, что для примѣра слѣдовало бы отрубить Челищеву голову, чтобы другіе офицеры не смѣли ухаживать за фрейлинами и родственницами государыни. Гольштинскіе приспѣшники не замедлили кивками головы и словами выразить свое одобреніе.

— Ваше императорское высочество,—возразила я,—я никогда не слышала, чтобы взаимная любовь влекла за собой такое деспотическое и страшное наказаніе, какъ смерть избранника сердца!

— Вы еще ребенокъ,—отвѣтилъ великій князь,—и не понимаете, что когда имѣешь слабость не наказывать смертью людей достойныхъ ея, то неминуемо водворяются неповиновеніе и всевозможные безпорядки.

— Ваше высочество,—продолжала я,—вы говорите о предметѣ, внушающемъ всѣмъ присутствующимъ неизъяснимую тревогу, такъ какъ, за исключеніемъ вашихъ почтенныхъ генераловъ, всѣ мы, имѣющіе честь быть вашими гостями, родились въ то время, когда смертная казнь ужъ не примѣнялась.

— Это-то и скверно,—возразилъ великій князь;—отсутствіе смертной казни вызываетъ много безпорядковъ и уничтожаетъ дисциплину и субординацію.

Всѣ молчали кругомъ, и разговоръ шелъ только между нами двумя.

— Повторяю,—добавилъ онъ,—что вы еще ребенокъ и не понимаете подобныхъ вещей.

— Сознаюсь, ваше императорское высочество, что я, дѣйствительно, ничего въ этомъ не понимаю; но я чувствую

и знаю, что ваше высочество забыли, что императрица, ваша августѣйшая тетка, еще жива.

Взоры всѣхъ присутствующихъ устремились на меня. Великій князь въ отвѣтъ показалъ мнѣ языкъ (онъ дѣлалъ это и въ церкви по адресу священниковъ), чему я была очень рада, такъ какъ эта выходка доказывала, что онъ на меня не сердится, и избавляла меня отъ дальнѣйшихъ возраженій.

Такъ какъ среди приглашенныхъ было много гвардейцевъ и офицеровъ, служившихъ въ кадетскомъ корпусѣ, надъ которымъ великій князь имѣлъ фиктивную команду, то этотъ разговоръ сталъ вскорѣ извѣстенъ всему Петербургу и вызвалъ всеобщія и преувеличенныя похвалы по моему адресу. На слѣдующій день великая княгиня также отзывалась о немъ самымъ лестнымъ для меня образомъ. Я же не придавала ему никакого значенія, такъ какъ вслѣдствіе моей неопытности и незнанія свѣта и придворной жизни я не понимала еще, насколько опасно было исполнять то, что я считала долгомъ каждаго честнаго человѣка: всегда говорить правду. Я не знала, что то, что̀ мнѣ проститъ самъ государь, царедворцы его никогда не забудутъ. Однако, этому маленькому обстоятельству, въ связи еще съ нѣсколькими другими въ такомъ же родѣ, я обязана тѣмъ, что у меня составилась репутація искренней и твердой патріотки, и благодаря этому нѣкоторые офицеры не колеблясь облекли меня своимъ довѣріемъ.

Болѣзнь императрицы Елизаветы усиливалась съ каждымъ днемъ. Вся моя семья и въ особенности мой дядя, канцлеръ, были погружены въ глубокую печаль, которую я искренно раздѣляла, такъ какъ любила всѣмъ сердцемъ императрицу, мою крестную мать; и кромѣ того, мое пребываніе въ Ораніенбаумѣ открыло мои глаза на то, что ожидало мою родину, когда на престолъ вступитъ государь ограниченный, необразованный, не любившій свой народъ и ставившій себѣ въ заслугу свое подчиненіе прусскому

королю, котораго онъ величалъ въ кругу своихъ друзей своимъ «господиномъ».

Въ половинѣ декабря я заболѣла и пролежала нѣкоторое время въ постели; но, узнавъ, что государынѣ остается всего нѣсколько дней жизни, я 20-го декабря одѣла теплые сапоги, закуталась въ шубу и, выйдя изъ кареты, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревяннаго дворца на Мойкѣ, занимаемаго императрицей и императорской фамиліей, несмотря на свое недомоганіе, пошла пѣшкомъ во дворецъ и взошла по маленькой лѣстницѣ, о существованіи которой я знала черезъ людей ихъ высочествъ, съ цѣлью незамѣтно проникнуть въ столь поздній часъ въ покои великой княгини (было двѣнадцать часовъ ночи). По счастливой случайности первая камеристка ея высочества, Екатерина Ивановна, попалась мнѣ навстрѣчу въ сѣняхъ и такимъ образомъ избавила меня отъ возможныхъ непріятностей, такъ какъ я вовсе не знала внутренняго расположенія дворца и могла легко попасть въ комнаты лакеевъ Петра III, вмѣсто аппартаментовъ его супруги. Я назвала себя и сказала, что мнѣ надо видѣть великую княгиню.

— Она въ постели,—отвѣтила она.

– Все равно,—возразила я,—мнѣ непремѣнно надо съ ней поговорить.

Я съумѣла внушить ей довѣріе и она, впустивъ меня въ пріемную, пошла доложить обо мнѣ ея высочеству. Великая княгиня была крайне удивлена и не хотѣла вѣрить словамъ Екатерины Ивановны, такъ какъ знала, что я больна, и не могла себѣ представить, чтобъ я пришла пѣшкомъ, въ сильный морозъ, и рискнула проникнуть во дворецъ, гдѣ всѣ ходы и выходы были строго охраняемы.

— Впустите ее, ради Бога,—воскликнула она.

Я вошла. Великая княгиня, дѣйствительно, была въ постели; она посадила меня на кровать и отказалась меня слушать, пока я не согрѣю свои ноги.

Когда я немного пришла въ себя и отогрѣлась, она меня спросила:

— Что привело васъ въ такой поздній часъ ко мнѣ, дорогая княгиня, и заставило васъ рисковать вашимъ здоровьемъ, столь драгоцѣннымъ для меня и для вашего супруга?

— Ваше высочество,—отвѣтила я,—я не могла дольше противиться потребности узнать, какими средствами можно разсѣять грозовыя тучи, которыя собираются надъ вашей головой. Ради Бога, довѣрьтесь мнѣ; я заслуживаю вашего довѣрія и надѣюсь стать еще болѣе достойной его. Скажите, какіе у васъ планы? Чѣмъ вы думаете обезпечить свою безопасность? Императрицѣ остается всего нѣсколько дней, можетъ быть—нѣсколько часовъ жизни; могу ли я быть вамъ полезной? скажите мнѣ, что мнѣ дѣлать.

Великая княгиня залилась слезами; она прижала мою руку къ своему сердцу и сказала:

— Я не умѣю вамъ выразить, насколько я вамъ благодарна, моя дорогая княгиня. Повѣрьте мнѣ, что я довѣряю вамъ безгранично и говорю чистѣйшую правду; у меня нѣтъ никакого плана, я не могу ничего предпринять и я хочу и должна мужественно вынести все, что меня ожидаетъ; единственная моя надежда на Бога; предаю себя въ Его руки.

— Въ такомъ случаѣ за васъ должны дѣйствовать ваши друзья,—отвѣтила я,—и я не останусь позади другихъ въ рвеніи и жертвахъ, которыя я готова принести вамъ.

— Ради Бога, княгиня, не подвергайте себя опасности изъ-за меня и не навлекайте на себя несчастій, о которыхъ я буду вѣчно скорбѣть. Да и что можно сдѣлать?

— Пока я, конечно, ничего еще вамъ не могу сказать, но смѣю васъ увѣрить, что я васъ своими дѣйствіями не скомпрометирую, и если и пострадаю, то пострадаю одна и вамъ никогда не придется вспоминать о моей преданности къ вамъ въ связи съ личнымъ горемъ или несчастіемъ.

Великая княгиня хотѣла со мной еще поговорить и предостеречь меня отъ моего рвенія, энтузіазма и неосторожности, неразлучной съ неопытностью моего семнадцатилѣтняго возраста; но я прервала ее и сказала, поцѣловавъ ей руку:

— Я не могу дольше остаться съ вами, не рискуя подвергнуть непріятностямъ насъ обѣихъ.

Она бросилась ко мнѣ на шею, и мы нѣсколько минутъ сидѣли, крѣпко обнявшись. Наконецъ я встала съ ея постели и, оставивъ ее въ сильномъ волненіи, сама едва добрела до своей кареты.

Каково было удивленіе моего мужа, когда, вернувшись домой, онъ не засталъ своей больной жены. Однако, ему пришлось безпокоиться недолго, такъ какъ я пріѣхала тотчасъ же по его возвращеніи. Когда я ему разсказала, гдѣ я была, и сообщила свое твердое рѣшеніе послужить моему отечеству и спасти великую княгиню, онъ меня вполнѣ одобрилъ и похвалилъ выше всякой мѣры, хотя и безпокоился за вліяніе моей ночной прогулки на мое слабое здоровье. Мой мужъ задержался у моего отца и вознаградилъ меня за мою усталость, тревогу и за опасность, которой я подвергалась, передавъ мнѣ часть своего разговора съ нимъ, не оставившаго во мнѣ сомнѣнія въ томъ, что онъ если и не высказывалъ, то во всякомъ случаѣ раздѣлялъ опасенія истинныхъ патріотовъ насчетъ результатовъ воцаренія новаго государя по смерти Елизаветы.

25-го декабря, въ день Рождества Христова, мы имѣли несчастіе потерять императрицу Елизавету. Я могу засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ, что гвардейскіе полки, (изъ нихъ Семеновскій и Измайловскій прошли мимо нашихъ оконъ), идя во дворецъ присягать новому императору, были печальны, подавлены и не имѣли радостнаго вида, (какъ то утверждаютъ нѣкоторые авторы мемуаровъ о Россіи, записывавшихъ только то, что соотвѣтствовало ихъ образу мыслей, хотя девять десятыхъ жителей Петербурга могли бы засвидѣтельствовать совершенно противополож-

нос). Солдаты говорили всѣ вмѣстѣ, но какимъ-то глухимъ голосомъ, порождавшимъ сдержанный и зловѣщій ропотъ, внушавшій такое безпокойство и отчаяніе, что я была бы рада убѣжать за сто верстъ отъ своего дома, чтобы его не слышать. Мой мужъ былъ на другомъ концѣ города въ Преображенскомъ полку. Я еще не знала о смерти Елизаветы, но шествіе двухъ вышеупомянутыхъ полковъ возвѣстило мнѣ о ея кончинѣ. День Рождества Христова, считающійся у насъ однимъ изъ самыхъ большихъ праздниковъ, торжественно чтимымъ народомъ, казался мрачнымъ, траурнымъ днемъ; всѣ лица были печальны. Я была больна и не видѣла никого изъ своихъ. Государственный канцлеръ также лежалъ больной въ постели; на третій день его неожиданно посѣтилъ императоръ; онъ прислалъ и мнѣ сказать, чтобы я пріѣхала къ нему вечеромъ, но я отговорилась нездоровьемъ; на слѣдующій день повторилось то же самое; наконецъ, на шестой день моя сестра написала мнѣ, что государь недоволенъ тѣмъ, что я не пріѣзжаю, и не вѣритъ моей болѣзни. Не желая вызывать непріятнаго объясненія между императоромъ и моимъ мужемъ, я послѣ обѣда поѣхала сначала къ моему отцу и къ дядѣ, а затѣмъ отправилась во дворецъ; императрицу мнѣ не удалось видѣть, такъ какъ она выходила изъ своей комнаты, только чтобы поклониться тѣлу своей тетки и понаблюсти за исполненіемъ обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ обрядовъ. Она все время плакала, и я имѣла свѣдѣнія о ней только черезъ ея лакея.

Когда я вошла въ гостиную, Петръ III сказалъ мнѣ нѣчто, что относилось къ моей сестрѣ и было такъ нелѣпо, что мнѣ не хочется и повторять его слова. Я притворилась что не поняла ихъ, и поспѣшила присоединиться къ игрѣ въ кампи; она обходилась мнѣ немного дорого, такъ какъ ставка была въ десять имперіаловъ (100 рублей), причемъ всегда выигрывалъ императоръ, такъ какъ онъ не бралъ фишекъ, и когда проигрывалъ, то вынималъ изъ кармана имперіалъ, чтобы покрыть имъ пульку, но такъ какъ у

него въ карманѣ было, конечно, болѣе десяти имперіаловъ, онъ всегда въ концѣ концовъ срывалъ пульку. Когда его величество предложилъ сыграть вторую пульку, я попросила его избавить меня отъ участія въ ней; но государь настаивалъ, предлагая даже играть со мной пополамъ, но я, напустивъ на себя ребячески-глупый видъ, отвѣтила, что не достаточно богата, чтобы позволять такъ обирать себя, и что если бы его величество клалъ деньги на столъ, какъ всѣ мы, у насъ была бы еще возможность выиграть, но такъ какъ онъ игралъ, держа деньги въ карманѣ, и мы не могли угадать, сколько ихъ у него, то онъ, конечно, будетъ неизмѣнно выигрывать и пользоваться нашими ставками.

Сознаюсь, что это было нѣсколько дерзко; но надо себѣ представить, какое отвращеніе мнѣ внушала подобная низость со стороны государя; кромѣ того мой мужъ не пользовался доходами со своихъ имѣній, унаслѣдованныхъ имъ отъ отца, и, повинуясь своей сыновней почтительности и любви къ матери, предоставлялъ ихъ ей, несмотря на то, что у него самого было много долговъ, а самъ довольствовался той небольшой, сравнительно, суммой, которую она присылала на наше содержаніе; меня пугала одна мысль увеличить денежныя затрудненія моего мужа и это можетъ служить оправданіемъ моихъ смѣлыхъ словъ.

Государь не обидѣлся на меня и, по прежнему принимая меня за упорнаго и, пожалуй, глупаго ребенка (ему казалось, что онъ еще такъ недавно держалъ меня у купели), отвѣтилъ мнѣ какой-то плоской шуткой и разрѣшилъ не принимать участія въ игрѣ. Общество, какъ въ этотъ вечеръ, такъ и почти во всѣ послѣдующіе, состояло изъ двухъ братьевъ Нарышкиныхъ съ супругами, Измайлова съ женой, графини Елизаветы, Мельгунова, Гудовича, Унгерна, адъютанта императора, графини Брюсъ и еще двухъ, трехъ лицъ, которыхъ я не помню. Всѣ смотрѣли на меня съ удивленіемъ и я слышала, какъ они говорили между собой: «вотъ мужественная женщина!» (то же самое гово-

рили по-нѣмецки и гольштинскіе генералы въ Ораніенбаумѣ, думая, что я не понимаю ихъ языка). Остальное общество было въ сосѣдней комнатѣ; проходя черезъ нее, мнѣ казалось, что я попала въ маскарадъ. На всѣхъ были другіе мундиры; даже старикъ князь Трубецкой былъ затянутъ въ мундирѣ, въ ботфортахъ со шпорами. Этотъ старый царедворецъ, никогда не бывшій военнымъ, захотѣлъ имъ сдѣлаться въ 70 лѣтъ. До самой смерти императрицы онъ лежалъ съ распухшими до невѣроятныхъ размѣровъ ногами, а въ день ея кончины побѣжалъ отдавать приказанія офицерамъ Измайловскаго полка, куда онъ незадолго передъ этимъ былъ назначенъ подполковникомъ. Гвардейскіе полки играли значительную роль при дворѣ, такъ какъ составляли какъ бы часть дворцоваго штата. Они не ходили на войну; князь Трубецкой, занимая одно время и гражданскую должность, не исполнялъ своихъ обязанностей командира. Меня даже увѣряли, что онъ, подобно нищимъ, зналъ средство, вызывающее опухоль на любой части тѣла.

Всѣ придворныя и знатныя городскія дамы, соотвѣтственно чинамъ своихъ мужей, должны были поочередно дежурить въ той комнатѣ, гдѣ стоялъ катафалкъ; согласно нашимъ обрядамъ въ продолженіе шести недѣль священники читали Евангеліе[1]); комната была вся обтянута черной матеріей, кругомъ катафалка свѣтилось множество свѣчей, что̀ въ связи съ чтеніемъ Евангелія придавало ей особенно мрачный, величественный и торжественный видъ. Императрица приходила почти каждый день и орошала слезами драгоцѣнные останки своей тетки и благодѣтельницы. Ея горе привлекало къ ней всѣхъ присутствующихъ. Петръ III являлся крайне рѣдко, и то только для того, чтобы шутить съ дежурными дамами, подымать на смѣхъ духовныхъ лицъ и придираться къ офицерамъ и унтеръ-

[1]) Евангеліе читается у гроба коронованныхъ особъ и епископовъ; по смерти частныхъ лицъ читаютъ псалмы.

офицерамъ по поводу ихъ пряжекъ, галстуковъ или мундировъ.

Наибольшимъ расположеніемъ императора, послѣ прусскаго министра, пользовался англійскій, Кейтъ. Этотъ почтенный старецъ любилъ меня какъ родную дочь. Мы съ мужемъ и княгиня Голицына (о которой я упоминала выше) обѣдали у него каждую недѣлю; его звали Романомъ, какъ и моего отца, вслѣдствіе чего онъ въ шутку называлъ меня своей дочерью, когда не было постороннихъ. Онъ часто говорилъ въ интимномъ кругу, что императоръ точно намѣренно старается навлечь на себя всеобщее неудовольствіе, а можетъ быть и презрѣніе. Онъ бывалъ очень неучтивъ съ остальными иностранными министрами, которымъ, конечно, не могло нравиться его обращеніе съ ними.

Однажды императоръ послалъ сказать моему дядѣ канцлеру, что будетъ ужинать у него. Въ тотъ день дядя былъ боленъ и конечно не особенно радовался предстоявшему ужину. Онъ послалъ за моей сестрой, графиней Бутурлиной, и за моимъ мужемъ и мной. Императоръ пріѣхалъ въ 7 ч. и до ужина сидѣлъ въ комнатѣ больного; онъ разрѣшилъ дядѣ не присутствовать на немъ. Графиня Строганова, графиня Бутурлина и я, пользуясь отсутствіемъ дяди, не сѣли за столъ и подъ тѣмъ предлогомъ, что хотѣли угощать гостей, ходили кругомъ стола. Это даже пришлось по вкусу императора, ненавидѣвшаго всякій этикетъ и церемоніи. Я стояла за его стуломъ въ то время, какъ онъ разсказывалъ австрійскому послу, графу Мерси, и прусскому министру, какъ въ бытность его въ Килѣ, въ Гольштиніи, еще при жизни своего отца, ему поручено было изгнать богемцевъ изъ города; онъ взялъ эскадронъ карабинеровъ и роту пѣхоты и въ одинъ мигъ очистилъ отъ нихъ городъ. Графъ Мерси блѣднѣлъ и краснѣлъ, не зная, подразумѣваетъ ли императоръ подъ богемцами—кочующихъ цыганъ, или подданныхъ его императрицы, королевы Венгріи и Богеміи. Ему было тѣмъ болѣе

ловко, что онъ зналъ, что уже отправленъ былъ приказъ объ отдѣленіи нашей арміи отъ австрійской. Не надо забывать, что въ обращеніи съ императоромъ я всегда принимала тонъ балованнаго, упрямаго ребенка и называла его «папой». Я наклонилась надъ нимъ и сказала ему тихо по-русски, что ему не слѣдуетъ разсказывать подобныя вещи иностраннымъ министрамъ, и что если въ Килѣ и были нищіе цыгане, то ихъ выгнала, вѣроятно, полиція, а не онъ, который къ тому же былъ въ то время совсѣмъ ребенкомъ.

— Вы маленькая дурочка,—отвѣтилъ онъ—и всегда со мной спорите.

Онъ успѣлъ уже выпить много вина, и я была убѣждена, что онъ забудетъ на слѣдующій день нашъ разговоръ. Я отошла отъ его стула, какъ ни въ чемъ не бывало. Однажды, когда я была у государя, онъ къ величайшему удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, по поводу разговора о прусскомъ королѣ, началъ разсказывать Волкову (въ предъидущее царствованіе онъ былъ первымъ и единственнымъ секретаремъ конференціи), какъ они много разъ смѣялись надъ секретными рѣшеніями и предписаніями, посылаемыми конференціею въ арміи; эти бумаги не имѣли послѣдствій, такъ какъ они предварительно сообщали о нихъ королю. Волковъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, а Петръ III, не замѣчая этого, продолжалъ хвастаться услугами, оказанными имъ прусскому королю на основаніи сообщенныхъ ему Волковымъ рѣшеній и намѣреній совѣта.

Императоръ приходилъ въ придворную церковь лишь къ концу обѣдни; онъ гримасничалъ и кривлялся, передразнивая старыхъ дамъ, которымъ онъ приказалъ дѣлать реверансы на французскій ладъ вмѣсто русскаго наклоненія головы. Бѣдныя старушки едва удерживались на ногахъ, когда имъ приходилось сгибать колѣни, и я помню, какъ графиня Бутурлина, свекровь моей старшей сестры, чуть не упала, присѣдая передъ государемъ; къ счастью ее успѣли поддержать.

Петръ III былъ совершенно равнодушенъ къ великому князю Павлу и никогда его не видалъ; за то маленькій князь каждый день видался съ матерью. Воспитателемъ его былъ старшій изъ братьевъ Паниныхъ, отозванный покойной императрицей, возложившей на него эти обязанности. Когда въ Петербургъ пріѣхалъ герцогъ Георгій Гольштейнъ-Готторпскій, родной дядя императора и императрицы (онъ былъ братъ матери государыни, принцессы Ангальтъ-Цербтской), Панинъ, чрезъ посредство Сальдерна, состоявшаго при особѣ принца Георгія (впослѣдствіи онъ игралъ большую роль и былъ русскимъ посломъ при польскомъ дворѣ), попросилъ принца Гольштейнъ - Готторпскаго и другого принца Гольштинскаго (болѣе отдаленнаго родственника ихъ величествъ) предложить государю присутствовать при экзаменѣ великаго князя. Императоръ склонился только на ихъ усиленныя просьбы, ссылаясь на то, что онъ ничего не пойметъ въ экзаменѣ. По окончаніи испытанія, императоръ громко сказалъ своимъ дядямъ:

Кажется, этотъ мальчуганъ знаетъ больше насъ съ вами.

Онъ хотѣлъ наградить его чиномъ гвардейскаго унтеръ-офицера, и Панинъ съ трудомъ уговорилъ его не приводить своего намѣренія въ исполненіе, подъ предлогомъ, что подобная честь разовьетъ тщеславіе въ великомъ князѣ, и онъ, вообразивъ себя взрослымъ, не станетъ заниматься. Петръ III совершенно согласился съ этими доводами, не подозрѣвая того, что Панинъ смѣется надъ нимъ въ душѣ. Онъ вообразилъ также, что вознаградитъ самого Панина наилучшимъ образомъ, если возведетъ его въ чинъ генералъ-аншефа, что и было объявлено Панину Мельгуновымъ на слѣдующій день. Чтобы понять, насколько это было непріятно для Панина, надо знать, что ему было 48 лѣтъ, онъ былъ слабъ здоровьемъ, любилъ покой, всю свою жизнь провелъ при дворѣ или въ должности министра при иностранныхъ дворахъ, носилъ парикъ à trois marteaux, очень изысканно одѣвался, былъ вообще типичнымъ

царедворцемъ, нѣсколько старомоднымъ и напоминавшимъ собой придворныхъ Людовика XIV, ненавидѣлъ солдатчину и все, что отзывалось кордегардіей. Онъ объявилъ Мельгунову, что ему рѣшительно не вѣрится, чтобы императоръ удостоилъ именно его подобной милости, и что если ему нельзя будетъ уклониться отъ своей новой карьеры, онъ скорѣй рѣшится дезертировать въ Швецію. Императору казалось столь непонятнымъ, чтобы кто-нибудь могъ отказываться отъ генеральскаго чина, что онъ сказалъ:

— Мнѣ все твердили, что Панинъ умный человѣкъ. Могу ли я теперь этому вѣрить?

Его величество принужденъ былъ дать ему соотвѣтствующій гражданскій чинъ.

Пора мнѣ упомянуть о родственныхъ узахъ, которыми были связаны Панины съ моимъ мужемъ. Младшій братъ Панинъ былъ генераломъ въ арміи, находившейся въ Пруссіи. Оба они были двоюродными братьями моей свекрови; ихъ матери, рожденныя Еверлаковы, вышли замужъ за Леонтьева и Панина; слѣдовательно сыновья послѣдней приходились дядями моему мужу. Старшій изъ нихъ отправленъ былъ чрезвычайнымъ посломъ, еще когда я была въ колыбели; я познакомилась съ нимъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ по возвращеніи нашемъ изъ Ораніенбаума и видалась съ нимъ очень рѣдко до той минуты, какъ въ царствованіе Петра III заговоръ сталъ принимать болѣе опредѣленную форму. Онъ очень любилъ моего мужа и сохранилъ благодарное воспоминаніе о добромъ отношеніи къ нимъ моего отца въ его молодые годы. Однако, несмотря на наши столь естественныя, родственныя отношенія и мою страсть къ мужу, послѣ переворота, когда я стала предметомъ всеобщей зависти, клевета называла этого почтеннаго дядю— то моимъ любовникомъ, то—моимъ отцомъ, такъ какъ онъ— яко бы — былъ любовникомъ моей матери. Онъ оказалъ серьезныя услуги моему мужу и былъ благодѣтелемъ моихъ дѣтей; не будь этого, я бы ненавидѣла Панина, потому что изъ-за него пятнали мою репутацію. Должна

сознаться, что я больше уважала старшаго брата, генерала, за его солдатскую простосердечность, откровенность и твердость характера, гораздо болѣе подходившаго къ моему характеру, и при жизни его первой жены, которую я любила и уважала отъ всего сердца, я бывала чаще въ обществѣ генерала Панина, чѣмъ его брата.

Но довольно объ этомъ предметѣ, который раздражаетъ меня еще и сейчасъ.

Однажды, въ первой половинѣ января, утромъ, въ то время какъ гвардейскія роты шли во дворецъ на вахтъ-парадъ и для смѣны караула, императору представилось, что рота, которою командовалъ князь, не развернулась въ должномъ порядкѣ. Онъ подбѣжалъ къ моему мужу, какъ настоящій капралъ, и сдѣлалъ ему замѣчаніе. Князь отрицалъ это сначала довольно спокойно, но когда его величество сталъ настаивать, князь, который былъ очень несдержанъ, если дѣло касалось хоть самымъ отдаленнымъ образомъ его чести, отвѣтилъ съ такой горячностью и энергіей, что императоръ, который о дуэли имѣлъ понятія прусскихъ офицеровъ, счелъ себя повидимому въ опасности и удалился такъ же поспѣшно, какъ и подбѣжалъ.

Мои родители и я, узнавъ объ этой сценѣ, вывели изъ нея заключеніе, что императоръ не всегда будетъ отступать передъ моимъ мужемъ и что найдутся люди, которые объяснятъ государю, что онъ имѣетъ полную возможность заставить отступить моего мужа. Мы и рѣшили, что безопаснѣе всего будетъ разъединить ихъ на нѣкоторое время. Я въ особенности настаивала на этомъ, такъ какъ по какому-то вдохновенію была убѣждена въ томъ, что императоръ будетъ свергнутъ съ престола, и твердо рѣшила принять участіе въ его низложеніи. Я страстно желала, чтобы мой мужъ въ это время былъ за границей, чтобы въ случаѣ, если на меня обрушится несчастіе, онъ не раздѣлялъ бы его со мной. Такъ какъ не ко всѣмъ еще дворамъ были отправлены спеціальные послы для возвѣщенія о восшествіи на престолъ его величества, я

уговорила мужа принять подобное назначеніе и, заручившись его согласіемъ, попросила своего дядю канцлера представить и его въ числѣ кандидатовъ. Онъ мнѣ обѣщалъ и на слѣдующій же день мужъ получилъ извѣщеніе о назначеніи своемъ въ Константинополь — на послѣднее свободное мѣсто. Мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ уѣзжалъ именно въ Турцію, но приходилось выбирать изъ двухъ золъ меньшее, и я предпочитала, чтобы онъ былъ въ Константинополѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ подвергался опасности вслѣдствіе собственной горячности и въ случаѣ неудачи плановъ, наполнявшихъ мое сердце и мысли и причинявшихъ мнѣ безсонницы, немало способствовавшія какому-то странному упадку силъ и недомоганію, подтачивавшимъ мое здоровье. Князю было предоставлено право самому выбрать себѣ товарищей; они всѣ получили въ Петербургѣ деньги на дорогу и жалованье за шесть мѣсяцевъ впередъ, и въ февралѣ мѣсяцѣ князь отправился въ путь.

Я осталась въ Петербургѣ, грустная и больная; моя энергія поддерживалась только безчисленными планами, возникавшими въ моей головѣ и поглощавшими меня до такой степени, что я стойко могла перенести разлуку съ горячо любимымъ мужемъ. Князь ѣхалъ не спѣша, надолго остановился въ Москвѣ, откуда поѣхалъ съ матерью въ Троицкое, лежавшее на пути въ Кіевъ, и остался тамъ до начала іюля.

Черезъ два дня послѣ отъѣзда князя со мной случилась непріятность. Я оставила при себѣ немногочисленную прислугу; какіе-то матросы, работавшіе въ адмиралтействѣ въ Петербургѣ, взломали окно комнаты, гдѣ горничная хранила мое бѣлье, платье и даже деньги — я ей довѣряла рѣшительно все. Они унесли все бѣлье, всѣ деньги и шубу, крытую серебряной парчей; благодаря этой шубѣ воры были впослѣдствіи отысканы, но все-таки я осталась безъ денегъ и безъ бѣлья. Моя сестра, графиня Елизавета, прислала мнѣ кусокъ великолѣпнаго голландскаго полотна. Я послала ей

сказать, что мнѣ главнымъ образомъ нужны были одна или двѣ рубашки, пока прачка не принесетъ бѣлье, находившееся у нея во время кражи; сестра немедленно прислала ихъ мнѣ. Я упоминаю объ этомъ маленькомъ несчастіи потому, что я по этому случаю въ первый разъ почувствовала нужду, что̀ мнѣ пришлось испытать не разъ въ теченіе моей послѣдующей жизни. Къ тому же мнѣ тяжело было занимать деньги и этимъ увеличивать долги моего мужа.

Императоръ ничуть не измѣнился со времени своего воцаренія. По поводу мира съ прусскимъ королемъ онъ выражалъ прямо неприличную радость и рѣшилъ отпраздновать это событіе большимъ параднымъ обѣдомъ, къ которому были приглашены особы первыхъ трехъ классовъ и иностранные министры.

Императрица заняла свое мѣсто посреди стола; но Петръ III сѣлъ на противоположномъ концѣ рядомъ съ прусскимъ министромъ. Онъ предложилъ подъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости выпить за здоровье императорской фамиліи, его величества, короля Пруссіи, и за заключеніе мира. Императрица начала съ тоста за императорскую фамилію. Тогда Петръ III послалъ дежурнаго генералъ-адъютанта Гудовича, стоявшаго за его стуломъ, спросить императрицу, почему она не встала съ мѣста, когда пила за здоровье императорской фамиліи. Императрица отвѣтила, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ изъ его величества, его сына и ея самой, она не предполагала, что ей нужно было встать. Гудовичъ сообщилъ ея отвѣтъ императору; тотъ велѣлъ ему передать государынѣ, что она «дура» и что ей слѣдовало бы знать, что къ императорской фамиліи принадлежатъ и оба его дяди, гольштинскіе принцы; опасаясь, однако, что Гудовичъ не передастъ императрицѣ его словъ, онъ самъ сказалъ ихъ ей громко на весь столъ. Императрица залилась слезами и, желая разсѣять свои тягостныя мысли, попросила дежурнаго камергера, графа Строганова, моего родственника,

стоявшаго за ея стуломъ, развлечь ее своимъ веселымъ, остроумнымъ разговоромъ, въ которомъ онъ былъ мастеромъ. Онъ былъ очень преданъ императрицѣ и на дурномъ счету у императора, тѣмъ болѣе, что его жена, ненавидѣвшая его, была очень дружна съ моей сестрой и съ Петромъ III; онъ превозмогъ огорченіе, которое ему причинила эта сцена, и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы разсмѣшить императрицу. По окончаніи обѣда ему было повелѣно отправиться на свою дачу на Каменный Островъ и не выѣзжать изъ нея впредь до новаго приказанія.

Всѣ эти событія сильно взволновали общество. Съ каждымъ днемъ росли симпатіи къ императрицѣ и презрѣніе къ ея супругу. Онъ какъ бы намѣренно облегчалъ намъ нашу задачу свергнуть его съ престола и это должно бы быть урокомъ для великихъ міра сего, что ихъ низвергаетъ не только ихъ деспотизмъ, но и презрѣніе къ нимъ, и къ ихъ правительствамъ, неизбѣжно порождающее безпорядки въ администраціи и недовѣріе къ судебной власти и возбуждающее всеобщее и единодушное стремленіе къ перемѣнамъ.

Каждый благоразумный человѣкъ, знающій, что власть, отданная въ руки толпы, слишкомъ порывиста или слишкомъ неповоротлива, безпорядочна вслѣдствіе разнообразія мнѣній и чувствъ, желаетъ ограниченнаго монархическаго правленія съ уважаемымъ монархомъ, который былъ бы настоящимъ отцомъ для своихъ подданныхъ и внушалъ бы страхъ злымъ людямъ; человѣкъ, знакомый съ измѣнчивостью и легкомысліемъ толпы, не можетъ желать иного правленія, кромѣ ограниченной монархіи съ опредѣленными ясными законами, и государемъ, уважающимъ самого себя и любящимъ и уважающимъ своихъ подданныхъ.

Императоръ посѣтилъ еще разъ моего дядю, государственнаго канцлера, въ сопровожденіи обоихъ гольштинскихъ принцевъ и обычной свиты. Императрица никогда не пріѣзжала съ нимъ и выходила изъ дворца только для короткихъ прогулокъ въ экипажѣ. Мнѣ нездоровилось

и я отказалась отъ чести ужинать съ императоромъ, что не доставляло мнѣ ни малѣйшаго удовольствія.

Каково было мое удивленіе, когда я узнала, что государь и его дядя, принцъ Георгій, какъ настоящіе прусскіе офицеры, изъ-за различія мнѣній въ разговорѣ, обнажили шпаги, и ужъ собрались было драться, но старый баронъ Корфъ (женатый на сестрѣ жены канцлера) бросился на колѣни между ними и, рыдая какъ женщина, объявилъ, что онъ не позволитъ имъ драться, пока они не проткнутъ шпагой его тѣло. Его величество и принцъ Гольштейнъ-Готторпскій оба любили Корфа; онъ прекратилъ эту глупую сцену, которая по всей вѣроятности сильно обезпокоила моего дядю, хотя и не присутствовавшаго при ней, такъ какъ онъ лежалъ больнымъ въ постели. Я очень тревожилась о немъ, такъ какъ узнала, что жена его въ испугѣ выбѣжала изъ комнаты въ самомъ началѣ сцены и сообщила ему Богъ знаетъ что; но вскорѣ подоспѣли другія лица и разсказали ему подвигъ Корфа, которому удалось совершенно примирить дядю и племянника.

Эта сцена не была единственной; за ней послѣдовали еще нѣсколько другихъ въ такомъ же родѣ до отъѣзда его величества въ Ораніенбаумъ, и оттуда въ Кронштадтъ на смотръ флота, отправлявшагося на войну съ Даніей. Императоръ настаивалъ на этой войнѣ, несмотря на то, что всѣ его отговаривали отъ нея, не исключая и Фридриха Великаго, употребившаго все свое краснорѣчіе въ письмахъ, чтобы убѣдить его не начинать войны.

Тѣмъ временемъ я, не теряя времени, старалась утвердить въ надлежащихъ принципахъ друзей моего мужа, капитановъ Преображенскаго полка Пассека и Бредихина (Бредихинъ приходился намъ родственникомъ по женѣ, рожденной княжнѣ Голицыной), братьевъ Рославлевыхъ, маіора и капитана Измайловскаго полка, и другихъ. Я видалась съ ними довольно рѣдко, и то случайно, до апрѣля мѣсяца, когда я нашла нужнымъ узнать настроеніе войскъ

и петербургскаго общества. Я часто посѣщала своихъ родныхъ и Кейта; словомъ, я взяла за правило показываться всюду, гдѣ меня привыкли видѣть, и только когда я оставалась одна, можно было замѣтить, что я поглощена планами, которые были какъ будто и выше моихъ силъ.

Въ числѣ иностранцевъ, прибывшихъ въ Россію, былъ одинъ пьемонтецъ, по имени Одаръ, которому покровительствовалъ канцлеръ, доставившій ему мѣсто совѣтника комерцъ-коллегіи. Я познакомилась съ нимъ; онъ былъ образованный, тонкій, хитрый и живой человѣкъ уже не первой молодости. Вскорѣ онъ нашелъ, что занимаемое имъ мѣсто ему не подходило, такъ какъ онъ не зналъ ни продуктовъ, ни водяныхъ сообщеній и т. д., и попросилъ меня похлопотать, чтобы императрица взяла его въ свой штатъ; я поговорила о немъ съ государыней, совсѣмъ не знавшей его, предполагая, что она можетъ сдѣлать его своимъ секретаремъ, но она отвѣтила мнѣ, что переписывается только съ родными, такъ что ей секретарь не нуженъ и что во всякомъ случаѣ она навлекла бы на себя неудовольствіе и подозрѣніе, еслибы взяла на эту должность иностранца. Мнѣ однако удалось уговорить императрицу взять его къ себѣ на службу и поручить ему улучшить земли, которыя Петръ III только что далъ ей въ удѣлъ, и устроить на нихъ фабрики[1]). Онъ никогда не

[1]) Изъ нѣкоторыхъ писемъ ея величества видно, что я одна рекомендовала его императрицѣ, и когда графъ Строгановъ былъ сосланъ въ свои помѣстья, я посовѣтовала Одару поѣхать съ нимъ. Онъ не былъ близкимъ мнѣ человѣкомъ и не имѣлъ на меня никакого вліянія; я его даже мало видѣла, а въ послѣднія три недѣли передъ переворотомъ, когда все налаживалось для этого счастливаго событія, я его не видѣла ни разу. Я просто хотѣла дать ему кусокъ хлѣба и пріятное положеніе, но совѣтовъ его не спрашивала и онъ, конечно, имѣлъ бы еще меньше успѣха у меня, если бы посмѣлъ уговаривать меня отдаться моему дядѣ, графу Панину, какъ то утверждали авторы безсмысленныхъ и лживыхъ пасквилей, написанныхъ по образцу желчныхъ памфлетовъ, направленныхъ противъ Великой Екатерины.

былъ мнѣ ни другомъ ни совѣтчикомъ, какъ то увѣряли нѣкоторые авторы, подкупленные французами, которые, негодуя на то, что у Екатерины Великой были Суворовъ и русскіе какъ подданные и какъ солдаты, чтобы водворить порядокъ во Франціи и во всей Европѣ, распускали о ней клевету за клеветой. Они не оставили въ покоѣ и меня, думая, что Екатерина Великая будетъ недостаточно очернена, если въ придачу они не загрязнятъ и Екатерину маленькую (я носила тоже имя Екатерины).

Фельдмаршалъ Разумовскій, человѣкъ безпечный, съ которымъ государь обходился очень дружелюбно, несмотря на это не могъ не видѣть его полной неспособности управлять имперіей и опасностей, которымъ она подвергалась. Графъ Разумовскій любилъ свою родину, насколько ему это позволяли его апатія и лѣнь. Онъ командовалъ Измайловскимъ полкомъ, гдѣ пользовался всеобщей любовью; представлялось чрезвычайно важнымъ имѣть его на нашей сторонѣ, но всѣмъ намъ казалось почти невозможнымъ склонить его на это. Онъ былъ чрезвычайно богатъ, имѣлъ всѣ чины и ордена, ненавидѣлъ какую бы то ни было дѣятельность и содрогнулся бы отъ ужаса, если бы его посвятили въ заговоръ, въ которомъ онъ долженъ былъ бы играть одну изъ главныхъ ролей.

Однако я не отступила передъ этими трудностями. Два брата Рославлевы, одинъ маіоръ, другой капитанъ Измайловскаго полка, и Ласунскій, капитанъ того же полка, имѣли большое вліяніе на графа; они каждый день бывали у него на самой дружественной ногѣ, но не надѣялись заставить его дѣйствовать въ нашемъ смыслѣ. Я посовѣтовала имъ каждый день, сперва неопредѣленно, затѣмъ и болѣе подробно, говорить ему о слухахъ, носившихся по Петербургу насчетъ готовящагося большого заговора и переворота; я разсчитывала, что онъ, конечно, не станетъ доносить объ такихъ разговорахъ; когда же нашъ планъ созрѣетъ окончательно, они откроются ему и дадутъ ему почувствовать, что и онъ завлеченъ въ заговоръ и не можетъ отступить,

такъ какъ они сообщили остальнымъ его участникамъ о разговорахъ съ нимъ, не вызывавшихъ въ немъ протеста или неодобренія; они объяснятъ ему, что онъ находится въ такой же опасности, какъ и они, и рискуетъ менѣе, если станетъ во главѣ своего полка и будетъ дѣйствовать за одно съ нами. Они сдѣлали, какъ я ихъ научила, и нашъ планъ удался на славу.

Я продолжала посѣщать англійскаго министра Кейта. Однажды онъ мнѣ сообщилъ, что въ городѣ распространились слухи, что въ гвардіи готовится бунтъ, и что главной причиной его была нелѣпая война съ Даніей. Я спросила, не называютъ ли именъ главарей?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, —и я думаю, что ихъ вовсе нѣтъ; офицеры и генералы не могутъ имѣть ничего противъ войны, которая дастъ имъ возможность отличиться. Вѣроятно, все кончится тѣмъ, что сошлютъ въ Сибирь нѣсколькихъ лицъ, да солдатъ накажутъ розгами.—Меня обезпокоило широкое распространеніе этихъ слуховъ, но дѣлать было нечего и приходилось торопиться насколько возможно съ развязкой.

Тѣмъ временемъ я вела образъ жизни, который долженъ былъ дурно отозваться на моемъ здоровьѣ; я такъ же часто, какъ и раньше, посѣщала родныхъ. Въ почтовые дни я писала длиннѣйшія письма моему мужу и плакала о разлукѣ съ нимъ. Остальные дни недѣли, за исключеніемъ немногихъ часовъ сна, я была поглощена выработкой своего плана и чтеніемъ всѣхъ книгъ, трактовавшихъ о революціяхъ въ различныхъ частяхъ свѣта. Такъ какъ я не отличалась крѣпкимъ здоровьемъ, румянецъ сбѣжалъ съ моихъ щекъ и я худѣла съ каждымъ днемъ; вскорѣ я схватила простуду, которая чуть не прикончила меня.

Между Петербургомъ и Краснымъ Кабакомъ на протяженіи десяти верстъ простирались сплошныя болота и и густые лѣса; кто-то посовѣтовалъ Петру III раздать ихъ. Большинство богатыхъ вельможъ, осушивъ ихъ, превратили въ прелестныя дачныя мѣста; одинъ участокъ былъ отданъ

одному изъ ораніенбаумскихъ гольштинцевъ[1]); но тотъ испугался расходовъ и предоставилъ правительству отдать его кому угодно. Мой отецъ пожелалъ, чтобы я его взяла; тщетно я объясняла ему, что не могу имъ заняться, такъ какъ денегъ у меня вовсе не было; онъ настоялъ на своемъ и обѣщалъ мнѣ выстроить маленькій деревянный домикъ.

Я исполнила желаніе отца, твердо рѣшившись, однако, не предпринимать ничего, что могло бы стѣснить моего мужа въ денежномъ отношеніи; кромѣ расходовъ на скромный столъ для меня, моей дочери и для прислуги, я ничего не тратила, такъ какъ носила еще платья моего приданаго. Въ то время въ Петербургѣ проживало около сотни крѣпостныхъ моего мужа, которые каждый годъ приходили на заработки; изъ преданности и благодарности за свое благосостояніе они предложили мнѣ, что поработаютъ четыре дня, чтобы выкопать канавы, и затѣмъ будутъ въ праздничные дни поочередно продолжать работы. Они работали съ такимъ усердіемъ, что вскорѣ болѣе высокая часть земли обсушилась и была готова подъ постройку дома и службъ. Мнѣ пришла въ голову мысль не называть пока это первое мое имѣніе, и въ случаѣ удачи революціи дать ему имя того святого, чья память будетъ чтиться въ этотъ день. Однажды я поѣхала туда верхомъ съ графомъ Строгановымъ. Желая погулять по лугу, казавшемуся мнѣ уже обсохшимъ, я погрузилась въ болото по колѣно. Ноги у меня промокли и, возвратившись домой, я заболѣла. Императрица, узнавъ объ этомъ, написала мнѣ очень дружеское письмо, и въ своемъ безпокойствѣ о моемъ здоровьѣ была очень недовольна моимъ спутникомъ, графомъ

[1]) Эти гольштинцы были большею частью подмастерья или рабочіе, бѣжавшіе отъ своихъ хозяевъ; среди нихъ были и солдаты и унтеръ-офицеры, дезертировавшіе изъ армій маленькихъ германскихъ принцевъ; ихъ принимали въ Ораніенбаумѣ съ распростертыми объятіями, зачисляли въ армію Петра III, тогда еще великаго князя, и быстро повышали въ чинахъ.

Строгановымъ, котораго она въ своихъ письмахъ называла обыкновенно «magot» (его уродливость и шутовство вполнѣ оправдывали это прозвище), обвиняя его въ недостаточно заботливомъ обо мнѣ попеченіи. Когда я получила это письмо, у меня былъ сильный жаръ и мой отвѣтъ на него былъ, вѣроятно, такъ же несвязенъ, какъ и мои мысли. Потомъ я помнила только, что писала частью по-русски, частью по-французски, стихами и прозой. Когда мнѣ стало получше, императрица спросила меня въ одной изъ своихъ послѣдующихъ записокъ, съ какихъ поръ я стала пророчествовать; она писала, что поняла русскіе стихи, продиктованные мнѣ моимъ пристрастіемъ къ ней, но, кромѣ этого доказательства моей нѣжной дружбы, она ничего не разобрала въ моемъ письмѣ и въ особенности не могла понять, что обозначаетъ упоминаніе о какомъ-то днѣ, который дастъ имя моему помѣстью.

Меня посѣщали мои родные и между ними и дядя, графъ Панинъ, какъ только позволяли его обязанности воспитателя. Такъ какъ для насъ было очень важно, чтобы человѣкъ его характера принадлежалъ нашей партіи, я нѣсколько разъ рѣшалась заговорить съ нимъ о вѣроятности низложенія съ престола Петра III и спросила его, какія послѣдствія повлекло бы за собой подобное событіе, и кто и какъ управлялъ бы нами. Мой дядя воображалъ, что будетъ царствовать его воспитанникъ, слѣдуя законамъ и формамъ шведской монархіи. Я забыла упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, привлекшемъ мнѣ довѣріе графа Панина, вслѣдствіе того, что его племянникъ, князь Репнинъ, котораго онъ очень любилъ и уважалъ, блестящимъ образомъ доказалъ мнѣ свое довѣріе и почтеніе.

Я часто встрѣчалась съ княземъ Репнинымъ у княгини Куракиной, у которой жила его жена, княгиня Репнина (она была сестра князя Куракина и приходилась двоюродной сестрой моему мужу). Онъ меня понялъ совершенно и увидѣлъ, что мною руководили строгіе принципы и восторженный патріотизмъ, а не личные интересы и мечты о воз-

величенiи своей семьи. Петру III показалось, что торжественнаго обѣда, о которомъ я упоминала, недостаточно было для отпразднованiя заключенiя мира съ прусскимъ королемъ, и въ Лѣтнемъ дворцѣ состоялся еще ужинъ въ присутствiи нѣсколькихъ городскихъ дамъ, любимыхъ генераловъ и офицеровъ и прусскаго министра; тутъ Петръ III по-своему изобразилъ свою радость и его въ четыре часа совершенно пьянаго вынесли на рукахъ, посадили въ карету и отвезли домой во дворецъ. Однако передъ отъѣздомъ изъ Лѣтняго дворца онъ наградилъ мою сестру, Елизавету, орденомъ св. Екатерины [1]) и объявилъ князю Репнину, что назначаетъ его министромъ-резидентомъ въ Берлинъ съ тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ всѣ приказанiя и желанiя прусскаго короля. Князь Репнинъ прiѣхалъ ко мнѣ прямо изъ Лѣтняго дворца въ пятомъ часу утра. Я еще спала, но онъ настоялъ на томъ, чтобы мнѣ доложили о его прiѣздѣ. Лакей постучался въ дверь уборной, смежной съ моей спальней, и я проснулась. Я подняла старушку, которая всегда спала около моей постели, и она, узнавъ, въ чемъ дѣло, объявила мнѣ, что меня желаетъ видѣть мой двоюродный братъ, князь Репнинъ. Я быстро накинула платье, вышла къ нему и была поражена, какъ его раннимъ посѣщенiемъ, такъ и новостями, которыя онъ мнѣ привезъ. Онъ былъ очень взволнованъ и прямо приступилъ къ дѣлу.

— Все потеряно; ваша сестра получила орденъ св. Екатерины, а меня посылаютъ министромъ и адъютантомъ короля прусскаго.

Какъ ни была я поражена этимъ извѣстiями, я не пожелала продлить посѣщенiе князя и сказала ему, что съ характеромъ Петра III трудно предвидѣть послѣдствiя

---

[1]) По статуту ордена, имъ могли быть награждены только особы императорской фамилiи и иностранныя принцессы; частныя же лица могли его получать только въ томъ случаѣ, если онѣ спасли отъ опасности особу государя или оказали чрезвычайную услугу отечеству. Вслѣдствiе этого въ предъидущiя царствованiя не было ни одного случая награжденiя орденомъ св. Екатерины.

его словъ и поступковъ, и не слѣдуетъ ихъ бояться; я посовѣтовала ему вернуться домой и на слѣдующій день разсказать о всемъ случившемся своему дядѣ, графу Панину

Послѣ ухода князя Репнина я болѣе не ложилась спать и принялась раздумывать надъ различными проектами касательно завершенія переворота, предложенными нашими заговорщиками. Но все это были только предположенія и опредѣленнаго плана еще не было, хотя мы и согласились единодушно совершить революцію, когда его величество и войска будутъ собираться въ походъ въ Данію. Я рѣшила открыться графу Панину при первомъ моемъ свиданіи съ нимъ.

Онъ стоялъ за соблюденіе законности и за содѣйствіе Сената.—Конечно, это было бы прекрасно,—отвѣтила я,—но время не терпитъ. Я согласна съ вами, что императрица не имѣетъ правъ на престолъ и по закону слѣдовало бы провозгласить императоромъ ея сына, а государыню объявить регентшей до его совершеннолѣтія; но вы должны принять во вниманіе, что изъ ста человѣкъ девяносто девять понимаютъ низложеніе государя только въ смыслѣ полнаго переворота.—При этомъ я назвала ему главныхъ заговорщиковъ: братьевъ Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пассека, Бредихина, Баскакова, князя Барятинскаго, Хитрово и другихъ, и Орловыхъ, которыхъ они привлекли на свою сторону. Онъ былъ пораженъ и испугался, узнавъ, какъ я далеко зашла и что я ничего не сообщала императрицѣ о своихъ планахъ, боясь ее скомпрометировать.

Словомъ, я убѣдилась, что моему дядѣ при всемъ его мужествѣ не хватаетъ рѣшимости и, чтобы не вступать въ ненужные споры, я стала объяснять ему, какъ важно было бы имѣть на нашей сторонѣ Теплова[1]) и, такъ какъ я

[1]) Онъ недавно былъ выпущенъ изъ Петропавловской крѣпости, куда его посадилъ Петръ III. Онъ писалъ очень свободно и краснорѣчиво и я думала назначить его секретаремъ императрицы на первое время, когда настанетъ необходимость быстро издавать манифесты, указы и т. п.

сама его видѣла очень рѣдко, онъ, графъ Панинъ, является единственнымъ человѣкомъ, который могъ его привлечь и вмѣстѣ съ нимъ и графа Разумовскаго, на котораго онъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе. Я взяла съ моего дяди обѣщаніе, что онъ никому изъ заговорщиковъ не обмолвится ни словомъ о провозглашеніи императоромъ великаго князя, потому что подобное предложеніе, исходя отъ него, воспитателя великаго князя, могло вызвать нѣкоторое недовѣріе. Я обѣщала ему въ свою очередь самой переговорить съ ними объ этомъ; меня не могли заподозрить въ корысти, вслѣдствіе того, что всѣ знали мою искреннюю и непоколебимую привязанность къ императрицѣ. Я, дѣйствительно, предложила заговорщикамъ провозгласить великаго князя императоромъ, но Провидѣнію не угодно было, чтобы удался нашъ самый благоразумный планъ[1]).

Новгородскій архіепископъ былъ человѣкъ очень образованный и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью духовенства. Его просвѣщенный умъ ясно понималъ, что въ царствованіе такого царя, какимъ былъ Петръ III, значеніе церкви неминуемо будетъ умалено. Онъ не скрывалъ своей скорби по этому поводу и былъ готовъ содѣйствовать намъ въ той мѣрѣ, въ какой ему позволяло его пастырское достоинство. Для насъ это было очень важно, такъ какъ, въ числѣ прочихъ качествъ, онъ обладалъ трогательнымъ и мужественнымъ краснорѣчіемъ, увлекавшимъ его слушателей.

На этомъ дѣло и стало. Въ теченіе десяти дней число заговорщиковъ увеличивалось, но окончательный и разумный планъ все еще не созрѣвалъ. Къ своему удовольствію я узнала отъ дяди моего мужа, князя Волконскаго, только что вернувшагося съ войны, что армія, нѣсколько лѣтъ

[1]) Вслѣдствіе невольнаго предательства одного солдата; думая, что капитанъ Измайловъ принадлежитъ къ числу заговорщиковъ, онъ передалъ ему слышанное имъ отъ капитана Пассека. Пассека арестовали, и такъ какъ заговоръ оказался открытымъ, я ускорила событія и вызвала императрицу въ городъ.

сражавшаяся противъ прусскаго короля и въ пользу Маріи-Терезіи, находила чрезвычайно страннымъ, что должна обращать теперь оружіе противъ нея; неудовольствіе въ арміи было всеобщее и я поняла, что самъ князь склоняется скорѣй на нашу сторону. Я сообщила это графу Панину, и намъ было уже легко убѣдить его принять дѣятельное участіе въ переворотѣ или по меньшей мѣрѣ появиться при развязкѣ.

Я черезъ день ѣздила въ мое имѣніе или скорѣй на мое болото, чтобы въ одиночествѣ записать нѣкоторыя мои мысли, представлявшіяся мнѣ не вполнѣ ясными. Эти постоянныя поѣздки убѣдили всѣхъ, что я была поглощена исключительно украшеніемъ и обработкой своей земли.

Я довольно часто получала извѣстія отъ императрицы; она была здорова и покойна; впрочемъ ей не о чемъ было тревожиться, такъ какъ она, какъ и мы всѣ, не подозрѣвала, что развязка такъ близка. Петръ III усиливалъ отвращеніе, которое къ нему питали, и вызывалъ всеобщее глубокое презрѣніе къ себѣ своими законодательными мѣрами. Въ царствованіе императрицы Елизаветы, народы Сербіи и та часть ихъ, которая нашла убѣжище въ Австріи, нѣкоторые венгерцы и другіе народы, исповѣдывавшіе греческую вѣру, отправили къ императрицѣ депутатовъ съ просьбой отвести имъ землю въ Россіи и позволить имъ на ней поселиться, такъ какъ они не въ силахъ были переносить долѣе притѣсненія, которымъ подвергало ихъ всемогущее въ царствованіе Маріи-Терезіи католическое духовенство. Хотя ея величество чувствовала большую симпатію къ Маріи-Терезіи, но ею руководило и религіозное чувство, заставившее ее взять подъ свое покровительство православныхъ, гонимыхъ за вѣру; имъ отвели великолѣпныя земли на югѣ Россіи и дали денегъ на переселеніе и на сформированіе нѣсколькихъ гусарскихъ полковъ.

Одинъ изъ депутатовъ, нѣкто Хорватъ, съумѣлъ втереться въ довѣріе высшихъ должностныхъ лицъ. Деньги были довѣрены ему. Когда нѣсколько тысячъ сербовъ

переселились на назначенныя имъ земли, получившія название «Новой Сербіи», Хорватъ сталъ обращаться съ ними какъ съ рабами и присвоилъ себѣ слѣдуемыя имъ деньги. Эти несчастные довели свои жалобы до императрицы, которая послала генерала князя Мещерскаго изслѣдовать ихъ на мѣстѣ; но болѣзнь Елизаветы, другія, болѣе важныя дѣла и, наконецъ, смерть императрицы воспрепятствовали сенату высказаться окончательно по поводу этого дѣла. По смерти императрицы Хорватъ пріѣхалъ въ Петербургъ и подарилъ по двѣ тысячи дукатовъ каждому изъ трехъ вельможъ, которые казались ему самыми вліятельными, а именно Льву Нарышкину, бывшему въ фаворѣ благодаря своему шутовству, генералу Мельгунову и генералъ-прокурору Глѣбову. Послѣдніе два сообщили объ этомъ Петру III. Онъ похвалилъ ихъ за то, что они не скрыли отъ него полученнаго ими подарка, потребовалъ себѣ половину и на слѣдующій день самъ отправился въ сенатъ и разрѣшилъ дѣло въ пользу Хорвата; такимъ образомъ Россія лишилась сотни тысячъ жителей, которые переселились бы къ намъ, если бы знали, что ихъ соотечественники пользуются обѣщаннымъ спокойствіемъ.

Узнавъ, что Нарышкинъ также получилъ деньги отъ Хорвата, Петръ III отнялъ у него всю сумму, не оставивъ ему и половины, какъ остальнымъ двумъ, и нѣсколько дней подъ рядъ издѣвался надъ нимъ, спрашивая его, куда онъ дѣлъ полученныя имъ деньги.

Подобные поступки заклеймили бы позоромъ всякое частное лицо. Насколько же эта штука, вскорѣ ставшая извѣстной всему городу, увеличила всеобщее презрѣніе къ государю! насмѣшки надъ императоромъ и его недостойнымъ шутомъ, Львомъ Нарышкинымъ, стали всеобщими.

Нѣсколько дней спустя онъ позволилъ себѣ невѣроятную выходку передъ всѣмъ Измайловскимъ полкомъ.

Фельдмаршалъ графъ Разумовскій, бывшій его шефомъ, былъ принужденъ, хотя онъ и не былъ военнымъ, наравнѣ съ

другими развернуть полкъ и произвести ему ученіе въ присутствіи государя; Петръ III остался доволенъ войсками. Всѣ были оживлены и обѣдъ обѣщалъ быть очень веселымъ, какъ вдругъ Петръ III замѣтилъ, что его арапъ дерется съ кѣмъ-то въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Это его сперва позабавило, но когда ему сказали, что арапъ дерется съ профосомъ полка, онъ былъ положительно удрученъ:

— Нарциссъ потерянъ для насъ!—воскликнулъ онъ.

Никто не понималъ его словъ и Разумовскій попросилъ объясненій.

— Развѣ вы не знаете,—отвѣтилъ государь,—что ужъ ни одинъ военный не можетъ терпѣть его въ своемъ обществѣ, такъ какъ тотъ, къ кому прикоснулся профосъ, опозоренъ навсегда.

Графъ Разумовскій, дѣлая видъ, что раздѣляетъ предразсудки императора, предложилъ ему накрыть арапа полковымъ знаменемъ. Петръ III, обрадовавшись, расцѣловалъ графа за его прекрасную идею. Прекрасное расположеніе духа вернулось къ нему и онъ велѣлъ позвать своего арапа.

— Знаешь ли ты,—сказалъ онъ ему,—что ты былъ потерянъ для насъ, такъ какъ ты опозоренъ прикосновеніемъ профоса?

Нарциссъ (кажется, его звали такъ), ничего не понимая въ этой чепухѣ, утверждалъ, что онъ храбро защищался и хорошо проучилъ негодяя, ударившаго его. Онъ сталъ протестовать еще болѣе, когда ему объявили, что его три раза накроютъ знаменемъ и тѣмъ очистятъ отъ позора. Чтобы совершить надъ нимъ этотъ очистительный обрядъ, его пришлось держать; но императоръ этимъ не ограничился; онъ приказалъ уколоть его пикой, которой заканчивалось знамя, чтобы онъ кровью ... смылъ свой позоръ.

Нарциссъ кричалъ и бранился, а офицеры испыт... настоящія муки, не дерзая смѣяться, такъ какъ импера-

торъ смотрѣлъ на эту шутовскую сцену, какъ на торжественную и необходимую церемонію.

Легко себѣ представить, какія чувства онъ возбуждалъ во всемъ обществѣ подобными нелѣпыми выходками.

Мой отецъ не игралъ никакой роли при дворѣ; хотя государь и оказывалъ знаки вниманія моему дядѣ канцлеру, но не руководствовался ни его совѣтами, ни правилами здравой политики, которыхъ онъ и не слушалъ.

По утру быть первымъ капраломъ на вахтъ-парадѣ, затѣмъ плотно пообѣдать, выпить хорошаго бургонскаго вина, провести вечеръ со своими шутами и нѣсколькими женщинами и исполнять приказанія прусскаго короля—вотъ что составляло счастіе Петра III, и все его семимѣсячное царствованіе представляло изъ себя подобное безсодержательное существованіе изо дня въ день, которое не могло внушать уваженія. Его разбирало нетерпѣніе отвоевать у датскаго короля клочокъ земли, на который онъ заявлялъ свои права, и онъ не захотѣлъ даже дождаться коронаціи чтобы начать войну.

Послѣ отъѣзда двора въ Петергофъ и Ораніенбаумъ, у меня было больше свободнаго времени. Я ужъ не проводила своихъ вечеровъ у императора и была счастлива, что остаюсь въ Петербургѣ. Наружно все было спокойно, только нѣкоторые гвардейскіе солдаты съ нетерпѣніемъ ожидали дѣйствій.

Опасаясь, что ихъ внезапно отправятъ въ Данію, они тревожились насчетъ императрицы; офицеры нашей партіи наблюдали за ними и съ трудомъ ихъ сдерживали. Я велѣла имъ передать, что получаю каждый день извѣстія отъ императрицы и увѣдомлю ихъ, когда надо будетъ дѣйствовать.

Дѣла оставались въ такомъ положеніи вплоть до 27 іюня, являющагося днемъ навсегда памятнымъ для Россіи и исполненнымъ трепета и радости для заговорщиковъ, такъ [illegible] ихъ мечты наконецъ осуществились; за нѣсколько [illegible] до переворота никто изъ насъ не спалъ, когда и [illegible] кончатся наши планы; въ этотъ день былъ разруб-

ленъ гордіевъ узелъ, завязанный невѣжествомъ, несогласіемъ мнѣній насчетъ самыхъ элементарныхъ условій готовящагося великаго событія, и невидимая рука Провидѣнія привела въ исполненіе нестройный планъ, составленный людьми, не подходящими другъ къ другу, недостойными другъ друга, не понимающими другъ друга и связанными только одной мечтой, служившей отголоскомъ желанія всего общества. Они именно только мечтали о переворотѣ, боясь углубляться и разбирать собственныя мысли, и не составили яснаго и опредѣленнаго проекта. Если бы всѣ главари переворота имѣли мужество сознаться, какое громадное значеніе для его успѣха имѣли случайныя событія, имъ пришлось бы сойти съ очень высокаго пьедестала. О себѣ я должна сказать, что, угадавъ—быть можетъ раньше всѣхъ—возможность низвергнуть съ престола монарха, совершенно неспособнаго править, я много надъ этимъ думала, насколько восемнадцатилѣтняя головка вообще способна размышлять, но сознаюсь, что ни мое изученіе подобныхъ примѣровъ въ исторіи, ни мое воображеніе, ни размышленія никогда бы не дали тѣхъ результатовъ, къ которымъ привелъ арестъ Пассека.

27 іюня послѣ полудня Григорій Орловъ пришелъ сообщить мнѣ объ арестѣ капитана Пассека. Еще наканунѣ Пассекъ былъ у меня съ Бредихинымъ и, разсказавъ, съ какимъ нетерпѣніемъ гренадеры ждутъ низверженія съ престола Петра III, выразилъ мнѣніе, что стоило только повести ихъ въ Ораніенбаумъ и разбить голштинцевъ, чтобы успѣхъ былъ обезпеченъ и переворотъ былъ бы завершенъ. Онъ добавилъ, что слухи объ опасностяхъ, которымъ подвергалась императрица, волновали ихъ до такой степени, что скоро ихъ невозможно будетъ сдержать, и это броженіе среди нихъ, разоблачая нашъ планъ, подвергало насъ страшной опасности. Я поняла, что эти господа слегка трусятъ, и, желая доказать, что не боюсь раздѣлить съ ними опасность, попросила ихъ передать солдатамъ, отъ моего имени, что я только что получила извѣстіе отъ импе-

ратрицы, которая спокойно живетъ себѣ въ Петергофѣ, и что совѣтую и имъ держать себя смирно, такъ какъ минута дѣйствовать не будетъ упущена.

Пассекъ и Бредихинъ въ тотъ же день и говорили въ этомъ смыслѣ съ солдатами, что чуть не погубило все дѣло и побудило маіора Преображенскаго полка, Воейкова, арестовать капитана Пассека.

Когда Орловъ прибѣжалъ сообщить мнѣ эту тревожную вѣсть (не зная ни причины, ни подробностей ареста), у меня находился мой дядя Панинъ. Вслѣдствіе ли того, что по своему холодному и неподвижному характеру онъ не видѣлъ въ этомъ столько трагическаго, какъ я, потому ли, что онъ хотѣлъ скрыть отъ меня размѣры опасности, но онъ невозмутимо сталъ увѣрять меня въ томъ, что Пассекъ, вѣроятно, арестованъ за какое-нибудь упущеніе по службѣ. Я сразу увидѣла, что каждая минута была дорога и что придется много потратить времени, пока удастся убѣдить Панина въ томъ, что насталъ моментъ рѣшительныхъ дѣйствій. Я согласилась съ нимъ, что Орлову слѣдуетъ прежде всего отправиться въ полкъ, чтобы узнать, какого рода аресту подвергнутъ Пассекъ, чтобъ сразу можно было опредѣлить, задержанъ ли онъ, какъ провинившійся офицеръ или какъ преступникъ. Орловъ долженъ былъ сообщить мнѣ, что окажется, а—если дѣло серьезно—кто-нибудь изъ его братьевъ долженъ былъ извѣстить Панина.

Тотчасъ же послѣ ухода Орлова я объявила, что сильно нуждаюсь въ отдыхѣ, и попросила дядю извинить, если попрошу его меня оставить. Онъ немедленно ушелъ и я, не теряя ни минуты, накинула на себя мужскую шинель и направилась пѣшкомъ къ улицѣ, гдѣ жили Рославлевы[1]).

---

[1]) Я должна оговориться, что наканунѣ солдаты, получивъ откуда-то ложныя извѣстія, будто императрицу хотятъ увезти изъ Петербурга куда-то очень далеко, собрались было идти выручать ее; ихъ офицерамъ стоило большого труда ихъ удержать и имъ это, пожалуй, и не удалось бы, если бы я не разрѣшила имъ сказать солдатамъ, что я въ тотъ же день имѣла свѣдѣнія о ней и сообщу имъ, когда при-

Не прошла я и половины дороги, какъ увидѣла, что какой-то всадникъ галопомъ несется по улицѣ. Меня осѣнило вдохновеніе, подсказавшее мнѣ, что это одинъ изъ Орловыхъ. Изъ нихъ я видѣла и знала одного только Григорія. Не имѣя другого способа остановить его, я крикнула: «Орловъ!» (будучи, Богъ вѣсть почему, твердо убѣждена, что это одинъ изъ нихъ). Онъ остановился и спросилъ: «Кто меня зоветъ?» Я подошла къ нему и, назвавъ себя, спросила его, куда онъ ѣдетъ и не имѣетъ ли онъ что сказать мнѣ.

— Я ѣхалъ къ вамъ, княгиня, чтобы сообщить вамъ, что Пассекъ арестованъ, какъ государственный преступникъ; у его дверей стоятъ четыре солдата и у каждаго окна по одному. Мой братъ поѣхалъ возвѣстить это графу Панину, а я уже былъ у Рославлева.

Рославлевъ очень встревоженъ? —спросила я.

— Немного,—отвѣтилъ онъ;—но что же вы стоите на улицѣ, княгиня? Позвольте проводить васъ до дому.

— Да никого здѣсь нѣтъ,—возразила я;—кромѣ того не надо, чтобы мои люди видѣли васъ у меня. Впрочемъ нашъ разговоръ будетъ непродолжителенъ. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобы, не теряя ни минуты, они отправлялись въ свой Измайловскій полкъ

дется дѣйствовать. Однако, не разсчитывая на то, что офицерамъ удастся удержать солдатъ, я написала госпожѣ Шкуриной, женѣ камердинера императрицы, чтобы она немедленно же послала своему мужу въ Петергофъ наемную карету, запряженную четверней, и сообщила бы ему, что я прошу его задержать карету, не выпрягая лошадей, чтобы въ случаѣ надобности императрица могла ею воспользоваться для пріѣзда въ Петербургъ, такъ какъ ей, конечно, нельзя было бы взять придворную карету. Панинъ, думая, что событіе совершится въ отдаленномъ будущемъ, призналъ эту мѣру совершенно ненужной; однако, не будь этой кареты, Богъ вѣсть, осуществились ли бы наши планы, такъ какъ завѣдующій дворцомъ въ Петергофѣ, Измайловъ, не отличался преданностью императрицѣ и воспрепятствовалъ бы ея бѣгству, въ случаѣ, если бы она спросила у него карету.

и что они должны встрѣтить тамъ императрицу (это первый полкъ на ея пути), а вы или одинъ изъ вашихъ братьевъ должны стрѣлой мчаться въ Петергофъ и сказать ея величеству отъ меня, чтобы она воспользовалась ожидающею ее наемной каретой и безотлагательно пріѣхала въ Измайловскій полкъ, гдѣ она немедленно будетъ провозглашена императрицей; скажите ей также, что необходимо спѣшить и что я даже не пишу ей, чтобы васъ не задерживать; сообщите ей, что я остановила васъ на улицѣ и умоляла васъ ускорить пріѣздъ императрицы; тогда она пойметъ необходимость своего немедленнаго прибытія. Прощайте, я, можетъ быть, сегодня ночью выѣду навстрѣчу ей.

Когда я вернулась домой, взволнованная и тревожная, мнѣ было не до сна. Моя горничная объявила мнѣ, что портной не принесъ еще мужского костюма, что меня очень раздосадовало; для успокоенія моихъ людей я легла и отпустила ихъ. Не прошло и часу времени, какъ я услышала стукъ въ ворота. Я соскочила съ постели и, выйдя въ другую комнату, приказала впустить посѣтителя. То былъ какой-то незнакомый мнѣ видный молодой человѣкъ, оказавшійся четвертымъ братомъ Орловымъ. Онъ пришелъ меня спросить, не слишкомъ ли рано вызывать въ Петербургъ императрицу и не испугаемъ ли мы ее понапрасну. Я была внѣ себя отъ гнѣва и тревоги, услышавъ эти слова, и выразилась очень рѣзко насчетъ дерзости его братьевъ, медлившихъ съ исполненіемъ моего приказанія, даннаго Алексѣю Орлову.

— Теперь не время думать объ испугѣ императрицы,— воскликнула я,—лучше, чтобы ее привезли сюда въ обморокѣ и безъ чувствъ, чѣмъ, оставивъ ее въ Петергофѣ, подвергать ее риску быть несчастной всю жизнь или взойти вмѣстѣ съ нами на эшафотъ. Скажите же вашему брату, чтобы онъ карьеромъ скакалъ въ Петергофъ и немедленно привезъ императрицу, пока Петръ III не прислалъ ее сюда, послѣдовавъ разумнымъ совѣтамъ, или самъ не пріѣхалъ въ Петербургъ и не разрушилъ навсегда того, что, ка-

жется, само Провидѣніе устроило для спасенія Россіи и императрицы.

Онъ оставилъ меня, убѣжденный моими доводами и ручаясь за точное исполненіе его братомъ моихъ предписаній.

Послѣ его ухода я погрузилась въ самыя грустныя размышленія и мое воображеніе рисовало мнѣ мрачныя картины.

Въ шесть часовъ утра я приказала горничной приготовить мнѣ парадное платье. Узнавъ, что ея величество пріѣхала въ Измайловскій полкъ, единогласно провозгласившій ее императрицей, затѣмъ отправилась въ Казанскій соборъ, куда собрались всѣ гвардейскіе и армейскіе полки, чтобы принести ей присягу, я поѣхала въ Зимній дворецъ, куда должна была прибыть и императрица. Перо мое безсильно описать, какъ я до нея добралась; всѣ войска, находившіяся въ Петербургѣ, присоединившись къ гвардіи, окружали дворецъ, запрудивъ площадь и всѣ прилегающія улицы. Я вышла изъ кареты и хотѣла пѣшкомъ пройти черезъ площадь; но я была узнана нѣсколькими солдатами и офицерами и народъ меня понесъ черезъ площадь высоко надъ головами. Меня называли самыми лестными именами, обращались ко мнѣ съ умиленными, трогательными словами и провожали меня благословеніями и пожеланіями счастія вплоть до пріемной императрицы, гдѣ и оставили меня, comme une manchette perdue. Платье мое было помято, прическа растрепалась, но своимъ кипучимъ воображеніемъ я видѣла въ безпорядкѣ моей одежды только лишнее доказательство моего тріумфа; не имѣя времени привести въ порядокъ свой туалетъ, я предстала въ такомъ видѣ передъ императрицей.

Мы бросились другъ другу въ объятія: «Слава Богу! слава Богу!» могли мы только проговорить. Затѣмъ императрица разсказала мнѣ, какъ произошло ея бѣгство изъ Петергофа, а я въ свою очередь сообщила ей все, что знала, и сказала, что, несмотря на свое сильное желаніе, я не могла

выѣхать ей навстрѣчу, такъ какъ мой мужской костюмъ не былъ еще готовъ.

Вскорѣ я замѣтила, что на ней была лента ордена св. Екатерины и что она еще не надѣла голубой андреевской ленты [1]). Подбѣжавъ къ графу Панину, я попросила его снять свою ленту и одѣла ее на плечо императрицы. Такъ какъ при ней не было камеристки, она попросила меня спрятать въ карманъ ея екатерининскую ленту. Мы должны были, наскоро пообѣдавъ, отправиться въ Петергофъ во главѣ войскъ. Императрица должна была одѣть мундиръ одного изъ гвардейскихъ полковъ; я сдѣлала то же самое; ея величество взяла мундиръ у капитана Талызина, а я у поручика Пушкина, такъ какъ они были приблизительно одного съ нами роста. Я поспѣшила домой, чтобы переодѣться и имѣть возможность быть полезной императрицѣ при всякихъ случайностяхъ; когда я вернулась во дворецъ, ея величество совѣщалась съ сенаторами насчетъ манифестовъ, которые слѣдовало издать; Тепловъ исполнялъ обязанности секретаря. По всей вѣроятности Петру III были уже извѣстны бѣгство императрицы изъ Петергофа и событія, совершившіяся въ Петербургѣ. Мнѣ пришло въ голову, что кто-нибудь изъ его приближенныхъ могъ посовѣтовать ему пріѣхать въ Петербургъ, хотя бы и переодѣтымъ. Эта мысль такъ овладѣла мной, что я рѣшила, не дожидаясь конца засѣданія, войти въ залу, гдѣ происходило высокое собраніе, несмотря на то, что не имѣла на это никакого права. Два унтеръ-офицера, дежурившіе у двери, думая, что до меня не относится данное имъ приказаніе никого не впускать, открыли дверь. Я поспѣшно подошла къ ея величеству и сказала ей на ухо, что если она не приняла еще мѣръ, чтобы пре-

---

[1]) Супруга императора не носила голубой ленты и имѣла только ленту ордена св. Екатерины, учрежденнаго Петромъ I для своей жены. Павелъ I впервые пожаловалъ его своей супругѣ, а Александръ I, слѣдуя его примѣру, далъ его императрицѣ Елизаветѣ.

дупредить вышеозначенное событіе, ей слѣдовало бы немедля этимъ заняться. Ея величество подозвала Теплова и приказала ему написать два экземпляра указа и отдать его двумъ лицамъ, которые, получивъ предписаніе, какъ имъ поступать, должны были стать у устьевъ двухъ рѣкъ, по которымъ можно было бы пріѣхать въ столицу. Императрица, все предвидѣвшая, назвала меня присутствовавшимъ сенаторамъ, не узнавшимъ меня, и объяснила имъ, что, благодаря моей горячей дружбѣ, я подумала объ одномъ важномъ обстоятельствѣ, ускользнувшемъ отъ ея вниманія. Эти почтенные отцы отечества какъ одинъ человѣкъ встали со своихъ стульевъ и поклонились мнѣ[1]).

Вскорѣ засѣданіе кончилось. Императрица отдала приказанія, необходимыя для охраны столицы, мы сѣли на коней и поѣхали во главѣ двѣнадцатитысячнаго войска, не считая добровольцевъ, съ каждой минутой увеличивавшихся въ числѣ.

Вслѣдствіе того, что войска были на ногахъ ужъ болѣе двѣнадцати часовъ, мы сдѣлали трехчасовой привалъ въ десяти верстахъ отъ города, въ Красномъ Кабакѣ. Мы сами нуждались въ отдыхѣ. Я почти не спала послѣднія двѣ недѣли, и хотя не могла заснуть и въ данную минуту, но для меня было величайшимъ наслажденіемъ просто протянуться на постели. Въ этомъ скверномъ домикѣ, представлявшемъ изъ себя плохонькій кабакъ, была только одна широкая кровать. Ея величество рѣшила, что мы отдохнемъ на ней вдвоемъ не раздѣваясь. Постель не

---

[1]) Въ мундирѣ я была похожа на пятнадцатилѣтняго мальчика и имъ, конечно, казалось страннымъ, что такой молодой гвардейскій офицеръ, котораго они къ тому же никогда и не видали, могъ войти въ это святилище и говорить на ухо ея величеству. Замѣчу, кстати, что то былъ прежній мундиръ преображенцевъ, который они носили со временъ Петра I вплоть до царствованія Петра III, замѣнившаго его мундиромъ прусскаго образца. Странно, что какъ только императрица пріѣхала въ Петербургъ, солдаты сбросили свои новые мундиры и переодѣлись въ старые, отыскавъ ихъ Богъ вѣсть какъ и гдѣ.

отличалась чистотой, такъ что, взявъ большой плащъ у капитана Карра, мы разостлали его на кровати и легли.

Едва только я успѣла протянуться, какъ замѣтила, что въ изголовьи кровати была маленькая дверь. Меня это встревожило и я попросила у государыни позволенія встать; отворивъ дверь, я убѣдилась, что она выходила въ маленькія темныя сѣни, ведущія во дворъ. Я поставила снаружи двухъ часовыхъ конно-гвардейскаго полка, приказавъ имъ не оставлять своего поста безъ моего приказанія и никого не подпускать къ двери. Затѣмъ я снова легла, но мы не могли уснуть и ея величество начала читать мнѣ цѣлый рядъ манифестовъ, 'которые подлежали опубликованію по нашемъ возвращеніи въ городъ; мы сообщали другъ другу и наши опасенія, которыя однако отнынѣ уступили нашимъ надеждамъ.

Дѣйствительно Петръ III обнаружилъ большую нерѣшительность и не послѣдовалъ совѣту фельдмаршала Миниха, который былъ при немъ. Онъ поѣхалъ въ Петергофъ, затѣмъ вернулся въ Ораніенбаумъ и наконецъ, согласившись съ мнѣніемъ нѣсколькихъ приближенныхъ, рѣшилъ отправиться въ Кронштадтъ, чтобы овладѣть крѣпостью и флотомъ. Но онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ, когда адмиралъ Талызинъ, посланный императрицей, уже принялъ командованіе надъ флотомъ. Онъ не позволилъ Петру высадиться, такъ что тотъ принужденъ былъ вернуться въ Ораніенбаумъ, откуда и отправилъ генерала Измайлова къ императрицѣ съ весьма покорными заявленіями и съ предложеніемъ, что онъ откажется отъ престола.

Измайловъ встрѣтилъ насъ по дорогѣ въ Петергофъ. Онъ держалъ намъ иную рѣчь, чѣмъ мой дядя канцлеръ, подоспѣвшій къ намъ, когда мы выѣзжали изъ города: канцлеръ старался образумить императрицу, но видя, что ему это не удастся, отказался присягать ей, увѣряя ее, что ничего не предприметъ противъ нея, но вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣнитъ присягѣ, данной имъ Петру III. Онъ попросилъ императрицу приставить къ нему офицера,

чтобы тотъ былъ свидѣтелемъ всего, что происходитъ у него въ домѣ, и вернулся въ Воронцовскій дворецъ съ спокойствіемъ, неразлучнымъ съ величіемъ души. Я тѣмъ болѣе преклонялась передъ достойнымъ поведеніемъ дяди, что я знала, какъ мало онъ уважалъ императора и насколько онъ, какъ истинный патріотъ, скорбѣлъ о неспособности государя управлять Россіей и о печальныхъ послѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ его неумѣлостью и безпечностью.

Императрица отослала Измайлова къ государю, прося его убѣдить Петра III сдаться, чтобы предупредить неисчислимыя бѣдствія, которыхъ въ противномъ случаѣ нельзя будетъ предотвратить; она обязалась устроить ему пріятную жизнь въ какомъ-нибудь выбранномъ имъ самимъ дворцѣ, въ отдаленіи отъ Петербурга, и исполнять по мѣрѣ возможности всѣ его желанія.

Недалеко отъ Свято-Троицкаго монастыря насъ встрѣтилъ вице-канцлеръ, князь Голицынъ, съ письмомъ отъ императора; каждую минуту наше шествіе увеличивалось, такъ какъ къ нему присоединялись ежеминутно лица, добровольно покидавшія императора.

Ораніенбаумъ находится всего въ девяти верстахъ отъ Петергофа, такъ что Петръ III пріѣхалъ туда вскорѣ послѣ нашего прибытія. Его сопровождали генералъ Измайловъ и генералъ-адъютантъ Гудовичъ. Императора провели въ отдаленные аппартаменты, такъ что его почти никто не видѣлъ, подали ему обѣдъ, и затѣмъ онъ уѣхалъ въ Роппу, принадлежавшую ему еще въ бытность его великимъ княземъ. Онъ избралъ ее предпочтительно передъ всѣми другими дворцами. Ему сопутствовали Алексѣй Орловъ, капитанъ Пассекъ, князь Ѳедоръ Барятинскій и поручикъ Преображенскаго полка Баскаковъ, которымъ императрица поручила охранять особу государя. Я не видѣла его, хотя у меня была къ тому возможность, но мнѣ говорили, что онъ ѣлъ съ аппетитомъ и, какъ всегда, пилъ много своего любимаго бургонскаго вина.

Онъ написалъ два или три письма своей августѣйшей супругѣ. Я упомяну только то изъ нихъ, въ которомъ онъ ясно и опредѣленно формулировалъ свое отреченіе отъ престола. Затѣмъ, указавъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ желалъ бы видѣть около себя, онъ просилъ императрицу назначить ихъ состоящими при немъ и не забылъ переименовать, какіе припасы хотѣлъ бы имѣть, между прочимъ бургонскаго вина, трубокъ и табаку.

Однако довольно объ этомъ несчастномъ государѣ, котораго судьба поставила на пьедесталъ, не соотвѣтствовавшій его натурѣ. Онъ не былъ золъ, но ограниченность его ума, воспитаніе и естественныя наклонности выработали изъ него хорошаго прусскаго капрала, а не государя великой имперіи.

Съ предыдущаго дня я все время была на ногахъ; но я чувствовала усталость только, когда сидѣла или стояла, до такой степени напряженіе умственной, духовной жизни подавляло всѣ физическія ощущенія. Мнѣ постоянно приходилось бѣгать съ одного конца дворца въ другой и спускаться къ гвардейцамъ, охранявшимъ всѣ входы и выходы. Побывавъ у принцессы Голштинской (родственницы императрицы), я возвращалась къ государынѣ, чтобы спросить, не приметъ ли она ее. Каково было мое удивленіе, когда въ одной изъ комнатъ я увидѣла Григорія Орлова, лежавшаго на канапе (онъ ушибъ себѣ ногу) и вскрывавшаго толстые пакеты, присланные, очевидно, изъ совѣта; я ихъ узнала, такъ какъ видѣла много подобныхъ пакетовъ у моего дяди въ царствованіе императрицы Елизаветы. Я спросила его, что онъ дѣлаетъ.

— Императрица повелѣла мнѣ открыть ихъ, — отвѣтилъ онъ.

— Сомнѣваюсь,—замѣтила я; — эти пакеты могли бы оставаться не распечатанными еще нѣсколько дней, пока императрица не назначила бы соотвѣтствующихъ чиновниковъ; ни вы, ни я не годимся для этого.

Затѣмъ я была принуждена выйти къ солдатамъ, которые, изнемогая отъ жажды и усталости, взломали одинъ погребъ и своими киверами черпали венгерское вино, которое принимали за легкій медъ; мнѣ удалось уговорить солдатъ вылить вино изъ киверовъ и вкатить бочки обратно въ погребъ, и послать за водой; я была поражена этимъ доказательствомъ ихъ привязанности и довѣрія ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ офицеры до меня безуспѣшно останавливали ихъ. Я раздала имъ остатокъ сохранившихся у меня денегъ[1]) и вывернула карманы, чтобы показать, что у меня нѣтъ больше денегъ. Всего было 160 р., т. е. 16 золотыхъ имперіаловъ; я обѣщала, что по возвращеніи ихъ въ городъ имъ дадутъ водки на счетъ казны, и что всѣ кабаки будутъ открыты. Посѣтивъ другія кордегардіи, я раздала дукаты, оставшіеся у меня въ особомъ карманѣ. И тамъ мои убѣжденія привели къ желаемому результату.

Возвратившись во дворецъ, я увидѣла, что въ той же комнатѣ, гдѣ Григорій Орловъ лежалъ на канапе, былъ накрытъ столъ на три куверта. Я прошла, не показывая вида, что я это замѣтила. Вскорѣ ея величеству доложили, что обѣдъ поданъ; она пригласила и меня, и я къ своему огорченію увидѣла, что столъ былъ накрытъ у того самаго канапе. Моя грусть или неудовольствіе (скорѣй и то и другое, такъ какъ я искренно любила императрицу), очевидно, отразились на моемъ лицѣ, потому что государыня спросила меня, что со мной.

— Я сильно устала и не спала вотъ уже 15 дней, отвѣтила я.

[1]) Я не просила и не получала денегъ отъ императрицы; тѣмъ менѣе приняла бы я ихъ отъ французскаго министра, какъ то увѣряли нѣкоторые писатели.—Мнѣ ихъ предлагали и открывали огромный кредитъ; но я неизмѣнно отвѣчала, что, съ моего вѣдома и согласія, никакія иностранныя деньги, отъ какой бы державы онѣ ни исходили, не будутъ употреблены на поддержаніе переворота.

Затѣмъ она меня попросила поддержать ее противъ Орлова, который, какъ она говорила, настаивалъ на увольненіи его отъ службы.

— Подумайте, какую я выказала бы неблагодарность, если бы согласилась исполнить его желаніе.

Мой отвѣтъ былъ вовсе не таковъ, какого она желала бы. Я сказала, что теперь она имѣетъ возможность вознаградить его всевозможными способами, не принуждая его оставаться на службѣ. Съ той минуты я поняла, что Орловъ былъ ея любовникомъ, и съ грустью предвидѣла, что она не съумѣетъ этого скрыть.

Послѣ обѣда и отъѣзда Петра III мы отбыли изъ Петергофа и остановились на нѣсколько часовъ на дачѣ князя Куракина. Мы легли съ императрицей вдвоемъ на единственную постель, которая нашлась въ домѣ. Затѣмъ мы остановились въ Екатерингофѣ, гдѣ насъ встрѣтила безчисленная толпа народа, поджидавшаго насъ, чтобы стать на нашу сторону въ случаѣ сраженія между нашими войсками и голштинцами, пользовавшимися всеобщею ненавистью.

Въѣздъ нашъ въ Петербургъ невозможно описать. Улицы были запружены ликующимъ народомъ, благословлявшимъ насъ; кто не могъ выйдти — смотрѣлъ изъ оконъ. Звонъ колоколовъ, священники въ облаченіи на паперти каждой церкви, полковая музыка—производили неописуемое впечатлѣніе. Я была счастлива, что революція завершилась безъ пролитія и капли крови; желаніе поскорѣй увидѣть моего отца, дядю и дочь, множество чувствъ, обуревавшихъ меня, неимовѣрное физическое напряженіе, которое я испытала въ восемнадцать лѣтъ при моемъ слабомъ здоровьи и необычайной впечатлительности, все это повергало меня въ лихорадку, которая не позволяла мнѣ ни видѣть, ни слышать, ни тѣмъ болѣе наблюдать происходившее вокругъ меня.

Пріѣхавъ въ Лѣтній дворецъ, я не дала императрицѣ войти въ свои аппартаменты и тутъ же въ сѣняхъ попросила у нея позволенія пересѣсть въ ея дорожную ка-

рету, слѣдовавшую за нами, и поѣхать навѣстить моихъ родныхъ и дочь. Ея величество разрѣшила мнѣ это и любезно попросила меня вернуться поскорѣй. Дворецъ моего дяди былъ неподалеку, такъ что я прежде всего заѣхала къ нему.

Я нашла его совершенно здоровымъ и спокойнымъ. Онъ говорилъ мнѣ о низложеніи Петра III какъ о фактѣ, котораго онъ давно ожидалъ и который предвидѣлъ. Затѣмъ началъ философствовать насчетъ «дружбы государей», которая вообще не отличается стойкостью и искренностью, увѣряя, что онъ лично въ томъ убѣдился, такъ какъ чистота его намѣреній и взглядовъ не спасла его отъ ядовитыхъ стрѣлъ интриги и зависти въ царствованіе императрицы, къ которой онъ былъ привязанъ смолоду и которая многимъ была ему обязана.

Отъ него я отправилась къ отцу; онъ былъ очень взволнованъ; къ нему для охраны былъ приставленъ офицеръ, на случай если бы въ двухъ гвардейскихъ полкахъ, расположенныхъ по сосѣдству съ его домомъ, возникли какіе-нибудь безпорядки; этотъ офицеръ, по фамиліи Какавинскій (впослѣдствіи его признали сумасшедшимъ), подъ предлогомъ, что у отца было много челяди, задержалъ въ его домѣ много солдатъ[1]), нуждавшихся въ отдыхѣ, такъ какъ мы оставили въ городѣ только количество солдатъ, необходимое для смѣны караула во дворцѣ и охраны великаго князя Павла, остававшагося въ городѣ со своимъ воспитателемъ. Входя во дворъ отцовскаго дома, я узнала ординарца подполковника Вадковскаго, командовавшаго всѣми гвардейцами, оставшимися въ городѣ во время нашего отсутствія. Онъ пришелъ требовать 30 солдатъ, совершенно ненужныхъ въ домѣ моего отца, которыми необходимо было смѣнить часовыхъ, остававшихся на сво-

---

[1]) Впослѣдствіи, во время нашего пребыванія въ Москвѣ, Какавинскій позволилъ себѣ публично отречься въ католическомъ костелѣ отъ православной вѣры и перейти въ католическую.

ихъ постахъ двойное противъ обыкновеннаго количество времени. Я объявила Какавинскому, что онъ долженъ исполнить требованіе Вадковскаго, что нѣтъ никакой надобности охранять домъ моего отца сотней солдатъ. Войдя въ комнаты и увидѣвъ по солдату у каждой двери, я объяснила ему, что онъ невѣрно понялъ желаніе императрицы и ея инструкціи, въ силу которыхъ онъ долженъ былъ находиться въ домѣ для охраны отца, а не для того, чтобы держать его подъ арестомъ, какъ государственнаго преступника. Я объявила солдатамъ, что ихъ напрасно мучили и что только десять или двѣнадцать человѣкъ должны остаться въ домѣ впредь до новаго распоряженія.

Мой отецъ принялъ меня безъ малѣйшаго гнѣва, но выразилъ свою досаду по поводу того, что его 24 часа продержали подъ стражей, какъ государственнаго преступника, и жаловался на присутствіе въ домѣ моей сестры, графини Елизаветы. Я увѣрила его, что первая непріятность произошла по глупости Какавинскаго и что къ ночи не останется ни одного солдата въ домѣ. Что же касается втораго, то я просила его принять во вниманіе настоящее положеніе моей сестры, вслѣдствіе котораго его домъ представлялся единственнымъ приличнымъ и естественнымъ убѣжищемъ для нея и что со временемъ ихъ обоюдное желаніе не жить подъ одной кровлей несомнѣнно будетъ приведено въ исполненіе съ сохраненіемъ приличій. Отецъ не хотѣлъ меня отпускать, но я ему объяснила, что должна навѣстить сестру, затѣмъ вернуться къ себѣ, повидаться съ дочерью и снять свой военный мундиръ; при томъ же императрица просила меня поскорѣй вернуться къ ней. Онъ съ трудомъ разрѣшилъ мнѣ пойти къ сестрѣ: онъ никогда не чувствовалъ особенной нѣжности къ ней, а полное невниманіе къ нему съ ея стороны въ царствованіе Петра III, когда онъ представлялъ изъ себя ноль безо всякаго вліянія, не послужило къ улучшенію ихъ отношеній. Въ комнатѣ моей сестры мнѣ пришлось выслушать длиннѣйшую жалобу. Я увѣрила сестру въ моей нѣжности къ ней и

сказала, что не говорила еще съ императрицей о ней, потому что была убѣждена, что у государыни были самыя благожелательныя и великодушныя намѣренія по отношенію къ ней, и что все возможное будетъ для нея сдѣлано. Дѣйствительно, императрица потребовала только ея отсутствія во время коронаціонныхъ торжествъ и нѣсколько разъ присылала ей сказать, что не оставитъ ее. Черезъ нѣсколько времени моя сестра отправилась въ имѣніе моего отца, неподалеку отъ Москвы. Когда дворъ покинулъ Москву, она жила постоянно въ Москвѣ вплоть до своей свадьбы съ Полянскимъ, когда переселилась въ Петербургъ, гдѣ ея мужъ владѣлъ домами и имѣніями; ея величество была воспріемницей ея сына. По возвращеніи своемъ изъ-за границы я упросила императрицу сдѣлать ея дочь фрейлиной.

Оставивъ сестру, я направилась къ себѣ, чтобы обнять мою маленькую Анастасію. Эти три посѣщенія отняли столько времени, что стало темно и я не успѣла переодѣться, такъ какъ спѣшила во дворецъ. Моя горничная сказала мнѣ, что она утромъ въ карманѣ скинутаго мною платья нашла брилліантовый орденъ св. Екатерины. Это былъ орденъ императрицы и я взяла его съ собой.

Я вошла въ комнату, смежную съ той, въ которой была императрица, въ ту минуту какъ отъ ея величества выходили Григорій Орловъ и Какавинскій, и тутъ я убѣдилась въ томъ, что Орловъ мнѣ врагъ, такъ какъ кромѣ него никто не могъ провести Какавинскаго къ императрицѣ. Ея величество встрѣтила меня упрекомъ въ томъ, что я говорила съ Какавинскимъ по-французски при солдатахъ и тѣмъ вызвала у нихъ подозрѣніе, что я желаю ихъ удалить. Я отвѣтила сухо и мое лицо, какъ мнѣ потомъ передавали, выражало глубокое презрѣніе.

— Вы слишкомъ рано принимаетесь за упреки, ваше величество; врядъ ли всего черезъ нѣсколько часовъ послѣ вашего восшествія на престолъ, ваши войска, оказавшія мнѣ столь неограниченное довѣріе, усумнятся во мнѣ, на

какомъ бы языкѣ я ни говорила. — Съ этими словами я подала ей орденъ св. Екатерины, чтобы прекратить разговоръ.

— Успокойтесь,—отвѣтила она,—вы должны, однако, сознаться въ томъ, что были неправы, удаляя солдатъ.

— Дѣйствительно, ваше величество, я теперь вижу, что мнѣ слѣдовало дать свободу дѣйствій этому глупому Какавинскому и, несмотря на настоянія Вадковскаго, оставить васъ безъ солдатъ, которые могли бы смѣнить караулъ, охранявшій васъ и вашъ дворецъ.

— Ну, будетъ, довольно объ этомъ. Я васъ упрекнула за вашу раздражительность, а теперь награждаю васъ за ваши заслуги, —сказала она, собираясь возложить на меня принесенный мною орденъ.

Я не стала на колѣни, какъ это полагалось въ подобныхъ случаяхъ, и отвѣтила:

— Простите мнѣ, ваше величество, то, что я вамъ сейчасъ скажу. Отнынѣ вы вступаете въ такое время, когда, независимо отъ васъ, правда не будетъ доходить до вашихъ ушей. Умоляю васъ, не жалуйте мнѣ этого ордена; какъ украшенію, я не придаю ему никакой цѣны; если же вы хотите вознаградить меня имъ за мои заслуги, то я должна сказать, что какими бы ничтожными онѣ ни являлись по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, въ моихъ глазахъ имъ нѣтъ цѣны и за нихъ нельзя ничѣмъ вознаградить, такъ какъ меня никогда нельзя было и впредь нельзя будетъ купить никакими почестями и наградами.

Ея величество поцѣловала меня.

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, удовлетворить мое чувство дружбы къ вамъ.

Я поцѣловала ей руку и очутилась въ офицерскомъ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо, съ одной шпорой, похожая на четырнадцатилѣтняго мальчика.

Тогда ея величество сообщила мнѣ, что она уже отправила поручика въ догонку за моимъ мужемъ, чтобы вернуть его съ дороги и просить поскорѣй пріѣхать къ намъ.

Эта новость такъ меня обрадовала, что я тутъ же забыла мое справедливое негодованіе на императрицу.

Мы провели еще приблизительно часъ съ государыней. Она объявила мнѣ, что для меня будутъ приготовлены аппартаменты во дворцѣ, но я попросила у нея позволенія остаться у себя до возвращенія моего мужа, когда мы уже вмѣстѣ съ нимъ переѣдемъ во дворецъ [1]).

---

[1]) Я забыла упомянуть, что на обратномъ пути изъ Петергофа въ Петербургъ мы сѣли въ карету, чтобы немного отдохнуть; съ нами были графъ Разумовскій и князь Волконскій. Ея величество спросила меня, что она можетъ для меня сдѣлать, чтобы отблагодарить меня. «Доставьте счастіе моей родинѣ, отвѣтила я, и сохраните добрыя чувства ко мнѣ—тогда я буду совсѣмъ счастлива».—«Но это вѣдь мой прямой долгъ,—возразила она,—а я хочу облегчить тяжесть, которую чувствую».—«Я не думала, что дружественныя услуги окажутся для васъ тягостными».—«Словомъ,—отвѣтила императрица цѣлуя меня,—просите у меня, чего хотите; я не буду покойна, если вы мнѣ тутъ же не укажете, что я могу сдѣлать, чтобъ доставить вамъ удовольствіе».—«Въ такомъ случаѣ, воскресите моего дядю, который не умеръ».—«Это загадка»,—сказала государыня.—«Князь Волконскій ее вамъ разрѣшитъ»,—возразила я; я просила этой милости не для себя, все-таки мнѣ это было непріятно. Волконскій разсказалъ императрицѣ, что генералъ Леонтьевъ, родной дядя моего мужа, отличившійся въ войнѣ съ пруссаками, благодаря капризамъ своей жены, былъ лишенъ седьмой части своихъ помѣстій и четвертой части движимости и капитала, которыя ей слѣдовало бы получить только послѣ его смерти. Петръ III тѣмъ охотнѣе согласился на эту несправедливость, что онъ относился непріязненно ко всѣмъ генераламъ, дѣйствовавшимъ успѣшно противъ пруссаковъ. Императрица, признавъ справедливость моей просьбы, обѣщала, что въ одномъ изъ первыхъ указовъ, подписанныхъ ею, возстановитъ права моего дяди.—«Вы меня этимъ очень обрадуете, ваше величество, такъ какъ генералъ Леонтьевъ единственный и любимый братъ моей свекрови». Я была весьма довольна, что имѣла возможность доказать матери моего мужа мою привязанность къ ея семьѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ уклонилась отъ наградъ, претившихъ моему нравственному чувству. На слѣдующій день Панинъ получилъ графскій титулъ и 5 тыс. руб. пенсіи; князь Волконскій и графъ Разумовскій получили ту же пенсію. Остальные заговорщики перваго разряда получили по 600 душъ или взамѣнъ ихъ 24 тыс. и 2 тыс. руб. пенсіи. Къ моему удивленію я была причислена къ этому разряду. Я не воспользовалась

Гетманъ графъ Разумовскій и Панинъ одновременно со мной вышли изъ аппартаментовъ императрицы. Я разсказала все, что видѣла въ Петергофѣ, разговоръ съ государыней во время обѣда и выразила увѣренность въ томъ, что Орловъ любовникъ ея величества.

- Вы не спали двѣ недѣли, вамъ 18 лѣтъ и ваше воображеніе усиленно работаетъ,—отвѣтилъ Панинъ.

- Прекрасно,—отвѣтила я,—пусть будетъ такъ; но когда вы убѣдитесь въ моей правотѣ, разрѣшите мнѣ сказать вамъ, что съ вашими спокойными умами оба вы глупцы.

Они согласились и я поспѣшила вернуться домой и броситься въ постель. Я поужинала только цыпленкомъ, оставшимся отъ обѣда моей дочери, и, торопясь воспользоваться благодѣяніями Морфея, быстро раздѣлась и легла; но я была такъ взволнована, что мой сонъ былъ неспокоенъ и я поминутно просыпалась.

На слѣдующій день Григорій Орловъ явился къ обѣднѣ, украшенный орденомъ св. Александра Невскаго. По окончаніи церковной службы я подошла къ дядѣ и къ графу Разумовскому и, напомнивъ имъ наше вчерашнее условіе, сказала смѣясь:

— При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, должна вамъ сказать, что вы оба глупцы.

На четвертый день послѣ восшествія на престолъ императрицы Бецкій попросилъ у нея аудіенцію. На аудіенціи присутствовала только я одна. Каково было наше удивленіе, когда онъ бросился на колѣни передъ императри-

---

разрѣшеніемъ взять земли или деньги, твердо рѣшивъ не трогать этихъ 24 тыс. руб. Нѣкоторые изъ участниковъ переворота не одобряли моего безкорыстія, такъ что, для того, чтобы прекратить дальнѣйшіе толки и не возбуждать неудовольствія императрицы, я велѣла составить списокъ долговъ моего мужа и назначила эту сумму для выкупа векселей по обязательствамъ, даннымъ моимъ мужемъ своимъ кредиторамъ, что и было исполнено кабинетомъ ея величества.

цей и спросилъ ее, кѣмъ, по ея мнѣнію, она была возведена на престолъ?

— Я обязана своимъ возвышеніемъ Богу и моимъ вѣрнымъ подданнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ нельзя больше носить этой ленты,—воскликнулъ Бецкій, снимая съ себя орденъ св. Александра Невскаго.

Императрица остановила его и спросила, что съ нимъ?

— Я самый несчастный человѣкъ,—отвѣтилъ онъ,—такъ какъ вы не знаете, что это я подговорилъ гвардейцевъ и раздавалъ имъ деньги.

Мы подумали и не безъ основанія, что онъ сошелъ съ ума. Императрица весьма ловко отъ него избавилась, сказавъ ему, что знаетъ и цѣнитъ его заслуги и поручаетъ ему надзоръ за ювелирами, которымъ была заказана новая большая брилліантовая корона для коронаціи. Онъ всталъ на ноги въ полномъ восторгѣ и тотчасъ же оставилъ насъ, очевидно, торопясь сообщить великую новость своимъ друзьямъ. Мы смѣялись отъ всего сердца и я искренно удивлялась искусной выдумкѣ императрицы, избавившей ее отъ надоѣдливаго безумца.

Петербургскій дворъ былъ очень интересенъ въ это время. Появилось множество лицъ, выдвинутыхъ переворотомъ, и другихъ, возвращенныхъ изъ ссылки, куда они были отправлены еще во времена императрицы Анны, регентства Бирона и царствованія Елизаветы. Они были вызваны еще Петромъ III и возвращались постепенно изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ, такъ что каждый день ихъ появлялось нѣсколько человѣкъ. Это были живыя иллюстраціи прежнихъ временъ, пріобрѣтшіе особенный интересъ пережитыми ими превратностями судьбы и знавшіе множество кабинетныхъ и дворцовыхъ тайнъ. Наконецъ вернулся и бывшій канцлеръ, знаменитый графъ Бестужевъ. Сама императрица представила насъ другъ другу и у нея вырвалась фраза, которую Орловы охотно затушевали бы, если бы это была возможно:

-- Вотъ княгиня Дашкова! Кто бы могъ подумать, что я буду обязана царскимъ вѣнцомъ молодой дочери графа Романа Воронцова!

Современные французскіе писатели, лишающіе насъ утѣшенія и пользы отъ изученія исторіи, тѣмъ что нагромождаютъ цѣлый ворохъ лжи, увѣряютъ, что я интриговала противъ Петра III вмѣстѣ съ графомъ Бестужевымъ. Между тѣмъ онъ былъ сосланъ, когда мнѣ не было и 14 лѣтъ. Онъ былъ врагомъ моего дяди, такъ что я видѣла его всего одинъ разъ и то издали. Меня поразило его умное лицо и тонкое фальшивое выраженіе; я спросила, кто это такой, и такимъ только образомъ узнала его имя.

Фельдмаршалъ Минихъ и Лестокъ—послѣдняго я часто видала въ дѣтствѣ въ домѣ моего дяди, которому онъ былъ близокъ -казались мнѣ живыми мемуарами; въ ихъ разсказахъ я почерпала знаніе человѣческаго сердца, представлявшагося мнѣ раньше въ розовомъ свѣтѣ. Минихъ былъ почтенный старецъ; у него были внучки (дочери его сына) старше меня и онъ полюбилъ меня. Его просвѣщенный умъ, твердость его характера и утонченно вѣжливое обращеніе, свойственное стариннымъ вельможамъ (рѣзко отличавшимся отъ нѣкоторыхъ нашихъ заговорщиковъ) дѣлали изъ него очень пріятнаго и интереснаго собесѣдника. Эта картина, поражая быстрыми появленіями новыхъ лицъ и ихъ противуположностями, заставляла меня размышлять и укрѣпляла мой умъ.

Вскорѣ прибыло другое лицо, которое, можетъ быть невольно и даже само того не подозрѣвая, сдѣлалось источникомъ первыхъ испытанныхъ мной жгучихъ огорченій, противъ которыхъ безсильно мужество, свойственное женщинамъ. То была первая камеристка императрицы, въ бытность ея великой княгиней. Она была сослана одновременно съ графомъ Бестужевымъ и, какъ говорятъ, была въ дружескихъ отношеніяхъ съ моей матерью. Она была дворянскаго происхожденія и отличалась большимъ природнымъ умомъ; ею воспользовались, какъ орудіемъ, что-

бы оклеветать меня передъ отцомъ; однако объ этомъ послѣ [1]).

---

[1]) Когда получилось извѣстіе о смерти Петра III, я была въ такомъ огорченіи и негодованіи, что, хотя сердце мое и отказывалось вѣрить, что императрица была сообщницей преступленія Алексѣя Орлова, я только на слѣдующій день превозмогла себя и поѣхала къ ней. Я нашла ее грустной и растерянной, и она мнѣ сказала слѣдующія слова: «Какъ меня взволновала, даже ошеломила эта смерть!».—«Она случилась слишкомъ рано для вашей славы и для моей», отвѣтила я. Вечеромъ въ аппартаментахъ императрицы я имѣла неосторожность выразить надежду, что Алексѣй Орловъ болѣе чѣмъ когда-либо почувствуетъ, что мы съ нимъ не можемъ имѣть ничего общаго, и отнынѣ не посмѣетъ никогда мнѣ даже кланяться. Всѣ братья Орловы стали съ тѣхъ поръ моими непримиримыми врагами, но Алексѣй, по возвращеніи изъ Ропши, несмотря на свое нахальство, въ продолженіе двадцати лѣтъ ни разу не осмѣлился со мной заговорить.

Если бы кто-нибудь заподозрилъ, что императрица повелѣла убить Петра III или какимъ бы то ни было образомъ участвовала въ этомъ преступленіи, я могла бы представить доказательства ея полной непричастности къ этому дѣлу:—письмо Алексѣя Орлова, тщательно сохраненное ею въ шкатулкѣ, вскрытой Павломъ послѣ ея смерти. Онъ приказалъ князю Безбородко прочесть бумаги, содержавшіяся въ шкатулкѣ, и когда онъ прочелъ вышеупомянутое письмо, Павелъ перекрестился и сказалъ: «Слава Богу! это письмо разсѣяло и тѣнь сомнѣнія, которая могла бы еще сохраниться у меня». Оно было написано собственноручно Алексѣемъ Орловымъ; онъ писалъ, какъ лавочникъ, а тривіальность выраженій, бестолковость, объясняемая тѣмъ, что онъ былъ совершенно пьянъ, его мольбы о прощеніи и какое-то удивленіе, вызванное въ немъ этой катастрофой, придаютъ особенный интересъ этому документу для тѣхъ людей, кто пожелалъ бы разсѣять отвратительныя клеветы, въ изобиліи взводимыя на Екатерину II, которая хотя и была подвержена многимъ слабостямъ, но не была способна на преступленіе. Пьяный, не помня себя отъ ужаса, Алексѣй отправилъ это драгоцѣнное письмо ея величеству тотчасъ же послѣ смерти Петра. Когда, ужъ послѣ кончины Павла, я узнала, что это письмо не было уничтожено и что Павелъ I велѣлъ прочесть его въ присутствіи императрицы и послать Нелидовой и показалъ его великимъ князьямъ и графу Ростопчину, я была такъ довольна и счастлива, какъ рѣдко въ моей жизни.

Примѣчаніе редакціи. Повидимому, тутъ говорится о письмѣ, напечатанномъ въ XXI кн. «Архива кн. Воронцова», стр. 430, по копіи, сообщенной гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ гр. С. Р. Воронцову;

Возвращеніе моего мужа и кровопусканіе, которому я принуждена была себя подвергнуть, вскорѣ успокоили мои нервы и мою кровь. Мы переѣхали въ аппартаменты, приготовленные для насъ во дворцѣ. Мы обѣдали у императрицы; а такъ какъ государыня не ужинала, то намъ подавали ужинъ на нашей половинѣ и мы приглашали къ нему всегда отъ 10—12 персонъ. Мой мужъ получилъ командованіе кирасирскимъ полкомъ, въ которомъ сама императрица числилась полковникомъ.

Этотъ полкъ при императрицѣ Елизаветѣ и Петрѣ III былъ полонъ нѣмцевъ. Ея величество пожелала, чтобы командовалъ имъ русскій вельможа; это назначеніе доставило большое удовольствіе Дашкову; онъ привлекъ въ полкъ молодыхъ русскихъ дворянъ; солдаты и офицеры его боготворили и онъ не жалѣлъ расходовъ на лошадей и пр., чтобы сдѣлать свой полкъ самымъ блестящимъ изъ всей кавалеріи.

Поручикъ Михаилъ Пушкинъ служилъ въ одномъ полку съ моимъ мужемъ. Онъ былъ очень уменъ и благодаря его тонкому уму и остроумной бесѣдѣ пользовался большимъ успѣхомъ среди молодежи. Между нимъ и

графъ Ростопчинъ имѣлъ это письмо, по его словамъ, въ своихъ рукахъ четверть часа; императоръ сжегъ затѣмъ это письмо, о чемъ очень сожалѣлъ впослѣдствіи. Вотъ оно: «Матушка милосердная Государыня! Какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь вѣрному своему рабу, но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка! Готовъ идти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нѣтъ на свѣтѣ. Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ князь Ѳедоромъ; не успѣли мы разнять, а его ужъ и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали; но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебѣ принесъ и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не милъ: прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ».

моимъ мужемъ установились частыя и фамильярныя отношенія, которыя, пожалуй, можно было принять и за дружбу. По просьбѣ мужа я упросила французскаго посла при нашемъ дворѣ, маркиза Лопиталя, прекратить процессъ, начатый противъ Пушкина первымъ французскимъ негоціантомъ въ Петербургѣ, Гейнберомъ, и поддержанный запиской отъ того же посла. Дѣло было серьезно, такъ какъ Пушкинъ вмѣсто того, чтобы заплатить негоціанту слѣдуемыя ему деньги, выгналъ его вонъ изъ дому. Въ то время я была только еще невѣстой князя. Я видѣла маркиза каждый день въ домѣ канцлера и путемъ настойчивыхъ просьбъ мнѣ удалось уговорить его написать командиру полка, маіору князю Меньшикову, что такъ какъ Гейнберъ удовлетворенъ поручикомъ Пушкинымъ, онъ, французскій посолъ, не изъявляетъ никакихъ дальнѣйшихъ претензій и проситъ князя Меньшикова прекратить дѣло и не безпокоить болѣе Пушкина. Я привожу этотъ маленькій инцидентъ во 1-хъ, чтобы обрисовать характеръ этого человѣка, ставшаго причиной второй неосновательной придирки ко мнѣ со стороны императрицы. Я въ этихъ запискахъ не хочу ничего скрывать и разскажу о незначительныхъ недоразумѣніяхъ, происходившихъ между государыней и мной; изъ нихъ станетъ ясно, что я никогда не впадала въ немилость, какъ то утверждали нѣкоторые писатели; она потому только не осыпала меня матеріальными благами, что ей было извѣстно мое безкорыстіе; во 2-хъ потому, что я безъ ложной скромности могу обнаружить и свое сердце, нетронутое среди придворной жизни, прощавшее и врагамъ и неблагодарнымъ людямъ; я сама ничѣмъ не навлекла на себя ихъ недоброжелательство, но мои всемогущіе враги съумѣли обратить противъ меня и тѣхъ, кому я оказала серьезныя услуги; это не помѣшало мнѣ еще въ теченіе сорока двухъ лѣтъ дѣлать все добро, какое было въ моей власти, часто не мало стѣсняя себя въ своихъ болѣе чѣмъ скромныхъ средствахъ. Наконецъ, у Пушкина (отецъ его потерялъ свое мѣсто и попалъ подъ

судъ за лихоимство въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елизаветы) денежныя дѣла были очень разстроены; отецъ не могъ ему ничего давать; жалованье его было невелико и мой мужъ великодушно выручалъ изъ денежныхъ затрудненій какъ его, такъ и его брата.

Еще въ царствованіе Петра III Панинъ возымѣлъ мысль окружить своего воспитанника образованными молодыми людьми, знакомыми съ иностранной литературой. Императрица какъ-то разъ заговорила со мной объ этомъ и я указала на Михаила Пушкина, какъ на человѣка въ этомъ случаѣ вполнѣ подходящаго.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ нашего разговора, Пушкинъ оказался замѣшаннымъ въ очень скандальной исторіи. Желая угодить мужу, хотя я лично не любила Пушкина, я посовѣтовалась съ императрицей о томъ, какъ его выгородить изъ нея, и намъ это удалось. Такимъ образомъ и я, и мой мужъ оказали ему цѣлый рядъ благодѣяній, что, однако, не помѣшало ему подвести меня самымъ недостойнымъ образомъ. Послѣ восшествія императрицы на престолъ, когда мы жили во дворцѣ, онъ пришелъ однажды ко мнѣ очень разстроенный и печальный. На мои разспросы онъ отвѣтилъ, что вѣроятно его несчастная судьба никогда не измѣнится, такъ какъ мое обѣщаніе устроить его при великомъ князѣ все еще не осуществляется. По своей обычной довѣрчивости я думала, что мои утѣшительныя и ласковыя слова могутъ вызвать только благодарность съ его стороны. Я и сказала ему, что если его участіе въ происшедшей несчастной исторіи и воспрепятствуетъ назначенію его къ особѣ великаго князя, все-таки онъ можетъ надѣяться на какое-нибудь другое, очень хорошее мѣсто, которое дастъ ему возможность обнаружить свои таланты и познанія. Надо сказать, что за нѣсколько недѣль до воцаренія императрицы Панинъ находился однажды вечеромъ со своимъ воспитанникомъ у ея высочества. Разговоръ коснулся воспитанія великаго князя и Панинъ выразилъ мнѣніе, что великій

князь потому такъ застѣнчивъ и нелюдимъ, что мало видитъ народу и что слѣдовало бы приставить къ нему нѣсколькихъ образованныхъ молодыхъ людей; въ числѣ прочихъ онъ назвалъ Михаила Пушкина (по просьбѣ моего мужа, горячо рекомендовавшаго Пушкина моему дядѣ передъ отъѣздомъ своимъ въ Константинополь).

— Я охотно вѣрю,—отвѣтила императрица на упоминаніе о Пушкинѣ,—что вся эта некрасивая исторія окажется выдуманной; но достаточно и того, что она огласилась, и что на Пушкина падаетъ и тѣнь сомнѣнія, чтобы лишить его возможности быть товарищемъ моего сына.

Я напомнила императрицѣ, что я предложила кандидатуру Пушкина задолго до этой исторіи, что и мужъ мой также до своего отъѣзда, четыре мѣсяца тому назадъ, говорилъ о немъ своему дядѣ; соглашаясь отъ всего сердца съ мнѣніемъ государыни, я поставила ей на видъ, что въ случаѣ, если вся исторія окажется клеветой, будетъ жаль если небогатый, но способный молодой человѣкъ лишится возможности служить своему отечеству. Императрица и дядя согласились со мной. Въ вышеупомянутомъ разговорѣ съ Пушкинымъ я дала ему понять, что ему не слѣдуетъ очень надѣяться на это мѣсто, такъ какъ императрица, при всемъ своемъ расположеніи къ нему, врядъ ли найдетъ возможнымъ предоставить его ему. Читатель видитъ, какъ много этотъ господинъ былъ обязанъ мнѣ и моему мужу! Что же онъ сдѣлалъ? Выйдя отъ меня, онъ на лѣстницѣ встрѣтилъ Зиновьева и, съ такимъ же печальнымъ лицомъ разсказавъ ему свои невзгоды, прибавилъ, что онъ тѣмъ болѣе несчастенъ, что только что узналъ отъ меня, что императрица вѣритъ скандальнымъ слухамъ, распространившимся на его счетъ. Зиновьевъ предложилъ свести его къ фавориту, Григорію Орлову, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Орловъ разспросилъ Пушкина, въ чемъ дѣло. Тотъ употребилъ все свое краснорѣчіе, которое оказало тѣмъ болѣе успѣшное дѣйствіе, что Орловъ всегда искалъ случая мнѣ повре-

дить. Онъ увѣрилъ Пушкина, что ея величество думаетъ совершенно иначе, обѣщалъ ему, что въ тотъ же вечеръ переговоритъ съ ней и надѣется, что докажетъ ему это.

Вечеромъ, когда мы съ мужемъ собирались ложиться спать, камердинеръ князя передалъ ему письмо. Оно было отъ Пушкина и повергло насъ въ безпредѣльное изумленіе. Онъ писалъ, что Зиновьевъ увлекъ его къ Орлову и что онъ, не помня въ точности своихъ словъ, все же опасается, что они могутъ навлечь на меня непріятности, вслѣдствіе чего онъ готовъ, изъ благодарности къ намъ и повинуясь чувству справедливости, письменно отказаться отъ всего, что говорилъ у Орлова. Онъ предлагалъ моему мужу прислать къ нему на слѣдующее утро за этимъ документомъ. Я совѣтовала не дѣлать этого, но мой мужъ нашелъ, что не слѣдуетъ лишать его возможности оправдаться. Когда на слѣдующее утро я по обыкновенію пошла къ императрицѣ, она спросила меня, зачѣмъ я причиняю безпокойство ея подданнымъ, увѣряя ихъ, что она плохого о нихъ мнѣнія, и огорчила Пушкина, давъ ему понять, что она дурно о немъ думаетъ. Меня ея слова удивили, но я сдержала себя и удовольствовалась тѣмъ, что напомнила императрицѣ, что во вниманіе къ давнишнимъ близкимъ отношеніямъ моего мужа съ Пушкинымъ—хотя, сказать мимоходомъ, я думаю, что мой мужъ не очень ими гордился—я поставила себѣ задачей устроить его судьбу, и предоставляю ей самой судить о его поведеніи въ отношеніи меня; зная ея чувствительный и просвѣщенный умъ, я спросила, можетъ ли она осуждать слова, сказанныя для успокоенія смятенной души, тѣмъ болѣе, что я вовсе и не говорила ему, что ея величество вѣритъ исторіи, столь повредившей ему въ глазахъ общества; я обѣщала ему, взамѣнъ назначенія къ великому князю, доставить ему какое-нибудь другое мѣсто, которое дастъ ему возможность проявить свои таланты.

Этотъ разговоръ меня взволновалъ. Я оставила покои императрицы и ничуть не была удивлена, когда мой мужъ встрѣтилъ меня словами:

— Ты вѣрнѣе поняла Пушкина, чѣмъ я; онъ негодяй; онъ сказалъ посланному, что не можетъ дать письма, обѣщаннаго мнѣ наканунѣ.

— Забудемъ, милый другъ,—отвѣтила я,—этого человѣка, который былъ недостоинъ общенія съ тобой даже въ дѣтствѣ.

Впослѣдствіи, благодаря покровительству Орлова, ему было поручено завѣдываніе мануфактуръ-коллегіей; пользуясь оказаннымъ ему довѣріемъ и данной властью, онъ велѣлъ фабриковать заграницей фальшивыя ассигнаціи, за что былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и провелъ остатокъ своихъ дней.

Ея величество уѣхала въ Москву на коронацію въ сентябрѣ. Я ѣхала съ ней въ каретѣ, мой мужъ также былъ въ ея свитѣ.

По дорогѣ, во всѣхъ городахъ и селахъ, населеніе проявляло такую восторженную радость, что императрица не могла не остаться ею довольной.

Не въѣзжая въ Москву, государыня остановилась въ помѣстьѣ графа Разумовскаго, куда собрались всѣ должностныя лица Москвы и масса приглашенныхъ.

Мой мужъ поѣхалъ навѣстить свою мать и вернулся на слѣдующій день. Я сказала ея величеству, что и мнѣ слѣдуетъ съѣздить въ Москву на одинъ день. Императрица хотѣла отговорить меня отъ этой поѣздки, ссылаясь на мое утомленіе отъ дороги, но ей удалось задержать меня лишь до полудня, такъ какъ я стремилась поскорѣе увидѣть моего маленькаго Михаила, котораго я оставила на попеченіи бабушки. Послѣ обѣда императрица позвала меня и мужа въ отдѣльную комнату и тутъ, попытавшись еще разъ отговорить меня отъ поѣздки, осторожно объявила мнѣ о смерти моего сына Михаила.

Это извѣстіе меня глубоко огорчило, но не поколебало моего намѣренія повидаться со свекровью, которая безъ сомнѣнія была также удручена потерей внука, съ которымъ не разлучалась со дня его рожденія.

Я не вернулась болѣе въ Петровское (имѣніе Разумовскаго), гдѣ императрица оставалась до своего торжественнаго въѣзда въ Москву; мнѣ удалось не только избѣгнуть участія въ этомъ торжествѣ, но и уклониться отъ переѣзда въ помѣщеніе, приготовленное для меня во дворцѣ.

Ея величество въѣхала въ Москву за нѣсколько дней до своего коронованія.

Я ее видѣла каждый день. Орловы, думая унизить меня, внушили церемоніймейстеру, что орденъ св. Екатерины не даетъ мнѣ права на особенное мѣсто во время церемоніи коронованія; онъ, дѣйствительно, не давалъ никакого особаго преимущества въ этомъ отношеніи, но уже 50 лѣтъ считался высшей наградой. Петръ I, желая привлечь дворянство къ службѣ, особенно къ военной, установилъ нѣмецкій этикетъ, согласно которому въ высокоторжественные дни приглашенные размѣщались сообразно чинамъ, жены—по чинамъ своихъ мужей, а дѣвицы—по чинамъ своихъ отцовъ; такимъ образомъ на торжествѣ коронованія я должна была занимать мѣсто жены полковника. Все относительно на этомъ свѣтѣ; мѣсто жены полковника было самое послѣднее въ соборѣ; имъ отводился послѣдній рядъ на высокомъ помостѣ, сооруженномъ въ церкви. Мои друзья думали, что я обижусь этимъ, и находили даже, что мнѣ не слѣдуетъ ѣхать въ церковь.

— Я непремѣнно поѣду,—отвѣчала я;—я непремѣнно хочу видѣть церемонію, которую никогда не видѣла и, надѣюсь, никогда не увижу болѣе. Мнѣ совершенно безразлично, на какомъ мѣстѣ я буду сидѣть; я настолько горда, что думаю, что я своимъ присутствіемъ украшу самое послѣднее мѣсто и сдѣлаю его равнымъ самому первому. Не меня вѣдь будутъ бранить за это, такъ что мнѣ не придется краснѣть, и я настолько великодушна, что желаю, чтобы и другихъ за это не журили.

22 сентября, въ день коронаціи, я, по обыкновенію, отправилась къ императрицѣ, только гораздо раньше обычнаго часа. При выходѣ ея изъ внутреннихъ покоевъ я

слѣдовала непосредственно за ней (великій князь былъ боленъ, а императорской фамиліи не было). Въ соборѣ я, весело улыбаясь, отправилась на свое скромное мѣсто, которое не уготовало мнѣ никакихъ непріятностей, за исключеніемъ одной: я не знала никого изъ дамъ, занимавшихъ мѣста наравнѣ со мной. Я разсуждала, что если бы въ театрѣ давали оперу, которую мнѣ такъ бы хотѣлось видѣть, и не оставалось бы хорошихъ мѣстъ, я, со своей страстной любовью къ музыкѣ, согласилась бы скорѣй занять мѣсто въ райкѣ, чѣмъ вовсе пропустить спектакль. Здѣсь было почти то же самое. Тѣ, кто согласится со мной, что можно быть униженнымъ только собственными поступками, не удивятся тому, что я отнеслась такъ равнодушно къ этому инциденту.

По выходѣ изъ церкви ея величество сѣла на тронъ; тутъ же я была назначена статсъ-дамой [1]). Было много новыхъ назначеній. Мой мужъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ съ чиномъ бригадира; ему вмѣстѣ съ тѣмъ было оставлено и командованіе кирасирскимъ полкомъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль шли безпрерывныя празднества. Москва была довольна и зима проходила среди всеобщаго веселія. Въ это время графъ Бестужевъ, о которомъ я уже упоминала, прочелъ нѣкоторымъ лицамъ вздорную челобитную на имя императрицы, въ которомъ ее всеподданнѣйше, всепочтительнѣйше и всенижайше просили избрать себѣ супруга, въ виду слабаго здоровья великаго князя. Нѣсколько вельможъ подписали ее, но когда онъ явился съ этой челобитной къ моему дядѣ канцлеру, эта безумная и опасная затѣя была навсегда уничтожена мужественнымъ его поведеніемъ. Онъ прервалъ графа Бестужева и просилъ его не нарушать покой, столь необходимый ему, вслѣдствіе его болѣзни, и не волновать его столь нелѣпыми и опас-

---

[1]) Это высшее назначеніе при Петербургскомъ дворѣ, потому что статсъ-дама занимаетъ мѣсто сейчасъ за императорской фамиліей.

нымп для спокойствія и счастія родины проектами; онъ не захотѣлъ слушать дальнѣйшаго чтенія фантастической челобитной и, повернувъ Бестужеву спину, вышелъ изъ комнаты. Бестужевъ вообразилъ, что дядя столь рѣшительно отвергъ его проектъ, опираясь на могущественную партію. Между тѣмъ онъ почти никого не видѣлъ по болѣзни; въ городѣ уже упорно держались слухи, что Бестужевъ былъ орудіемъ честолюбія Григорія Орлова. По уходѣ Бестужева дядя велѣлъ заложить карету и, несмотря на болѣзнь, поѣхалъ просить аудіенціи у императрицы, немедленно принявшей его. Онъ разсказалъ императрицѣ странное заявленіе, которое сдѣлалъ ему Бестужевъ, представилъ ей, сколько затрудненій явилось бы, еслибы она поставила надъ собой повелителя въ лицѣ мужа, и выразилъ мнѣніе, что по всей вѣроятности народъ не пожелаетъ видѣть Орлова ея супругомъ. Императрица увѣрила его, что она никогда не уполномочивала этого стараго интригана на подобный шагъ, и сказала, что не забудетъ откровеннаго и благороднаго образа дѣйствій дяди, въ которомъ она усматриваетъ и чувство дружбы лично къ ней. Дядя отвѣтилъ, что онъ исполнилъ только свой долгъ и предоставляетъ теперь ей самой подумать надъ этимъ, и удалился. Подобное поведеніе канцлера вызвало всеобщее одобреніе и уваженіе къ нему.

Тѣмъ временемъ заболѣла младшая сестра моего мужа, княжна Анастасія. Невѣжество ея врача привело къ тому, что ея сильный организмъ лишь нѣсколько оттянулъ смерть. Она цѣлый мѣсяцъ прожила въ мукахъ и конвульсіяхъ. Я не отходила отъ нея, потому что одна имѣла на нее вліяніе; такъ какъ я сама болѣла до этого и была беременна, то просила мужа никого не принимать. Самъ князь, между глубоко огорченною матерью и умирающею сестрою, которую онъ нѣжно любилъ, былъ очень опечаленъ; мы видѣли только самыхъ близкихъ родныхъ, и такимъ образомъ ничего не знали про множество самыхъ разнорѣчивыхъ слуховъ, ходившихъ по Москвѣ. Моя невѣстка умерла въ

апрѣлѣ. Свекровь переселилась на нѣкоторое время къ своему брату, генералу Леонтьеву. Я была огорчена смертью любезной моей невѣстки, измучена безсонными ночами, что въ связи съ моей беременностью и печальными хлопотами по случаю похоронъ окончательно подорвало мои силы и я слегла въ постель. Болѣзнь и смерть моей невѣстки и собственное недомоганіе избавили меня отъ частыхъ посѣщеній Хитрово, пріѣзжавшаго совѣтоваться со мной насчетъ тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало принять, чтобы помѣшать считавшемуся уже дѣломъ рѣшеннымъ браку императрицы съ Григоріемъ Орловымъ; германскій императоръ пожаловалъ ему титулъ князя священной Римской имперіи.

Этотъ Хитрово былъ однимъ изъ самыхъ безкорыстныхъ заговорщиковъ. Онъ былъ очень прямодушенъ, красивъ собой и обладалъ благородными и утонченными манерами, что можетъ быть и вызвало ревность Орловыхъ. Его двоюродный братъ Ржевскій, присоединившійся къ Орловымъ и Хитрово въ заговорѣ противъ Петра III, передалъ Алексѣю Орлову, что Хитрово предложилъ всѣмъ участникамъ переворота собраться и умолять императрицу не приводить въ исполненіе проекта Бестужева и въ случаѣ, если императрица отъ своего намѣренія не отступится, убить Григорія Орлова. Хитрово былъ арестованъ и допрошенъ Алексѣемъ Орловымъ; говорили даже, что Орловъ грубо съ нимъ обошелся. Онъ не только ничего не отрицалъ, но даже съ гордостью объявилъ, что первый вонзитъ шпагу въ сердце Орлова и самъ готовъ скорѣй умереть, чѣмъ примириться съ унизительнымъ сознаніемъ, что вся революція послужила только къ опасному для отечества возвышенію Григорія Орлова.

Во время болѣе офиціальнаго допроса, которому его подвергъ Суворовъ (отецъ знаменитаго фельдмаршала), его спросили, не сообщалъ ли онъ мнѣ своихъ плановъ и какого я была мнѣнія о нихъ. Онъ отвѣтилъ:

— Я былъ три раза у княгини, чтобы спросить ея совѣтовъ, даже ея приказаній на этотъ счетъ, но меня ни

разу къ ней не допустили. Я впослѣдствіи узналъ, что она никого не принимала. Если бы я имѣлъ честь ее увидать я бы сообщилъ ей свои мысли на этотъ счетъ и убѣжденъ, что услышалъ бы изъ ея устъ только слова, продиктованныя патріотизмомъ и величіемъ души.

Я не знаю, чему приписать слѣдующій поступокъ Суворова: встрѣтивъ на слѣдующій день во дворцѣ мужа, онъ передалъ ему подъ секретомъ содержаніе вышеописаннаго допроса, ссылаясь на свою благодарность къ покойному отцу князя, за оказанныя ему услуги.

12-го мая я родила сына, а 13-го мой мужъ схватилъ ангину, которой страдалъ каждый годъ; у него былъ сильный жаръ. Три дня спустя пріѣхалъ Тепловъ, первый секретарь императрицы, съ письмомъ отъ государыни и велѣлъ просить мужа выйти къ нему на улицу въ виду того, что у него есть вѣскія основанія доставить ему это безпокойство и не входить самому въ домъ (потому ли, что государыня приказала передать письмо секретно, или потому, что Тепловъ не желалъ встрѣтить у насъ Паниныхъ). Князь, лежавшій въ комнатѣ смежной съ моей, безшумно одѣлся и вышелъ къ Теплову на улицу. Мужъ былъ въ негодованіи отъ содержанія письма, въ которомъ императрица выражала надежду, что не окажется вынужденной забыть мои заслуги и потому проситъ мужа повліять на меня въ томъ смыслѣ, чтобы и я не забывалась, такъ какъ до нея дошли слухи, что я осмѣливаюсь ей угрожать. Я ничего не знала о письмѣ и появленіи Теплова до вечера, когда пріѣхали оба графа Панины и стали тихо разговаривать въ сосѣдней комнатѣ, какъ бы опасаясь, чтобы я ихъ не услышала. Моя невѣстка, княжна Александра, вышла ко мнѣ изъ комнаты брата и я ее спросила, кто тамъ. Она отрицала присутствіе кого бы то ни было. Это меня встревожило и, вообразивъ, что мужъ очень боленъ, я собиралась вскочить съ постели, чтобы идти къ нему. Тогда княжна Александра сказала, что мужу гораздо лучше, но что у него оба Панины, которые о чемъ-то оживленно разговариваютъ

съ ея братомъ. Я попросила ее передать Панинымъ, что я бы хотѣла съ ними поговорить. Они вошли ко мнѣ и разсказали о письмѣ и посѣщеніи Теплова. Я гораздо больше вознегодовала на то, что Тепловъ вызвалъ мужа на улицу, несмотря на его болѣзнь, чѣмъ на несправедливость императрицы; меня она не удивила; я вѣдь знала, что Орловы были моими врагами. Я хотѣла прочесть письмо, но генералъ Панинъ отвѣтилъ на это:

— Князь сдѣлалъ то, что и я бы сдѣлалъ на его мѣстѣ: онъ разорвалъ записку и отвѣтилъ Теплову твердо и съ достоинствомъ.

Должна сознаться, что я была покойнѣе, чѣмъ была бы всякая другая при подобныхъ обстоятельствахъ, и поручила графу Панину спросить императрицу, слѣдуетъ ли послать моего сына для обряда крещенія во дворецъ, въ виду того, что сама государыня предложила мнѣ крестить моего ребенка.

— Я увѣрена,—сказала я,—что она не позволитъ себѣ отказать въ этомъ. Когда ушли Панины, мой мужъ всталъ съ постели и, пока ее оправляли, пришелъ ко мнѣ; онъ былъ такъ блѣденъ, что я не вѣрила улучшенію его здоровья. Я не позволила ему долго сидѣть возлѣ меня и уговорила выпить бульону, когда ляжетъ въ кровать. Его блѣдность встревожила меня и не дала мнѣ уснуть въ обычный часъ.

Не успѣла я наконецъ задремать, какъ меня разбудили какіе-то пьяные крики подъ окномъ. То были ткачи, которыхъ Орловы, жившіе въ собственномъ домѣ (одинъ только Григорій жилъ во дворцѣ) вызывали къ себѣ, заставляли пѣть и плясать, затѣмъ напаивали ихъ и отпускали домой. Теперь они шли домой, и къ несчастью окно моей спальни выходило на улицу и я отъ шума и крика вскочила въ испугѣ. Я почувствовала сильныя внутреннія боли и судороги въ рукѣ и ногѣ. Я послала мою старушку, спавшую возлѣ меня, за полковымъ хирургомъ (онъ жилъ у насъ въ домѣ) и велѣла впустить его ко мнѣ въ другую дверь,

не черезъ комнату мужа. Когда хирургъ меня увидалъ, онъ совершенно растерялся и хотѣлъ послать за докторомъ и разбудить князя. Я не позволила ни того, ни другого; однако въ шесть часовъ мнѣ стало хуже и, думая, что я умираю, я велѣла разбудить мужа. Мой докторъ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и придворнымъ лекаремъ, жилъ во дворцѣ въ большомъ разстояніи отъ насъ; онъ пріѣхалъ только послѣ девяти часовъ; онъ меня спасъ, но поправлялась я долго и очень медленно.

Императрица и великій князь крестили моего сына. Въ день, назначенный ея величествомъ, графиня Панина поѣхала ко двору и отвезла моего сына императрицѣ; но ея величество не справилась о моемъ здоровьѣ.

Вскорѣ дворъ уѣхалъ въ Петербургъ. Я осталась въ Москвѣ, каждый день принимала ванны, но силы мои не возвращались. Въ іюлѣ мужъ мой уѣхалъ въ Петербургъ и затѣмъ въ Дерптъ, гдѣ квартировалъ его полкъ. Я же переѣхала въ наше имѣніе, лежавшее въ 7 верстахъ отъ Москвы. Дѣвица Каменская съ сестрами раздѣляли мое уединеніе. Чистый воздухъ, холодныя ванны и правильная жизнь благотворно повліяли на мое здоровье. Въ декабрѣ я, хотя еще и не совсѣмъ окрѣпши, уѣхала въ Петербургъ, въ сопровожденіи старшей дѣвицы Каменской. Мужъ мой нанялъ для меня домъ Одара, помѣстительный и заново отдѣланный [1]).

Вслѣдствіе смерти Августа, короля польскаго, польскій престолъ оказался вакантнымъ, что конечно представило широкое поле политическимъ интригамъ. Саксонская династія желала сохранить польскую корону въ своей семьѣ; прусскій король желалъ противоположнаго. Часть польскихъ вельможъ, подкупленные щедротами саксонскихъ курфюрстовъ, склонялась въ ихъ пользу. Другіе же, бу-

[1]) Покажется, пожалуй, страннымъ, что у княгини Дашковой не было собственнаго дома и что она была вынуждена нанять домъ своего же протеже, который получилъ его отъ щедротъ императрицы.

дучи горячими патріотами, находили, что, въ случаѣ избранія короля изъ Саксонскаго дома, польская корона окажется почти наслѣдственной въ саксонской династіи, что противорѣчило бы принципамъ польской конституціи, и желали возведенія на престолъ одного изъ Пястовъ. Вѣнскій кабинетъ, стремившійся пріобрѣсти дружбу и довѣріе нашего Двора, не задумываясь также объявилъ себя сторонникомъ Пястовъ, можетъ быть имѣя въ виду одного изъ князей Чарторыжскихъ. Императрица, не объявляя еще своего намѣренія возвести на престолъ Понятовскаго, высказалась только за конституціонное избраніе одного изъ Пястовъ, но когда она сказала это въ совѣтѣ, князь Орловъ вдругъ выставилъ сильные доводы противъ возвышенія Понятовскаго. Военный министръ, графъ Захаръ и его братъ, графъ Иванъ Чернышевы, видя, какое вліяніе имѣетъ Орловъ на императрицу, стали (правда, не совсѣмъ открыто) на сторону Орлова; были пущены въ ходъ всѣ мѣры, вплоть до посылки войскъ въ Польшу, чтобы, избѣгая, однако, явнаго неповиновенія, помѣшать осуществленію плановъ императрицы. Приближалось время собранія сейма и императрица находила, что во главѣ войскъ долженъ стоять энергичный человѣкъ, который будетъ дѣйствовать не сообразуясь съ желаніями фаворита. Ея выборъ палъ на моего мужа и она такъ секретно повела съ нимъ переговоры, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга прежде, нежели узнали о его назначеніи. Князь былъ польщенъ довѣріемъ императрицы. Онъ быстро собрался въ путь и восторжествовалъ надъ всѣми препятствіями. Князю Волконскому, получившему командованіе надъ войсками, которыя должны были вступить въ Польшу и поддерживать патріотовъ и конституціонныя права Польши, было повелѣно остановиться въ Смоленскѣ. Мой мужъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи количество войскъ, необходимое для экспедиціи. Его полномочія устранили всѣ затрудненія, возникшія вслѣдствіе того, что подъ его начальствомъ очутились генералы и бригадиры, старшіе его по службѣ; до

своего прибытія въ Варшаву онъ долженъ былъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только непосредственно самой императрицѣ и своему дядѣ, министру, графу Панину.

Разлука съ мужемъ и болѣзнь моей дочери разстроили меня настолько, что я нашла нужнымъ перемѣнить климатъ; но, не желая удаляться отъ Петербурга, гдѣ скорѣй всего могла получать свѣдѣнія о мужѣ, я попросила у моего двоюроднаго брата, князя Куракина, разрѣшенія поселиться въ его помѣстьяхъ въ Гатчинѣ, ставшей теперь столь великолѣпной.

Тогда еще не было чудесной и значительно сокращенной дороги, которую провели впослѣдствіи, когда императрица купила Гатчину послѣ смерти князя Куракина, такъ что Гатчина была въ 60 верстахъ отъ Петербурга. Я удалилась туда съ госпожей Каменской и моими двумя дѣтьми и жила въ Гатчинѣ до возвращенія императрицы изъ ея путешествія въ Ригу, въ полномъ уединеніи, выѣзжая изъ дому только для прогулки въ экипажѣ или верхомъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этого, генералъ Панинъ былъ назначенъ сенаторомъ и членомъ совѣта. Такъ какъ у него не было своего дома, а моя квартира была чрезвычайно помѣстительна, я предложила ему занять ее, не желая дѣлать пріемовъ, ни тратить много денегъ въ отсутствіе моего мужа, а сама переселилась съ дѣтьми во флигель, гдѣ была и баня, необходимая для дѣтей.

Генералъ Панинъ занималъ мой домъ до отъѣзда императрицы въ Ригу, куда онъ ее сопровождалъ. Въ качествѣ сенатора онъ каждый день принималъ большое количество просителей; наши входы и выходы были на противоположныхъ концахъ дома; кромѣ того пріемъ дяди происходилъ въ весьма ранніе часы, такъ что я никогда не видала его просителей и не знала даже, кто они. Въ числѣ ихъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ и Мировичъ, ставшій знаменитымъ вслѣдствіе своего нелѣпаго и преступнаго замысла вернуть престолъ Іоанну, заключенному въ Шлиссельбург-

скую крѣпость. Это обстоятельство снова чуть не создало мнѣ огорченія, возбудивъ подозрѣнія, которыхъ я рѣшительно ничѣмъ не вызвала. Но моихъ принциповъ не понимали, а высокое положеніе при дворѣ неминуемо сопряжено съ горестями и непріятностями. Я слишкомъ много сдѣлала для императрицы и во вредъ собственнымъ интересамъ, чтобы не стать мишенью для злобы и клеветы.

Дворъ вернулся въ Петербургъ, куда и я переѣхала черезъ нѣсколько дней. Мой дядя, генералъ Панинъ, жилъ уже въ своемъ домѣ и его жена пріѣхала къ нему изъ Москвы. Эта почтенная женщина, бывшая для меня искреннимъ другомъ и отличавшаяся, кромѣ всѣхъ качествъ, присущихъ женщинамъ, необычайной кротостью и благодушіемъ, имѣла слабыя легкія и, со времени нашего отъѣзда изъ Москвы, ея болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи. Генералъ, много бывая при дворѣ, принужденъ былъ часто отлучаться изъ дому, вслѣдствіе чего я удѣляла много времени его супругѣ, которую искренно любила.

Однажды дядя сказалъ мнѣ, что во время своего пребыванія въ Ригѣ императрица получила письмо отъ Алексѣя Орлова, сообщавшее ей про заговоръ Мировича; это извѣстіе очень встревожило императрицу и она передала письмо своему первому секретарю, Елагину; письмо содержало приписку, гласившую, что видѣли, какъ Мировичъ нѣсколько разъ рано утромъ бывалъ у меня въ домѣ. Елагинъ сталъ увѣрять ея величество, что это, по всей вѣроятности, ошибка, такъ какъ врядъ ли княгиня Дашкова, не принимавшая почти никого, допустила бы до себя никому неизвѣстнаго и повидимому не совсѣмъ нормальнаго человѣка. Елагинъ не удовольствовался этимъ честнымъ и прямодушнымъ поступкомъ и прямо отъ императрицы пошелъ къ генералу Панину и разсказалъ ему все. Тотъ уполномочилъ его передать императрицѣ, что, дѣйствительно, Мировичъ бывалъ рано по утрамъ въ моемъ домѣ, но онъ приходилъ къ нему, Панину, по одному дѣлу въ сенатѣ. Къ тому же Панинъ

вызывался, если императрица пожелаетъ, сообщить свѣдѣнія о Мировичѣ, который былъ адъютантомъ полка, состоявшаго подъ командованіемъ Панина въ Семилѣтнюю войну. Елагинъ отправился къ императрицѣ и передалъ ей, что графъ Панинъ можетъ удовлетворить ея любопытство насчетъ Мировича.

Дѣйствительно, государыня послала за Панинымъ; онъ разсказалъ ей все, что зналъ и, если съ одной стороны онъ уничтожилъ въ ней всякое подозрѣніе въ моемъ сообществѣ съ Мировичемъ, то съ другой—врядъ ли доставилъ ей удовольствіе, обрисовавъ ей портретъ Мировича, составлявшій точный снимокъ съ Григорія Орлова, самонадѣяннаго вслѣдствіе своего невѣжества и предпріимчиваго вслѣдствіе того, что не умѣлъ измѣрить глубину и обширность замысловъ, которые онъ думалъ легко исполнить съ помощью своего скуднаго ума.

Меня это все повергло въ печаль. Я увидѣла, что мой домъ или скорѣй домъ графа Панина былъ окруженъ шпіонами Орловыхъ; я жалѣла, что императрицу довели до того, что она подозрѣвала даже лучшихъ патріотовъ, а когда Мировича казнили, я радовалась тому, что никогда не видѣла его, такъ какъ это былъ первый человѣкъ, казненный смертью со дня моего рожденія, и еслибы я знала его лицо, можетъ быть оно преслѣдовало бы меня во снѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ казни.

Этотъ заговоръ такъ ничѣмъ и не кончился, а публичный судъ надъ Мировичемъ (его допросъ и весь процессъ происходилъ при участіи не только всѣхъ сенаторовъ, но всѣхъ президентовъ и вице-президентовъ коллегій и генераловъ петербургской дивизіи) не оставилъ никому въ Россіи ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ этого дѣла: всѣ ясно увидѣли, что легкость, съ которою Петръ III былъ низложенъ съ престола, внушила Мировичу мысль, что и ему удастся сдѣлать то же самое въ пользу Іоанна. За границей же, искренно ли или притворно, приписывали всю эту исторію ужасной интригѣ императрицы, которая

будто бы обѣщаніями склонила Мировича на его поступокъ и затѣмъ предала его. Въ мое первое путешествіе за границу въ 1770 г. мнѣ въ Парижѣ стоило большого труда оправдать императрицу въ этомъ двойномъ предательствѣ. Всѣ иностранные кабинеты, завидуя значенію, какое пріобрѣла Россія въ царствованіе просвѣщенной и дѣятельной государыни, пользовались всякимъ самымъ ничтожнымъ поводомъ для возведенія клеветы на императрицу. Я говорила въ Парижѣ (и до этого еще Неккеру и его женѣ, которыхъ видѣла въ Спа), что странно именно французамъ, имѣвшимъ въ числѣ своихъ министровъ кардинала Мазарини, приписывать государямъ и министрамъ столь сложные способы избавиться отъ подозрительныхъ людей, когда они по опыту знаютъ, что стаканъ какого-нибудь напитка приводитъ къ той же цѣли гораздо скорѣй и секретнѣе.

Изъ иностранцевъ я видѣлась только съ польскимъ посломъ, графомъ Ржевусскимъ, такъ какъ онъ могъ доставлять мнѣ свѣдѣнія о моемъ мужѣ. Онъ сообщилъ мнѣ, что благодаря энергіи князя, планъ императрицы несомнѣнно удастся, что порядокъ и дисциплина въ его войскахъ привлекли къ нимъ всѣ сердца и что графъ Понятовскій былъ въ особенности обязанъ ему. Императрица также отзывалась о мужѣ съ похвалой и называла его своимъ «маленькимъ фельдмаршаломъ». Но Провидѣнію не было угодно, чтобы онъ воспользовался плодами своихъ трудовъ и благороднаго безкорыстія.

Въ сентябрѣ въ Петербургъ пріѣхалъ (вслѣдъ за курьеромъ, возвѣстившимъ избраніе Понятовскаго на польскій престолъ) курьеръ отъ нашего посла въ Варшавѣ графа Кейзерлинга, и его коллеги князя Репнина съ извѣстіемъ, что мой мужъ, совершая усиленные переходы не взирая на сильную лихорадку, наконецъ палъ жертвой рвенія, которое онъ приложилъ къ исполненію воли императрицы. Однажды утромъ моя тетка, графиня Панина, пріѣхала ко мнѣ, грустная и разстроенная, и предложила мнѣ прокатиться съ ней въ экипажѣ и затѣмъ отобѣдать у нея. Я думала,

что она чувствуетъ себя хуже, не предполагая, что я была достойна жалости больше ея. Я быстро одѣлась и, пріѣхавъ къ ней, застала обоихъ дядей; ихъ растерянный и печальный видъ внушилъ мнѣ опасенія.

Послѣ обѣда, при разныхъ приготовленіяхъ, придуманныхъ ими для сообщенія мнѣ самой ужасной для меня катастрофы, я узнала о смерти моего мужа. Я была въ состояніи истинно достойномъ сожалѣнія. Лѣвая нога и рука, уже пораженныя послѣ родовъ, совершенно отказались служить и висѣли, какъ колодки. Мнѣ приготовили постель, привели дѣтей, но я 15 дней находилась между жизнью и смертью. Моя добрая тетка, не взирая на свою слабость, и г-жа Каменская день и ночь ухаживали за мной. Докторъ Крузе своимъ искусствомъ и уходомъ спасъ мнѣ жизнь. Мои дѣти со своимъ штатомъ и все необходимое для меня было перевезено въ домъ Паниной, пока я еще не пришла въ сознаніе. Меня помимо моей воли помѣстили въ покояхъ тети, оставившей для себя только одну маленькую комнатку. Пятнадцать дней спустя ей самой стало рѣшительно хуже и она почти не покидала уже постели. Я приказывала носить себя къ ней каждый день, а черезъ недѣлю не стало моего нѣжнаго друга. На слѣдующій день послѣ ея смерти меня перенесли въ карету и я вернулась къ себѣ домой.

Меня долгое время оставляли въ невѣдѣніи относительно разстроеннаго матеріальнаго положенія, въ которомъ мужъ оставилъ меня и дѣтей. Вслѣдствіе своего великодушія по отношенію къ офицерамъ, онъ помогалъ имъ, дабы они не причиняли безпокойства жителямъ, и надѣлалъ много долговъ. Въ концѣ концовъ пришлось сообщить мнѣ цифру долговъ. Покинутая своей семьей[1]), я могла

[1]) Моего брата, графа Александра, который относился ко мнѣ всегда съ неизмѣннымъ вниманіемъ и дружбой, не было въ то время въ Россіи; онъ занималъ постъ чрезвычайнаго и полномочнаго министра въ Голландіи.

ждать совѣтовъ и помощи только отъ графовъ Паниныхъ. Мужъ, умирая, написалъ графу Панину, министру, письмо, въ которомъ, обвиняя себя въ разстройствѣ дѣлъ, просилъ его привести ихъ въ порядокъ, не покидать меня и дѣтей и постараться заплатить кредиторамъ, не лишая насъ нѣкотораго достатка. Онъ назначалъ его опекуномъ надъ имѣніями и дѣтьми. Тотъ попросилъ своего брата быть опекуномъ совмѣстно съ нимъ и, оба, показавъ мнѣ письмо мужа, объяснили, что и мнѣ необходимо принять участіе въ опекѣ, въ виду того, что они по своей должности обязаны жить въ Петербургѣ, а я могла ѣздить и въ Москву и въ свои имѣнія и слѣдовательно могла принести больше пользы, нежели они. Старшій графъ Панинъ, думая, что ея величество, узнавъ, въ какомъ положеніи я осталась съ дѣтьми, поспѣшитъ меня выручить, испросилъ у нея указъ, дозволявшій опекѣ продать земли для уплаты долговъ. Я была этимъ крайне недовольна и, когда мнѣ принесли указъ, объявила, что я никогда не воспользуюсь этой царской милостью и предпочитаю ѣсть одинъ хлѣбъ, чѣмъ продать родовыя помѣстья моихъ дѣтей.

Мнѣ удалось уѣхать изъ Петербурга только въ мартѣ 1765 г., и то подвергаясь большой опасности, такъ какъ настала оттепель и переправа черезъ рѣки была весьма рискована. Едва я начала вставать на нѣсколько часовъ съ постели, у моего сына образовался глубокій нарывъ. Операція была болѣзненна и опасна, но благодаря уходу Крузе и искусству хирурга Кельхена жизнь его была спасена.

Эта болѣзнь отсрочила еще мое выздоровленіе; я отдала тремъ главнымъ кредиторамъ моего мужа все его серебро и свои немногія драгоцѣнности, оставивъ себѣ только вилки и ложки на четыре куверта, и уѣхала въ Москву, твердо рѣшивъ уплатить всѣ долги мужа, не продавая земель и не прибѣгая къ помощи казны.

Пріѣхавъ въ Москву, я хотѣла поселиться въ деревнѣ, но узнала, что домъ совсѣмъ развалился; тогда я велѣла вы-

брать крѣпкія балки и выстроить изъ нихъ маленькій деревянный домъ, и слѣдующей весной поселилась въ немъ на восемь мѣсяцевъ. Я ассигновала на себя и на дѣтей всего 500 р. въ годъ, и благодаря моимъ сбереженіямъ и продажѣ серебра и драгоцѣнностей, къ моему крайнему удовольствію, всѣ долги были уплачены въ теченіе 5 лѣтъ. Еслибы мнѣ сказали до моего замужества, что я, воспитанная въ роскоши и расточительности, съумѣю въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (несмотря на свой двадцатилѣтній возрастъ) лишать себя всего и носить самую скромную одежду, я бы этому не повѣрила; но подобно тому, какъ я была гувернанткой и сидѣлкой моихъ дѣтей, я хотѣла быть и хорошей управительницей ихъ имѣній и меня не пугали никакія лишенія.

На меня обрушилась еще одна непріятность. Моя свекровь, находя, что вслѣдствіе какой-то ошибки при совершеніи купчей на домъ, пріобрѣтенный покойнымъ ея мужемъ, она имѣетъ право располагать имъ по своему усмотрѣнію, подарила его своей внучкѣ, Глѣбовой, вслѣдствіе чего у меня не стало больше пристанища въ городѣ. Я не только не жаловалась на это, но рѣшила не произносить при моей свекрови слова «домъ» и только этой деликатностью отомстила ей за ущербъ, причиненный ею моимъ дѣтямъ. Я купила участокъ земли на той же улицѣ съ полуразрушеннымъ зданіемъ и выстроила себѣ на окраинѣ участка деревянный домъ, чтобы жить въ немъ въ ожиданіи времени, когда мнѣ представится возможность выстроить каменный. Три года спустя моя свекровь, которой понадобилось временно оставить, вслѣдствіе какихъ-то передѣлокъ, свои покои въ монастырѣ, куда она удалилась по смерти сына, не добилась разрѣшенія жить въ домѣ своего зятя Глѣбова и помѣстилась у меня, въ домѣ, смежномъ съ моимъ и очень выгодно купленномъ мною въ предыдущемъ году.

Въ 1768 г. я тщетно просила разрѣшенія поѣхать за границу: я надѣялась, что перемѣна климата и путешествіе

благотворно подѣйствуютъ на моихъ дѣтей, у которыхъ была англійская болѣзнь. Мои письма остались безъ отвѣта. Тогда я съѣздила въ Кіевъ, что въ оба конца составило почти 2000 верстъ, такъ какъ я сворачивала съ прямого пути, чтобы видѣть разные города и въ особенности нѣмецкія колоніи, основанныя императрицей и чрезвычайно меня интересовавшія.

Мое пребываніе въ Кіевѣ было для меня очень пріятно. Мѣстный губернаторъ генералъ Воейковъ, родственникъ моего мужа, былъ очень образованный человѣкъ; въ молодости онъ служилъ по коллегіи иностранныхъ дѣлъ и ему поручались деликатныя дѣла съ иностранными дворами, вслѣдствіе чего онъ много путешествовалъ и видѣлъ множество людей. Веселый характеръ, который онъ съумѣлъ сохранить несмотря на преклонный возрастъ, и интересный, поучительный разговоръ дѣлали изъ него весьма пріятнаго собесѣдника. Мы проводили съ нимъ цѣлые дни и онъ даже сопровождалъ меня при осмотрѣ пещеръ. Онѣ очень любопытны; это цѣлый рядъ углубленій, высѣченныхъ въ горѣ, на которой выстроенъ городъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ лежатъ тѣла святыхъ, жившихъ въ нихъ, удивительно хорошо сохранившіяся. Соборъ Печерскаго монастыря замѣчателенъ старинной мозаикой, покрывающей стѣны. Въ одной изъ церквей есть фрески, изображающія вселенскіе соборы до отдѣленія церквей. Эти фрески необыкновенно красивы и написаны вѣроятно великими художниками.

Въ Кіевѣ давно уже была академія и университетъ, въ которыхъ нѣсколько сотъ студентовъ обучались даромъ. Въ мое время еще существовалъ у нихъ обычай пѣть каждый день подъ окнами богатыхъ обывателей псалмы и духовные стихи; ихъ за это щедро награждали, а они отдавали деньги своимъ наставникамъ. Наука проникла въ Кіевъ изъ Греціи задолго до ея появленія у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ, съ такой готовностью называющихъ русскихъ варварами. Философія Ньютона преподавалась въ этихъ школахъ въ то время, какъ ка-

толическое духовенство запрещало ее во Франціи. Кромѣ Печерской лавры я посѣтила много замѣчательныхъ монастырей и церквей. Я употребила на это путешествіе почти три мѣсяца и съ удовольствіемъ замѣтила, что оно очень благотворно повліяло на здоровье моихъ дѣтей и обошлось не особенно дорого, такъ какъ я все время ѣхала на своихъ лошадяхъ.

На слѣдующій годъ я отправилась въ Петербургъ, твердо рѣшившись добиться разрѣшенія поѣхать за границу. Какъ дворянка, я имѣла на это полное право, но какъ кавалерственная дама я обязана была испросить на то позволеніе императрицы. Я отложила свою просьбу до годовщины восшествія на престолъ, которая праздновалась въ Петергофѣ. Предварительно я говорила всѣмъ о своемъ желаніи попутешествовать за границей и на вопросъ, имѣла ли я на то разрѣшеніе государыни, отвѣчала, что я ее еще объ этомъ не просила, но что врядъ ли она мнѣ откажетъ, такъ какъ я ничего не сдѣлала, что могло бы лишить меня права, присвоеннаго каждому дворянину. Въ день восшествія на престолъ, на балу въ Петергофѣ, я какъ бы нечаянно стала рядомъ съ иностранными министрами и вступила съ ними въ разговоръ. Императрица подошла къ нимъ и, между прочимъ, заговорила и со мной. Я отвѣчала на ея вопросъ и, боясь упустить удобный случай, немедленно же однимъ духомъ попросила ее отпустить меня на два года въ иностранные края для поправленія здоровья моихъ дѣтей. Она не рѣшилась отказать мнѣ.

— Мнѣ очень жаль, что такая причина принуждаетъ васъ путешествовать, — отвѣтила она, — но, конечно, княгиня, вы свободны уѣхать, когда пожелаете.

Когда императрица отошла всего на нѣсколько шаговъ, я попросила камергера Талызина [1]) сказать моему дядѣ, министру графу Панину, чтобы онъ велѣлъ приготовить

[1]) У его жены была интрига съ дядей, что не мѣшало моимъ врагамъ выдавать меня то за его дочь, то за его любовницу.

мой паспортъ, такъ какъ я только что получила разрѣшеніе ея величества ѣхать за границу.

Планъ мой удался. Вскорѣ я уѣхала изъ Петербурга въ Москву и Троицкое, чтобы устроить свои дѣла и съ первымъ саннымъ путемъ отправиться за границу. Когда графъ Панинъ и другія лица, принимавшія во мнѣ участіе, спрашивали меня, хватитъ ли у меня средствъ на поѣздку, я отвѣчала, что буду путешествовать подъ чужимъ именемъ и буду тратить деньги только на ѣду и на лошадей.

Я вернулась въ Петербургъ въ декабрѣ и въ томъ же мѣсяцѣ отправилась въ Ригу. За нѣсколько дней до моего отъѣзда помощникъ секретаря кабинета принесъ мнѣ отъ имени ея величества четыре тысячи рублей. Не желая раздражать императрицу отказомъ отъ этой смѣхотворной суммы, я принесла счета моего сѣдельника и золотыхъ дѣлъ мастера, доставившаго мнѣ нѣсколько серебряныхъ дорожныхъ вещей.

— Вы видите эти счета,—сказала я ему;—они еще не оплачены; потрудитесь положить на столъ нужную для ихъ оплаты сумму, а остальное возьмите себѣ.

Наконецъ я уѣхала. Я предприняла свое путешествіе, главнымъ образомъ, съ цѣлью осмотрѣть разные города и остановиться на томъ изъ нихъ, гдѣ я могла бы воспитать дѣтей, зная, что лесть челяди, баловство родныхъ и отсутствіе въ Россіи образованныхъ людей не позволятъ мнѣ дать моимъ дѣтямъ дома хорошее воспитаніе и образованіе.

До Риги я доѣхала на почтовыхъ. Отдохнувъ нѣсколько дней, я взяла лошадей до Берлина. Въ Кенигсбергѣ я, по просьбѣ графини Кейзерлингъ, пробыла шесть дней. Тутъ мнѣ пришлось бросить полозья, такъ какъ даже колеса съ трудомъ катились по глубокимъ пескамъ Пруссіи.

Въ Данцигѣ я жила въ лучшей гостиницѣ «Россія», гдѣ останавливались всѣ русскіе и вообще знатные путешественники. Тѣмъ болѣе меня удивило, что въ залѣ висѣли двѣ картины, изображавшія битвы, проигранныя русскими войсками; раненые и умирающіе на колѣняхъ

просили пощады у побѣдоносныхъ пруссаковъ. Я спросила у нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, Ребиндера, какъ онъ это терпитъ, но онъ отвѣтилъ, что не можетъ вмѣшиваться въ это дѣло и что графъ Алексѣй Орловъ, проѣзжая черезъ Данцигъ, останавливался въ той же гостинницѣ и сердился при видѣ этихъ картинъ.

— И онъ ихъ не купилъ,—спросила я,—и не бросилъ въ огонь? Въ сравненіи съ нимъ я очень бѣдна и не могу дѣлать такихъ ненужныхъ покупокъ: такъ какъ мои доходы и доходы моихъ дѣтей недостаточны для моего путешествія, то я оставила полномочіе на продажу моего дома въ Петербургѣ; но все-таки я это устрою!

Когда Ребиндеръ уѣхалъ, я поручила секретарю миссіи, Волчкову, и совѣтнику Штеллингу (сопутствовавшему мнѣ до Берлина, гдѣ онъ былъ прикомандированъ къ нашему посольству) купить синей, зеленой, красной и бѣлой масляной краски и послѣ ужина они оба и я, хорошенько заперевъ дверь, перекрасили мундиры на картинахъ, такъ что пруссаки, мнимые побѣдители, превратились въ русскихъ, а побѣжденныя войска—въ пруссаковъ. Мы проработали почти всю ночь; не знаю, что подумали хозяинъ и мои люди, видя, что я заперлась съ этими господами; но я была счастлива и боялась, чтобы мнѣ не помѣшали, какъ ребенокъ, дѣлающій что-нибудь запрещенное. На слѣдующій день я велѣла разложить въ этой комнатѣ мои сундуки и подъ этимъ предлогомъ не впускала ни хозяина, ни людей. Черезъ день я уѣхала изъ Данцига, но передъ отъѣздомъ показала нашему резиденту совершенную мною метаморфозу. Не знаю, что подумалъ хозяинъ, увидѣвъ, что пруссаки вдругъ проиграли обѣ битвы, но я была собой очень довольна.

Со мной путешествовали госпожа Каменская, мои дѣти и мой двоюродный братъ, Воронцовъ, атташе нашей миссіи въ Гаагѣ.

Въ Берлинѣ я пробыла два мѣсяца. Посланникомъ нашего двора былъ въ то время князь Долгоруковъ, справед-

ливо пользовавшійся всеобщей любовью и уваженіемъ. Онъ осыпалъ насъ любезностями, исходившими отъ искренняго и теплаго сердца. Не знаю, любопытство ли видѣть неотесаннаго медвѣдя (какъ я часто называла себя, чтобы подразнить своихъ друзей), но королева, принцессы и принцъ Генрихъ съ супругой неотступно просили князя Долгорукова убѣдить меня пріѣхать ко двору. Я знала, что этикетъ берлинскаго двора воспрещалъ частнымъ лицамъ представляться ко двору подъ другимъ именемъ; я же путешествовала подъ именемъ госпожи Михалковой (названіе небольшой подмосковной, принадлежавшей моимъ дѣтямъ), во-первыхъ, потому, что не хотѣла ѣздить къ иностраннымъ дворамъ, и во-вторыхъ—во избѣжаніе лишнихъ расходовъ. Я отвѣтила, что не могу ѣхать ко двору подъ именемъ Михалковой, а если перемѣню его, чтобы немедленно снова взять его, то уподоблюсь настоящей искательницѣ приключеній. Королева и принцессы поговорили по этому поводу съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Финкельштейномъ, а онъ обратился къ королю. Фридрихъ Великій былъ въ то время въ Санъ-Суси; онъ отвѣтилъ:

— Этикетъ—это глупости; княгиню Дашкову надо принять подъ какимъ угодно именемъ.

На слѣдующій день я обѣдала у англійскаго посланника, Митчеля, гдѣ былъ и графъ Финкельштейнъ. Онъ сообщилъ мнѣ рѣшеніе короля и желаніе всей королевской семьи познакомиться со мной. Слѣдовательно всѣ пути къ отступленію были отрѣзаны. Я купила новое черное платье (я всегда носила трауръ по старинному обычаю). Королева приняла меня самымъ любезнымъ образомъ и пригласила остаться ужинать. Принцы и принцессы также оказывали мнѣ всевозможные знаки вниманія и вскорѣ я должна была отказывать частнымъ лицамъ и иностраннымъ министрамъ, такъ какъ была постоянно приглашена то къ тому, то къ другому двору.

Самая большая моя заслуга въ глазахъ королевы и ея сестры, вдовы королевскаго принца и матери принцессы

Оранской, и принца, воспедшаго на престолъ по смерти Фридриха (безъ сомнѣнія самаго, великаго государя, т. е. наиболѣе достойнаго имъ быть по своему генію и по постояннымъ заботамъ о счастіи своихъ подданныхъ, отъ которыхъ никакія страсти его не отвлекали), самая большая моя заслуга передъ ними заключалась въ томъ, что я ихъ понимала, несмотря на недостатки ихъ рѣчи (они заикались и шепелявили), такъ что камергеру, всегда стоявшему рядомъ съ посторонними лицами, не надо было передавать мнѣ ихъ слова. Я понимала ихъ отлично и сейчасъ же имъ отвѣчала. Ея величество и ея сестра вслѣдствіе этого не стѣснялись меня; я всегда съ удовольствіемъ и благодарностью буду вспоминать мое пребываніе въ Берлинѣ и любезности, которыми меня осыпали.

Я съ сожалѣніемъ уѣхала изъ Берлина съ цѣлью воспользоваться водами и купаньемъ въ Ахенѣ и Спа.

Мы проѣхали черезъ Вестфалію и я не нашла ее столь грязной, какъ то рисуетъ авторъ путевыхъ очерковъ въ письмахъ, баронъ Баръ. Въ Ганноверѣ мы остановились только для починки экипажей; узнавъ, что въ этотъ день была опера, я поѣхала послушать ее съ госпожей Каменской. Воронцовъ былъ нездоровъ и остался дома. Насъ сопровождалъ только лакей, умѣвшій говорить лишь порусски, вслѣдствіе чего не могъ насъ выдать. Я приняла эти мѣры потому, что принцъ Эрнестъ Мекленбургскій предупредилъ меня, что его старшій братъ, правитель Ганновера, желалъ бы со мной познакомиться, а это вовсе не входилъ въ мои планы. Мы взяли мѣста въ ложу, въ которой уже были двѣ дамы, потѣснившіяся, чтобы дать намъ мѣсто, и очень вѣжливо обходившіяся съ нами. Во второмъ актѣ изъ ложи принца вышелъ молодой человѣкъ и направился къ намъ. Обратившись къ намъ съ привѣтствіемъ, онъ спросилъ: «Сударыня, не иностранка ли вы?»

— Да, сударь.

— Его высочество желалъ бы знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Наши фамиліи не могутъ имѣть никакого значенія ни для васъ, ни для его высочества,—отвѣтила я, —а такъ какъ мы женщины и слѣдовательно имѣемъ право не называть нашихъ именъ, хотя бы мы входили даже въ крѣпость, то я надѣюсь, вы позволите намъ не сообщать вамъ ихъ.

Онъ немного смутился и ушелъ. Обѣ дамы смотрѣли на насъ съ удивленіемъ. Во время послѣдняго акта, я предупредила госпожу Каменскую по-русски, чтобы она мнѣ не противорѣчила, и затѣмъ сказала дамамъ, что хотя я и отказалась назваться принцу, но, въ виду ихъ любезнаго обращенія съ нами, скажу имъ, что я пѣвица, а моя спутница—танцовщица, и что мы ищемъ выгоднаго ангажемента. Госпожа Каменская вытаращила глаза отъ изумленія, а обѣ дамы сразу перестали быть съ нами любезными и даже повернулись къ намъ спиной, насколько это возможно было въ тѣсной ложѣ.

Наша остановка въ Ганноверѣ была столь непродолжительна, что я не успѣла ничего осмотрѣть. Однако, я замѣтила, что мѣстныя, даже крестьянскія лошади были красивой породы и земля была хорошо воздѣлана. Этимъ и ограничивались мои наблюденія надъ этимъ курфюршествомъ.

Въ Ахенѣ я заняла домъ, расположенный напротивъ помѣщенія ваннъ. Двое ирландцевъ, служившихъ въ Голландіи и жившихъ въ Ахенѣ, г. Коллинсъ и полковникъ Нюженъ (Nugent), отецъ вѣнскаго министра при прусскомъ дворѣ, проводили съ нами цѣлые дни. Благодаря ихъ веселому характеру и утонченно-вѣжливому обращенію, общество ихъ было весьма пріятно.

Въ Спа я сошлась съ госпожей Гамильтонъ, дочерью архіепископа туамскаго, и съ госпожей Морганъ, дочерью г. Тисдэля, королевскаго генералъ-прокурора въ Ирландіи, гдѣ онъ пользовался большимъ уваженіемъ.

Наши отношенія съ самаго этого времени (1770 г.) являли въ глазахъ всѣхъ знавшихъ насъ примѣръ самой вѣрной и неразрывной дружбы.

Въ Спа я познакомилась съ четой Неккеръ, но я была дружна лишь съ англійскими семьями. Мы ежедневно видѣлись съ лордомъ и леди Суссексъ; съ помощью французскаго и нѣмецкаго языка я стала вскорѣ понимать все, что читала по-англійски, не исключая и Шекспира. Обѣ мои пріятельницы приходили поочередно каждое утро, читали со мной по-англійски и исправляли мой выговоръ; онѣ были моими единственными учительницами англійскаго языка, которымъ я впослѣдствіи владѣла довольно свободно.

Я рѣшила поѣхать въ Англію, хотя бы на нѣсколько недѣль, вмѣстѣ съ семьей Тисдэль и обѣщала госпожѣ Гамильтонъ провести съ ней зиму въ Эксѣ въ Провансѣ, гдѣ архіепископъ, ея отецъ, долженъ былъ жить по предписанію докторовъ. Мы переѣхали Па-де-Кале вмѣстѣ на одномъ кораблѣ. Я въ первый разъ ѣхала по морю и все время страдала, а моя добрая подруга самоотверженно ухаживала за мной.

Въ Лондонѣ нашъ министръ, Пушкинъ, уже приготовилъ мнѣ домъ вблизи посольства. Его супруга (первая его жена) была особа, достойная всякаго уваженія и любви и вскорѣ сдѣлалась моимъ другомъ. За весь періодъ пребыванія г. Тисдэля въ Лондонѣ, я проводила время съ госпожами Морганъ и Пушкиной. Когда госпожѣ Морганъ пришлось уѣхать съ отцомъ въ Дублинъ, я посѣтила Батъ, Бристоль, Оксфордъ и всѣ ихъ окрестности [1]).

---

[1]) Эта поѣздка заняла всего 13 дней. Сына своего я оставила на попеченіи нашего министра. Въ особенности его жена была достойна этого довѣрія съ моей стороны. Каждые два дня я получала отъ нея извѣстія, съ приложеніемъ записокъ отъ моего сына, въ которыхъ онъ описывалъ все, что видѣлъ. Чтобы утѣшить его (мое отсутствіе не было ему безразлично, такъ какъ мы въ первый разъ съ нимъ разлучались), графиня повезла его на скачки и къ герцогинѣ Куинсбери. Онъ описалъ мнѣ свою поѣздку очень мило для семилѣтняго мальчика.

Вернувшись въ Лондонъ, я пробыла въ немъ всего десять дней. Я не поѣхала ко двору и все свое время употребила на осмотръ достопримѣчательностей этого интереснаго города. Я познакомилась съ герцогомъ и герцогиней Нортумберландъ.

Нашъ переѣздъ изъ Дувра въ Кале не былъ столь счастливъ, какъ въ первый разъ; намъ пришлось бороться съ сильнымъ вѣтромъ, который былъ попутнымъ только переходу на западъ, въ Индію. Послѣ 26 часовъ опасности, когда волны почти заливали нашу каюту,—ее пришлось закрыть наглухо—мы пришли въ Кале. Я ненадолго остановилась въ Брюсселѣ и Антверпенѣ и поселилась очень скромно въ Парижѣ. Мой двоюродный братъ, не заѣзжая въ Парижъ, прямо поѣхалъ въ Эксъ, въ Провансѣ, чтобы приготовить мнѣ хорошую квартиру.

Въ Парижѣ я пробыла всего 17 дней, и не хотѣла видѣть никого, за исключеніемъ Дидро. Я посѣщала церкви и монастыри, гдѣ можно было видѣть статуи, картины и памятники. Я была и въ мастерскихъ знаменитыхъ художниковъ, и въ театрѣ, гдѣ занимала мѣсто въ райкѣ. Скромное черное платье, такая же шаль и самая простая прическа скрывали меня отъ любопытныхъ глазъ.

Однажды Дидро сидѣлъ со мной вдвоемъ; мнѣ доложили о пріѣздѣ госпожъ Неккеръ и Жоффренъ. Дидро поспѣшно приказалъ слугѣ ихъ не принимать.

— Но я познакомилась съ m-me Неккеръ еще въ Спа,—отвѣтила я,—а m-me Жоффренъ находится въ переепискѣ съ императрицей; слѣдовательно знакомство съ ней не можетъ мнѣ повредить.

— Вамъ остается пробыть въ Парижѣ девять или десять дней,—отвѣтилъ Дидро,—слѣдовательно вы успѣете ихъ видѣть всего два, три раза; онѣ васъ не поймутъ, а я терпѣть не могу богохульства надъ моими идолами. Если бы вы оставались здѣсь два мѣсяца, я съ радостью привѣтствовалъ бы ваше знакомство съ m-me Жоффренъ,—она добрая женщина, но такъ какъ она одна изъ первыхъ

кумушекъ Парижа, то мнѣ не хочется, чтобы она съ вами знакомилась кое-какъ.

Я велѣла сказать двумъ дамамъ, что больна и не могу ихъ принять. Однако, на слѣдующій день я получила очень лестную записку отъ m-me Неккеръ, въ которой она увѣряла, что m-me Жоффренъ не можетъ примириться съ мыслью, что, будучи въ одномъ городѣ со мной, не увидить меня, что она имѣетъ обо мнѣ высокое мнѣніе, что она будетъ въ отчаяніи, если со мною не познакомится. Я отвѣтила, что, желая сохранить ихъ лестное и вполнѣ незаслуженное мнѣніе обо мнѣ, я не могу показаться въ своемъ болѣзненномъ состояніи, когда я совершенно не была бы въ силахъ оправдать его, и потому должна отказать себѣ въ удовольствіи ихъ видѣть и прошу принять выраженія моего искренняго сожалѣнія. Вслѣдствіе этого мнѣ въ этотъ день пришлось просидѣть дома. Обыкновенно же я выходила изъ дому въ 8 ч. и до трехъ пополудни разъѣзжала по городу, затѣмъ останавливалась у подъѣзда Дидро; онъ садился въ мою карету, я везла его къ себѣ обѣдать и наши бесѣды съ нимъ длились иногда до двухъ, трехъ часовъ ночи.

Однажды разговоръ коснулся рабства нашихъ крестьянъ.

— У меня душа не деспотична,—отвѣтила я,—слѣдовательно вы можете мнѣ вѣрить. Я установила въ моемъ орловскомъ имѣніи такое управленіе, которое сдѣлало крестьянъ счастливыми и богатыми и ограждаетъ ихъ отъ ограбленія и притѣсненій мелкихъ чиновниковъ. Благосостояніе нашихъ крестьянъ увеличиваетъ и наши доходы; слѣдовательно, надо быть сумасшедшимъ, чтобы самому изсушить источникъ собственныхъ доходовъ. Дворяне служатъ посредниками между крестьянами и казной и въ ихъ интересахъ защищать ихъ отъ алчности губернаторовъ и воеводъ.

— Но вы не можете отрицать, княгиня, что, будь они свободны, они стали бы просвѣщеннѣе и вслѣдствіе этого богаче.

— Еслибы самодержецъ, -отвѣтила я,—разбивая нѣсколько звеньевъ, связывающихъ крестьянина съ помѣщиками, одновременно разбилъ бы звенья, приковывающія помѣщиковъ къ волѣ самодержавныхъ государей, я съ радостью и хоть бы своею кровью подписалась бы подъ этой мѣрой. Впрочемъ, простите мнѣ, если я вамъ скажу, что вы спутали слѣдствія съ причинами. Просвѣщеніе ведетъ къ свободѣ; свобода же безъ просвѣщенія породила бы только анархію и безпорядокъ. Когда низшіе классы моихъ соотечественниковъ будутъ просвѣщены, тогда они будутъ достойны свободы, такъ какъ они тогда только съумѣютъ воспользоваться ею безъ ущерба для своихъ согражданъ и не разрушая порядка и отношеній, неизбѣжныхъ при всякомъ образѣ правленія.

— Вы отлично доказываете, дорогая княгиня, но вы меня еще не убѣдили.

— Въ нашихъ законахъ—продолжала я,—существовалъ противовѣсъ деспотизму помѣщиковъ, и хотя Петръ I и уничтожилъ нѣкоторые изъ этихъ законовъ и даже цѣлый порядокъ судопроизводства, въ которомъ крестьяне могли приносить жалобы на своихъ помѣщиковъ, въ настоящее царствованіе губернаторъ, войдя въ соглашеніе съ предводителемъ дворянства и депутатами своей губерніи, можетъ изъять крестьянъ изъ-подъ деспотическаго давленія помѣщика и передать управленіе его имѣніями и крестьянами особой опекѣ, состоящей изъ выбранныхъ самими дворянами лицъ. Боюсь, что я не съумѣю ясно выразить свою мысль, но я много думала надъ этимъ и мнѣ представляется слѣпорожденный, котораго помѣстили на вершину крутой скалы, окруженной со всѣхъ сторонъ глубокой пропастью; лишенный зрѣнія, онъ не зналъ опасностей своего положенія и безпечно ѣлъ, спалъ спокойно, слушалъ пѣніе птицъ и иногда самъ пѣлъ вмѣстѣ съ ними. Приходитъ несчастный глазной врачъ и возвращаетъ ему зрѣніе, не имѣя, однако, возможности вывести его изъ его ужаснаго положенія. И вотъ—нашъ бѣднякъ прозрѣлъ, но онъ страшно несчастенъ;

не спитъ, не ѣстъ и не поетъ больше; его пугаютъ окружающая его пропасть и доселѣ невѣдомыя ему волны; въ концѣ концовъ онъ умираетъ въ цвѣтѣ лѣтъ отъ страха и отчаянія.

Дидро вскочилъ при этихъ словахъ со своего стула, будто подброшенный невидимой пружиной. Онъ заходилъ по комнатѣ большими шагами и, сердито плюнувъ на землю, воскликнулъ:

— Какая вы удивительная женщина! Вы переворачиваете вверхъ дномъ идеи, которыя я питалъ и которыми дорожилъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ!

Все мнѣ нравилось въ Дидро, даже его горячность. Его искренность, неизмѣнная дружба, проницательный и глубокій умъ, вниманіе и уваженіе, которыя онъ мнѣ всегда оказывалъ, привязали меня къ нему на всю жизнь. Я оплакивала его смерть и до послѣдняго дня моей жизни буду жалѣть о немъ. Этого необыкновеннаго человѣка мало цѣнили; добродѣтель и правда были двигателями всѣхъ его поступковъ, а общественное благо было его страстною и постоянною цѣлью. Вслѣдствіе живого своего характера онъ впадалъ иногда въ ошибки, но всегда былъ искрененъ и первый страдалъ отъ нихъ. Однако, не мнѣ воздавать ему хвалу по заслугамъ; другіе писатели, несравненно выше меня, не преминутъ это сдѣлать.

Въ другой разъ, когда онъ тоже былъ у меня вечеромъ, мнѣ доложили о пріѣздѣ Рюльера. Рюльеръ былъ въ Россіи атташе при французскомъ посольствѣ, въ бытность посломъ барона Бретейля. Онъ бывалъ у меня въ Петербургѣ, а въ Москвѣ я его видала еще чаще въ домѣ госпожи Каменской. Я не знала, что по возвращеніи своемъ изъ Россіи онъ составилъ записки о переворотѣ 1762 года и читалъ ихъ повсюду въ обществѣ. Я хотѣла было сказать лакею, чтобы его приняли, но Дидро прервалъ меня и, крѣпко стиснувъ мою руку, сказалъ:

— Одну минуту, княгиня. Намѣреваетесь ли вы вернуться въ Россію по окончаніи вашихъ путешествій?

— Какой странный вопросъ,—отвѣтила я,—развѣ я имѣю право лишать моихъ дѣтей ихъ родины?

— Въ такомъ случаѣ, — возразилъ онъ, — скажите Рюльеру, что не можете его принять и я вамъ объясню, почему.

Я ясно прочла на его лицѣ участіе и дружбу ко мнѣ и я такъ довѣряла правдивости и честности Дидро, что закрыла свою дверь передъ стариннымъ знакомымъ, оставившимъ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія.

— Знаете ли вы,—спросилъ меня Дидро,—что онъ написалъ книгу о восшествіи на престолъ императрицы?

— Нѣтъ,—отвѣтила я,—но въ такомъ случаѣ мнѣ вдвойнѣ хотѣлось бы его видѣть.

— Я вамъ передамъ ея содержаніе. Васъ онъ восхваляетъ и кромѣ талантовъ и добродѣтелей вашего пола видитъ въ васъ и всѣ качества нашего; но онъ отзывается совершенно иначе объ императрицѣ, которая, черезъ посредство Бецкаго и вашего посланника князя Голицына, предложила ему купить это произведеніе. Переговоры велись такъ неумѣло, что Рюльеръ сдѣлалъ предварительно три копіи, изъ которыхъ одну отдалъ на сохраненіе въ министерство иностранныхъ дѣлъ, вторую—госпожѣ де-Граммонъ, а третью—парижскому архіепископу. Послѣ этой неудачи ея величество поручила мнѣ вступить въ переговоры съ Рюльеромъ и мнѣ удалось только взять съ него обѣщаніе не издавать его книги при жизни императрицы. Онъ также дурно отзывается и о королѣ польскомъ и подробно говоритъ о его связи съ императрицей еще въ бытность ея великой княгиней. Вы понимаете, что, принимая Рюльера у себя, вы тѣмъ самымъ санкціонировали бы сочиненіе, внушающее безпокойство императрицѣ и очень извѣстное въ Парижѣ, такъ какъ на вечерахъ у m-me Жоффренъ, куда собирается лучшее общество и всѣ иностранцы и знатные путешественники, онъ ихъ читалъ, несмотря на дружбу хозяйки съ Понятовскимъ, котораго она

величаетъ въ своихъ письмахъ своимъ сыномъ, и самъ король называетъ себя также въ своихъ письмахъ къ ней.

— Но какъ же согласовать это?—спросила я.

— Мы всѣ вѣдь легкомысленны,—возразилъ Дидро, — и возрастъ въ этомъ отношеніи не имѣетъ на насъ никакого вліянія.

Я выразила Дидро свою благодарность за новое доказательство его дружбы ко мнѣ, оградившей меня отъ непріятностей, которыя я совершенно безвинно могла навлечь на себя. Рюльеръ еще два раза былъ у меня, но не былъ принятъ; вернувшись въ Петербургъ, 15 мѣсяцевъ спустя, я убѣдилась, что справедливо оцѣнила услугу Дидро; я узнала отъ одного лица (пользовавшагося довѣріемъ Ѳеодора Орлова, которому я въ прежнее время имѣла счастье оказать нѣкоторыя услуги), что послѣ моего отъѣзда изъ Парижа Дидро въ письмѣ къ ея величеству много говорилъ обо мнѣ и о моей привязанности къ императрицѣ и выразилъ мнѣніе, что вслѣдствіе моего отказа принять Рюльера вѣра въ правдивость его сочиненія была сильно поколеблена, чего десять Вольтеровъ и пятнадцать жалкихъ Дидро были бы не въ силахъ достичь. Онъ ничего не сказалъ мнѣ о своемъ намѣреніи писать объ этомъ императрицѣ и приписывать мнѣ заслугу, заключавшуюся лишь въ томъ, что я послѣдовала его совѣту. Его деликатность и дѣятельное участіе, которое онъ принималъ въ своихъ друзьяхъ,—онъ причислилъ къ нимъ и меня,—сдѣлала мнѣ его память драгоцѣнной до конца моей жизни.

Мнѣ хотѣлось видѣть Версаль, но совершенно инкогнито. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ Хотинскій объявилъ мнѣ, что это невозможно, такъ какъ за всѣми иностранцами, пріѣзжавшими въ Парижъ, былъ установленъ строгій надзоръ, а тѣмъ болѣе за мной. Я же увѣрила его, что добьюсь своего. И дѣйствительно, я попросила Хотинскаго только, чтобы его лошади ожидали меня за предѣлами города, но не доѣзжая заставы, ведущей въ Версаль; за-

тѣмъ, давъ множество порученій моему наемному лакею, которыя заняли его въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, я взяла своего русскаго лакея, знавшаго только свой родной языкъ, и, сѣвъ въ карету съ обоими дѣтьми и старикомъ маіоромъ Францемъ, знавшимъ меня съ малолѣтства (онъ жилъ въ домѣ Чоглоковой, двоюродной сестры моей тетки, и случайно находился въ это время въ Парижѣ), велѣла кучеру поѣхать за городъ, гдѣ и встрѣтила Хотинскаго, который прогуливался въ ожиданіи насъ; его лошадей припрягли къ нашимъ, онъ сѣлъ въ мою карету и мы велѣли ѣхать къ какимъ-нибудь воротамъ Версальскаго парка; мы погуляли въ паркѣ, а въ обѣденный часъ короля, когда всѣхъ впускали въ столовую, мы вошли въ числѣ остальной публики, безусловно не принадлежавшей къ изысканному обществу, и я видѣла, какъ Людовикъ XV, дофинъ, его супруга, принцессы Аделаида и Викторія вошли, сѣли за столъ и кушали съ аппетитомъ. Я сдѣлала замѣчаніе насчетъ того, что принцесса Аделаида пила бульонъ изъ кружки; окружавшія меня дамы спросили меня:

— А развѣ вашъ король и ваши принцессы не дѣлаютъ также?

— У меня нѣтъ ни короля, ни принцессъ,—отвѣтила я.

— Значитъ вы голландка?

— Можетъ быть.

По окончаніи королевскаго обѣда мы сѣли въ карету и вернулись въ Парижъ. Никто не зналъ объ этой экскурсіи и я часто съ удовольствіемъ вспоминала о томъ, какъ мнѣ удалось провести пресловутую французскую полицію.

Герцогъ Шуазель, бывшій тогда первымъ министромъ, врагъ нашего двора, при всякомъ удобномъ случаѣ бранившій императрицу и нелюбимый ею, не хотѣлъ вѣрить моей экскурсіи. Онъ передалъ мнѣ множество любезностей черезъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ и просилъ пріѣхать къ нему, обѣщая дать по этому случаю блестящій праздникъ. Я велѣла его поблагодарить и объявить, что госпожа Михалкова не можетъ ни принимать у себя, ни выѣз-

жать и что она желаетъ пока только осмотрѣть достопримѣчательности города, а не знакомиться съ высокопоставленными лицами, которыхъ она умѣетъ уважать и цѣнить по заслугамъ.

Всѣ 17 дней моего пребыванія въ Парижѣ были для меня крайне пріятными, такъ какъ я посвятила ихъ осмотру достопримѣчательностей, а послѣдніе 10—12 дней провела всецѣло въ обществѣ Дидро. Затѣмъ я уѣхала въ Эксъ.

Для меня былъ приготовленъ домъ маркиза Гидона. Онъ выходилъ на площадь и къ фонтанамъ. Я осталась довольна помѣщеніемъ и была рада тому, что моя пріятельница, m-me Гамильтонъ, уже была въ Эксѣ со своимъ отцомъ архіепископомъ, съ теткой леди Райдеръ и съ братомъ. Кромѣ того тамъ были леди Карлейль съ дочерью, леди Оксфордъ и другія англійскія семьи. Такъ какъ парламентъ былъ высланъ отсюда, мы могли занять лучшіе дома и отлично проводили свое время. Я совершенствовалась въ англійскомъ языкѣ; m-me Гамильтонъ сопутствовала мнѣ въ моихъ поѣздкахъ въ Монпелье, Марсель и Гьеръ и въ моей экскурсіи по королевскому каналу. Я аккуратно получала даже свои парижскія письма, несмотря на подозрительное отношеніе правительства къ перепискѣ парижанъ съ жителями столицы Прованса, бывшей мѣстопребываніемъ парламента. Не могу умолчать о доказательствахъ довѣрія, какія далъ мнѣ Дидро въ своихъ письмахъ. Въ особенности одно изъ его писемъ, полученное мною вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ Эксъ, заслуживаетъ извѣстности, такъ какъ въ немъ выразилась глубина и разносторонность его ума. Оно было написано въ эпоху изгнанія парламента. Онъ описываетъ чувства, которыя должны были испытать честные умы, пружины, дѣйствовавшія въ этомъ событіи, и неминуемыя его послѣдствія и все письмо представляетъ собою пророчество послѣдующихъ событій во Франціи, не революціи, а результатовъ различныхъ конвульсивныхъ движеній, представлявшихъ изъ себя цѣлый рядъ революцій и расшатавшихъ страну, умы и основные принципы, оста-

вилъ послѣ себя какую-то неустойчивость мыслей, которыя, хотя и противорѣча одна другой, существуютъ и понынѣ.

Когда весной мы собрались ѣхать въ Швейцарію, мы не могли достать нужнаго намъ количества лошадей, а почтмейстеръ позволялъ намъ нанять ихъ или выписать только подъ условіемъ, что мы заплатимъ ему за все количество лошадей, обозначенное въ подорожной, хотя онъ и не поставитъ ихъ намъ полностью. Онъ оправдывался тѣмъ, что долженъ былъ отдать лошадей для проѣзда принцессы Пьемонтской, невѣсты графа д'Артуа. Ему это было приказано и, платя много денегъ королю за свое мѣсто, онъ не считалъ себя обязаннымъ терять доходы, приносимые ему путешественниками. Мнѣ приходилось согласно подорожной платить за 16 лошадей. Кромѣ того въ Эксѣ была королевская почта, вслѣдствіе чего мили считались вдвойнѣ. Мнѣ пришлось бы еще заплатить за дѣйствительный наемъ лошадей, что въ общемъ составляло большую сумму и требовало размышленій, тѣмъ болѣе, что это было распоряженіе самовольное и падало на насъ точно на французскихъ подданныхъ. Госпожа Гамильтонъ и лэди Райдеръ должны были ѣхать вмѣстѣ со мной, но согласились отсрочить свой отъѣздъ на нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ намъ удалось уговорить почтмейстера дать мнѣ 5 лошадей и 4 вола, за что я обѣщала ему заплатить, какъ за 16 лошадей. Отецъ и тетка моей подруги также поѣхали на тѣхъ же условіяхъ на волахъ. Лэди Райдеръ спѣшила въ Ліонъ на праздники, которые давались тамъ въ честь принцессы при ея проѣздѣ; меня они не особенно прельщали, но я не хотѣла отказать себѣ въ удовольствіи путешествовать по Швейцаріи съ моей подругой и поэтому склонилась на просьбу ея тетки, которая, несмотря на свои почти 70 лѣтъ, все хотѣла видѣть, всѣмъ интересовалась, была очень умна, удивительно весела и обладала всѣми качествами, достойными уваженія.

Не будемъ говорить о переѣздѣ въ Ліонъ, на которомъ не стоитъ останавливаться. Въ Ліонѣ же мы видѣли

всѣ лучшія произведенія его фабрикъ, приготовленныя либо въ подарокъ принцессѣ, либо для выставки. Капитанъ гвардіи, герцогъ ***, посланный Людовикомъ XV для встрѣчи принцессы, былъ уже тамъ и, узнавъ о моемъ прибытіи, запретилъ отбирать для свиты приготовленную мнѣ квартиру, посѣтилъ меня немедленно по моемъ пріѣздѣ и предложилъ мнѣ ложи на всѣ спектакли въ честь высокой путешественницы. Герцогъ былъ чрезвычайно любезенъ со мной и мнѣ очень совѣстно, что я забыла его фамилію.

Наконецъ прибыла и принцесса. Всѣ жители стремились ей представиться или полюбоваться принцессой, входившей въ семью Людовика, носившаго прозвище «возлюбленнаго» (le bien aimé) и котораго впослѣдствіе злые шутники прозвали «неудачно нареченнымъ» (le mal nommé), но большая часть націи считала своимъ священнымъ долгомъ обожать своихъ королей и ей и въ голову не приходила мысль гильотинировать одного изъ нихъ.

Въ первый же спектакль мы отправились въ театръ: леди Райдеръ, m-me Гамильтонъ, госпожа Каменская и я; но каково было наше удивленіе, когда въ отведенной намъ ложѣ я нашла четырехъ ліонскихъ дамъ, расположившихся въ ней; на представленіе моего проводника, что ложа эта предназначена герцогомъ для знатныхъ иностранныхъ дамъ, онѣ, будто глухонѣмыя, не двигались съ мѣста и ничего не отвѣчали. Я попросила проводника болѣе не безпокоиться, говоря, что спектакль не представляетъ для меня особеннаго интереса, и рѣшила вернуться домой. Леди Райдеръ и госпожа Каменская остались стоять за этими дерзкими женщинами, а мы съ m-me Гамильтонъ вернулись къ себѣ. Въ вестибюлѣ насъ ожидали не только непріятности, а даже нѣкоторая опасность. Стражники, дѣйствуя прикладами ружей, не впускали толпу, которая во что бы то ни стало хотѣла войти въ театръ (спектакль былъ даровой) и чуть не выломала дверь залы. Эти господа, отъ излишка ли усердія или въ видѣ милой игрушки, били прикладами какъ желавшихъ войти, такъ

и желавшихъ выйти; ударъ не миновалъ и меня. Можетъ быть меня убили бы и на смерть, если бы я не назвала себя княгиней Дашковой. Это доказываетъ, что пресловутая французская вѣжливость не исходитъ изъ сердца. Жандармъ или стражникъ—не знаю кто онъ былъ—оправдывался передо мной незнаніемъ моей фамиліи и положенія. Я отвѣтила, что для огражденія моей безопасности достаточно, что я была въ самомъ простомъ женскомъ костюмѣ и что я желала выйти изъ театра. Онъ, испугавшись, что я пожалуюсь герцогу, сталъ усиленно просить прощенія и проводилъ меня до слѣдующей улицы. Я его отправила назадъ, обѣщавъ ему не жаловаться на него и посовѣтовавъ не бить женщинъ; его отсутствіе изъ вестибюля по крайней мѣрѣ спасло нѣсколькихъ женщинъ отъ ударовъ, такъ какъ въ театрѣ оказалось однимъ грубіяномъ меньше.

Наконецъ намъ удалось уговорить леди Райдеръ поѣхать въ Швейцарію.

Не стану ее описывать, такъ какъ объ этомъ позаботились уже болѣе талантливые авторы, и ограничусь тѣмъ, что назову лицъ, съ которыми я имѣла удовольствіе познакомиться.

На другой день по прибытіи своемъ въ Женеву я послала къ Вольтеру спросить разрѣшенія посѣтить его на слѣдующій день вмѣстѣ съ моими спутницами. Онъ былъ очень боленъ, однако велѣлъ мнѣ передать, что будетъ радъ меня видѣть и проситъ меня привести съ собой кого мнѣ будетъ угодно.

Съ первыхъ же дней я познакомилась со всѣми выдающимися людьми, жившими въ Женевѣ, между прочимъ съ г. Гюберомъ, по прозванію Птицеловъ. Это былъ человѣкъ весьма незауряднаго ума и обладавшій всевозможными талантами: онъ былъ и музыкантъ, и художникъ, и поэтъ, былъ очень чувствителенъ и прекрасно воспитанъ. Вольтеръ боялся его, такъ какъ Гюберъ зналъ всѣ его маленькія слабости; кромѣ того онъ часто сердилъ Вольтера

тѣмъ, что неизмѣнно обыгрывалъ его въ шахматы. У него была собака; онъ совалъ ей въ ротъ кусокъ сухого сыру и, поворачивая его въ разныя стороны, вынималъ поразительно схожій бюстъ Вольтера, казавшійся копіей въ миніатюрѣ съ извѣстнаго бюста, работы знаменитаго скульптора Пигалля.

Въ назначенный день я отправилась къ Вольтеру. Меня сопровождали m-me Гамильтонъ, леди Райдеръ, госпожа Каменская, мой двоюродный братъ Воронцовъ и господинъ Кэмпбелль-Шауфильдъ. Въ предъидущую ночь Вольтеръ потерялъ болѣе фунта крови, но запретилъ объ этомъ говорить, опасаясь, что я не приду. Больной и слабый, онъ лежалъ на кушеткѣ [1]). Войдя въ комнату и увидѣвъ, въ какомъ онъ состояніи, я выразила свое сожалѣніе, что его потревожила, тѣмъ болѣе, что, попросивъ меня отложить свое посѣщеніе на день или на два, онъ тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ бы свое уваженіе ко мнѣ, доказавъ, что считаетъ меня способной понять, насколько драгоцѣнно его здоровье и жизнь. Онъ поднялъ обѣ руки театральнымъ жестомъ, какъ бы подчеркивая тѣмъ свое удивленіе, и воскликнулъ: «К а к ъ! у н е я и г о л о с ъ а н г е л ь с к і й!» Онъ меня привелъ въ смущеніе, такъ какъ я пришла послушать и поклониться ему и мнѣ и въ голову не приходило, что онъ будетъ восхвалять даже мой голосъ. Я ему это высказала и онъ, сказавъ мнѣ какой-то комплиментъ, заговорилъ объ императрицѣ. Часа черезъ полтора, два я собралась уходить; онъ не отпустилъ меня и попросилъ перейти на половину его племянницы, m-me Дени, и отужинать въ его замкѣ, о т н ы н ѣ в п о л н ѣ з а с л у ж и в а ю щ е м ъ э т о н а и м е н о в а н і е; онъ обѣщалъ придти также, но преду-

---

[1]) Предупреждаю читателей, что записки эти будутъ напечатаны лишь послѣ моей смерти (если онѣ вообще будутъ опубликованы); поэтому прошу разрѣшенія, не навлекая на себя обвиненій въ тщеславіи, передать слова и событія въ такомъ видѣ, въ какомъ они, дѣйствительно, произошли или были сказаны.

предилъ, что, не имѣя возможности сидѣть, онъ будетъ стоять на колѣняхъ на креслѣ возлѣ меня. Дѣйствительно, недолго пробыла я съ m-me Дени (она была довольно тяжеловѣсна умомъ для племянницы столь великаго генія), какъ Вольтеръ пришелъ, поддерживаемый лакеемъ, и сталъ напротивъ меня на колѣни на креслѣ, повернутомъ спинкой въ мою сторону; за ужиномъ онъ стоялъ въ томъ же положеніи возлѣ меня [1]). Все это, въ связи съ присутствіемъ за ужиномъ двухъ крупныхъ парижскихъ откупщиковъ, оригиналовъ двухъ портретовъ, висѣвшихъ въ гостиной m-me Дени, за которыми ухаживали племянница и даже дядя, помѣшало мнѣ такъ испытывать удовольствіе и такъ удивляться, какъ я того ожидала. Когда я собиралась уѣзжать, Вольтеръ спросилъ меня, увидитъ ли онъ меня еще. Воспользовавшись этимъ, я попросила у него разрѣшенія навѣщать его по утрамъ, чтобы говорить съ нимъ вдвоемъ. Онъ согласился и я пользовалась его разрѣшеніемъ во все время моего пребыванія въ Женевѣ. Въ эти часы онъ былъ совершенно другимъ и въ его кабинетѣ или въ саду я находила того Вольтера, котораго рисовало мнѣ мое воображеніе при чтеніи его книгъ.

Днемъ мы всѣмъ нашимъ обществомъ и съ г. Гюберомъ ѣздили по Женевскому озеру. Гюберъ оказалъ мнѣ любезность — съ помощью и по указаніямъ Воронцова прикрѣпилъ на самомъ большомъ суднѣ русскій флагъ. Онъ пристрастился къ русской музыкѣ и, слушая, какъ я и госпожа Каменская пѣли русскія пѣсни, вскорѣ выучилъ ихъ наизусть, благодаря отличному слуху.

Мы съ большимъ сожалѣніемъ разстались съ Женевой и съ друзьями, остававшимися въ ней; въ числѣ ихъ былъ и одинъ русскій, по имени Веселовскій. Опасаясь необузданнаго гнѣва Петра I, вызывавшаго его къ себѣ изъ Вѣны, куда онъ былъ посланъ императоромъ съ порученіемъ, онъ скрылся въ Голландію, женился тамъ и, отказавшись отъ

---

[1]) Онъ страдалъ сильнымъ геморроемъ.

своей родины, основался въ Женевѣ. Его старшая дочь была замужемъ за Крамеромъ, извѣстнымъ своей типографіей и еще больше—своей дружбой и ссорами съ Вольтеромъ.

Покинувъ Швейцарію, мы спустились внизъ по Рейну на двухъ большихъ баркахъ; на одной изъ нихъ помѣщались наши экипажи и кухня; другую же мы раздѣлили перегородками на нѣсколько частей и оклеили красивыми обоями. Мужчины ночевали въ прибрежныхъ селеніяхъ, а насъ охраняли всего двое лодочниковъ и мои люди. Мы останавливались и осматривали замѣчательные города. Госпожа Каменская и я были одѣты въ черныя платья и соломенныя шляпы; насъ сопровождалъ одинъ только русскій лакей, вслѣдствіе чего мы вполнѣ сохраняли свое инкогнито и ради забавы иногда сами покупали провизію для стола. Кэмпбель взялся говорить по-нѣмецки, такъ какъ я, полагая, что отвыкла отъ него, стѣснялась говорить, но когда я увидѣла, что Кэмпбель до неузнаваемости коверкаетъ слова, я запаслась мужествомъ и была переводчикомъ во все время путешествія.

Желая осмотрѣть знаменитый Карлсруэ, мы наняли почтовыхъ лошадей и мѣстные экипажи. Не успѣли мы занять наши комнаты въ гостиницѣ, какъ гофмейстеръ маркграфа Баденскаго явился ко мнѣ съ привѣтствіемъ отъ имени ихъ свѣтлостей и съ приглашеніемъ посѣтить ихъ въ замкѣ. Я извинилась, отговариваясь тѣмъ, что мы взяли съ собой только дорожныя платья, вслѣдствіе того, что намѣревались пробыть въ Карлсруэ всего нѣсколько часовъ для осмотра города и сада. Часа черезъ полтора послѣ его ухода пріѣхалъ шталмейстеръ ихъ свѣтлостей въ великолѣпной каретѣ, запряженной шестерикомъ, и сообщилъ мнѣ, что маркграфиня, зная, что госпожа Михалкова и княгиня Дашкова одно и то же лицо, желаетъ со мной познакомиться и надѣется, что я не откажу ей въ этомъ, въ виду того, что императрица всероссійская пожаловала и ей орденъ св.

Екатерины; въ случаѣ же, если я рѣшительно откажусь пріѣхать въ замокъ, она проситъ меня воспользоваться экипажемъ для осмотра обширнаго парка и услугами шталмейстера, который покажетъ всѣ достопримѣчательности. Я не могла отказаться отъ этой новой любезности маркграфини и воспользовалась послѣднимъ предложеніемъ. Мы поѣхали кататься въ чудномъ экипажѣ и дорогой я постаралась выразить шталмейстеру, насколько я была чувствительна къ любезности маркграфини, столь извѣстной своимъ просвѣщеннымъ умомъ [1]). Не успѣли мы въѣхать въ паркъ, какъ изъ боковой аллеи выѣхала намъ навстрѣчу другая такая же карета и оба экипажа остановились. Въ ней сидѣли ихъ свѣтлости, наслѣдный принцъ и нѣсколько придворныхъ. Маркграфиня, съ свойственной ей граціей и умомъ, сказала:

— Вы по крайней мѣрѣ позволите намъ, княгиня, показать вамъ достопримѣчательности этого парка, которымъ мы такъ гордимся.

Я вышла изъ своего экипажа, а наслѣдный принцъ занялъ мое мѣсто. Мы провели въ этомъ великолѣпномъ саду болѣе часа; въ теченіе его я не могла довольно надивиться высокимъ дарованіямъ ея свѣтлости; затѣмъ мы подъѣхали ко дворцу и я не могла отказаться войти въ него; я всегда дѣлаю это неохотно, но ихъ свѣтлости были такъ добры ко мнѣ. Вечеромъ былъ прекрасный концертъ и великолѣпный ужинъ, и въ общемъ мы провели время чрезвычайно пріятно. Насъ осыпали любезностями, а когда я собралась уѣзжать, маркграфиня объявила мнѣ, что наши люди уже перевезены въ замокъ и что она ни за что не разрѣшитъ намъ ночевать въ скверной гостиницѣ; такъ какъ я спѣшила, она соглашалась отпустить насъ на слѣдующій день въ какой угодно ранній часъ, не пови-

[1]) Ея свѣтлость, маркграфиня, была въ перепискѣ съ учеными всевозможныхъ національностей, наперерывъ преклонявшимися передъ ея умомъ.

давшись со мной еще разъ, и просила только сказать, къ которому часу намъ приготовить завтракъ и лошадей.

Мои друзья и я были размѣщены роскошно и удобно.

На слѣдующее утро мы уѣхали такъ рано, что весь дворъ почивалъ еще въ объятіяхъ Морфея. Я не стану говорить о прекрасной странѣ, которую мы видѣли, и объ удовольствіи, какое испытываешь, наслаждаясь разнообразными картинами, когда ѣдешь внизъ по Рейну. Все это описано перомъ, лучшимъ чѣмъ мое.

Въ Дюссельдорфѣ я посѣтила картинную галлерею и не могла не замѣтить ея директору, что онъ помѣстилъ въ амбразурѣ окна великолѣпнаго Рафаэля, изображавшаго Іоанна Крестителя, котораго онъ не съумѣлъ распознать, вслѣдствіе того, что картина была написана его второй манерой.

Не стану разсказывать, какія города я посѣтила и проч., такъ какъ вовсе не намѣреваюсь давать подробное описаніе своего путешествія. Во Франкфуртѣ я съ удовольствіемъ свидѣлась съ госпожей Вейнахтъ, вдовой негоціанта, прожившаго 20 лѣтъ въ Россіи. Я знавала ее въ дѣтствѣ и ради нея пробыла лишній день во Франкфуртѣ; дѣтство мое было счастливѣе моей послѣдующей жизни, вслѣдствіе чего мое воображеніе естественно искало свѣтлой точки въ прошломъ, чтобы остановиться на ней.

Я познакомилась также и съ младшимъ изъ братьевъ Орловыхъ, Владиміромъ. Онъ былъ человѣкъ ограниченный, вынесшій изъ своего пребыванія въ нѣмецкихъ университетахъ только педантичный тонъ и ни на чемъ не основанную увѣренность въ своей учености. Онъ вступалъ въ споры со мной, какъ и со всѣми своими собесѣдниками. Онъ принималъ всѣ софизмы Ж.-Ж. Руссо за силлогизмы и въ полномъ объемѣ воспринялъ всѣ разсужденія этого краснорѣчиваго, но опаснаго писателя. Въ то время я далека была отъ мысли, что онъ будетъ стоять во главѣ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, что послѣ него будетъ занимать это мѣсто директора такая бездарность, какъ До-

машневъ, ставленникъ Орловыхъ, и что, наконецъ, я вступлю въ эту должность послѣ него.

Въ Спа я познакомилась съ принцемъ Эрнестомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ и съ принцемъ Карломъ шведскимъ, впослѣдствіи герцогомъ Зудерманландскимъ, занимавшимъ половину дома, нанятаго мною въ Ахенѣ. Онъ также пріѣхалъ въ Спа лечиться отъ ревматизма. При немъ состоялъ гувернеромъ господинъ Шверинъ, а свита его состояла изъ капитана Гамильтона и еще одного офицера. Шверинъ очень стѣснялъ его въ расходахъ, такъ какъ, очевидно, не располагалъ большой суммой для путешествія принца. Мы по цѣлымъ днямъ были вмѣстѣ и я хорошо узнала его. Онъ не любилъ ни королевы, своей матери, ни старшаго брата и увѣрялъ, что имѣетъ всѣ шансы взойти на престолъ, такъ какъ его братъ, будто бы, не могъ имѣть дѣтей. Когда его братъ объявилъ намъ войну, а онъ, будучи тогда уже герцогомъ Зудерманландскимъ, командовалъ шведскимъ флотомъ, я раскрыла императрицѣ его характеръ и она увидѣла, какъ ей легко будетъ обратить его противъ своего брата.

Приближалось время, когда моимъ друзьямъ приходилось уѣзжать изъ Спа, а мнѣ —возвращаться въ Россію; мы очень грустили при мысли о предстоявшей разлукѣ. Однажды вечеромъ, мы во время прогулки съ печалью говорили о нашемъ отъѣздѣ. На «Promenade de Sept Heures» былъ заложенъ фундаментъ дома, довольно большихъ размѣровъ. Я обратилась къ m-me Гамильтонъ со словами:

— Обѣщаю вамъ, что черезъ пять лѣтъ я вернусь въ Спа и найму этотъ домъ для васъ и для меня. Кажется, въ немъ свободно помѣстятся обѣ наши семьи. Если вы пріѣдете раньше меня, наймите его для насъ двухъ.

Я сдержала свое слово; не прошло пяти лѣтъ, когда я вернулась въ Спа и, пріѣхавъ раньше m-me Гамильтонъ, наняла черезъ посредство своего банкира назначенный домъ.

Изъ Спа я поѣхала въ Дрезденъ на нѣсколько дней, которые провела почти цѣликомъ въ картинной галлереѣ, на которую я не могла довольно насмотрѣться и надивиться.

Въ Берлинѣ меня приняли такъ же любезно, какъ и въ первый разъ. Нашъ министръ, князь Долгоруковъ, былъ мнѣ очень преданъ, и я со своей стороны искренно цѣнила его добродушіе и просвѣщенный умъ. Изъ Берлина я не останавливаясь поѣхала въ Ригу. Меня ожидали тамъ письма отъ моего брата Александра, совершенно ошеломившія меня. Онъ писалъ, что уѣхалъ изъ Москвы, гдѣ объявилась чума, въ Андреевское, великолѣпное имѣніе моей матери въ 140 верстахъ отъ Москвы. Мой управляющій сообщалъ мнѣ, что 45 человѣкъ изъ моей дворни умерли отъ чумы, вслѣдствіе чего ему нельзя будетъ ничего прислать мнѣ въ Петербургъ до моего пріѣзда, тѣмъ болѣе что и люди и вещи будутъ задержаны въ карантинѣ на шесть недѣль. Эти извѣстія въ связи съ безпокойствомъ о моемъ братѣ такъ потрясли меня, что я опасно заболѣла и пробыла въ Ригѣ три недѣли. Я написала своей сестрѣ Полянской и просила ее помѣстить въ своемъ домѣ, пока я не найму квартиру[1]), меня и людей, и только десять дней спустя пришла въ сознаніе и вспомнила, что у меня не было ни крова, ни обстановки.

Наконецъ я пріѣхала въ Петербургъ и поселилась у своей сестры, а госпожа Каменская—у своей. Императрица была столь милостива, что освѣдомилась о моемъ здоровьѣ и прислала мнѣ десять тысячъ рублей на первое обзаведеніе. Большимъ утѣшеніемъ для меня было свиданіе съ отцомъ; онъ ни въ чемъ не помогъ мнѣ матеріально, но сдѣлалъ больше: отнесся ко мнѣ съ любовью и до-

---

[1]) Мой домъ былъ проданъ въ мое отсутствіе по довѣренности, оставленной мной графу Панину; я надѣялась, что продажа дома покроетъ путевые расходы, на которые не хватало доходовъ, получаемыхъ мною и моими дѣтьми; но госпожа Талызина, фаворитка моего дяди, съумѣла убѣдить его продать домъ за полцѣны одному изъ ея друзей.

бротой, которыхъ я была лишена одно время, благодаря сплетнямъ и пересудамъ. Я уже упоминала въ этихъ запискахъ о госпожѣ N., вернувшейся изъ ссылки и можетъ быть невольно повліявшей на мою жизнь. Она разсказывала, что графъ Панинъ, до своего отъѣзда за-границу по случаю его назначенія посланникомъ, состоялъ въ связи съ моей матерью и что я была его дочерью; хочу вѣрить, что это неправда, такъ какъ глубоко уважаю память моей матери, хотя и не имѣла счастья ее знать (мнѣ было всего два года, когда она умерла). Орловы внушили моему отцу, черезъ приспѣшниковъ, что я этимъ горжусь, хотя съ другой стороны они распространяли слухъ, что между мной и графомъ Панинымъ существуетъ любовная интрига, несмотря на то, что онъ по возрасту могъ быть не только моимъ отцомъ, но и отцомъ моихъ старшихъ сестеръ, такъ какъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше моего отца. Надѣюсь, что въ глубинѣ души отецъ не считалъ меня способной ни на какой безнравственный поступокъ; но онъ долгое время не хотѣлъ видѣть меня, несмотря на многократныя и почтительныя мои просьбы. Не хочу болѣе распространяться на этотъ счетъ и благодарю небо, что по крайней мѣрѣ впослѣдствіи пользовалась уваженіемъ и довѣріемъ моего отца, которыя были бы для меня драгоцѣнны, даже если бы онъ не былъ моимъ отцомъ, потому что онъ былъ надѣленъ выдающимся и просвѣщеннымъ умомъ, а его великодушный и открытый характеръ былъ чуждъ мелочности и надменности, служащихъ вѣрнымъ показателемъ низменной души.

Предаю забвенію все остальное и обращаюсь къ своему возвращенію въ Петербургъ. Я была очень слаба и не могла выходить; но я надѣялась на лучшее будущее, такъ какъ князь Орловъ не былъ болѣе фаворитомъ. Когда я пріѣхала ко двору, императрица обошлась со мной милостиво. Мнѣ нельзя было еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ѣхать въ Москву, такъ какъ не мало дворовыхъ умерло отъ чумы въ моемъ домѣ. Я наняла очень по-

средственный домъ, купила мебель, бѣлье, кухонную посуду и пр. и пр., и наняла людей въ дополненіе къ тѣмъ, которые пріѣхали изъ Москвы; но не могу сказать, чтобы все устроилось удобно и пріятно для меня. Вскорѣ императрица прислала мнѣ 60 тысячъ рублей на покупку земли въ мою собственность. Можетъ быть, она только теперь узнала, что кромѣ болота въ окрестностяхъ Петербурга мнѣ принадлежалъ только деревянный домъ въ Москвѣ, или же, не будучи болѣе подъ вліяніемъ Орловыхъ, она хотѣла увеличить мое благосостояніе. Меня это крайне удивило, такъ какъ не походило на обхожденіе со мной въ теченіе десяти лѣтъ, прошедшихъ со времени восшествія императрицы на престолъ. Я обрадовалась, главнымъ образомъ, тому, что получила возможность вывести изъ затрудненія отца, которому недоставало 23 тысячъ для удовлетворенія предъявленной къ нему казной претензіи.

Весной я поселилась на своей маленькой дачѣ, гдѣ мой сынъ заболѣлъ сильнѣйшей горячкой. Къ сожалѣнію Крузе и Кельхенъ, лечившіе его съизмальства, переѣхали со дворомъ въ Царское Село. Я пришла въ отчаяніе и теряла голову, но къ счастью меня посѣтила жена адмирала Нольса; видя мое безпокойство, она посовѣтовала мнѣ пригласить молодого доктора Роджерсона, только что пріѣхавшаго изъ Шотландіи, и предложила немедленно поѣхать и прислать мнѣ его. Онъ пріѣхалъ въ двѣнадцать часовъ ночи и хотя не скрылъ отъ меня опаснаго положенія моего сына, но не отчаявался въ его спасеніи. Я провела 17 дней около его постели почти безъ пищи. Господь сжалился надо мной: искусство и уходъ Роджерсона вернули мнѣ сына. Съ тѣхъ поръ этотъ почтенный докторъ сталъ моимъ искреннимъ другомъ и наша дружба, основанная на взаимномъ уваженіи, осталась непоколебимой и понынѣ. По выздоровленіи моего сына я заплатила дань природѣ: отъ утомленія, безпокойства и безсонныхъ ночей я слегла въ постель.

Тѣмъ временемъ князь Потемкинъ, тогда еще генералъ-маіоръ, вернулся изъ арміи съ извѣстіемъ о полной побѣдѣ нашихъ войскъ надъ турками и о ихъ согласіи на миръ на какихъ угодно условіяхъ. Я не могла лично поздравить императрицу съ блестящими успѣхами ея оружія, но написала ей письмо по этому случаю и послала чудную картину Анжелики Кауфманъ, изображавшую красивую гречанку. Я намекала въ письмѣ и на себя и на освобожденіе грековъ или, по меньшей мѣрѣ, на улучшеніе ихъ судьбы. Молодая и прелестная художница не была еще извѣстна въ Россіи и ея картина доставила императрицѣ большое удовольствіе.

Осенью слѣдующаго года я отправилась въ Москву, гдѣ нашла свою свекровь удивительно бодрой для ея лѣтъ. Я отдала деньги, пожалованныя мнѣ императрицей, въ вѣрныя руки съ тѣмъ, чтобы сохранить ихъ для моей дочери и не выдѣлять ей больше приданаго изъ состоянія отца, которое мнѣ хотѣлось цѣликомъ передать сыну. Покончивъ съ нѣкоторыми дѣлами, я поѣхала въ Троицкое, откуда каждыя двѣ недѣли возила дѣтей къ свекрови, чтобы не навлекать на себя упрековъ въ томъ, что я отдаляю ихъ отъ бабушки. Вернувшись изъ Троицкаго въ Москву, я познакомилась у моего дяди, генерала Еропкина, съ генераломъ Потемкинымъ [1]), который сдѣлался впослѣдствіи столь могущественнымъ и получилъ княжескій титулъ отъ императора германскаго, ставъ фаворитомъ и даже болѣе—другомъ Екатерины Великой.

Графъ Румянцевъ, облеченный всѣми полномочіями, заключилъ миръ, и въ теченіе слѣдующаго лѣта императрица

---

[1]) Знакомство наше было весьма поверхностное; но генералъ Левашовъ, также присутствовавшій на обѣдѣ, сообщилъ мнѣ, что Потемкинъ торопится вернуться въ Петербургъ, потому что спѣшитъ занять мѣсто фаворита. Я дала ему одинъ совѣтъ; будучи принятъ къ свѣдѣнію, онъ устранилъ бы сцены, которыя великій князь, впослѣдствіи Павелъ I, не преминулъ сдѣлать, къ общему соблазну, чтобы повредить Потемкину и огорчить свою мать.

пріѣхала въ Москву съ тѣмъ, чтобы отпраздновать его возможно роскошнѣе и пышнѣе. Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ, генералы и вообще вся армія были осыпаны безпримѣрно щедрыми наградами. Мой братъ, графъ Семенъ, получилъ повышеніе, а его полкъ былъ причисленъ къ лейбъ-гренадерскому корпусу. Императрица предприняла нѣсколько поѣздокъ, между прочимъ въ Калугу, гдѣ остановилась въ великолѣпномъ помѣстьѣ моего дяди, графа Ивана Воронцова. Я въ этотъ разъ не сопровождала ее, по случаю опасной болѣзни моей свекрови. Она прохворала три недѣли; несмотря на то, что я сама страдала нервной перемежающейся лихорадкой, я большую половину дня проводила у ея постели; въ это время она высказала мнѣ свое уваженіе и привязанность ко мнѣ и вполнѣ одобрила всѣ мои дѣйствія касательно воспитанія моихъ дѣтей и управленія ихъ состояніемъ. Она умерла у меня на рукахъ, выразивъ желаніе быть похороненной въ Ново-Спасскомъ монастырѣ, гдѣ были погребены ея мужъ и предки князей Дашковыхъ. Согласно новому распоряженію императрицы, покойниковъ хоронили за городомъ; въ чертѣ города можно было хоронить только въ одномъ монастырѣ, дававшемъ гостепріимство людямъ богатымъ и суевѣрнымъ, не желавшимъ покидать Москвы и послѣ смерти. Монастыри при этомъ соблюдали извѣстную очередь, въ цѣляхъ справедливаго распредѣленія доходовъ между ними; въ данный годъ очередь не была за Ново-Спасскимъ монастыремъ и я тщетно просила разрѣшенія похоронить въ немъ свекровь.

Не имѣя возможности въ точности исполнить ея волю, я рѣшила, несмотря на свое недомоганіе, похоронить ее въ монастырѣ, въ 70-ти верстахъ отъ Москвы, гдѣ также были погребены предки князей Дашковыхъ. Я вообще приняла за незыблемое правило—поступать съ родными моего мужа такъ, какъ, по моимъ предположеніямъ, онъ самъ поступалъ бы съ ними, и потому не тяготилась этой грустной поѣздкой.

По возвращеніи ея величества въ Москву, я попросила у нея разрѣшенія поѣхать за границу, чтобы дать моему сыну классическое и высшее образованіе. Мнѣ это было разрѣшено чрезвычайно холодно, такъ какъ императрица не любила, когда я уѣзжала изъ Россіи. Меня даже не допустили проститься съ ней отдѣльно и я откланялась ей во время общей прощальной аудіенціи, когда всѣмъ рѣшительно было дано разрѣшеніе приложиться къ рукѣ государыни, и зала была биткомъ набита народомъ (черезъ нѣсколько дней императрица уѣзжала въ Петербургъ). Принцъ Ангальтъ-Бернбургскій, узнавъ объ этомъ, выразилъ мнѣ свое удовольствіе по поводу того, что со мной поступили прямодушно, а не играли комедіи, и высказалъ увѣренность, что отношеніе ко мнѣ измѣнится и мнѣ наконецъ отдадутъ должную справедливость.

Я вернулась въ Троицкое, гдѣ выдала свою дочь замужъ за бригадира Щербинина. Вслѣдствіе дурного обращенія съ нимъ его родителей у него сложился меланхолическій, но кроткій характеръ, и я надѣялась, что онъ дастъ моей дочери тихую и мирную жизнь. Она физически развилась неправильно и имѣла недостатокъ въ строеніи тѣла, вслѣдствіе чего врядъ ли могла разсчитывать, что болѣе молодой и веселый мужъ станетъ ее любить и баловать. Меня побудило къ этому браку и мое намѣреніе пробыть за границей девять, можетъ быть, даже десять лѣтъ для образованія сына. Конечно, я мечтала о лучшемъ бракѣ для моей дочери, но и этотъ бракъ представлялъ то огромное преимущество, что дочь моя могла оставаться со мной и я имѣла возможность оберегать ея молодость. Отецъ Щербинина охотно согласился отпустить своего сына, тѣмъ болѣе, что я объявила, что ему не придется дѣлать никакихъ расходовъ, такъ какъ процентовъ съ капитала моей дочери хватитъ на содержаніе ихъ обоихъ при совмѣстной жизни со мной. Къ сожалѣнію этотъ бракъ причинилъ мнѣ немало огорченій, помимо сплетенъ и клеветы, которыя я могла презирать, твердо сознавая чистоту

своихъ намѣреній и будучи увѣрена въ томъ, что я хорошая мать. Однако я рѣшила только вскользь упоминать о самыхъ жгучихъ горестяхъ моей жизни и потому продолжаю: мы поѣхали по Псковской дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы остановиться на нѣкоторое время въ великолѣпномъ помѣстьѣ Щербинина, находившемся въ этой губерніи.

По дорогѣ произошелъ случай, причинившій мнѣ немало безпокойства. Лакей Тапѣева, ѣхавшій со мной, упалъ, и два нашихъ экипажа переѣхали черезъ него. На первой почтовой станціи не было хирурга, на второй—также. Переломовъ у него не было, такъ какъ наши экипажи были легкіе и на полозьяхъ, но лѣвая рука и почти вся лѣвая сторона тѣла были помяты и такъ сильно распухли, что можно было снять рубашку, только разрѣзавъ весь рукавъ сверху до низу. Онъ не могъ бы выдержать дальнѣйшаго путешествія; я вспомнила, что у моего сына, въ его англійскомъ портфелѣ, былъ ланцетъ, и тщетно просила, чтобы кто-нибудь пустилъ ему кровь; никто не рѣшался, и мнѣ пришлось самой сдѣлать эту операцію; я счастливо вскрыла вену, но сама послѣ этого имѣла сильные припадки, о которыхъ однако не сокрушалась, такъ какъ цѣною ихъ спасла жизнь человѣку.

Я чрезвычайно скучала въ обществѣ стариковъ Щербининыхъ въ ихъ имѣніи и сократила свое тамъ пребываніе. Не доѣзжая Гродны, мой сынъ меня сильно напугалъ: у него открылась корь; помощи не было никакой въ этомъ почти варварскомъ краю, гдѣ царствовали неимовѣрная грязь и нищета, а мужики не обладали ни смѣтливостью, ни гостепріимствомъ, свойственными русскимъ крестьянамъ. По дорогамъ можно было ѣздить только въ мѣстныхъ бричкахъ, и мои экипажи проѣзжали по нимъ, благодаря помощи 30 казаковъ, которые, опережая меня на полдня, срубали придорожные кусты и деревья и такимъ образомъ расширяли дороги въ этихъ огромныхъ лѣсахъ. Къ счастью я нашла въ Гроднѣ отличнаго доктора, выписаннаго королемъ изъ Брюсселя для кадетскаго корпуса,

основаннаго имъ въ этомъ городѣ. Я пробыла въ немъ пять недѣль, вслѣдствіе того, что моя дочь, не покидавшая постели своего брата, также заразилась корью.

Затѣмъ я поѣхала черезъ Вильну въ Варшаву. Это былъ юбилейный годъ и, хотя мы и не застали шумныхъ празднествъ, я имѣла удовольствіе часто наслаждаться пріятной и поучительной бесѣдой съ королемъ. Его величество два-три раза въ недѣлю пріѣзжалъ ко мнѣ, и мы нѣсколько часовъ проводили съ нимъ вдвоемъ. Его племянникъ, князь Станиславъ, очень любезный и образованный молодой человѣкъ, генералъ Комаржевскій и свита оставались въ другихъ комнатахъ съ моими дѣтьми; должна сознаться, что мнѣ пришлось неоднократно удивляться великимъ душевнымъ качествамъ короля. У него было благородное, отзывчивое сердце, просвѣщенный умъ, а любовь къ искусствамъ, въ которыхъ онъ былъ тонкій знатокъ и цѣнитель, придавала разнообразіе и всесторонній интересъ его разговору. Онъ заслуживалъ счастья, а польская корона была для него скорѣе проклятьемъ, чѣмъ радостью. Если бы онъ остался частнымъ человѣкомъ, онъ, благодаря способностямъ, дарованнымъ ему природой и усовершенствованнымъ воспитаніемъ, пользовался бы всеобщей любовью. Сдѣлавшись королемъ безпокойнаго народа, выдѣлявшаго изъ своей среды самые противорѣчивые характеры, онъ не снискалъ его любви, такъ какъ народъ не былъ способенъ его оцѣнить. Будучи сосѣдомъ двухъ великихъ державъ, онъ часто принужденъ былъ дѣйствовать вопреки своимъ принципамъ и желаніямъ, а благодаря интригамъ польскихъ магнатовъ ему приписывали многія ошибки, которыхъ онъ вовсе не совершалъ. Я съ сожалѣніемъ оставила Варшаву. Меня привязывали къ ней король, его племянникъ Станиславъ и всеобщее уваженіе къ памяти моего мужа.

Въ Берлинѣ меня ожидалъ такой же дружескій пріемъ, какъ и въ первый мой пріѣздъ. Я заранѣе написала моему банкиру, чтобы онъ нанялъ мнѣ въ Спа новый домъ на

«Promenade de Sept Heures», и поселилась въ немъ раньше m-me Гамильтонъ. Я наняла весь домъ, и когда она пріѣхала, она увидѣла, что я сдержала свое обѣщаніе по всѣмъ пунктамъ. Въ Спа Щербининъ получилъ цѣлый рядъ писемъ отъ своихъ родителей, настойчиво вызывавшихъ его въ Россію, и онъ съ грустью разстался съ нами. Моя дочь не пожелала послѣдовать за нимъ и осталась со мной. Изъ Спа я написала историку Робертсону, ректору Эдинбургскаго университета, что осенью пріѣду въ Эдинбургъ и поселюсь въ немъ на долгое время, пока мой сынъ не закончитъ свое образованіе; ему было всего 13 лѣтъ и я просила Робертсона руководить его образованіемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и дать мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ онъ совѣтовалъ мнѣ отложить поступленіе моего сына въ университетъ, а сперва подготовить его, я съ радостной для матери гордостью написала, что мой сынъ вполнѣ способенъ слушать университетскій курсъ, такъ какъ отлично знаетъ латинскій языкъ, математическія науки, исторію, географію, французскій и нѣмецкій языки, и англійскій настолько, что все понимаетъ, хотя и не достаточно бѣгло на немъ говоритъ.

По окончаніи сезона въ Спа я поѣхала въ Англію. Пробывъ недолго въ Лондонѣ, я по дорогѣ въ Шотландію остановилась на нѣсколько дней въ замкѣ лорда и леди Суссексъ, гдѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ мистеромъ Вильмотомъ, отцомъ моего молодого друга, изъ любви къ которой я поборола свое нежеланіе писать настоящія воспоминанія. Мистеръ Вильмотъ былъ родственникомъ Суссекса и жилъ у нихъ все время, пока и мы у него гостили. Оттуда я поѣхала въ Эдинбургъ, гдѣ и поселилась на нѣсколько лѣтъ въ старинномъ королевскомъ замкѣ, Голирудгоузъ. Живя въ немъ, я не разъ вспоминала о неразумной и несчастной королевѣ Маріи. Къ моей квартирѣ примыкалъ ея кабинетъ и лѣстница, съ которой былъ сброшенъ ея фаворитъ итальянецъ. Робертсонъ нашелъ, къ моему боль-

шому удовольствію, что сынъ былъ вполнѣ подготовленъ для поступленія въ университетъ. Я познакомилась съ профессорами университета, людьми, достойными уваженія, благодаря ихъ уму, знаніямъ и нравственнымъ качествамъ. Имъ были чужды мелкія претензіи и зависть, и они жили дружно, какъ братья, уважая и любя другъ друга, чѣмъ доставляли возможность пользоваться обществомъ глубокихъ, просвѣщенныхъ людей, согласныхъ между собой; бесѣды съ ними представляли изъ себя неисчерпаемые источники знанія. Лѣтомъ, когда лекціи въ университетѣ прекратились, мы поѣхали путешествовать въ горы. Не стану описывать здѣсь этой поѣздки, такъ какъ къ этимъ запискамъ будетъ приложено описаніе ея, сдѣланное мною для моего друга, m-me Морганъ, приславшей мнѣ впослѣдствіи копію съ него, списанную ею собственноручно.

Безсмертный Робертсонъ, Блэръ, Смитъ и Фергюсонъ приходили ко мнѣ два раза въ недѣлю обѣдать и проводить весь день. Герцогиня Беклэй, леди Скоттъ, леди Лосіанъ и леди Мэри Ирвинъ своимъ обществомъ скрашивали мою жизнь еще больше; это былъ самый спокойный и счастливый періодъ, выпавшій мнѣ на долю въ этомъ мірѣ. Мой другъ, m-me Гамильтонъ, вскорѣ своимъ пріѣздомъ еще увеличила счастье моей жизни, которое даже сильнѣйшій ревматизмъ, схваченный мною въ горахъ, не въ силахъ былъ омрачить; я привыкла къ физическимъ страданіямъ, и такъ какъ жила внѣ себя, т. е. только для другихъ и любовью къ дѣтямъ, я способна была смѣяться и шутить во время сильныхъ приступовъ боли.

На слѣдующій годъ знаменитый докторъ Кулленъ предписалъ мнѣ воды Букстона и Матлока, а затѣмъ морскія купанья въ Скарборо. Я принялась за это леченіе, такъ какъ имѣла возможность начать и закончить его въ каникулярное время; m-me Гамильтонъ меня сопровождала, и ея нѣжный уходъ за мной, когда я лежала больная при смерти съ Скарборо, спасъ мнѣ жизнь. Леди Мюльгрэвъ,

жившая послѣ смерти своего мужа въ имѣніи одной своей подруги, узнавъ, что я опасно больна, пріѣхала въ Скарборо, несмотря на то, что сама страдала подагрой и была подавлена своимъ горемъ, и осталась до тѣхъ поръ, пока не убѣдилась, что опасность миновала. Она уговорила меня сдѣлать крюкъ на обратномъ пути и погостить нѣсколько дней у ея подруги. Я обѣщала и, какъ только силы позволили мнѣ предпринять эту поѣздку, я уѣхала изъ Скарборо къ леди Мюльгрэвъ. Она упросила меня остаться два дня; оттуда я по большой дорогѣ поѣхала прямо въ Эдинбургъ, куда и прибыла до начала занятій.

Хотя я и страдала еще отъ ревматизма, поразившаго главнымъ образомъ колѣнные суставы, и мой желудокъ не пришелъ еще въ полный порядокъ, я принялась съ энергіей за свои обязанности матери и наставницы. Мой спокойный, ровный и веселый характеръ приводилъ въ изумленіе моихъ друзей и знакомыхъ. Профессора приходили ко мнѣ два раза въ недѣлю; съ цѣлью доставить моему сыну развлеченіе я каждую недѣлю давала балы. Кромѣ того мой сынъ ѣздилъ верхомъ въ манежѣ и черезъ день бралъ уроки фехтованья у отличнаго учителя, случайно находившагося въ Эдинбургѣ. Этими упражненіями я не только сохранила его здоровье, но и укрѣпила его настолько, что онъ тогда уже обладалъ значительной силой. Я сама принуждена была подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ, но нисколько этимъ не тяготилась, такъ какъ всей душой была предана материнской любви и обязанностямъ. Я была всецѣло поглощена стремленіемъ дать моему сыну самое лучшее образованіе и воспитаніе; незначительность средствъ моихъ дѣтей и собственная бѣдность меня не огорчали: въ Шотландіи жизнь не дорога и, соблюдая порядокъ и экономію, я могла вполнѣ свободно содержать нашъ домъ, но для совершенія путешествія въ Ирландію, по окончаніи моимъ сыномъ университета, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ мелкому кредиту, которымъ я пользовалась, будучи коротко знакома со своими банки-

рами, Форбсомъ и Гунтеромъ. Передъ отъѣздомъ они предложили мнѣ свою помощь и я заняла у нихъ 2000 ф. ст., которые и выслала имъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ Голландіи. Я уплатила имъ свой денежный долгъ, но, конечно, никогда и ничѣмъ не сумѣю вознаградить ихъ въ достаточной мѣрѣ за ихъ дружбу, предупредительность и доброту ко мнѣ.

Въ маѣ 1779 г. мой сынъ выдержалъ публичный экзаменъ въ университетѣ. Собраніе было очень многолюдно и его блестящіе отвѣты по всѣмъ отраслямъ науки вызвали шумные аплодисменты аудиторіи (что было воспрещено). Онъ получилъ первую ученую степень (maître dès-arts); мое счастье можетъ быть понято и оцѣнено только матерью. Такимъ образомъ закончились мои обязанности и функціи наставницы и въ началѣ іюня мы уѣхали въ Ирландію. Мы высадились въ Донагади, куда мнѣ навстрѣчу выѣхала моя пріятельница m-me Морганъ. Затѣмъ мы осмотрѣли Колерэнъ и шоссе Великановъ, которое стоитъ посмотрѣть. Въ Дублинѣ для меня былъ уже приготовленъ очень красивый и удобный домъ. Мое пребываніе въ Дублинѣ представляется мнѣ до сихъ поръ счастливымъ и очень реальнымъ сномъ, продолжавшимся цѣлый годъ; благодаря заботамъ моихъ дорогихъ друзей, m-me Гамильтонъ и m-me Морганъ, и вниманію ихъ родителей, дни мои текли спокойно и радостно, не оставляя желать ничего лучшаго. Я нашла въ Дублинѣ отличнаго учителя танцевъ, недавно вернувшагося изъ Парижа, и онъ два раза въ недѣлю обучалъ моего сына; кромѣ того онъ учился по-итальянски и каждое утро повторялъ съ мистеромъ Гринфильдомъ курсы наукъ, прослушанныхъ имъ въ Эдинбургѣ, и читалъ съ нимъ греческихъ и латинскихъ классиковъ. Дни его были наполнены полезными занятіями; по вечерамъ мы часто ѣздили къ знакомымъ и въ театръ; каждую недѣлю у насъ устраивался балъ, благодаря чему дѣти были здоровы и веселы.

Я имѣла счастье заслужить любовь леди Арабеллы Денни, свѣтской женщины, достойной самаго глубокаго почтенія получившей его выраженіе, когда парламентъ отправилъ къ ней депутацію, чтобы поблагодарить ее за многочисленныя ея благодѣянія и полезныя учрежденія, основанныя ею, о которыхъ она неусыпно заботилась несмотря на свой преклонный возрастъ. Мы часто ѣздили къ ней пить чай. Ея любезность, ясная душа и здравый смыслъ привлекали къ ней сердца всѣхъ близко знавшихъ ее. Особенно ее интересовало убѣжище Магдалины, которое, благодаря ея умѣнію, приносило дѣйствительную пользу. Она мнѣ показывала его нѣсколько разъ и, питая слишкомъ высокое мнѣніе о моихъ скромныхъ талантахъ, просила меня написать музыку на слова любимаго ея гимна, который она часто заставляла пѣть въ пріютѣ. Я не могла отказаться, такъ какъ малѣйшее ея желаніе было священно для меня, и написала четырехголосую музыку на слова гимна; она велѣла его разучить и черезъ двѣ недѣли его пѣли въ церкви при большомъ стеченіи публики, которой было интересно послушать сочиненіе «русскаго медвѣдя». Сборъ былъ очень великъ и въ тотъ вечеръ леди Арабелла была въ самомъ счастливомъ настроеніи духа.

Я часто ѣздила въ парламентъ слушать ораторовъ, среди которыхъ блисталъ тогда Грэттанъ. Концерты и чтеніе съ моими подругами наполняли мое время, и цѣлый годъ пролетѣлъ съ волшебной быстротой.

Я съ тяжелымъ сердцемъ покинула Дублинъ, но мой долгъ обязывалъ меня совершить еще путешествіе съ моимъ сыномъ, прежде чѣмъ представить его государынѣ. Мы осмотрѣли Килкенни, Килларни съ его чернымъ озеромъ, Коркъ съ его рейдомъ, Лимерпэ и многія другія мѣста.

Въ началѣ 1780 г. мы разстались съ Ирландіей и, переплывъ каналъ, высадились въ Голигедѣ. Дорога до Лондона крайне интересна и Валлисъ представляетъ множество великолѣпныхъ видовъ.

Въ Лондонѣ я представилась ихъ величествамъ, принявшимъ меня съ свойственными имъ добротой и любезностью. Я сказала имъ, что пользовалась необыкновеннымъ спокойствіемъ и удовольствіемъ въ ихъ владѣніяхъ, что мой сынъ въ особенности извлекъ громадную пользу для своего образованія изъ пребыванія въ англійскомъ университетѣ, вслѣдствіе чего я на всю жизнь сохраню благодарность, доступную только сердцу матери, и что къ чувству почтенія къ ихъ величествамъ я присоединяю и чувство глубокой признательности. Королева отвѣтила мнѣ:

— Я уже знаю и своими словами вы подтверждаете, что вы рѣдкая мать.

Я возразила, что врядъ ли заслуживаю подобнаго отзыва и что въ свою очередь слышала, что королева была примѣрной матерью, и что ея прекрасная семья вполнѣ заслуживаетъ и оправдываетъ ея великую нѣжность. Королева заговорила о своихъ многочисленныхъ дѣтяхъ и усомнилась, знаю ли ихъ всѣхъ. Я отвѣтила утвердительно и выразила желаніе ихъ видѣть; королева обѣщала нарочно выписать ихъ изъ Кью, чтобы показать ихъ мнѣ. Дѣйствительно она приказала леди Голдернесъ привезти ихъ на слѣдующій день къ завтраку и предупредить меня объ ихъ пріѣздѣ. Я, какъ могла, выразила королевѣ свою благодарность за ея доброту. Я видѣла ея прелестныхъ дѣтей, дѣйствительно похожихъ на ангеловъ. Мы поѣхали въ Батъ и Бристоль и посѣтили всѣ замки и королевскія резиденціи; откланявшись королю и королевѣ, мы поѣхали въ Маргэтъ и оттуда на кораблѣ въ Остендэ.

Оттуда мы пріѣхали въ Брюссель, гдѣ, пробывъ нѣсколько дней, оставили экипажи и часть людей, а сами отправились черезъ Антверпенъ въ Голландію, которую объѣхали всю: мы посѣтили Роттердамъ, Дельфтъ, Гаагу, Лейденъ, Утрехтъ, поселеніе братьевъ гернгутеровъ, Гаарлемъ. Я получила письмо отъ нашего посланника въ Голландіи, князя Голицына, очень позабавившее насъ. Онъ съ большимъ юморомъ писалъ про инцидентъ съ купцомъ, котораго я

пріютила въ нанятомъ мною помѣщеніи на суднѣ и который, пріѣхавъ къ князю, передалъ ему нижайшее почтеніе отъ имени русской женщины, пользующейся его покровительствомъ и путешествующей благодаря его щедротамъ. Князь долгое время не могъ понять добраго голландца и счелъ его даже за сумасшедшаго, но, разспросивъ его, гдѣ онъ меня видѣлъ и кто былъ со мной, онъ наконецъ догадался, что это была я, и смутилъ бѣднаго купца, сказавъ ему мое имя. Дѣло въ томъ, что въ ту минуту, какъ «трешкоутъ», въ которомъ я наняла комнату (руффъ)[1], собирался тронуться въ путь, прибѣжалъ человѣкъ, очевидно спѣшившій уѣхать. Оставалось свободнымъ только одно мѣсто на крышѣ; тогда, видя его безпокойство, я попросила его войти въ мою комнату, что онъ и сдѣлалъ съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ объяснилъ мнѣ—на половину по-голландски, на половину на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ,—что неотложныя дѣла требуютъ его присутствія въ извѣстный день въ Гаагѣ; мнѣ пришла мысль скрыть свое имя и я просила его пойти къ нашему министру (онъ увѣрялъ меня, что его знаетъ) и сказать ему, что русская женщина, пользующаяся его покровительствомъ, кланяется ему и проситъ его адресовать свои письма въ Амстердамъ. Намъ предстояло подняться по другому каналу, находившемуся на другомъ концѣ города; чтобы попасть на него, приходилось пройти черезъ весь городъ пѣшкомъ, а такъ какъ до отхода слѣдующаго трешкоута оставалось два часа, я спросила его, какъ обыкновенно пассажиры проводятъ это время.

---

[1]) Трешкоуты представляютъ изъ себя большія барки, которыя тянутъ лошадьми. Онѣ состоятъ изъ одной чистенькой комнаты для богатыхъ людей и большой общей комнаты, гдѣ каждый пассажиръ платитъ за свой проѣздъ небольшую сумму денегъ; кромѣ того были мѣста на крышѣ, стоившія еще дешевле. Эти барки отправлялись ежедневно въ извѣстные часы и прибывали въ сосѣдніе города также въ опредѣленное время.

— Туземцы имѣютъ здѣсь либо дѣла, либо знакомыхъ и родныхъ,—отвѣтилъ онъ;—но такъ какъ вы иностранцы, я поведу васъ въ одинъ трактиръ недалеко отъ пристани.

Я приняла его предложеніе и мы едва могли удержаться отъ смѣха, когда онъ сталъ насъ угощать пивомъ, хлѣбомъ и сыромъ.

Вернувшись въ Гаагу, я свидѣлась еще разъ съ принцессой Оранской, которую искренно любила и уважала. Оба раза, когда я была въ Гаагѣ, она настояла на томъ, чтобы я ее посѣтила, хотя я отговаривалась неимѣніемъ съ собой другихъ платьевъ, кромѣ дорожныхъ; но она прислала ко мнѣ свою воспитательницу, мадамъ Дункельманъ, пользовавшуюся полнымъ довѣріемъ принцессы-матери въ дѣлѣ воспитанія принцессы Оранской. Не распространяясь о всѣхъ ея прекрасныхъ качествахъ, скажу только, для ея характеристики, что она состояла въ переепискѣ съ Фридрихомъ Великимъ, дядей принцессы Оранской. По ея настоянію, я рѣшила пренебречь этикетомъ по части костюма и поѣхала съ дочерью во дворецъ въ каретѣ мадамъ Дункельманъ.

Мы ужинали у принцессы какъ въ этотъ день, такъ и во всѣ послѣдующіе, пока оставались въ Гаагѣ, а также и по возвращеніи изъ помянутой круговой поѣздки. Принцъ Оранскій ужиналъ съ нами; обыкновенно онъ за ужиномъ засыпалъ, несмотря на ранній часъ, но въ этотъ разъ онъ, сидя рядомъ со мной, даже не дремалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что любитъ засыпать за столомъ, но что я была такъ добра, что отогнала Морфея отъ его вѣждъ. Я выразила сожалѣніе, что онъ приноситъ мнѣ такую большую жертву, а когда принцесса спросила меня, что мнѣ говорилъ принцъ, я, стѣсняясь повторить его слова, сказала только, что онъ говорилъ мнѣ любезности.

Я забыла упомянуть, что, намѣреваясь остаться въ Лейденѣ всего два дня, чтобы повидать кой-кого изъ тѣхъ, съ кѣмъ я сблизилась въ первую поѣздку, я приняла

предложеніе моего родственника, князя Шаховского, занять его аппартаменты. Послѣ завтрака, я отправилась къ знаменитому врачу Гобіеусу, котораго я искренно уважала. Старая служанка, открывшая мнѣ дверь, сказала, что его нѣтъ дома, но я возразила ей, что знаю, что онъ не выходитъ и что онъ вѣроятно будетъ радъ меня видѣть, и попросила ее доложить, что княгиня Дашкова желаетъ съ нимъ проститься. Онъ услышалъ изъ сосѣдней комнаты мой голосъ и вышелъ ко мнѣ. Когда служанка открывала дверь, я увидѣла во внутреннихъ комнатахъ князя и княгиню Орловыхъ, очевидно пришедшихъ посовѣтоваться съ докторомъ. Удивленіе мое было безгранично, тѣмъ болѣе, что я не знала, что они уѣхали изъ Россіи. Мои немногіе русскіе корреспонденты не сообщали мнѣ никакихъ подробностей о придворной жизни. Будучи увѣрена въ томъ, что Россія въ царствованіи Екатерины могла только процвѣтать, и всецѣло поглощенная заботами о воспитаніи сына, я просила ихъ писать мнѣ лишь о себѣ и о моихъ родныхъ и друзьяхъ. Я увидѣлась съ Гобіеусомъ съ удовольствіемъ, но, не желая прерывать его занятій, я не вошла въ комнаты и, простившись съ нимъ, пошла прогуляться пѣшкомъ по городу и затѣмъ вернулась домой.

Не успѣли мы сѣсть за обѣдъ, какъ вошелъ князь Орловъ. Не знаю, прочелъ ли онъ на моемъ лицѣ, всегда ясно отражавшемъ мои мысли и чувства, что его посѣщеніе было столь же неожиданно, сколь непріятно, или онъ по обыкновенію произнесъ первую фразу, пришедшую ему на умъ, но онъ сказалъ:

— Я пришелъ къ вамъ другомъ, а не врагомъ.

Никто ничего не отвѣтилъ. Онъ взглянулъ на моего сына, и можетъ быть совѣсть его заговорила, когда онъ вспомнилъ все зло, что онъ мнѣ причинилъ.

— Судя по мундиру вашего сына,—продолжалъ онъ,— онъ еще въ кирасирскомъ полку; я путешествую ради здоровья моей жены, состою еще на службѣ и числюсь командиромъ конно-гвардейскаго полка; если желаете, кня-

гиня, я напишу императрицѣ и попрошу ее перевести его въ мой полкъ, вслѣдствіе чего онъ сразу будетъ повышенъ на два чина.

Я поблагодарила князя и, объявивъ, что по этому предмету я должна поговорить съ нимъ наединѣ, встала изъ-за стола, попросила остальныхъ продолжать обѣдъ, не дожидаясь меня, и удалилась въ свою комнату съ княземъ Орловымъ. Я не знаю, понялъ ли онъ мою деликатность; поблагодаривъ его еще разъ, я попросила его отложить на время свои хлопоты, такъ какъ я уже обратилась къ князю Потемкину, какъ къ президенту военной коллегіи, съ просьбой сообщить мнѣ, на что можетъ надѣяться мой сынъ, котораго я предназначала къ военной службѣ и который, благодаря своему образованію, имѣлъ возможность въ ней отличиться; поэтому я не могла переводить его изъ одного полка въ другой и должна была предоставить государынѣ, его крестной матери, рѣшить его судьбу; своей поспѣшностью я могла бы обидѣть Потемкина и оказаться невѣжливой по отношенію къ нему. Но князь возразилъ, что не видитъ, чѣмъ бы Потемкинъ могъ обидѣться.

Я знала, что Орловъ и Потемкинъ были въ очень дурныхъ отношеніяхъ, потому и сочла своимъ долгомъ сообщить Орлову, что я уже написала президенту военной коллегіи. Увидѣвъ, что я только теряю время въ попыткахъ объяснить ему свои мотивы, я сократила наше свиданіе, попросивъ его сообщить мнѣ свой адресъ, дабы я могла освѣдомить его объ отвѣтѣ изъ Петербурга, и сохранить свое доброе расположеніе къ моему сыну, которымъ мнѣ можетъ быть придется воспользоваться.

— Обѣщаю вамъ это,—отвѣтилъ онъ,—трудно представить себѣ болѣе красиваго юношу, чѣмъ князь Дашковъ.

Его красота не мало безпокоила меня впослѣдствіи и была источникомъ огорченій и тревоги для меня. Я еще разъ увидѣла князя Орлова въ Брюсселѣ, гдѣ онъ остановился проѣздомъ въ Парижъ, а оттуда въ Швейцарію, гдѣ его жена должна была лечиться у Тиссо; тутъ же былъ

еще Мелиссино, попечитель московскаго университета, его жена съ племянникомъ, фрейлина Протасова, и дѣвица Каменская. Все это общество сразу наводнило мою комнату, когда я и не знала, что онъ въ Брюсселѣ; изъ нихъ я была рада свидѣться только съ Мелиссино, человѣкомъ очень образованнымъ, ровнаго и веселаго характера; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ черезъ день бывалъ у меня, но я не могла заниматься съ нимъ однимъ и среди разговора князь Орловъ вдругъ повергъ меня въ неописуемое смущеніе. Глядя въ упоръ на моего сына, онъ сказалъ:

— Я жалѣю, князь, что меня вѣроятно не будетъ въ Петербургѣ, когда вы туда пріѣдете; я убѣжденъ, что вы затмите фаворита, а такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ мнѣ вмѣнили въ обязанность вести переговоры съ отставленными фаворитами и утѣшать ихъ, я съ удовольствіемъ занялся бы этимъ, если бы онъ принужденъ былъ уступить вамъ свое мѣсто.

Эта странная рѣчь заставила меня жалѣть, что сынъ при ней присутствовалъ; я поскорѣе выслала его изъ комнаты, прежде чѣмъ онъ самъ успѣлъ отвѣтить, и поручила ему написать доктору Бюртену, чтобы напомнить ему его обѣщаніе придти на слѣдующій день въ 9 ч. и поѣхать съ нами осматривать сосѣднія возвышенности, гдѣ находилось много красивыхъ мѣстностей. Когда мой сынъ вышелъ, я выразила князю свое удивленіе, что онъ обращается съ подобными словами къ семнадцатилѣтнему мальчику и компрометируетъ императрицу; причемъ добавила, что я никогда не знала этихъ фаворитовъ; если нѣкоторые ея генералъ-адъютанты и жили во дворцѣ, то тому было причиной довѣріе къ нимъ императрицы; попросила его никогда не говорить такъ въ моемъ присутствіи и еще менѣе въ присутствіи моего сына, котораго я воспитываю въ самомъ безпредѣльномъ уваженіи и преданности къ своей государынѣ и крестной матери, и что я надѣюсь, что онъ будетъ любимцемъ только хорошихъ людей. Отвѣтъ князя Орлова былъ въ его обычномъ стилѣ, и, слѣдовательно, не стоитъ его повто-

рять. Черезъ нѣсколько дней онъ, къ моему удовольствію, уѣхалъ въ Парижъ, а я осталась въ Брюсселѣ еще нѣкоторое время, такъ какъ мнѣ туда должны были переслать деньги.

Каждое утро мы отправлялись съ докторомъ Бюртеномъ въ окрестности города и составляли гербарій изъ растеній, не виданныхъ мною у насъ. По полученіи денегъ мы поѣхали въ Парижъ. Я остановилась только на два дня въ Лиллѣ, спѣша поскорѣй въ Парижъ, гдѣ для меня была уже нанята квартира. Я съ удовольствіемъ узнала, что Орловъ со свитой уже уѣхали, и была рада, что мой добрый старикъ Мелиссино съ женой остались въ Парижѣ. Съ невыразимой радостью я увидѣла Дидро, поцѣловавшаго меня съ той теплой сердечностью, которою отличались его отношенія къ друзьямъ. Я встрѣтила также въ г. Малербѣ, въ его сестрѣ, въ m-me Неккеръ и другихъ старинныхъ знакомыхъ тѣ же дружескія чувства, которыми они почтили меня и въ мое первое путешествіе.

Въ это время въ Парижѣ было много русскихъ, между прочимъ графъ Салтыковъ (впослѣдствіи главнокомандующій и генералъ-губернаторъ въ Москвѣ), его жена, Самойловъ (племянникъ Потемкина) и графъ Андрей Шуваловъ съ супругой. Послѣдній жилъ въ Парижѣ уже два года, не заслуживъ ни уваженія, ни любви. Такъ какъ онъ причинилъ мнѣ, хотя и мимолетное, но мучительное безпокойство, я считаю не лишнимъ обрисовать здѣсь его характеръ. Это былъ человѣкъ большого ума, въ совершенствѣ владѣвшій французскимъ языкомъ, съ удивительной легкостью писавшій стихи, довольно образованный, знавшій хорошо въ особенности французскую литературу, самолюбивый, надменный, жестокій съ подчиненными и искательный и раболѣпный передъ высшими—наиболѣе вліятельный въ данную минуту человѣкъ всегда былъ для него божествомъ,—капризный и скорый на заключеніе; часто дѣйствовалъ онъ вопреки здравому смыслу, такъ какъ умъ его не обладалъ устойчивостью, порождающей здравое и пря-

мое сужденіе. Онъ въ концѣ концовъ помѣшался и такъ и умеръ сумасшедшимъ, не оплакиваемый даже семьей. Меня посѣщали многіе знакомые и мнѣ приходилось отдавать имъ визиты, что отнимало много времени, между тѣмъ какъ оно было драгоцѣнно вслѣдствіе моего намѣренія оставаться въ Парижѣ недолго. Мнѣ дали понять, что мнѣ слѣдуетъ явиться въ Версаль. Я отвѣтила, что, несмотря на то, что была графиней Воронцовой по отцу и княгиней Дашковой по мужу, я всегда чувствовала себя неловко при дворѣ. Наконецъ, мнѣ ясно сказали, что королева желаетъ со мной познакомиться; на это я такъ же ясно объявила, что, хотя для меня лично всякое мѣсто безразлично, лишь бы оно не было слишкомъ неудобно, и хотя я не придавала значенія знатности рожденія, такъ что вполнѣ равнодушно могла видѣть, что французская герцогиня, дочь разбогатѣвшаго откупщика, сидитъ на почетномъ мѣстѣ (при Версальскомъ дворѣ имъ считался табуретъ), но, въ качествѣ статсъ-дамы императрицы Россійской, не могу безнаказанно умалять свой рангъ.

Нѣсколько дней спустя m-me де-Сабранъ, съ которой я вмѣстѣ завтракала у аббата Рейналя, сказала мнѣ, что королева желаетъ, чтобы я пріѣхала въ Версаль къ m-me де-Полиньякъ, гдѣ будетъ находиться и она, и что вслѣдствіе отсутствія придворнаго этикета мы обѣ будемъ чувствовать себя свободнѣе. Я часто завтракала у аббата Рейналя. Дидро, несмотря на слабое здоровье, посѣщалъ меня почти ежедневно. Когда я сидѣла по вечерамъ дома, у меня собиралось цѣлое общество; по утрамъ я посѣщала мастерскія лучшихъ артистовъ, кромѣ тѣхъ дней, когда Гардель обучалъ танцамъ моихъ дѣтей, а одинъ ученикъ Даламбера повторялъ съ моимъ сыномъ математику и геометрію. У меня очень много времени отнималъ и Гудонъ, дѣлавшій по настоянію моей дочери мой бронзовый бюстъ. Когда онъ былъ готовъ, я не могла не замѣтить, что французскіе артисты обладаютъ слишкомъ изящнымъ вкусомъ, чтобы изобразить меня такою, какою меня со-

здалъ Господь Богъ, и что онъ изобразилъ французскую, декольтированную герцогиню, а не ту скромную и простую Нинетту, какою я была.

У Неккера я познакомилась съ епископомъ Отенскимъ и съ Гиберомъ, авторомъ тактики, столь нашумѣвшей. Встрѣтилась я и съ Рюльеромъ, котораго я знавала въ періодъ его пребыванія въ Россіи въ эпоху восшествія на престолъ императрицы. Я замѣтила, что онъ былъ въ смущеніи, вѣроятно, вспомнивъ, что я отказалась его принять въ первое свое пребываніе въ Парижѣ. Подойдя къ нему, я сказала, что я слишкомъ горда и слишкомъ хорошаго мнѣнія о немъ, чтобы думать, что мои друзья 1762 г. перестали быть ими; что я очень рада его видѣть, и если госпожа Михалкова (подъ этимъ именемъ я путешествовала въ первый разъ), не желая никому показываться, пожертвовала удовольствіемъ, которое ей доставило бы его общество, то у княгини Дашковой нѣтъ никакихъ основаній поступать такъ же. Я сказала ему, что буду съ удовольствіемъ принимать его когда ему угодно, но не стану ни читать, ни слушать его книги, несмотря на то, что мѣстами она, вѣроятно, представила бы для меня большой интересъ. Рюльеръ остался доволенъ моими словами и посѣтилъ меня нѣсколько разъ. Малербъ, его сестра, еще нѣсколько лицъ, въ особенности Дидро, который былъ достоинъ довѣрія вслѣдствіе своей природной искренности и дружбы ко мнѣ, увѣряли меня, что Рюльеръ отзывался обо мнѣ самымъ лестнымъ образомъ, но привели мнѣ нѣсколько сужденій объ императрицѣ, которыя я не могла распространять. Каково было мое удивленіе, когда 20 лѣтъ спустя, въ эпоху, когда все во Франціи было перевернуто вверхъ дномъ и когда клевета, неприличіе, разнузданность,—плоды разногласій и партійности,—говорили и печатали все, что диктовали имъ злобныя страсти, каково, говорю, было мое удивленіе, когда я прочла въ брошюрѣ, озаглавленной «Мемуары о революціи 1762 г.» Рюльера, что я была любовницей графа Панина, дяди моего мужа,

который по возрасту могъ быть его отцомъ, не только что моимъ, и что я была беременна отъ него (въ такомъ случаѣ я должна была носить своего сына $11^1/_2$ мѣсяцевъ, такъ какъ онъ родился 12 мая). Кромѣ того въ этой книгѣ было и еще много всякой лжи. Однако я вспомнила, что Рюльеръ нѣсколько лѣтъ прослужилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и что онъ со своимъ умомъ и знаніемъ не могъ бы написать, что при бракосочетаніи Петра III съ принцессой Цербтской (впослѣдствіи Екатериной II) въ контрактъ было включено условіе, что въ случаѣ смерти императора престолъ переходитъ къ ней; самый невѣжественный новичокъ въ дипломатіи не могъ бы написать подобной нелѣпости, такъ что я утѣшилась и сняла всякую вину съ памяти Рюльера; онъ бывалъ у меня почти каждый день въ этотъ періодъ, видѣлъ мою любовь къ мужу и зналъ мои принципы вообще; поэтому я и не сомнѣвалась болѣе, что это мнимое сочиненіе Рюльера было апокрифическое.

Въ назначенный часъ я съ дѣтьми поѣхала въ Версаль. Королева ожидала меня въ аппартаментахъ Жюля Полиньяка. Ея величество пошла ко мнѣ навстрѣчу и обошлась со мной очень ласково. Я сидѣла рядомъ съ ней на диванѣ, дѣти мои съ другой стороны вокругъ круглаго столика, и мы непринужденно болтали. Она говорила съ моими дѣтьми о танцахъ, въ которыхъ, какъ она слышала, они были особенно искусны, и прибавила, что къ ея большому сожалѣнію ей вскорѣ придется лишить себя этого удовольствія.

— Почему же?—спросила я королеву.

— Къ сожалѣнію во Франціи нельзя танцовать послѣ 25 лѣтъ.

Я, какъ настоящая простушка, забывъ пристрастіе королевы къ картамъ, возразила, что слѣдуетъ танцовать, пока ноги не отказываются служить, и что танцы гораздо полезнѣе и естественнѣе азартныхъ игръ.

Королева отвѣтила, что она смотритъ точно такъ же, и когда я потомъ думала и старалась припомнить, не была ли королева недовольна тѣмъ, что я сказала, я не могла припомнить ни малѣйшаго признака недовольства въ ея лицѣ или въ голосѣ. На слѣдующій день, пріѣхавъ въ Парижъ, я узнала, что всѣ ужъ передавали другъ другу вырвавшуюся у меня фразу. Доказательство вниманія ко мнѣ публики, которымъ это, быть можетъ, объясняется, не произвело на меня такого впечатлѣнія, чтобы уравновѣшивалось непріятное чувство, какое я испытывала при повтореніи этого разсказа, такъ какъ похоже было, будто я хотѣла дать урокъ королевѣ. Ея величество продолжала любезно обходиться со мной и благодаря ей я получила разрѣшеніе повести моего сына осмотрѣть воспитательное заведеніе Сенъ-Сиръ, куда мужчинамъ не было доступа. Насъ повезли туда изъ Версаля въ придворныхъ каретахъ; госпожи де-Полиньякъ и де-Сабранъ съ каждымъ своимъ пріѣздомъ въ Парижъ передавали мнѣ любезныя привѣтствія отъ ея величества.

Я узнала отъ Дидро, что Фальконетъ и его ученица m-lle Колло находились въ Парижѣ; я велѣла имъ передать, что они доставятъ мнѣ большое удовольствіе, если пріѣдутъ ко мнѣ на чашку чаю. Они приняли мое приглашеніе и m-lle Колло разсказала мнѣ, что она наканунѣ встрѣтила у одной подруги бывшую гувернантку дѣтей графа Шувалова, получавшую отъ него маленькую пенсію и часто посѣщавшую домъ Шуваловыхъ, и имѣла съ ней очень горячій споръ о насъ и о моемъ сынѣ. Я никогда не видала этой особы и потому, любопытствуя знать, что она могла говорить на мой счетъ, я попросила m-lle Колло сообщить мнѣ предметъ спора и изъ ея словъ заключила, что гувернантка несомнѣнно повторяла слышанное ею въ домѣ графа Шувалова. Она утверждала, что я намѣрена провести моего сына въ фавориты и внушаю ему честолюбивые замыслы, но что достаточно только огласить подобные планы, чтобы они никогда не

осуществились бы. M-lle Колло, которую я постоянно видала въ мастерской Фальконета въ Петербургѣ и у себя въ домѣ, проживъ долгое время въ Россіи, умѣла оцѣнить меня и знала, что мои принципы не позволяли мнѣ, ни какъ постороннему человѣку, ни тѣмъ болѣе какъ матери, проводить князя Дашкова въ фавориты; я всегда чуждалась и тѣхъ, которые были у Екатерины Великой, дѣлавшей мнѣ честь иногда стѣснять себя для меня во многихъ случаяхъ. Дѣйствительно, ея величество, даже когда мы оставались втроемъ съ фаворитомъ, обращалась съ нимъ при мнѣ какъ съ генераломъ, пользующимся ея довѣріемъ и уваженіемъ. Слова m-lle Колло повергли меня въ сильное волненіе. Само собой разумѣется, что меня тревожилъ не страхъ, что мой сынъ не попадетъ въ фавориты, а опасеніе, что настоящій фаворитъ, боясь соперничества сына, будетъ тормозить его службу и даже вовсе удалитъ его отъ императрицы подъ тѣмъ предлогомъ, что я питаю оскорбительные для ея величества замыслы; мое безпокойство было тѣмъ болѣе простительное, что я уже испытала на себѣ могущество фаворитовъ, прикрывавшихъ свое честолюбіе личиной любви. M-lle Колло удивилась моему волненію, но когда я объяснила ей, въ чемъ дѣло, она нашла его вполнѣ естественнымъ и искренно сочувствовала мнѣ; мою тревогу увеличивало еще то обстоятельство, что я все еще не получала отвѣта отъ Потемкина, а я, сознаюсь, была настолько тщеславна, что думала, что, несмотря на небрежность Потемкина, онъ не посмѣлъ бы такъ поступить со мной, если бы не былъ убѣжденъ въ своей безнаказанности и въ равнодушіи императрицы ко мнѣ.

Тотчасъ по уходѣ m-lle Колло я послала сказать Мелиссино, что желала бы переговорить съ нимъ и прошу его зайти ко мнѣ вечеромъ. Я сообщила ему мою тревогу, которую онъ однако значительно облегчилъ.

— Напрасно, княгиня, васъ тревожитъ эта сплетня,— отвѣтилъ онъ:—источникъ ея извѣстенъ; я могу засвидѣтельствовать, съ какимъ негодованіемъ вы отвергли въ

Брюсселѣ эту мысль, высказанную княземъ Орловымъ. Впрочемъ, вы сейчасъ же можете совершенно уничтожить значеніе словъ графа Андрея Шувалова; онъ повторяетъ ихъ за княземъ Орловымъ, сказавшимъ ихъ въ моемъ присутствіи за обѣдомъ у Шувалова; онъ объявилъ себя даже готовымъ держать пари, что князь Дашковъ будетъ фаворитомъ, сообщая это конфиденціально Самойлову. Самойловъ былъ у меня сегодня; онъ намѣревается зайти къ вамъ; если вамъ угодно, я также приду и, сдѣлавъ видъ, что вы мнѣ ничего не говорили объ этой глупой сплетнѣ, когда вы заговорите съ нимъ о ней, я просто разскажу все, что знаю о ней, какъ очевидецъ сцены въ Брюсселѣ.

Я послѣдовала совѣту Мелиссино. На слѣдующій день я сказала Самойлову, какъ я была непріятно поражена наканунѣ, узнавъ, что какая-то нелѣпая мысль Орлова получила распространеніе и могла повредить служебной карьерѣ моего сына. Самойловъ увѣрилъ меня, что какъ Орловъ, такъ и Шуваловъ (несмотря на свой поэтическій талантъ) нерѣдко высказывали необыкновенныя мысли, съ которыми никто не могъ согласиться.

— Но какъ же сдѣлать извѣстнымъ гдѣ слѣдуетъ, что этотъ планъ составляетъ измышленіе князя Орлова и къ несчастію попалъ на языкъ Шувалову? Какъ мнѣ объяснить, не дѣлая сплетенъ, недостойныхъ и императрицы и меня, что я не только не строю столь нелѣпыхъ плановъ, но и прихожу въ ужасъ отъ того, что они зародились въ головѣ Орлова.

— Императрица знаетъ васъ слишкомъ хорошо, княгиня,—отвѣтилъ Самойловъ,—чтобы повѣрить этому; впрочемъ я вернусь въ Петербургъ за годъ до вашего возвращенія туда; если вы позволите, я передамъ все, что слышалъ сейчасъ, моему дядѣ Потемкину и буду счастливъ доказать на дѣлѣ все мое уваженіе и благодарность къ вамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предупрежу князя о томъ, что на васъ взводятъ эту клевету.

Я поблагодарила его за участіе и согласилась на его предложеніе, но не могла не высказать, что не привыкла къ тому, чтобы мнѣ не отвѣчали на мои письма, въ виду того, что даже коронованныя лица относились ко мнѣ иначе. Самойловъ съ живостью отвѣтилъ, что Потемкинъ не могъ не отвѣтить мнѣ и письмо его вѣроятно затерялось.

Самойлову хотѣлось видѣть модели и планы укрѣпленій, которыхъ нельзя было осмотрѣть безъ особаго разрѣшенія отъ двора. Шуваловъ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ все обѣщалъ ему достать разрѣшеніе; я объявила ему, что мною уже получено позволеніе для моего сына и что на слѣдующій день онъ можетъ вмѣстѣ съ нимъ пойти ихъ смотрѣть. Я пригласила его къ обѣду на слѣдующій день и вечеромъ въ оперу. Въ моемъ распоряженіи была ложа маршала Бирона въ Оперѣ и во Французскомъ театрѣ. Этотъ Биронъ представлялъ изъ себя типъ стариннаго изысканно-воспитаннаго вельможи; онъ очень полюбилъ мою дочь; она дѣлала изъ него все, что хотѣла, такъ что онъ нерѣдко пѣвалъ арію: «quand Biron voulut danser, quand Biron...» и т. д. и самъ танцовалъ подъ собственное пѣніе.

Въ началѣ марта я уѣхала изъ Парижа, мы поѣхали черезъ Верденъ, Мецъ, Нанси, Безансонъ въ Швейцарію. Я останавливалась по дорогѣ во всѣхъ городахъ, имѣвшихъ военное значеніе, дабы мой сынъ могъ ознакомиться съ военнымъ искусствомъ во Франціи. Мы получили разрѣшеніе на осмотръ всего, интересовавшаго насъ, а въ Люневиллѣ намъ показали даже маневры, чего никогда не дѣлали для частныхъ лицъ.

Въ Бернѣ я встрѣтилась съ нѣкоторыми старыми знакомыми, а въ Женевѣ—съ Крамерами и Гюберомъ, прозваннымъ Птицеловомъ, вслѣдствіе того, что любилъ соколиную охоту и отлично зналъ жизнь птицъ. Этотъ замѣчательный своимъ умомъ и способностями человѣкъ питалъ ко мнѣ искреннюю дружбу; онъ подарилъ мнѣ портретъ Вольтера своей работы и мы разстались самымъ сердечнымъ образомъ. Остервальдъ, извѣстный своими про-

цессами противъ Фридриха Великаго, въ которыхъ онъ отстаивалъ свои дворянскія права, сопровождалъ меня изъ Невшателя вглубь страны, чтобы осмотрѣть интересныя деревни Локль и Шо-де-Фонъ и ихъ окрестности. Мы съ этой цѣлью наняли мѣстные экипажи, такъ какъ дороги были немного узки. Благодаря здравому смыслу, познаніямъ и добродушію этого славнаго старичка, поѣздка наша была весьма пріятна. Его дочь помогала ему въ управленіи его типографіей. Я купила у него нѣсколько книгъ и, заплативъ за нихъ впередъ, попросила его послать ихъ въ Амстердамъ моимъ банкирамъ Паю, Рику и Вилькинсону.

Я съ удовольствіемъ и нѣкоторой грустью снова увидала Женеву и Лозанну, такъ какъ эти два города напоминали мнѣ то счастье, которое я испытала въ нихъ въ обществѣ моего друга m-me Гамильтонъ.

Мы поѣхали въ Туринъ черезъ Савойю и Монъ-Сенисъ. Я встрѣтила очень любезный пріемъ со стороны ихъ величествъ и всей королевской семьи. Въ это время при туринскомъ дворѣ не было русскаго министра, такъ что меня представилъ ко двору англійскій министръ, сынъ лорда Бюта и племянникъ министра Мекензи, съ которымъ я была очень дружна въ Лондонѣ. Мы осмотрѣли военную школу и по приказанію короля намъ показали все, что было въ ней достопримѣчательнаго. Молодой баронъ Эльмптъ, ливонецъ по рожденію, подданный императрицы и сынъ генерала барона (а впослѣдствіи графа) Эльмпта, слушалъ лекціи въ королевской военной академіи. Онъ дурно себя велъ и надѣлалъ глупостей, которыя могли бы повести къ исключенію его изъ академіи и стыду для него; я попросила британскаго министра, мистера Стюарта (Stewart), взять его подъ подъ свое покровительство, пока я не напишу его отцу, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ въ Россіи, чтобы онъ его отозвалъ.—Король сардинскій очень гордился укрѣпленіями, сооруженными имъ въ Александріи, и ревниво оберегалъ ихъ отъ постороннихъ глазъ,

такъ что ихъ показывали иностранцамъ только съ особаго разрѣшенія короля. Онъ былъ настолько добръ, что при нашемъ проѣздѣ черезъ Александрію велѣлъ показать моему сыну всѣ безъ исключенія укрѣпленія. Мы поѣхали черезъ Нови и Генуюи остановились на нѣсколько дней какъ въ Генуѣ, такъ и въ Миланѣ, чтобы осмотрѣть въ подробностяхъ всѣ достопримѣчательности. Графъ Фирміанъ, министръ императора, управлявшій герцогствомъ, былъ очень хорошій и просвѣщенный человѣкъ; его обожали въ области. Онъ былъ очень любезенъ съ нами и помогъ намъ осуществить нашу поѣздку на озера Маджіоре и Лугано и на Борромейскіе острова; на этомъ пути не было почтовыхъ станцій и лошадей; онъ велѣлъ поставить смѣны лошадей въ извѣстныхъ пунктахъ и мы удобно и безъ задержекъ совершили нашу поѣздку. Красоты природы привели насъ въ восторгъ и мы съ трудомъ разстались съ этой мѣстностью, показавшейся намъ земнымъ раемъ. На открытомъ воздухѣ росли всевозможные сорта лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ такъ же свободно, какъ у насъ береза и липа; одни стояли въ цвѣту, другія были покрыты спѣлыми фруктами. Огромное зданіе, начатое однимъ изъ Борромеевъ и не доведенное имъ до конца, казалось, было слишкомъ обширнымъ для лѣтней резиденціи даже коронованныхъ особъ и размѣры его могутъ быть объяснены развѣ только тѣмъ, что онъ былъ племянникомъ папы, который въ тѣ отдаленныя времена могъ удовлетворять самые широкіе и расточительные замыслы.

Мы пробыли по два дня въ Пармѣ и Моденѣ и остановились во Флоренціи, гдѣ посвятили цѣлую недѣлю осмотру знаменитой картинной галлереи, церкви, библіотеки и велико-герцогскаго кабинета естественной исторіи. Его королевское высочество приказалъ дать мнѣ всѣ дублеты, которые я пожелаю имѣть, вслѣдствіе чего я получила много окаменѣлостей, не только мѣстныхъ, но со всего земного шара, собранныя великимъ Комо, благодаря которому возродилась и расцвѣла наука въ Италіи.

Затѣмъ мы отправились въ Пизу. Это красивый городъ съ 15-титысячнымъ населеніемъ и считается вторымъ въ Тосканѣ. Страбонъ говоритъ, что онъ былъ основанъ аркадянами по возвращеніи съ Троянской войны. Другіе ученые увѣряютъ, что онъ былъ основанъ значительно раньше Пелопсомъ, сыномъ фригійскаго царя Тантала. Какъ бы то ни было, Пиза значилась въ числѣ двѣнадцати главныхъ городовъ Этруріи. Послѣ паденія имперіи въ одиннадцатомъ столѣтіи она господствовала на морѣ. Въ 1509 г. она перестала быть республикой и Медичи, желая обезопасить себя отъ пизанцевъ (въ 1609 г. обнаружившихъ стремленіе къ независимости), постоянно старались ее ослабить. Пиза городъ довольно большой и красиво выстроенный, но вслѣдствіе малочисленности жителей, сравнительно съ его величиной, онъ кажется немного пустыннымъ. Промышленности у него нѣтъ никакой, хотя рѣка Арно, протекающая посреди города, казалось, могла бы способствовать ея развитію. Въ немъ есть только фабрика стальныхъ издѣлій. Къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ старины относится соборъ, выстроенный въ одиннадцатомъ вѣкѣ и украшенный добычею, отнятою пизанцами у сарацынъ. У него три великолѣпныя бронзовыя двери работы Джіованни да-Болонья, изображающія Страсти Господни. Весь соборъ мраморный и украшенъ 74 колоннами; изъ нихъ 62 сдѣланы изъ восточнаго гранита. Въ соборѣ есть двѣ колонны изъ порфира и четыре картины Андреа дель Сарто. Любитель естественной исторіи замѣтитъ, что одна изъ маленькихъ колоннъ, поддерживающихъ каѳедру, составлена изъ кусочковъ разныхъ сортовъ порфира, соединенныхъ между собой пастой изъ простого порфира. Коммиссаръ далъ въ мою честь великолѣпный обѣдъ, а послѣ обѣда повелъ насъ на дворъ г-жи Розальмина смотрѣть на игры—il joсco del ponte,—устроенныя спеціально для меня. Противники, носящіе названіе своихъ приходскихъ церквей, Санта Марія и Санто Антоніо, вступаютъ въ бой на мосту. На нихъ каски и шлемы, они одѣты въ длинные плащи.

Единственное ихъ оружіе состоитъ изъ плоской дубины съ двумя рукоятками. Пизанцы такъ любятъ эти турниры, что нерѣдко въ нихъ принимаютъ участіе вельможи. Они происходили каждыя пять лѣтъ, но кажется будутъ прекращены; великій герцогъ, не воспрещая вовсе, затрудняетъ однако ихъ осуществленіе, объявивъ, что 48 депутатовъ отъ обѣихъ сторонъ обязаны нести отвѣтственность за послѣдствія турнира, возмѣщать убытки и содержать семьи убитыхъ не только мѣстныхъ крестьянъ, но и флорентійскихъ и ливорнскихъ, нерѣдко пріѣзжающихъ помѣряться силами съ пизанцами. Часто эти игры порождали ссоры и дуэли. Все высшее общество принимало въ нихъ участіе и дамы носили цвѣта своихъ приходовъ. Матери и сестры ссорились между собой, если по мужу принадлежали къ разнымъ приходамъ.—Я провела время большихъ жаровъ и маляріи на морскихъ купаньяхъ въ Пизѣ. Въ этотъ періодъ времени путешествіе является небезопаснымъ въ виду свирѣпствующей маляріи. Въ Пизѣ я жила у нашего представителя, графа Мочениго. У него былъ собственный домъ, гдѣ мы и расположились очень удобно. Этотъ хорошій, честный человѣкъ жилъ съ своей семьей по стариннымъ обычаямъ. Онъ занималъ съ женой и дочерью одну комнату, другую предоставилъ своему сыну, а третья служила ему кабинетомъ. Остальную же часть дома онъ предоставилъ мнѣ. На берегу моря я наняла отличный домъ. Намъ отпускали изъ герцогской и публичной библіотеки и изъ разныхъ монастырей всѣ книги, какія я только хотѣла. Я установила цѣлую систему чтенія въ хронологическомъ порядкѣ и по предметамъ чтенія. Въ 8 ч. утра, послѣ завтрака, мы съ дѣтьми отправлялись въ самую большую комнату на сѣверной сторонѣ дома. Въ одиннадцать часовъ мы закрывали ставни и читали поочередно вслухъ до четырехъ часовъ. Затѣмъ мы одѣвались и въ 5 ч. обѣдали. Послѣ обѣда мы еще занимались чтеніемъ одинъ часъ; тогда уже наставало время, когда можно было, не задыхаясь отъ жары, открывать окна и гу-

лять вдоль канала. Это мѣсто было единственнымъ, гдѣ можно было дышать свѣжимъ воздухомъ; но оно было запущено и завалено всякимъ мусоромъ. Я велѣла его расчистить на свой счетъ, посыпать гравіемъ и поставить скамейки. Мы задыхались отъ жары и недостатка воздуха, такъ что я писала одной своей подругѣ, что если ночью мы и не жаримся отъ солнца, то, вѣроятно, какой-нибудь злой духъ выкачивалъ изъ Пизы весь воздухъ пневматической машиной.

Несмотря на это, я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о пребываніи нашемъ на этихъ купаньяхъ, такъ какъ смѣю сказать, что въ эти девять недѣль на нашихъ чтеніяхъ мой сынъ прочелъ столько книгъ, что для прочтенія ихъ любому молодому человѣку понадобился бы цѣлый годъ, и что чтеніе это производилось по такой строгой системѣ, что онъ вынесъ изъ него несомнѣнную пользу.

28 іюня, въ день восшествія на престолъ императрицы, я дала большой балъ въ общественной залѣ, на который пригласила всю знать Пизы, Лукки и Ливорно. Всего было 460 человѣкъ; несмотря на это расходъ былъ невеликъ, такъ какъ его потребовалось только на угощеніе, на иллюминацію во дворѣ и на свѣчи. Жизнь наша вообще текла монотонно, если не считать этого бала и поѣздки на иллюминацію собора, представляющую изъ себя дѣйствительно поразительное зрѣлище, и на лодочныя гонки на Арно [1]). Мы посѣтили Лукку [2]) и Ливорно, отличающійся густымъ населеніемъ, въ 43.000 жителей.

---

[1]) Призомъ служилъ кусокъ красной матеріи, приблизительно въ 50 дукатовъ. Магистраты города стояли частью у мѣста отправки, частью у конечнаго пункта; къ нашему удивленію и смущенію гребцы были безъ рубашекъ и имѣли на себѣ только кальсоны.

[2]) Прежде всего мы посѣтили соборъ. Съ внѣшней стороны онъ не особенно красивъ, внутри поражаетъ пріятнымъ готическимъ стилемъ. Куполъ раскрашенъ уроженцами Лукки, Колли и Санкашіани. На лѣвой сторонѣ собора стоитъ маленькая часовня, въ которой хранится чудотворное распятіе Volto Santo; оно находилось сперва въ церкви С.-Фреддіанно и само перенеслось въ то мѣсто, гдѣ хранится те-

Торговля очень оживленная вслѣдствіе porto franco и другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Я осмотрѣла и новый карантинный госпиталь, основанный герцогомъ Лео-

---

перь. Его показываютъ всего только три раза въ годъ или въ случаяхъ особенной опасности для государства. Въ церкви Santa Maria Corte Landini есть картина Гвидотти «Рождество Христово» и двѣ картины Гвидо. Дворецъ республики—самое замѣчательное зданіе города. Управленіе страной аристократическое; члены совѣта не должны быть моложе 25 лѣтъ. Въ настоящее время около 240 совершеннолѣтнихъ дворянъ; дворянское достоинство наслѣдственно, хотя его и можно пріобрѣсти иногда за извѣстную сумму денегъ или въ награду за особенныя заслуги. Дворяне раздѣляются на двѣ конгрегаціи, состоящія каждая изъ 90 лицъ и 30 помощниковъ, которые поочередно исполняютъ обязанности членовъ совѣта на одинъ годъ; они выбираютъ членовъ новой конгрегаціи изъ числа дворянъ, не участвовавшихъ въ послѣдней, такъ какъ нельзя числиться въ конгрегаціи два года къ ряду. Должностныя лица также выбираются каждый годъ изъ числа дворянъ, кромѣ высшей магистратуры, состоящей изъ 9 старѣйшинъ (anziani) и гонфалоньера, мѣняющихся каждые два мѣсяца. Лица, предназначаемыя для занятія должностей гонфалоньера и старѣйшинъ, выбираются совѣтомъ изъ 36 лицъ, которыя съ помощью еще 18 товарищей выбираютъ еще нѣсколько магистратовъ. Эти выборы производятся съ большой торжественностью, носятъ названіе «rinnovazione della pasca», такъ какъ по этому случаю возобновляется и избирательный ящикъ. Смотря по количеству подданныхъ, эта «rinnovazione» происходитъ каждые два съ половиной или три года. Выбираются 180 дворянъ, изъ которыхъ 9 должны произвести выборы; они носятъ названіе «assortitori»; прежде всего они выбираютъ гонфалоньера, а затѣмъ и членовъ высшей магистратуры (supremo magistrato). «Assortitori» подъ большимъ секретомъ опускаютъ билетики съ именами десяти избранныхъ ими лицъ; каждые два мѣсяца изъ ящика вынимаютъ 10 билетиковъ для образованія совѣта 9 старцевъ и гонфалоньера, которыхъ въ свою очередь выбираютъ изъ числа лицъ избранныхъ во время «rinnovazione». Законодательная и высшая власть принадлежитъ соединенному совѣту обѣихъ конгрегацій. Большинство законовъ могутъ пройти только при наличности 80 дворянъ и тремя четвертями голосовъ всего собранія. Гонфалоньеръ и старѣйшины, представляя князя или государство, имѣютъ право предложить тотъ или другой проектъ на обсужденіе. Гонфалоньеръ носитъ титулъ князя и ему воздаютъ почести какъ главѣ государства, но онъ совершенно лишенъ возможности злоупотреблять своимъ положеніемъ. Входъ во дворецъ республики, гдѣ онъ живетъ, охраняется

польдомъ [1]), и въ особенности любовалась порядкомъ и чистотой, царившими въ немъ. Въ это время въ немъ находилось нѣсколько лицъ, пріѣхавшихъ изъ зараженныхъ

стражей, состоящей изъ 70 швейцарцевъ, находящихся на иждивеніи государства. Исполнительная власть принадлежитъ старѣйшинамъ и гонфалоньеру, но отчасти и разнымъ магистратамъ.—Третья государственная власть, судебная, принадлежитъ всецѣло пяти аудиторамъ. Одинъ изъ нихъ, подеста, вѣдаетъ уголовныя дѣла, остальные четверо—гражданскія. Судьи—всегда изъ другихъ областей, какъ и во многихъ другихъ итальянскихъ городахъ, дабы они не оказались пристрастными вслѣдствіе родственныхъ и дружескихъ связей. Когда подеста произноситъ смертный приговоръ, онъ его посылаетъ въ сенатъ, который исполняетъ его или милуетъ преступника. Въ торжественныхъ случаяхъ подеста несетъ въ рукахъ серебряный жезлъ съ девизомъ республики «Свобода» и съ изображеніемъ пантеры, символа силы, на концѣ.—Полиція въ Луккѣ очень строгая, она состоитъ изъ 40 сбировъ; два небольшихъ отряда сбировъ ходятъ по городу ночью въ сопровожденіи гайдука въ ливреѣ главы республики. Въ случаѣ надобности онъ бываетъ свидѣтелемъ. Ношеніе оружія воспрещено, вслѣдствіе чего гражданинъ, у котораго обнаружено холодное оружіе, на слѣдующій же день приговаривается къ каторжнымъ работамъ, а такъ какъ въ Луккской республикѣ нѣтъ каторги, то преступниковъ посылаютъ въ Геную, гдѣ ихъ охотно принимаютъ. Если же у него найдено огнестрѣльное оружіе, его также приговариваютъ на каторгу, но предварительно три раза вздергиваютъ на дыбу. Иностранцамъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разрѣшено носить шпаги. Въ республикѣ болѣе 120,000 жителей; изъ нихъ 26—29 тысячъ живутъ въ городѣ, такъ что въ общемъ на каждую квадратную версту приходится 5.283 человѣка; во Франціи ихъ всего 900. Земледѣліе въ цвѣтущемъ состояніи; земля родитъ самъ 15, самъ 20 и одно и то же поле даетъ три урожая въ два года. Въ Луккѣ выдѣлывается отличное масло; она славится и своими шелками. Большая часть товаровъ отправляется въ Ливорно, другая въ Віареджіо, который расположенъ въ 4 верстахъ отъ Лукки и служитъ ей портомъ. Иностранцамъ оказывается широкое гостепріимство, а когда бываютъ спектакли, то, по словамъ свѣдущихъ людей, выборъ пьесы всегда превосходный.

[1]) Герцогъ, кажется, осторожнѣе и разумнѣе своего брата, императора Іосифа. Онъ пользуется любовью и уваженіемъ своихъ подданныхъ, благодаря чему онъ могъ запретить чтеніе въ страстной четвергъ во всѣхъ церквахъ буллы папы Григорія VIII in cœnam domini, провозглашавшей преимущество папской власти надъ свѣтскою.

мѣстъ. Я вспрыснула платки моихъ дѣтей уксусомъ vinaigre des quatre voleurs, и пока мы были въ зданіи, поминутно давала имъ нюхать уксусу съ камфорой и комендантъ госпиталя, сопровождавшій насъ и, по приказанію герцога, показывавшій мнѣ великолѣпное зданіе, въ которомъ не была упущена ни одна предосторожность, выразилъ свое удивленіе моему мужеству. Повидимому ему было приказано сообщать герцогу всѣ замѣчанія знатныхъ посѣтителей, такъ какъ когда я, похваливъ это благодѣтельное учрежденіе, высказала желаніе имѣть его уставъ и правила, для сообщенія ихъ русской императрицѣ, въ виду того, что цѣлый рядъ ея великихъ завоеваній приближалъ насъ съ каждымъ днемъ къ климатической полосѣ, богатой разными эпидеміями—черезъ нѣсколько дней комендантъ принесъ мнѣ отъ имени герцога планъ госпиталя и всѣ подробности, касающіяся управленія имъ; впрочемъ, я сказала это скорѣе, какъ комплиментъ, чѣмъ какъ мысль, которую бы надѣялась дѣйствительно осуществить. Я поручила ему передать герцогу мою глубокую благодарность и сказать ему, что при первомъ случаѣ я перешлю все это императрицѣ.

Черезъ нѣсколько дней я дѣйствительно послала ихъ къ государынѣ съ Львовымъ, возвращавшимся въ Петербургъ. Я написала императрицѣ письмо, въ которомъ, надѣясь на ея снисходительность, сказала, что я восемь мѣсяцевъ тому назадъ писала военному министру князю Потемкину, чтобы отрекомендовать ему моего сына и узнать, былъ ли мой сынъ повышенъ въ чинѣ за послѣднія 12 лѣтъ, такъ какъ ея величество, назначивъ его въ лейбъ-кирасирскій полкъ, велѣла повышать его въ чинахъ, какъ будто онъ находился на дѣйствительной службѣ; не получая отвѣта и признаваясь императрицѣ, что я слишкомъ горда, чтобы допустить мысль о томъ, что меня хотятъ унизить, я писала, что испытываю гораздо болѣе тягостное ощущеніе и глубокую печаль при мысли, что ея величество равнодушна ко мнѣ и моимъ дѣтямъ; я умоляла императрицу успокоить меня на этотъ счетъ, повысивъ сына въ чинахъ и взявъ его

подъ свое покровительство, такъ какъ я приложила всѣ усилія къ тому, чтобы дать ему воспитаніе, которое позволило бы ему быть полезнымъ своему отечеству и отличиться какъ талантами, такъ и усердіемъ. Наконецъ, я смѣло и открыто попросила ее увѣдомить меня, на что я могу разсчитывать для моего сына, составлявшаго единственный предметъ моихъ заботъ, который, возвращаясь на родину послѣ того, какъ ему всюду оказывали почетъ, не долженъ былъ оказаться въ приниженномъ положеніи, соотвѣтственномъ чину, который онъ получилъ, когда былъ четырехлѣтнимъ ребенкомъ.

Мы поѣхали въ Римъ черезъ Сіенну. Изъ всѣхъ лицъ, оказавшихъ намъ вниманіе, особенной любезностью отличался кардиналъ Берни. Его кротость, вѣжливость и умъ привлекали къ нему всѣ сердца. Я часто обѣдала у него, а онъ нерѣдко сидѣлъ у меня по вечерамъ. Онъ былъ польщенъ, когда я цитировала одно изъ его посланій, помѣщенныхъ въ собраніи сочиненій аббата Берни. Тамъ же я познакомилась съ Байерсомъ. Это былъ очень образованный англичанинъ, жившій въ Римѣ уже 25 лѣтъ и безумно любившій искусство. Благодаря ему мнѣ не надо было никакого чичероне.

Въ соборѣ св. Петра я видѣла папу; онъ обошелся со мной очень милостиво и, повидимому, былъ доволенъ похвалой, съ которой я отозвалась о предпріятіи его святѣйшества очистить всю Via Appia, пролегающую по Понтинскимъ болотамъ. Я сказала папѣ, что желаю непремѣнно ее видѣть и сочту для себя счастьемъ и честью первой проѣхать по ней въ Неаполь.

— Предупредите меня за нѣсколько дней до вашего отъѣзда,— отвѣтилъ онъ мнѣ,—чтобы васъ вездѣ ожидали лошади, такъ какъ нѣтъ еще ни почты, ни приспособленій, необходимыхъ для путешественниковъ.

Онъ долго, какъ знатокъ и цѣнитель, говорилъ со мной о драгоцѣнныхъ памятникахъ искусства въ Римѣ; онъ по-

ложилъ основаніе музею въ Ватиканѣ, гдѣ онъ уже собралъ много отличныхъ статуй, вазъ, картинъ и проч.

Время въ Римѣ прошло для меня весьма пріятно. Я не выѣзжала въ свѣтъ и, слѣдовательно, не теряла времени на визиты. Въ 8 ч. утра, а иногда и раньше, мы въ экипажахъ ѣздили осматривать памятники искусства либо въ городѣ, либо въ окрестностяхъ. Эти поѣздки продолжались до $3^1/_2$ ч.; затѣмъ я спѣшила обѣдать, такъ какъ послѣ обѣда ко мнѣ пріѣзжали художники пить чай, который я получала изъ Россіи съ каждымъ курьеромъ. Два Гакерта, одинъ съ рѣзцомъ, другой съ карандашомъ, Гамильтонъ съ пастелью работали въ моей гостиной и превращали ее въ очень привлекательную мастерскую. Я спрашивала ихъ мнѣнія насчетъ произведеній искусства, видѣнныхъ утромъ, а мой сынъ учился у Гакерта дѣлать офорты.

Я познакомилась и съ m-me Дамеръ, путешествовавшей со своей теткой, леди...; глубокія познанія соединялись у ней съ умомъ, талантомъ и необычайной скромностью. Она была отличнымъ скульпторомъ, превосходя многихъ даже извѣстныхъ товарищей по искусству, и прекрасно владѣла латинскимъ и греческимъ языкомъ.

Я была два раза въ Тиволи. Все свободное отъ моихъ поѣздокъ время я проводила въ соборѣ св. Петра; я не могла вдоволь налюбоваться его размѣрами и пропорціональностью, благодаря которой онъ не казался такимъ громаднымъ; я болѣе всего увлекалась архитектурой, къ которой питала особое пристрастіе. Я встрѣтила одного молодого русскаго художника, ученика петербургской академіи художествъ, и выхлопотала ему позволеніе копировать и изучать картины во дворцахъ разныхъ вельможъ. Однажды Байерсъ сопровождалъ меня въ одной изъ моихъ поѣздокъ; когда мы ее завершили, времени все-таки оставалось еще много.

— Куда намъ пойти?—спросила я его.—До обѣда остается еще цѣлый часъ.

Онъ предложилъ мнѣ поѣхать на виллу Фарнезе. На мое заявленіе, что я уже ее посѣтила, онъ мнѣ отвѣтилъ, что я врядъ ли ходила въ ея подвалы, гдѣ были скульптуры, которыя, несмотря на свое плачевное состояніе, по совершенству превосходятъ многіе цѣльные экземпляры. Я велѣла кучеру ѣхать на виллу; сходя въ подвалъ, я споткнулась и ушибла ногу о камень, который приняла за большой кусокъ серпантина.

— Этотъ камень не стоитъ того, чтобы объ него ушибаться,—сказала я смѣясь.

— Мнѣ очень досадно, что вы ушиблись,—сказалъ онъ,—но долженъ вамъ сказать, что это самородный изумрудъ, привезенный изъ Африки Комо Великому однимъ изъ ученыхъ, которыхъ онъ послалъ во всѣ страны свѣта, дабы они принесли ему все, что они найдутъ замѣчательнаго; этотъ камень по наслѣдству перешелъ къ Неаполитанскому королю. Вамъ бы слѣдовало купить его, такъ какъ никто не знаетъ, что это такое, и его принимаютъ за старое стекло, за серпантинъ и даже за плохой шпатъ.

— Да зачѣмъ?—спросила я.

— Если позволите, я распилю его на два и сдѣлаю вамъ такіе два стола, какихъ нѣтъ и не будетъ ни у одного государя, и этимъ хоть отчасти воздамъ за то, что вы для меня сдѣлали. [1])

Я согласилась, имѣя въ виду преподнести ихъ императрицѣ, и поручила ему покупку камня. Черезъ годъ по моемъ возвращеніи въ Петербургъ, онъ прислалъ мнѣ эти столы черезъ Ливорно, но, несмотря на всѣ мои настоянія и просьбы, императрица изъ деликатности не согласилась принять столь цѣнный подарокъ.

Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности Рима и его окрестностей, побывавъ и на бѣгахъ и въ театрѣ (женскія роли исполнялись мужчинами, такъ что представленія были

---

[1]) Благодаря мнѣ, у Байерса была куплена цѣликомъ его колекція античныхъ камней. По моей рекомендаціи ее пріобрѣла императрица.

довольно противныя), мы поѣхали въ Неаполь по новой дорогѣ. Мы вышли изъ экипажа, чтобы осмотрѣть портъ Террачино, который недавно очистили отъ тины, покрывавшей его столь долгое время. Въ стѣну, сложенную изъ красиваго камня, были вдѣланы на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга блестящія мѣдныя кольца, для ошвартованія судовъ. Нельзя было бы и замѣтить, что она устроена недавно, если бы она не стояла гораздо дальше отъ города, чѣмъ это значилось у подлинныхъ авторовъ тѣхъ временъ. Мнѣ показалось, что рисунокъ съ настоящими его размѣрами представлялъ бы большой интересъ; поэтому я и попросила Байерса велѣть снять планъ секретнымъ образомъ, такъ какъ его не было еще даже у папы, и намѣревалась послать его императрицѣ.—Въ Неаполѣ для меня былъ приготовленъ отличный домъ на набережной, съ которой открывался видъ на бухту и на Везувій. Тамъ тоже оказалось много старыхъ знакомыхъ: нашъ министръ и чрезвычайный посланникъ, графъ Андрей Разумовскій, m-me Дамеръ съ теткой и почтенный старикъ Сакрамоза. Я познакомилась съ англійскимъ министромъ Гамильтономъ и его супругой (его первая жена), съ аббатомъ Галіани и еще нѣсколькими писателями и художниками. Утромъ мы дѣлали экскурсіи, заканчивавшіяся обыкновенно въ мастерской m-me Дамеръ: её мы заставали не въ будуарѣ, а за работой надъ мраморомъ, которому она придавала какую хотѣла форму, подчиняя его своимъ желаніямъ; но она была такъ скромна и такъ неохотно выставляла на показъ свои таланты и познанія, что открывала это святилище только для немногихъ близкихъ друзей. Однажды я привела ее въ смущеніе, открывъ произведеніе греческаго поэта, поля котораго были испещрены ея замѣтками.

— Какъ, вы читаете по-гречески и скрыли это отъ меня?—спросила я.—Вы, вѣроятно, боялись меня унизить? но я вѣдь васъ предупредила, что я круглая невѣжда.

Она покраснѣла и смутилась, точно ее накрыли въ чемъ-нибудь предосудительномъ.

Я съ большимъ интересомъ осмотрѣла безцѣнныя сокровища въ Портичи, найденныя въ Геркуланумѣ, Помпеѣ и др. мѣстахъ. Дворъ жилъ въ Казертѣ. Ихъ величества приняли насъ милостиво. Меня представила герцогиня Феролете (по обычаю неаполитанскаго двора, иностранки должны были являться ко двору въ сопровожденіи какой-нибудь знатной неаполитанской дамы). Я купила нѣсколько картинъ, статуй и эстамповъ. Мои ежедневныя поѣздки не утомляли меня; напротивъ, день казался мнѣ слишкомъ короткимъ. У Гамильтона была драгоцѣнная колекція древностей; изъ нихъ я особенно восхищалась кольцомъ съ астреей; такъ какъ, несмотря на превосходное описаніе этого камня Пиніемъ, его никакъ не удавалось найти, то рѣшили, что его вовсе не существуетъ въ природѣ и что этотъ великій натуралистъ видѣлъ его во снѣ. Вотъ какимъ образомъ обращаются съ истинами, которымъ вслѣдствіе лѣни или невѣжества не находятъ объясненія; конечно, гораздо удобнѣе и проще ихъ вовсе отрицать.

Мой сынъ часто ѣздилъ съ королемъ на охоту, а мы съ дочерью проводили вечера у леди Гамильтонъ въ обществѣ m-me Дамеръ, которая вмѣстѣ съ хозяйкой своимъ образованіемъ, любезностью и сердечнымъ расположеніемъ очаровывала насъ. Однажды я позволила себѣ сказать ихъ величествамъ, что слѣдовало бы утроить количество рабочихъ, производившихъ раскопки въ Помпеѣ, и когда она будетъ совершенно очищена отъ пепла, поставить на мѣста всю мебель и утварь и приставить стражу къ этимъ сокровищамъ, а затѣмъ объявить по всей Европѣ, что за извѣстную плату можно видѣть подлинную картину обычаевъ, утвари, жизни обитателей стариннаго города, сохранившагося въ неприкосновенности вплоть до объявленій на домахъ; я полагала, что этимъ расходы вернутся сторицей, такъ какъ со всего свѣта стекутся знатоки, любители и просто зѣваки, чтобы полюбоваться картиною, такъ сказать, говорящею, какую не могло бы замѣнить ни одно описаніе; можно было бы видѣть прямо, какъ люди жили;

а король этимъ сдѣлалъ бы просто нѣчто волшебное, вырвавъ изъ рукъ времени и забвенія живую картину столь далекой дѣйствительности. Король, очевидно забывъ, что я говорю по-итальянски, обратился къ ближайшему сосѣду на этомъ языкѣ и сказалъ:

— Какая умная женщина. Она, кажется, права, а всѣ антикваріи, хотя и сходятъ съ ума по всѣмъ этимъ вещамъ, не придумали ничего подобнаго.

Изъ этихъ словъ я заключила, что король не разсердился на меня; не отвѣтивъ ничего на мои слова, онъ сказалъ:

— Есть изданіе въ нѣсколькихъ томахъ съ гравюрами всѣхъ предметовъ, найденныхъ до сихъ поръ; я велю послать вамъ этотъ сборникъ.

Я искренно поблагодарила короля за этотъ подарокъ, являвшійся для меня болѣе цѣннымъ, чѣмъ всевозможныя украшенія.

Моя поѣздка на вершину Везувія чуть не стала для меня роковой. Я уже нѣсколько дней чувствовала себя плохо, а эта утомительная экскурсія окончательно подорвала мои силы. Я не хотѣла звать неаполитанскихъ докторовъ, такъ такъ мое недовѣріе ко всѣмъ врачамъ вообще сказывалось еще сильнѣе по отношенію къ этимъ; но, склоняясь на просьбы дѣтей и m-me Дамеръ, я согласилась пригласить нѣкоего Друммонда, англичанина, который не практиковалъ открыто, но съ большимъ самоотверженіемъ и рвеніемъ лечилъ своихъ друзей и соотечественниковъ. Онъ спасъ мнѣ жизнь, заставивъ меня принять во время дозу касторовагo масла, а климатъ и діэта вскорѣ возстановили мое здоровье и позволили мнѣ возобновить свои экскурсіи.

Вскорѣ пришло и лучшее лекарство для меня. Курьеръ привезъ мнѣ очень утѣшительное письмо отъ императрицы, писавшей мнѣ, что она никогда не перестанетъ принимать искреннее участіе въ моихъ дѣтяхъ, и что по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ она поставитъ моего сына на такую

ногу, что я останусь довольна; а пока она назначала его камеръ-юнкеромъ съ чиномъ бригадира. Она благодарила меня за планъ и уставъ ливорнскаго госпиталя и все ея письмо вообще было крайне милостиво. Я поспѣшила ей отвѣтить и излить ей всю свою благодарность, умоляла ее не жаловать сыну придворнаго званія, такъ какъ воспитаніе, которое я ему дала, не выработало изъ него царедворца, а зачислить его въ гвардію, дабы онъ могъ посвятить себя военной службѣ, къ которой чувствовалъ призваніе; я закончила письмо увѣреніемъ, что черезъ годъ буду у ногъ ея величества. Съ этой минуты я рѣшила не терять времени, откланялась королевской четѣ и вернулась въ Римъ.

Министръ испанскаго короля при папѣ, г. Азара, преподнесъ мнѣ свои произведенія и сочиненія Винкельмана. Я съ удовольствіемъ увидѣла снова моего друга Байерса и кардинала Берни и дольше, чѣмъ предполагала, пользовалась ихъ обществомъ, такъ какъ вскорѣ въ Римъ пріѣхалъ курьеръ, возвѣстившій о скоромъ прибытіи въ Римъ ихъ императорскихъ высочествъ, великаго князя Павла съ супругой, и мнѣ неприлично было покинуть Римъ за нѣсколько дней до ихъ пріѣзда. Три дня спустя они пріѣхали и я представила имъ своихъ дѣтей. Они пробыли въ Римѣ недолго, намѣреваясь остановиться въ немъ подольше по возвращеніи изъ Неаполя. Черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ отъѣзда уѣхала и я.

Мы остановились въ Лоретто всего на 36 часовъ для осмотра сокровищницы и гардероба Мадонны, которую переодѣвали въ разные туалеты чуть не каждый день. Я любовалась чудными изумрудами въ колоннахъ на золотыхъ цоколяхъ, пожертвованными Мадоннѣ какимъ-то испанскимъ королемъ. Въ Болоньѣ мы пробыли два дня съ половиной, дабы осмотрѣть произведенія мастеровъ болонской школы. Въ Феррарѣ мы провели также два дня, а въ Венеціи нашъ представитель, маркизъ Маруцци, приготовилъ для насъ свой домъ, окруживъ насъ роскошью и велико-

лѣпіемъ. Онъ былъ очень многимъ обязанъ покойному моему дядѣ, государственному канцлеру графу Воронцову, и я приписывала великолѣпіе оказаннаго намъ пріема его благодарности и тщеславію. Онъ только что получилъ орденъ св. Анны и поэтому всюду въ его домѣ, на дверяхъ, на воротахъ, на экипажахъ красовались либо лента, либо звѣзда этого ордена. Онъ мнѣ доставилъ самое большое удовольствіе, которое было въ его власти (и я имъ пользуюсь и понынѣ) уступкой двухъ великолѣпныхъ картинъ Каналетти. Я накупила старинныхъ эстамповъ первыхъ граверовъ, дабы по своей коллекціи прослѣдить развитіе этого искусства вплоть до настоящей степени совершенства. Въ венеціанскихъ церквахъ и монастыряхъ, несмотря на ихъ мрачный внѣшній видъ, есть много великолѣпныхъ картинъ. Я осмотрѣла нѣкоторыя изъ нихъ, пользуясь для этихъ поѣздокъ гондолами; подобныя прогулки были всегда весьма пріятны. Не стану говорить про республиканское управленіе Венеціей и ея достопримѣчательности, такъ какъ я избѣгала во всей своей книгѣ пользоваться правомъ путешественниковъ—разсказывать все въ подробностяхъ не щадя читателя; не отступлю и теперь отъ этого правила и прямо изъ Венеціи отправлюсь черезъ Падую, Виченцу и Верону въ Вѣну.

Намъ пришлось ѣхать по Тирольскимъ горамъ; любезный пріемъ нашего посла, князя Дмитрія Голицына, вскорѣ заставилъ насъ забыть утомленіе отъ этого путешествія. Онъ доставилъ намъ всѣ возможныя удобства и удовольствія. Вслѣдствіе своего долгаго пребыванія въ Вѣнѣ, онъ совершенно свыкся съ нею и пользовался общей любовью; своими манерами онъ напоминалъ утонченныхъ царедворцевъ Людовика XIV; ограниченность ума скрадывалась большой привычкой къ свѣту и самой изысканной любезностью. Чрезъ него мы вскорѣ познакомились со всѣмъ высшимъ обществомъ Вѣны. Императоръ Іосифъ по болѣзни глазъ не могъ выходить и не выносилъ сильнаго свѣта, вслѣдствіе чего я думала, что мнѣ не придется его увидѣть, хотя графъ Кегловичъ

(знавшій меня съ дѣтства, такъ какъ въ качествѣ атташе своего посольства въ Петербургѣ, бывалъ у моего дяди почти каждый день) и сказалъ мнѣ, что императоръ, съ которымъ онъ проводилъ всѣ вечера, очень хочетъ со мной познакомиться и даже выражался такъ по этому поводу: «Было бы невѣроятно и нелѣпо, если бы я упустилъ случай увидѣть такое историческое лицо, какъ княгиню Дашкову, когда она находится въ Вѣнѣ одновременно со мной.»

Премьеръ-министръ, князь Кауницъ, оставилъ у меня свою карточку; онъ этого никогда не дѣлалъ ни для кого, такъ какъ былъ тщеславенъ и избалованъ императрицей Маріей-Терезіей, которая прощала ему многое, потому что понимала, что нѣтъ ему равнаго по уму и по глубокимъ познаніямъ въ политикѣ. Царствующій императоръ также относился къ нему съ величайшимъ почтеніемъ, и онъ привыкъ ни съ кѣмъ не стѣсняться. Когда папа Пій VI былъ въ Вѣнѣ, князь Кауницъ далъ въ честь его обѣдъ, но не постѣснился въ тотъ же день отправиться къ себѣ въ увеселительный дворецъ для обычной верховой ѣзды въ манежѣ, остался тамъ долѣе обыкновеннаго, пріѣхалъ послѣ $5^1/_2$ часовъ, заставилъ ждать папу и явился въ сапогахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ, которымъ и указывалъ своимъ гостямъ любимыя картины. Я отдала ему визитъ и онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Я приняла его приглашеніе, поставивъ ему условіемъ, что если, пріѣхавъ къ нему, не застану его свѣтлость, то чтобы онъ не прогнѣвался, что я не буду ждать его долѣе четырехъ часовъ, а отправлюсь домой обѣдать, такъ какъ завтракаю рано и не могу сидѣть безъ пищи столь долгое время. Въ назначенный день я поѣхала къ князю въ $3^1/_2$ часа; онъ уже ждалъ меня въ гостиной и, кажется, былъ не только удивленъ, но и слегка обиженъ на меня за то, что я назначила часъ для обѣда, а не согласилась подчиниться его капризамъ.

За столомъ онъ все время говорилъ о Россіи и, заговоривъ о Петрѣ I, сказалъ, что русскіе ему всѣмъ обязаны, такъ какъ онъ создалъ Россію и русскихъ.

Я отрицала это и высказала мнѣніе, что эту репутацію создали Петру I иностранные писатели, такъ какъ онъ вызвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Россію, и они изъ тщеславія величали его создателемъ Россіи, считая и себя его сотрудниками въ дѣлѣ возрожденія Россіи. Задолго до рожденія Петра I русскіе покорили Казанское, Астраханское и Сибирское царство. Самый воинственный народъ, именующійся Золотой Ордой (вслѣдствіе того, что у нихъ было много золота, такъ что имъ было украшено даже ихъ оружіе), былъ побѣжденъ русскими, когда предки Петра I еще не были призваны царствовать. Въ монастыряхъ хранятся великолѣпныя картины, относящіяся еще къ тому отдаленному времени. Наши историки оставили больше документовъ, чѣмъ вся остальная Европа взятая вмѣстѣ.

— Еще 400 лѣтъ тому назадъ, -сказала я,— Батыемъ были разорены церкви, покрытыя мозаикой.

— Развѣ вы не считаете ни во что, княгиня,—возразилъ онъ,—что онъ сблизилъ Россію съ Европой и что ее узнали только со временъ Петра I.

- Великая имперія, князь, имѣющая столь неизсякаемые источники богатства и могущества, какъ Россія, не нуждается въ сближеніи съ кѣмъ бы то ни было. Столь грозная масса, какъ Россія, правильно управляемая, притягиваетъ къ себѣ кого хочетъ. Если Россія оставалась неизвѣстной до того времени, о которомъ вы говорите, ваша свѣтлость, это доказываетъ—простите меня, князь,— только невѣжество или легкомысліе европейскихъ странъ, игнорировавшихъ столь могущественное государство. Въ доказательство того, что у меня нѣтъ предубѣжденія противъ Петра I, я искренно выскажу вамъ свое мнѣніе о немъ. Онъ былъ геніаленъ, дѣятеленъ и стремился къ совершенству, но онъ былъ совершенно невоспитанъ и его бурныя страсти возобладали надъ его разумомъ. Онъ былъ вспыльчивъ, грубъ, деспотиченъ и со всѣми обращался, какъ

съ рабами, обязанными все терпѣть; его невѣжество не позволяло ему видѣть, что нѣкоторыя реформы, насильственно введенныя имъ, со временемъ привились бы мирнымъ путемъ въ силу примѣра и общенія съ другими націями. Если бы онъ не ставилъ такъ высоко иностранцевъ надъ русскими, онъ не уничтожилъ бы безцѣнный, самобытный характеръ нашихъ предковъ. Если бы онъ не мѣнялъ такъ часто законовъ, изданныхъ даже имъ самимъ, онъ не ослабилъ бы власть и уваженіе къ законамъ. Онъ подорвалъ основы уложенія своего отца и замѣнилъ ихъ деспотическими законами; нѣкоторые изъ нихъ онъ самъ же отмѣнилъ. Онъ почти всецѣло уничтожилъ свободу и привилегіи дворянъ и крѣпостныхъ; у послѣднихъ онъ отнялъ право жалобы въ судъ на притѣсненія помѣщиковъ. Онъ ввелъ военное управленіе, самое деспотическое изъ всѣхъ, и, желая заслужить славу создателя, торопилъ постройку Петербурга весьма деспотичными средствами: тысячи рабочихъ погибли въ этомъ болотѣ и онъ разорилъ дворянъ, заставляя ихъ поставлять крестьянъ на эти работы и строить себѣ каменные дома въ Петербургѣ; это было ужасно тяжело. Онъ построилъ адмиралтейство, хотя вода въ Невѣ такъ мелка, что на этихъ верфяхъ строятъ только корпуса судовъ, которыя затѣмъ съ величайшимъ трудомъ и расходами, заключаютъ въ камели и перетаскиваютъ въ Кронштадтъ—этого онъ могъ и не дѣлать, зная, что даже большія или сильно нагруженныя суда не могутъ дойти до Петербурга. При Екатеринѣ II городъ увеличился въ четыре раза и украсился великолѣпными строеніями, и все это совершилось безъ насилія, поборовъ и не вызывая неудовольствія.

Я замѣтила, что мои слова произвели нѣкоторое впечатлѣніе на Каунипа. Ему очевидно хотѣлось заставить меня еще говорить, такъ какъ онъ замѣтилъ, что монархъ, работающій самолично на верфи, представляетъ великолѣпное зрѣлище.

— Я убѣждена, что вы говорите это шутя,—возразила я,—такъ какъ сами знаете, что время монарха слишкомъ драгоцѣнно, чтобы тратить его на работы простого мастерового. Петръ I могъ привлечь къ себѣ не только плотниковъ и строителей, но и адмираловъ. Онъ пренебрегалъ своими прямыми и важнѣйшими обязанностями, работая въ Саардамѣ, чтобы стать плотникомъ и испортить русскій языкъ, примѣшивая къ нему голландскіе окончанія и термины, которыми переполнены его указы и все, относящееся до морского дѣла. Ему незачѣмъ было посылать дворянъ изучать ремесла садовника, кузнеца и т. п.; каждый дворянинъ съ удовольствіемъ уступилъ бы двухъ-трехъ своихъ крѣпостныхъ, чтобы научить ихъ этому дѣлу.

Князь Кауницъ перемѣнилъ тему разговора, чему я была рада, такъ какъ не хотѣла высказывать всего, что лежало у меня на сердцѣ касательно Петра I.

Мы посѣтили картинную галлерею и музей императора. Графъ Кегловичъ передалъ мнѣ, что князь Кауницъ послѣ обѣда сообщилъ императору запиской нашъ разговоръ съ нимъ. Я отвѣтила на это, что я вовсе не такъ самообольщаюсь, чтобы думать, что такой выдающійся по своему образованію министръ, какъ князь Кауницъ, найдетъ нужнымъ сообщать мои слова просвѣщенному монарху, и что я потому такъ горячо возразила князу, что люблю одинаково истину и свою родину. Съ того времени графъ Кегловичъ каждое утро освѣдомлялся о распредѣленіи моего дня.

Наканунѣ моего отъѣзда онъ настаивалъ на томъ, чтобы я его отложила по крайней мѣрѣ еще на нѣсколько дней, такъ какъ императоръ еще не выздоровѣлъ; я ему отвѣтила, что путешествую не для своего удовольствія, а что намѣтила себѣ планъ, какъ мать и наставница; всѣ мои поѣздки преслѣдовали одну цѣль, поглощавшую меня всецѣло: образованіе и воспитаніе моего сына, что я въ письмахъ къ его величеству королю прусскому еще изъ Италіи просила его позволить моему сыну сопровождать его

на маневры и, получивъ отъ него милостивое на то разрѣшеніе, не могла терять ни минуты; я объявила, что въ тотъ же вечеръ осмотрю еще разъ чудную императорскую колекцію и затѣмъ буду ужинать у князя Голицына. Я просила и его пріѣхать туда, чтобы провести вмѣстѣ послѣдніе часы, такъ какъ должна была уѣхать съ разсвѣтомъ на слѣдующій день.

Послѣ нашего обѣда мы пошли въ музей, куда сейчасъ же вслѣдъ за нами вошелъ императоръ съ зеленымъ шелковымъ зонтомъ на глазахъ. Его величество наговорилъ мнѣ много любезностей, но такъ ласково, просто и сердечно, что хотя я и сознавала, что его похвалы преувеличены и не заслужены, я не смутилась. Онъ сказалъ, что очень сожалѣетъ, что не могъ пользоваться моимъ обществомъ; объ императрицѣ онъ говорилъ съ благоговѣніемъ, украшая своими отзывами о ней тѣ немногіе часы, которые я провела въ его обществѣ. Затѣмъ онъ мнѣ предложилъ выбрать изъ его кабинета какіе угодно дублеты и простился со мной, заявивъ, что, зная мою любовь къ естественнымъ наукамъ, не рѣшается дальше отнимать у меня драгоцѣнное время. Я выбрала кое-какіе образцы минераловъ Венгріи и другихъ провинцій.

Мы отужинали у нашего посла и на слѣдующій день отправились въ Прагу, гдѣ остановились сколько нужно было, чтобы мой сынъ могъ узнать подробности военнаго искусства въ Австріи и осмотрѣть крѣпость, стоявшую на стражѣ Богеміи. Я купила здѣсь очень дешево коллекцію окаменѣлостей различныхъ породъ деревьевъ и образцы мрамора; затѣмъ мы поѣхали въ Саксонію. Я пробыла нѣсколько дней въ Дрезденѣ, гдѣ князь Сакенъ далъ въ нашу честь рядъ великолѣпныхъ праздниствъ. Мы нѣсколько разъ посѣтили картинную галлерею; галлереи графа Брюля уже не было въ Дрезденѣ; она была пріобрѣтена Екатериной Великой, которая любила и поощряла искусство и обогатила Россію сокровищами жи-

вописи и скульптуры, о которыхъ въ Россіи до нея не имѣли и понятія.

Подходило время смотровъ и маневровъ въ Пруссіи, такъ что намъ нельзя было дольше оставаться въ Дрезденѣ, и мы поспѣшили въ Берлинъ. Королевская семья встрѣтила меня съ обычной любезностью. Мы съ удовольствіемъ увидѣли нашего дорогого князя Долгорукова на томъ же посту посланника. Его дружба ко мнѣ и моимъ дѣтямъ была искренняя; онъ представилъ моего сына министру (королевская семья его уже знала), а генералъ-адъютантъ короля, графъ Герцъ, представилъ его Фридриху Великому въ Потсдамѣ. Его величество принялъ его очень милостиво и объявилъ, что будетъ радъ взять его съ собой на маневры.

Вскорѣ король пріѣхалъ въ Берлинъ на смотръ 42-тысячнаго войска, происходившій въ Тиргартенѣ.

Во время смотровъ король никогда не принималъ дамъ; однако онъ выразилъ желаніе видѣть меня и объявилъ, что, если мнѣ любопытно быть на смотру, меня возьметъ съ собой супруга наслѣдника и что тамъ его величество меня и увидитъ. Графу Финкенштейну было повелѣно объяснить принцессѣ, гдѣ и когда король подойдетъ ко мнѣ.

Въ день, назначенный для столь лестнаго для меня событія, принцесса (впослѣдствіи прусская королева) заѣхала за мной въ гостиницу. Каково было мое удивленіе, когда экипажъ остановился въ Тиргартенѣ и принцесса сказала мнѣ:

— Выходите теперь, княгиня; здѣсь старикъ дядя съ вами будетъ говорить; я сама прокачусь, такъ какъ у меня нѣтъ никакого желанія видѣть это старое чучело.

Выходя изъ экипажа, я, къ моему большому удовольствію, увидѣла князя Долгорукова, стоявшаго тутъ же. Черезъ полчаса король, не отпустивъ еще войска, подъѣхалъ ко мнѣ, слѣзъ съ лошади и, снявъ шляпу, вступилъ со мною въ разговоръ, къ удивленію всей арміи: никогда еще ко-

роль не разговаривалъ съ женщиной во время смотра. Когда король ушелъ, принцесса пріѣхала за мной. На слѣдующій день я ужинала у королевы, которая, подобно всей королевской семьѣ, обходилась со мной не только милостиво, но ласково и сердечно, какъ со старой знакомой.

Супруга принца Генриха сказала мнѣ за ужиномъ, что мое имя будетъ отмѣчено въ исторіи, такъ какъ король сдѣлалъ для меня исключеніе изъ общаго правила. Вскорѣ мой сынъ уѣхалъ съ королемъ на маневры.

Я съ сожалѣніемъ и грустью покинула Берлинъ, но, сѣвъ въ экипажъ, такъ спѣшила догнать сына, что въѣзжала въ ворота города *** въ ту минуту, какъ король выѣзжалъ изъ него. Онъ любезно раскланялся мнѣ и сказалъ потомъ князю Долгорукову, что только такая хорошая мать, какъ я, можетъ такъ точно разсчитать время и не потерять ни минуты, чтобы обнять сына. Я нашла его совершенно здоровымъ, въ восторгѣ отъ короля; онъ воздавалъ должное прусскимъ войскамъ и офицерамъ, съ которыми старался ближе познакомиться.

Отдохнувъ одинъ день, мы отправились въ Кенигсбергъ, гдѣ генералъ Меллендорфъ сказалъ мнѣ, что король выразился о моемъ сынѣ, какъ о молодомъ человѣкѣ, обѣщающемъ отличиться въ военномъ дѣлѣ. Впослѣдствіи я узнала, что король писалъ то же самое своему посланнику въ Петербургѣ.

Черезъ нѣсколько дней мы поѣхали черезъ Мемель въ Ригу. Губернаторъ Броунъ уговорилъ меня остаться два дня въ столицѣ Ливоніи, гдѣ имя моего отца пользовалось глубокимъ уваженіемъ, такъ какъ онъ всегда защищалъ интересы ливонцевъ въ Сенатѣ и успѣшно боролся съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей. Онъ былъ слишкомъ образованъ и великодушенъ, чтобы уничтожать цѣлый рядъ привилегій, дарованныхъ и подтвержденныхъ нашими государями, только потому, что русское дворянство было лишено ихъ. Екатерина Великая даровала ему эти

права и тѣмъ сравняла насъ съ дворянствомъ лифляндскимъ. Въ царствованіе императрицы Елизаветы лифляндское дворянство приняло моего отца въ свою среду.

Покинувъ Ригу, мы останавливались только ночевать и безпрепятственно прибыли въ Петербургъ.

Такимъ образомъ закончилось путешествіе, которое я имѣла мужество предпринять для образованія моего сына, располагая скудными средствами, и которое довела до конца, сдѣлавъ только немного долговъ, которые я легко могла выплатить въ нѣсколько лѣтъ, живя уединенно въ деревнѣ, что я и намѣревалась сдѣлать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я пріѣхала въ Петербургъ въ 1782 г. Не имѣя дома въ городѣ, я поселилась на своей дачѣ въ Киріановѣ, въ 4 в. отъ Петербурга. Моя сестра Полянская съ дочерью первыя посѣтили меня. Изъ всей моей родни она одна жила въ Петербургѣ. Мой отецъ былъ генералъ-губернаторомъ во Владимирѣ или точнѣе - намѣстникомъ двухъ губерній, такъ какъ онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ двухъ губернаторовъ. Черезъ два дня послѣ моего пріѣзда я узнала, что князь Потемкинъ бываетъ каждый день со мной по сосѣдству у своей племянницы, графини Скавронской, которая была больна послѣ родовъ; я послала лакея сказать князю, что хочу дать ему маленькое порученіе и прошу прислать ко мнѣ одного изъ своихъ племянниковъ, которому я и передамъ свою просьбу. На слѣдующій день князь Потемкинъ самъ пріѣхалъ ко мнѣ въ то время, какъ я была съ дѣтьми у графа Панина. Мнѣ было очень досадно, что онъ не засталъ меня дома. Черезъ день онъ прислалъ мнѣ генерала Павла Потемкина; я поручила ему во-первыхъ попросить князя Потемкина исходатайствовать у императрицы разрѣшеніе пріѣхать въ Царское Село (куда никому нельзя было являться безъ особаго приглашенія) и представить ей своихъ дѣтей, во-вторыхъ справиться у князя, въ какомъ чинѣ состоитъ мой сынъ и согласилась ли военная коллегія на назначеніе его адъютантомъ къ фельдмаршалу графу Румянцеву. Генералъ Павелъ Потемкинъ черезъ два дня принесъ мнѣ отвѣтъ, что Потемкинъ доложилъ о моемъ пріѣздѣ императрицѣ, и, что она пове-

лѣла мнѣ пріѣхать въ ближайшее воскресенье съ дѣтьми къ обѣду въ Царское Село, гдѣ князь Потемкинъ сообщитъ мнѣ всѣ свѣдѣнія о моемъ сынѣ.

Мнѣ не удалось воспользоваться милостивымъ разрѣшеніемъ ея величества, такъ какъ наканунѣ мой сынъ заболѣлъ жестокой горячкой. Онъ бредилъ цѣлую ночь, а я, въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ, забывъ про ревматизмъ въ колѣняхъ, простояла всю ночь босая у его постели. Всѣ послѣдующіе дни я не принимала никого, кромѣ своей сестры Полянской и одинъ разъ на минуту Павла Потемкина, и то только потому, что дѣло касалось императрицы и я надѣялась узнать что-нибудь насчетъ производства моего сына. Черезъ четыре дня мой добрый и искусный докторъ Роджерсонъ объявилъ моего сына внѣ опасности. Въ ту же ночь мой ревматизмъ поднялся въ кишки и я оказалась сама больной при смерти; но Роджерсонъ спасъ и меня.

Онъ каждое воскресенье ѣздилъ въ Царское Село, вслѣдствіе чего я поручила ему сказать императрицѣ, какъ опасно мы были больны съ сыномъ, вслѣдствіе чего я была лишена возможности воспользоваться ея разрѣшеніемъ явиться къ ней и представить ей моихъ дѣтей. Мое выздоровленіе тянулось болѣе двухъ недѣль и было сопряжено съ довольно сильными страданіями, такъ какъ припадки рвоты хотя и стали рѣже, но не прекращались вовсе, а спазмы въ желудкѣ и кишкахъ давали себя чувствовать съ прежней силой. Моя болѣзнь раздражала меня тѣмъ сильнѣе, что вслѣдствіе ея откладывалась моя поѣздка въ Царское Село и слѣдовательно повышеніе по службѣ и вообще устроеніе судьбы моего сына, который, благодаря Бога, былъ уже совершенно здоровъ. Наконецъ, мнѣ съ величайшимъ трудомъ удалось поѣхать въ Царское Село. Я была еще очень слаба; при каждомъ толчкѣ экипажа я обливалась холоднымъ потомъ отъ сильныхъ приступовъ боли, и приказывала остановиться, чтобы передохнуть. Но чего только не способна перенести материнская любовь!

Мы пріѣхали въ Царское Село до начала обѣдни; въ то время какъ императрица проходила черезъ залу, гдѣ я ожидала ее въ числѣ прочихъ придворныхъ, я представилась ей или скорѣе она ко мнѣ подошла, сказала мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ и выразила удовольствіе по случаю моего возвращенія въ Россію. Въ качествѣ статсъ-дамы я сама представила ей свою дочь, а сына моего представилъ дежурный камергеръ. Несмотря на то, что меня поддерживала радость свиданія съ императрицей и ея милостивый пріемъ заставилъ меня позабыть, что я нахожусь въ первомъ періодѣ выздоровленія, я все-таки была еще настолько слаба, что не могла поспѣвать за императрицей во время шествія въ церковь (путь былъ длинный, такъ какъ церковь находилась на противоположномъ концѣ дворца), и она была столь милостива, что замедляла для меня свои шаги и часто останавливалась, разговаривая со мной. По окончаніи обѣдни я такъ устала, что вовсе не могла слѣдовать за императрицей и отстала отъ нея настолько, что насъ раздѣляла цѣлая комната; я попросила лицъ ея свиты, которыя смутились, не считая возможнымъ меня опережать, идти впередъ, не дожидаясь меня. Въ большой залѣ ко мнѣ подошелъ Потемкинъ и спросилъ, чего я желаю для своего сына и въ какомъ онъ состоитъ чинѣ. Я отвѣтила, что императрицѣ извѣстны мои пожеланія; что же касается до чина моего сына, — «то вы, князь, должны знать это лучше меня; двѣнадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ произведенъ въ прапорщики кирасирскаго полка и императрица повелѣла постепенно повышать его въ чинахъ. Я не знаю, исполнено ли ея желаніе. Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ обратился въ военную коллегію съ просьбой назначить его адъютантомъ къ нему; не знаю также, уважена ли его просьба».

Тотчасъ послѣ нашего разговора, князь уѣхалъ въ городъ, что меня не мало обезпокоило. Гофмаршалъ, подойдя ко мнѣ, сообщилъ мнѣ желаніе императрицы, чтобы я съ дѣтьми осталась съ ней обѣдать.

Меня его слова удивили, такъ какъ съ тѣхъ поръ какъ Петръ I ввелъ у насъ нѣмецкій этикетъ, только извѣстный военный чинъ давалъ нѣкоторыя преимущества и прерогативы и мой сынъ въ качествѣ прапорщика не имѣлъ права сѣсть за столъ императрицы. Впослѣдствіи я узнала, что на вопросъ гофмаршала, какъ быть съ княземъ Дашковымъ, императрица отвѣтила: «Онъ, конечно, будетъ обѣдать со мною».

Я находилась въ комнатѣ, смежной съ той, гдѣ императрица играла въ шахматы въ ожиданіи обѣденнаго часа. Проходя черезъ эту комнату въ столовую, она сказала мнѣ очень громкимъ голосомъ, очевидно желая, чтобы всѣ ее слышали:

— Я хочу, чтобы вашъ сынъ на этотъ разъ обѣдалъ, хоть онъ еще и прапорщикъ, со мной, дабы доказать, что ваши дѣти будутъ всегда пользоваться у меня особыми преимуществами въ сравненіи съ другими.

Эти нѣсколько словъ глубоко тронули меня и окрылили надеждой. Никто кромѣ государыни не съумѣлъ бы такъ тонко и деликатно дать столь лестный оборотъ своей забывчивости насчетъ производства сына. За столомъ я сидѣла рядомъ съ ней и она все время со мной говорила. Я чувствовала себя хорошо и бодро, но ничего не могла ѣсть. Императрица замѣтила это.

— Для васъ приготовлены комнаты, чтобы вы могли отдохнуть,—сказала она мнѣ.

Когда я послѣ обѣда удалилась въ отведенные мнѣ аппартаменты, я убѣдилась, что не была еще такъ крѣпка и здорова, какъ мнѣ это казалось за обѣдомъ; мнѣ было такъ холодно, что пришлось затопить каминъ, и внутреннія боли давали себя сильно чувствовать.

Вечеромъ я сопровождала императрицу въ ея прогулкѣ; во вниманіе къ моей слабости она замедляла шагъ и присаживалась со мной на скамейки. Послѣ прогулки я вернулась домой, боясь разболѣться въ Царскомъ Селѣ. На слѣдующій день я получила копію съ указа, которымъ мой

сынъ назначался штабсъ-капитаномъ гвардіи Семеновскаго полка, что давало ему рангъ подполковника. Наша радость была неописуема. Я нѣкоторое время была еще слаба, но подъ вліяніемъ хорошей погоды и спокойнаго состоянія духа я поправилась скорѣй, чѣмъ можно было ожидать.

Дворъ вернулся въ Петербургъ раньше обыкновеннаго. Я поѣхала къ императрицѣ поблагодарить ее за производство сына; государыня приняла меня очень милостиво и пригласила меня на спектакль въ Эрмитажный театръ, куда допускались очень немногіе, такъ какъ театръ былъ малъ, вслѣдствіе того, что часть дворца, носившая то же названіе, была еще недостроена. На слѣдующій день я поѣхала съ дѣтьми обѣдать къ графу Панину. Его дача была недалеко отъ моей, вслѣдствіе чего я и рѣшилась предпринять эту поѣздку. Послѣ обѣда адъютантъ князя Потемкина привезъ мнѣ письмо отъ князя. Онъ передавалъ мнѣ отъ имени императрицы, что такъ какъ она приняла за правило не раздавать больше казенныхъ земель, она проситъ меня выбрать подходящее помѣстье, которое она купитъ для меня. Я выразила князю мою глубокую благодарность императрицѣ и просила избавить меня отъ выбора имѣнія, объявляя заранѣе, что я останусь довольна всѣмъ, что императрицѣ благоугодно будетъ мнѣ пожаловать. Черезъ два дня я снова получила письмо отъ князя, извѣщавшаго меня, что императрица не распространяетъ принятаго ею правила на земли въ Бѣлоруссіи, которыя она, наоборотъ, желала бы видѣть въ рукахъ русскихъ дворянъ; нѣкоторыя изъ этихъ имѣній не были еще розданы; самъ князь совѣтовалъ мнѣ выбрать одно изъ нихъ, такъ какъ земля въ Бѣлоруссіи плодороднѣе, чѣмъ въ средней Россіи. Я отвѣтила, что позволю себѣ только одно возраженіе противъ владѣнія мною помѣстьемъ въ Бѣлоруссіи: у меня сложилось твердое убѣжденіе, что если владѣльцы родовыхъ помѣстій и крестьянъ, вѣками переходящихъ отъ отца къ сыну, отвѣтственны передъ правительствомъ за управленіе ими, то тѣмъ болѣе это обязательство распространяется на владѣльцевъ жалованныхъ государями кре-

стьянъ; я въ продолженіе двадцати лѣтъ управляла помѣстьями своихъ дѣтей и могу съ гордостью представить доказательства, что за этотъ періодъ времени крестьяне стали трудолюбивѣе, богаче и счастливѣе; я рѣшила и впредь руководствоваться тѣми же принципами, но не была убѣждена въ томъ, что они принесутъ такіе же плодотворные результаты среди полу-польскаго, полу-еврейскаго населенія, языкъ и быть котораго были мнѣ совершенно незнакомы. Словомъ, мы обмѣнялись съ княземъ нѣсколькими письмами (онъ выказывалъ мнѣ необыкновенную для него любезность и снисхожденіе) и я, наконецъ, объявила, что какую бы землю императрица ни пожаловала мнѣ, ея даръ останется всегда незаслуженною мною и неожиданною наградой. Черезъ нѣсколько дней я получила письмо отъ статсъ-секретаря государыни, графа Безбородко, съ приложеніемъ копіи съ указа, которымъ императрица жаловала мнѣ мѣстечко Круглое со всѣми угодьями и 2.500 крестьянами. Это помѣстье принадлежало гетману Огинскому и было очень велико, такъ какъ лежало по обѣимъ сторонамъ рѣки Друцы. При первомъ раздѣлѣ Польши, т. е. при присоединеніи къ Россіи Бѣлоруссіи, какъ бывшей великорусской провинціи, рѣка Друца явилась границей между Польшей и Россіей, и большая часть владѣній Огинскаго,—лѣса, много мѣстечекъ и деревень—остались за Польшей; но никто не счелъ нужнымъ сообщить это ея величеству и она осталась при убѣжденіи, что подарила мнѣ всѣ Кругловскія помѣстья и наградила меня столь же щедро, какъ нѣкоторыхъ министровъ и вельможъ. Я поѣхала поблагодарить императрицу и не разъ вспоминала впослѣдствіи, когда познакомилась съ Круглымъ, какъ она выразила мнѣ свою радость, что можетъ подарить мнѣ столь обширныя помѣстья, которыми неблагодарный Огинскій недостоинъ былъ владѣть [1]). Каково

[1]) Онъ былъ ярымъ врагомъ Россіи и позволялъ себѣ даже враждебныя дѣйствія, несмотря на то, что многимъ былъ обязанъ императрицѣ; онъ отказался даже принести присягу какъ владѣлецъ помѣстій въ Бѣлоруссіи.

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА.

Съ портрета, принадлежащаго издательницѣ ея «Записокъ», г-жѣ Брадфордъ, и приложеннаго къ англійскому изданію 1840 года.

было мое удивленіе, когда, съѣздивъ туда на слѣдующій годъ, я увидѣла истощенныхъ, крайне грязныхъ, лѣнивыхъ и бѣдныхъ крестьянъ, къ тому же преданныхъ пьянству. Не было даже топлива и, чтобы приводить въ дѣйствіе маленькій винокуренный заводъ, приходилось брать его у сосѣдей; воднаго сообщенія также не было. На 10 душъ обоего пола приходилось въ среднемъ по одной коровѣ и по одной лошади на 5 душъ; кромѣ того на 2.500 душъ дарованныхъ мнѣ, включая въ нихъ и новорожденныхъ младенцевъ, не хватало 167, такъ какъ управляющіе казенными имѣніями высасываютъ изъ крестьянъ все, что только могутъ. Поэтому во всей Россіи нѣтъ крестьянъ несчастнѣе тѣхъ, которые принадлежатъ казнѣ. Я имѣла право, не безпокоя императрицу, обратиться въ Сенатъ съ просьбой восполнить недостающее количество крестьянъ, но я этого не сдѣлала и въ теченіе двухъ лѣтъ отложила значительный для меня капиталъ на поднятіе доходности Круглаго.

Гофмаршалъ увѣдомилъ меня, что императрица желаетъ, чтобы я присутствовала на концертахъ, во внутреннихъ апартаментахъ дворца, на которые даже статсъ-дамы не могли попасть иначе, какъ по особому приглашенію [1]). На слѣдующій день я пріѣхала на концертъ и императрица встрѣтила меня словами:

— Какъ, вы однѣ?

Я смотрѣла на нее въ недоумѣніи, не понимая, что она хочетъ сказать.

— Вы не взяли съ собой вашихъ дѣтей,—разъяснила императрица, — а я не желаю, чтобы вы у меня скучали безъ нихъ.

Понявъ, въ чемъ дѣло, я горячо изъявила императрицѣ мою благодарность.

---

[1]) Я привожу эти незначительные инциденты, чтобы доказать, что меня осыпали знаками вниманія, которые, не имѣя дѣйствительной цѣнности, все же возбуждали зависть и порождали много враговъ при дворѣ, несмотря на то, что мое состояніе оставалось всегда даже ниже средняго.

У меня не было дома въ Петербургѣ; не желая тратить деньги на наемъ дома, чтобы имѣть возможность давать побольше средствъ своему сыну, я рѣшила остаться на дачѣ до послѣдней возможности. Однажды императрица спросила меня, все ли я живу у себя на дачѣ. На мой утвердительный отвѣтъ, она возразила, что я рискую своимъ здоровьемъ, оставаясь поздней осенью въ домѣ, сильно пострадавшемъ во время наводненія еще до моего возвращенія изъ-за границы; и что даже рискуя меня рассердить[1]), она все-таки скажетъ, что мое болото неминуемо ухудшитъ мои ревматизмы и что, если бы она не рѣшила предоставить мнѣ самой выборъ дома, она купила бы для меня домъ герцогини Курляндской.

— Пожалуйста,—добавила она,—осмотрите его и, если онъ вамъ подойдетъ, я велю его купить для васъ.

Я поблагодарила императрицу и обѣщала въ теченіе недѣли осмотрѣть нѣсколько домовъ, не изъявляя желанія ихъ купить, дабы не набавили цѣну. Я дѣйствительно осмотрѣла домъ герцогини и госпожи Неледпнской. Первый былъ больше, на красивой улицѣ и меблировка его была богатая и изысканная; онъ стоилъ 68 тыс. руб.; второй былъ на Мойкѣ и мебель была попроще; цѣна его была 40 тыс. Я остановилась на второмъ и, сообщивъ госпожѣ Нелединской, что я имѣю намѣреніе его купить, я сказала, что черезъ недѣлю дамъ рѣшительный отвѣтъ, и попросила ее сдѣлать инвентарь мебели, выразивъ надежду, что она продастъ мнѣ всю безъ исключенія мебель, находящуюся въ домѣ. Она мнѣ это обѣщала. Черезъ недѣлю я вернулась и къ своему удивленію увидѣла, что госпожа Нелединская уже выѣхала и увезла почти всю мебель. Я спросила у единственнаго лакея, оставшагося въ домѣ, инвен-

[1]) Эти слова относились къ одному изъ ея писемъ, адресованныхъ мнѣ въ апрѣлѣ 1762 г., когда я схватила насморкъ и лихорадку, завязнувъ въ еще неосушенномъ грунтѣ. Письма ея величества ко мнѣ также будутъ изданы послѣ выпуска въ свѣтъ этихъ записокъ.

тарь мебели. Онъ отвѣтилъ, что его нѣтъ. Я была возмущена этимъ поступкомъ, на который я не считала Нелединскую способной, и, узнавъ отъ князя П. Голицына, жившаго напротивъ, что она всю недѣлю употребила на перевозку мебели въ нанятый ею домъ, я помирилась съ этой непріятностью и рѣшилась нести послѣдствія своего добродушія и довѣрчивости. Не оглашая дѣла, я велѣла сказать этой барынѣ, что не считаю себя обязанной купить ея домъ, такъ какъ она не сдержала своего слова, и рѣшила нанять его за 4.000 р., т. е. за такую сумму, которую она не могла никогда разсчитывать получить за него. Впрочемъ я намѣревалась просить императрицу, черезъ князя Потемкина, чтобы она вмѣсто покупки дома оказала мнѣ другую милость: сдѣлала фрейлиной дочь моей сестры Полянской, что составляло самое горячее желаніе моей сестры, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ одна особа, обѣщавшая это устроить, воспользовалась своимъ вліяніемъ для того, чтобы добиться этой чести для одной изъ своихъ невѣстокъ.

Императрица при слѣдующемъ свиданіи спросила, меня выбрала ли я себѣ домъ. «Я наняла домъ», отвѣтила я.— «Почему же вы не желаете его купить?»,—спросила государыня.

— Потому что выборъ дома такъ же серьезенъ, какъ и выборъ мужа, и надо надъ этимъ хорошенько подумать,— сказала я, смѣясь. Эта маленькая сдѣлка доставила мнѣ нѣкоторое внутреннее удовлетвореніе, хотя меня и осаждали вопросами, почему я не купила дома, такъ какъ всѣмъ уже стало извѣстно, что кабинетъ получилъ приказаніе заплатить стоимость любого дома, который я пожелаю купить. Одно лицо, которое я не хочу назвать, сказало мнѣ однажды въ дружескомъ разговорѣ:

— «Откладывая полученіе дома, вы, можетъ быть, будете обойдены дворомъ, подобно тому, какъ васъ обошла Нелединская. Мало кто знаетъ ваши мотивы и еще менѣе, кто умѣетъ ихъ понять.

Въ отвѣтъ я разсказала одинъ анекдотъ про нѣмецкаго барона, у котораго была страсть говорить по-французски, несмотря на то, что онъ очень плохо зналъ этотъ языкъ; когда ему говорили, что его трудно понять, онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «Не все ли мнѣ равно? Я самъ себя отлично понимаю». Это былъ мой всегдашній отвѣтъ на подобныя рѣчи, которыя были тѣмъ болѣе несносны, что иногда заключали въ себѣ претензію на тонкую иронію.

Вскорѣ я переѣхала въ городъ и присмотрѣвшись поближе къ дому Нелединской, увидѣла, что ничего не потеряла, не купивъ его. Жизнь моя текла тихо и покойно. Князь Потемкинъ обѣщалъ мнѣ исполнить мое желаніе насчетъ моей племянницы Полянской и просилъ меня не медлить съ покупкой дома, такъ какъ императрица, пожалуй, подумаетъ, что я не предполагаю жить въ Петербургѣ. Я тогда осмотрѣла домъ покойнаго придворнаго банкира, Фридерикса и условилась съ его вдовой насчетъ цѣны, которая, включая всѣ накладные расходы по его продажѣ, не превышала 30 тыс. р. Я попросила у императрицы разрѣшеніе его купить, на что она мнѣ отвѣтила, что давно уже повелѣла кабинету заплатить стоимость дома, который я пожелаю купить, и, выразивъ свое удивленіе, что я не сдѣлала лучшаго выбора, спросила, почему я не хочу купить домъ герцогини Курляндской. Опасаясь, что моя деликатность покажется императрицѣ неумѣстнымъ жеманствомъ, я сказала, что домъ Фредерикса стоитъ на Англійской набережной, гдѣ я родилась, а такъ какъ ея величество своимъ милостивымъ отношеніемъ ко мнѣ заставляетъ меня любить день моего рожденія и считать его самымъ счастливымъ днемъ моей жизни, то мнѣ и хотѣлось бы имѣть домъ на этой улицѣ. Въ этомъ случаѣ я дѣйствительно стала жертвой своей деликатности, такъ какъ въ купленномъ мною домѣ не было вовсе мебели; хотя я и сдѣлала императрицѣ экономію въ 30 тысячъ, но ни слова не сказала о томъ, что мнѣ приходится покупать всю обстановку; я выбрала простую, но хорошенькую ме-

бель и только необходимое количество ея; и то долгъ мой увеличился на три тысячи рублей. Но такъ какъ я не первый и не послѣдній разъ была жертвой своего безкорыстія, я рѣшила помириться на этомъ и никому ничего не сказала.

Генералъ Ланской, фаворитъ, былъ только вѣжливъ со мной, и если иногда и оказывалъ мнѣ нѣкоторое вниманіе, то дѣлалъ это видимо по внушенію императрицы. Съ пріѣздомъ графа Андрея Шувалова, ставшаго вскорѣ его раболѣпнымъ приспѣшникомъ, Ланской сталъ при малѣйшей возможности выражать мнѣ явное недоброжелательство. Князь Потемкинъ наоборотъ выказывалъ мнѣ большое почтеніе и очевидно желалъ снискать мою дружбу. Онъ сказалъ мнѣ однажды, что ея величество, узнавъ, что у меня много долговъ, пожелала заплатить ихъ и достроить на свой счетъ домъ въ Москвѣ и меблировать его, дабы я не тратила еще на это деньги.

Я усиленно просила князя Потемкина отговорить отъ этого императрицу и напомнить ей мое страстное желаніе, которое я уже имѣла смѣлость разъ высказать. Видясь съ моей сестрой каждый день и будучи свидѣтельницей ея грусти, считая себя до нѣкоторой степени виновницей ея паденія въ 1762 г., я испытывала тягостное чувство, которое всѣ благодѣянія государыни не въ силахъ были разсѣять. Все-таки назначеніе моей племянницы фрейлиной затягивалось; наконецъ, 24 ноября, въ день тезоименитства императрицы и моихъ именинъ, послѣ большого придворнаго бала, я не послѣдовала за императрицей во внутренніе аппартаменты, но послала сказать князю Потемкину черезъ его адъютанта, что не выйду изъ залы, пока не получу отъ него подарка, а именно копіи съ давно ожидаемаго мною указа о назначеніи моей племянницы фрейлиной. Кажется, приглашенные очень удивились, видя, что я осталась въ залѣ послѣ того, какъ дворъ удалился во внутренніе покои, и если бы они знали причину и результаты моего поступка, они бы лишній разъ насмѣялись

надъ моей простотой [1]). Прошелъ цѣлый часъ; наконецъ появился адъютантъ съ бумагой въ рукахъ и я не помнила себя отъ радости, прочитавъ назначеніе моей племянницы фрейлиной. Я уѣхала съ быстротой молніи, и зная, что моя сестра ужинаетъ у нашего двоюроднаго брата, графа Воронцова, отправилась къ нему и была свидѣтельницей безумной радости моей сестры; я сама была счастлива, что могла исполнить ея завѣтное желаніе.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ опять былъ балъ при дворѣ по какому-то случаю. Императрица, обойдя всѣхъ статсъ-дамъ и иностранныхъ министровъ и поговоривъ съ ними, вернулась ко мнѣ.

— Я бы хотѣла съ вами поговорить,—сказала она.

— Я всегда готова выслушать ваше императорское величество съ величайшимъ благоговѣніемъ.

— Сейчасъ это невозможно.

— Когда и гдѣ ваше величество прикажете,—отвѣтила я.

Она отошла отъ меня, поговорила еще съ нѣсколькими иностранными министрами, которые затѣмъ становились по другой сторонѣ комнаты; остановившись между двумя рядами, государыня встрѣтилась со мной глазами и знакомъ подозвала меня къ себѣ. Я своимъ ушамъ не повѣрила, когда императрица предложила мнѣ мѣсто директора академіи наукъ. Отъ удивленія я не могла выговорить ни слова, и императрица успѣла мнѣ наговорить много лестнаго, думая этимъ убѣдить меня принять ея предложеніе.

— Нѣтъ, ваше величество,—наконецъ сказала я,—не могу я принять мѣсто, совершенно не соотвѣтствующее моимъ способностямъ. Если ваше величество не смѣетесь надо

---

[1]) Я намекаю на уступку, которую я сдѣлала взамѣнъ исполненія желанія моей сестры: мой домъ въ Москвѣ не былъ выстроенъ на счетъ императрицы и долги не были заплачены; когда я уѣхала изъ Петербурга, мнѣ пришлось продать купленный мною домъ, чтобы заплатить долгъ въ банкъ. Несмотря на это, я никогда не пожалѣла о томъ, что сдѣлала для сестры.

мной, то позвольте мнѣ сказать, что въ числѣ многихъ прочихъ причинъ, я изъ любви къ вашему величеству не хочу рисковать сдѣлаться всеобщимъ посмѣшищемъ и не оправдать вашего выбора.

Императрица прибѣгла даже къ хитрости, чтобы убѣдить меня, высказавъ предположеніе, что я потому не соглашаюсь на ея предложеніе, что больше ея не люблю.

Всѣ, имѣвшіе счастье быть близкими къ императрицѣ, знають, что она умѣла быть очаровательной, краснорѣчивой и тонкой, когда хотѣла привлечь къ себѣ или убѣдить кого-нибудь. Ей незачѣмъ было пускать въ ходъ свое искусство для меня, такъ какъ, въ своей безкорыстной и неизмѣнной любви къ ней, я готова была слушаться ее во всемъ, что не шло въ разрѣзъ съ моими принципами. Но на этотъ разъ ее постигла неудача.

— Сдѣлайте меня начальницей вашихъ прачекъ,—сказала я,—и вы увидите, съ какимъ рвеніемъ я вамъ буду служить.

— Теперь вы смѣетесь надо мной, предлагая занять такое недостойное васъ мѣсто.

— Ваше величество думаете, что меня знаете; но вы меня не знаете; я нахожу, что какую бы должность вы мнѣ ни дали, она станетъ почетной съ той минуты, какъ я ее займу; и какъ только я стану во главѣ вашихъ прачекъ, это мѣсто превратится въ одну изъ высшихъ придворныхъ должностей и мнѣ всѣ будутъ завидовать. Я не умѣю стирать и мыть бѣлье, но если бы я тутъ сдѣлала ошибки вслѣдствіе своего незнанія, онѣ бы не повлекли за собой серьезныхъ послѣдствій, между тѣмъ какъ директоръ академіи наукъ можетъ совершить только крупныя ошибки и тѣмъ навлечь нареканія на государя, избравшаго его.

Ея величество возразила мнѣ, что, вспомнивъ тѣхъ, кто занималъ эту должность, я должна буду сознаться, что по своимъ способностямъ они стоятъ много ниже меня. На это я отвѣтила:

— Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто навлекаетъ на себя презрѣніе, принимая совершенно непосильныя обязанности.

— Хорошо,—отвѣтила она,—пока довольно объ этомъ; на васъ и такъ всѣ смотрятъ; что же касается до вашего отказа, я должна вамъ сказать, что онъ убѣждаетъ меня еще больше въ томъ, что я не могу сдѣлать лучшаго выбора.

Отъ этого разговора я была какъ въ лихорадкѣ и мое лицо, вѣроятно, отражало мое волненіе, такъ какъ я прочла удовольствіе на лицахъ придворныхъ дамъ, когда вернулась въ ихъ ряды; онѣ думали, что между мной и императрицей произошла непріятная сцена, и старая графиня Матюшкина, которая вообще не любила стѣсняться, спросила меня, что означалъ этотъ длинный и таинственный разговоръ съ ея величествомъ.

— Вы видите, что я совершенно разстроена, графиня,— отвѣтила я, —но меня взволновала доброта императрицы и ея слишкомъ лестное и совершенно незаслуженное мнѣніе обо мнѣ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидала конца бала, чтобы въ тотъ же вечеръ написать императрицѣ и съ большей убѣдительностью мотивировать свой отказъ. Вернувшись къ себѣ, я тотчасъ же написала письмо, которое несомнѣнно разсердило бы другого государя; я позволила себѣ сказать, что иногда частная жизнь монарха ускользаетъ отъ исторіи, но его вредный или плохой выборъ лицъ никогда не избѣгнетъ ея суда; самъ Господь Богъ, создавая меня женщиной, этимъ самымъ избавилъ меня отъ должности директора академіи наукъ; считая себя круглой невѣждой, я никогда не мечтала попасть въ ученую корпорацію, даже въ общество Аркадіи въ Римѣ, куда я могла быть зачислена за нѣсколько дукатовъ. Я кончила письмо почти въ двѣнадцать часовъ ночи, такъ что было поздно посылать его къ императрицѣ, но, сгорая отъ нетерпѣнія покончить съ этимъ дѣломъ и добиться, чтобы императрица бросила свою затѣю, которую я считала просто нелѣпой, я поѣхала къ князю Потемкину, никогда прежде не пере-

ступивъ порога его дома. Я велѣла доложить о себѣ и просила меня принять по очень важному дѣлу, даже если онъ въ постели. Дѣйствительно, князь Потемкинъ уже лежалъ; я разсказала все происшедшее между мной и императрицей, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что императрица уже сообщила ему объ этомъ, и что она прониклась мыслью поручить мнѣ управленіе академіей наукъ.

— Но я не хочу и не могу на это согласиться,—отвѣтила я. -Я написала ей письмо; прочтите его, князь, и прикажите передать его императрицѣ, какъ только она проснется.

Князь Потемкинъ, прочитавъ письмо, разорвалъ его на-четверо. Меня подобная безцеремонность привела въ негодованіе.

— Какъ вы смѣете, князь, рвать мое письмо къ императрицѣ?!—воскликнула я.

— Прежде, чѣмъ сердиться, выслушайте меня,—отвѣтилъ онъ.—Никто не сомнѣвается въ вашей любви къ императрицѣ; почему же вы хотите ее разсердить и огорчить? Я вамъ сказалъ, что она цѣлыхъ два дня только и мечтаетъ объ этомъ. Впрочемъ, если вы не дадите себя убѣдить, вамъ придется только принять на себя маленькій трудъ заново написать это письмо; вотъ вамъ и перо. Я говорю съ вами, какъ преданный вамъ человѣкъ; кромѣ того, долженъ сказать, что императрица смотритъ на это назначеніе, какъ на средство приблизить васъ къ себѣ и удержать въ Петербургѣ; ей надоѣли дураки, окружающіе ее.

Мой гнѣвъ на князя прошелъ, такъ какъ я вообще была отходчива; я отвѣтила ему, что напишу болѣе умѣренное письмо и велю своему лакею передать его черезъ камердинера императрицѣ; но попросила его помочь мнѣ изгнать изъ головы императрицы ея несообразную затѣю. Прощаясь съ княземъ, я выразила надежду, что онъ и впредь не откажетъ мнѣ въ своихъ услугахъ.

Вернувшись къ себѣ, я была такъ взволнована, что, не раздѣваясь, сѣла писать и такъ и просидѣла до утра въ придворномъ костюмѣ, раздумывая надъ случившимся наканунѣ. Въ семь часовъ утра я послала лакея во дворецъ и получила отвѣтъ отъ императрицы, въ которомъ она говорила мнѣ много любезностей, но ничего опредѣленнаго насчетъ моего отказа. Къ вечеру того же дня я получила письмо отъ графа Безбородко съ приложеніемъ копіи съ указа, уже отправленнаго въ Сенатъ, которымъ я назначалась директоромъ академіи наукъ и упразднялась комиссія, учрежденная съ нѣкоторыхъ поръ для управленія академіей, вслѣдствіе жалобъ на Домашнева профессоровъ и всѣхъ лицъ, служившихъ въ академіи. Смущенная и пораженная, я велѣла никого не принимать и, расхаживая по гостиной, стала размышлять надъ безпокойствомъ и хлопотами, которыя доставитъ мнѣ это мѣсто; что еще хуже, я предвидѣла, что между мной и императрицей возникнутъ неоднократныя недоразумѣнія. Графъ Безбородко писалъ мнѣ между прочимъ: «Ея величество приказала мнѣ сообщить вамъ, что вы можете докладывать ей о всѣхъ дѣлахъ, касающихся той части, въ управленіе которой вы вступаете, и что она будетъ всегда готова устранить всѣ препятствія и облегчить трудности, которыя вы встрѣтите на своемъ пути». Такимъ образомъ я очутилась запряженною въ возъ, совершенно развалившійся, и лишена была даже помощи вышеупомянутой комиссіи.

Я на свой страхъ рѣшила послать въ канцелярію академіи копію съ указа и приказала продолжать прежнее управленіе ею еще два дня и въ тотъ же день прислать мнѣ свѣдѣніе о всѣхъ отрасляхъ ея дѣятельности, о типографіи, словолитнѣ и т. п., списокъ фамилій всѣхъ лицъ, завѣдующихъ кабинетами, библіотекой и т. п.; кромѣ того я просила лицъ, стоящихъ во главѣ различныхъ отдѣловъ, приготовить мнѣ къ слѣдующему дню подробный рапортъ о состояніи ввѣренныхъ имъ отдѣловъ. Одновременно я просила комиссію сообщить мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія и ин-

струкцію или уставъ, опредѣляющіе права и обязанности директора, дабы я могла ихъ хорошенько усвоить, прежде чѣмъ приступить къ какой бы то ни было дѣятельности; наконецъ я увѣряла этихъ господъ, что считаю своимъ священнымъ долгомъ платить имъ дань уваженія, столь заслуженнаго ихъ талантами и учеными трудами, и просила ихъ передать то же самое своимъ коллегамъ.

Я надѣялась такимъ путемъ избѣгнуть крупныхъ недоразумѣній въ самомъ началѣ. На слѣдующій день я отправилась въ уборную императрицы, гдѣ собирались ея секретари и начальники отдѣльныхъ частей для полученія приказаній отъ ея величества. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла среди нихъ и Домашнева! Онъ подошелъ ко мнѣ, изъявляя готовность преподать мнѣ наставленія насчетъ моей новой должности. Негодуя на его нахальство, я возможно вѣжливѣе объявила ему, что первѣйшей своей обязанностью ставлю славу и процвѣтаніе академіи и безпристрастіе къ ея членамъ, таланты которыхъ будутъ служить единственнымъ мѣриломъ для моего уваженія, и что въ моемъ полномъ невѣдѣніи, относительно подробностей управленія академіей, я прибѣгну къ просвѣщеннымъ совѣтамъ государыни, обѣщавшей мнѣ свое руководство. Въ ту минуту, когда онъ мнѣ что-то отвѣчалъ, императрица пріотворила дверь и, увидавъ насъ, закрыла ее снова и позвонила. Дежурный камердинеръ вошелъ къ императрицѣ и затѣмъ пригласилъ меня въ комнату государыни.

— Какъ я рада васъ видѣть,—сказала она мнѣ.—Скажите, пожалуйста, что вамъ говорилъ этотъ дуракъ Домашневъ.

— Онъ меня наставлялъ, ваше величество, какъ мнѣ себя вести въ новой должности, въ которой я окажусь еще невѣжественнѣе его, съ тою только разницей, что я буду строже слѣдить за тѣмъ, чтобы на мое безкорыстіе не упало и тѣни сомнѣнія. Не знаю, должна ли я благодарить ваше величество за это блестящее доказательство вашего высо-

каго мнѣнія обо мнѣ или выразить вамъ свое соболѣзнованіе по поводу необычайнаго шага, сдѣланнаго вами назначеніемъ меня директоромъ академіи наукъ.

Ея величество стала увѣрять, что она не только довольна своимъ выборомъ, но гордится имъ.

— Это очень лестно для меня, ваше величество,—возразила я,—но вы вскорѣ устанете водить слѣпого: я, круглая невѣжда,—во главѣ всѣхъ наукъ!

— Будетъ смѣяться надо мной,—отвѣтила государыня;—надѣюсь, что вы въ послѣдній разъ такъ говорите со мною.

По выходѣ моемъ изъ комнаты императрицы, гофмаршалъ сказалъ мнѣ, что императрица еще съ вечера приказала ему, въ случаѣ, если я пріѣду утромъ, пригласить меня къ обѣду къ маленькому столу императрицы и объявить, что мой кувертъ всегда будетъ накрытъ за этимъ столомъ, и что императрица не желаетъ стѣснять этимъ мою свободу дѣйствія, но всегда будетъ очень рада видѣть меня у себя за обѣдомъ. Меня поздравляли съ новой милостью императрицы, выразившейся въ назначеніи меня на столь важный постъ; другіе же, видя мое грустное лицо, были настолько деликатны, что не смущали меня своими поздравленіями. Но въ общемъ всѣ мнѣ завидовали, тѣмъ болѣе, что, глядя на мое безъискусственное поведеніе при дворѣ, меня считали женщиной весьма посредственной.

На слѣдующій день, въ воскресенье, ко мнѣ явились съ самаго утра всѣ профессора и служащіе въ академіи. Я объявила имъ, что на слѣдующій день буду въ академіи, и что если кому-нибудь понадобится видѣть меня по дѣлу, я прошу приходить въ какой имъ удобнѣе часъ и входить въ мою комнату безъ доклада. Вечеромъ я занялась чтеніемъ рапортовъ и постаралась освоиться немного съ лабиринтомъ, въ который мнѣ приходилось вступить съ твердымъ убѣжденіемъ, что каждая моя ошибка станетъ извѣстна всѣмъ и подвергнется жестокой критикѣ.

Я постаралась также запомнить имена главныхъ хранителей и на слѣдующій день передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ академію, я сдѣлала визитъ великому Эйлеру. Я называю его великимъ потому, что онъ безспорно самый замѣчательный математикъ и геометръ нашихъ дней; кромѣ того онъ былъ знакомъ со всѣми науками, отличался трудолюбіемъ и, даже потерявъ зрѣніе, продолжалъ производить изслѣдованія и дѣлать открытія. Онъ диктовалъ свои произведенія мужу своей внучки, Фусу, и оставилъ послѣ себя матеріалы для Комментаріевъ, издаваемыхъ академіей, на нѣсколько лѣтъ. Онъ, какъ и всѣ, былъ недоволенъ порядками въ академіи, никогда не ѣздилъ туда и вмѣшивался въ ея дѣла исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда Домашневъ придумывалъ какой-нибудь особенно вредный проектъ; тогда онъ подписывался въ числѣ другихъ подъ протестомъ и иногда лично писалъ императрицѣ. Обѣщая не безпокоить его впослѣдствіи, я просила его поѣхать со мной въ академію на этотъ единственный разъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось, чтобы онъ меня ввелъ въ первую ученую конференцію подъ моимъ предсѣдательствомъ. Онъ былъ очень польщенъ моимъ вниманіемъ къ нему. Мы были съ нимъ знакомы уже давно и я беру на себя смѣлость утверждать, что, будучи еще очень молодой, за пятнадцать лѣтъ до моего назначенія въ академію, я уже пользовалась его расположеніемъ и уваженіемъ.

Онъ сѣлъ въ мою карету; я пригласила съ собой его сына, непремѣннаго секретаря академической конференціи, и его внука, Фуса, чтобы вести знаменитаго слѣпца. Войдя въ залу, гдѣ были собраны всѣ профессора и адъюнкты, я сказала имъ, что просила Эйлера ввести меня въ засѣданіе, такъ какъ, несмотря на собственное невѣжество, считаю, что подобнымъ поступкомъ самымъ торжественнымъ образомъ свидѣтельствую о своемъ глубокомъ уваженіи къ наукѣ и просвѣщенію. Я сказала эти нѣсколько словъ стоя и замѣтила, что Штелинъ, профессоръ аллегоріи, имѣвшій чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣт-

ника[1]), соотвѣтствующій чину генералъ-маіора, намѣревался сѣсть рядомъ съ директорскимъ кресломъ и слѣдовательно, опираясь на свой чинъ, полученный Богъ вѣсть за что, играть первую роль послѣ меня. Тогда я обратилась къ Эйлеру и попросила его сѣсть на любое мѣсто, такъ какъ какое бы мѣсто онъ ни избралъ, оно станетъ первымъ съ той минуты, какъ онъ его займетъ. Не только сынъ и внукъ, но и всѣ профессора, питавшіе глубокое уваженіе къ почтенному старцу, съ величайшей радостью услышали мои слова и на глазахъ ихъ навернулись слезы. Изъ залы засѣданій я пошла въ канцелярію, гдѣ вѣдались всѣ денежныя дѣла академіи. Тутъ были и завѣдующіе отдѣлами; я имъ сказала, что въ публикѣ распространено мнѣніе, что при прежнемъ директорѣ было много злоупотребленій, такъ что академія не только не обладала капиталомъ для чрезвычайныхъ расходовъ, но была обременена многими долгами; слѣдовательно, мы были обязаны совмѣстно исправить эти безпорядки и пользоваться самымъ простымъ и быстрымъ средствомъ къ тому, т. е. бережно хранить все имущество академіи, не расхищая и не портя его; твердо рѣшивъ сама не пользоваться ничѣмъ отъ академіи, я объявила, что не позволю это дѣлать и моимъ подчиненнымъ, вслѣдствіе чего благоразумнѣе всего будетъ каждому воздерживаться отъ пользованія имуществомъ академіи, такъ какъ всѣхъ слѣдующихъ этому принципу я найду возможнымъ вознаградить за ихъ усердіе и увеличить ихъ жалованье. Комментаріи, печатавшіеся сперва въ двухъ томахъ in quarto ежегодно, впослѣдствіи появлялись только въ одномъ томѣ, а затѣмъ и вовсе перестали печататься за неимѣніемъ шрифтовъ; въ типографіи царилъ полный безпорядокъ и она была очень скудно оборудована. Я ее быстро привела въ прекрасный видъ; достала отличные шрифты и выпустила два тома

---

[1]) Онъ получилъ этотъ чинъ при Петрѣ III, и можно смѣло сказать, что какъ его научныя знанія, такъ и чинъ и онъ самъ были дѣйствительно только аллегоріей.

Комментаріевъ, въ которыхъ большая часть статей принадлежала Эйлеру.

Князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ сената, спросилъ императрицу, слѣдуетъ ли ему привести меня къ присягѣ, какъ всѣхъ лицъ, вступающихъ въ административную должность. Императрица отвѣтила:

— Конечно, —я, вѣдь, не тайно назначила ее директоромъ; правда, я не нуждаюсь въ новыхъ подтвержденіяхъ ея вѣрности мнѣ и отечеству, но мнѣ эта церемонія доставитъ удовольствіе, такъ какъ торжественно и публично подтвердитъ ея назначеніе.

Князь Вяземскій прислалъ мнѣ сказать, черезъ своего секретаря, что онъ меня ждетъ на слѣдующій день въ сенатъ для приведенія меня къ присягѣ. Меня это очень смущало, но я не могла уклониться отъ обязанности, которая налагалась на всѣхъ лицъ, состоявшихъ на службѣ, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ чиновъ.

На слѣдующій день я отправилась въ сенатъ въ назначенный часъ; чтобы попасть въ церковь, надо было пройти черезъ залу засѣданій, гдѣ собрались всѣ сенаторы, и нѣкоторые изъ нихъ, знавшіе меня близко, встали и подошли ко мнѣ.

— Вы, вѣроятно, такъ же удивлены, какъ и я, — сказала я, — что я пришла сюда, чтобы присягать ея величеству въ вѣрности, когда эта клятва давно уже запечатлѣна въ моемъ сердцѣ; но надо повиноваться и не уклоняться отъ долга, предписаннаго всѣмъ безъ исключенія; потому-то и произошло чудо присутствія женщины въ этомъ святилищѣ.—Послѣ церемоніи (вслѣдствіе своей застѣнчивости въ подобныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ я была сильно смущена, такъ что обливалась холоднымъ потомъ и чувствовала спазмы) я попросила генералъ-прокурора сообщить мнѣ всѣ документы, посланные канцеляріей академіи въ сенатъ и относящіеся къ жалобамъ на бывшаго директора и его предпріятія, а также его объяснительныя и оправдательныя записки. Онъ обѣщалъ прислать ихъ мнѣ въ тотъ

же день. Только когда я ихъ прочла, мнѣ удалось хоть отчасти разобраться въ задачѣ, которую мнѣ предстояло выполнить. Мнѣ стоило большого труда отдѣлить такъ называемыя казенныя суммы отъ такъ называемыхъ спеціальныхъ, которыя подлежали внесенію въ соотвѣтствующія книги.

Академія была обременена долгами; между прочимъ она должна была за книги русскимъ, парижскимъ и голландскимъ книгопродавцамъ; такъ какъ я не хотѣла просить денегъ у ея величества, я понизила цѣну печатаемыхъ въ академіи книгъ на 30%, вслѣдствіе чего они въ короткое время разошлись въ значительномъ количествѣ. Я употребила деньги, полученныя такимъ способомъ, на уплату долговъ и представила въ сенатъ или, скорѣй, государственному казначею, т. е. тому же князю Вяземскому, запоздалый отчетъ по расходованію казенныхъ суммъ за прежніе года. Спеціальныя суммы состояли въ исключительномъ распоряженіи директора, такъ какъ онъ, собственно говоря, создавалъ ихъ и употреблялъ на покупку предметовъ, непредвидѣнныхъ при учрежденіи академіи, на награды и прочіе чрезвычайные расходы, которые нельзя было производить изъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе академіи. Этими суммами покрывался и дефицитъ, образовывающійся вслѣдствіе постояннаго вздорожанія всѣхъ предметовъ.

Я застала всего 17 учениковъ въ гимназіи и 21 обучавшихся искусствамъ подмастерьевъ, которые содержались на счетъ академіи. Число первыхъ повысилось при мнѣ до 50, а вторыхъ—до сорока. Я удержала въ академіи Фуса, собиравшагося ее покинуть, и удвоила жалованье ему и Георги. На слѣдующій годъ я увеличила содержаніе всѣмъ профессорамъ и открыла три безплатныхъ курса: математики, геометріи и естественной исторіи; они читались русскими профессорами, которые получали за это 200 р. изъ спеціальныхъ средствъ по окончаніи лекцій. Я часто присутствовала при лекціяхъ и съ удовольствіемъ видѣла, что

ими пользовались для пополненія своего образованія дѣти бѣдныхъ русскихъ дворянъ и молодые гвардіи унтеръ-офицеры.

Въ концѣ зимы князь Потемкинъ отправился въ армію и взялъ съ собою моего сына, который ѣхалъ съ нимъ въ одной каретѣ. Князь обходился съ нимъ дружески и внимательно; въ Бѣлоруссіи онъ даже сдѣлалъ крюкъ, чтобы убѣдиться самому, что представляетъ изъ себя Круглое; одни считали, что императрица, пожаловавъ мнѣ его, подарила мнѣ громадное состояніе; другіе же оцѣнивали его довольно низко. Князь Потемкинъ написалъ мнѣ изъ Круглаго, утѣшая меня тѣмъ, что со временемъ можно будетъ поднять доходность этихъ земель, и приказалъ бригадиру Бауеру, управлявшему имѣніями князя по сосѣдству съ Круглымъ, привести его въ порядокъ и составить планъ тѣхъ улучшеній, которыми доходы съ него могли бы быть увеличены. «Впрочемъ, писалъ мнѣ князь, есть здѣсь село, носящее ваше имя (Дашково); вы могли бы его получить, чтобы восполнить дефицитъ въ числѣ душъ, пожалованныхъ вамъ указомъ». Мнѣ, дѣйствительно, легко было бы получить эту землю, такъ какъ польскій король, считавшій себя обязаннымъ моему покойному мужу, могъ бы легко уладить это дѣло между своей сестрой, владѣвшей ею пожизненно, и тѣмъ лицомъ, къ которому она перешла бы послѣ ея смерти; оно не было наслѣдственно ни той, ни для другого. Но князь Потемкинъ не пожелалъ, чтобы я писала объ этомъ ни королю, ни графу Штакельбергу, нашему послу въ Польшѣ; онъ хотѣлъ самъ устроить это дѣло и въ результатѣ я не получила ни Дашкова, ни вознагражденія за недостающія въ Кругломъ души, такъ какъ не обратилась даже за этимъ въ сенатъ.

Разлука съ сыномъ была для меня весьма тягостной; я не могла привыкнуть къ его отсутствію, но такъ какъ я всегда въ теченіе всей своей жизни жертвовала собственными радостями пользѣ моихъ дѣтей, я согласилась на его отъѣздъ въ армію, въ виду того, что его пребываніе въ ней

могло принести ему не малыя служебныя выгоды. Онъ часто писалъ мнѣ. Князь Потемкинъ относился къ нему чрезвычайно благосклонно, вызывая этимъ удивленіе всѣхъ, знавшихъ его легкомысленный характеръ, избалованный удачей и успѣхами. Въ общемъ я была спокойна духомъ, но меня утомляли множество подробностей въ управленіи академіей, неустанныя улучшенія и главнымъ образомъ измышленіе и примѣненіе способовъ для прекращенія хищенія, проникнувшаго въ академію и систематически совершавшагося въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

На слѣдующее лѣто, ихъ императорскія высочества, великій князь Павелъ и его супруга, возвратились изъ своего путешествія за-границу. Я очень рѣдко ѣздила къ ихъ двору, подъ предлогомъ, что я посвящала все свое время исполненію моихъ директорскихъ обязанностей и что стрѣльнинскій дворецъ, гдѣ императрица позволила мнѣ поселиться на лѣто (моя дача совершенно развалилась), былъ такъ далекъ отъ Гатчины, что поѣздка туда представляла цѣлое путешествіе. Ихъ императорскія высочества приглашали къ себѣ всѣхъ извѣстныхъ въ обществѣ лицъ; у нихъ гостили по нѣскольку дней; хозяева обращались со всѣми вѣжливо и любезно, такъ что меня увѣряли даже, что приглашенные чувствовали себя тамъ совсѣмъ свободно. Ея высочество настойчиво приглашала меня къ себѣ, но я просила ей передать, что, конечно, не менѣе другихъ находила бы удовольствіе въ пріятной жизни въ Гатчинѣ, но что я была увѣрена, что въ Царскомъ Селѣ было извѣстно все, что дѣлается тамъ, и потому, лишая себя удовольствія посѣщать дворъ ихъ высочествъ, я тѣмъ самымъ не давала императрицѣ возможности разспрашивать меня о немъ, а у великаго князя отнимала всякій поводъ подозрѣвать меня въ сплетняхъ; я прибавила, что никакіе милліоны не заставятъ меня становиться между матерью и сыномъ и что ея высочество, вдумавшись въ мой образъ дѣйствій, несомнѣнно почтитъ меня своимъ уваженіемъ. Въ теченіе десяти лѣтъ мое поведеніе ни на іоту не от-

клонилось отъ принятаго мною принципа: я бывала у ихъ высочествъ только въ торжественные дни, когда къ нимъ ѣздилъ весь дворъ. Императрица не разспрашивала меня о томъ, что тамъ происходитъ, зная, что я не бываю въ Гатчинѣ, и если иногда и случалось, что государыня, будучи недовольна сыномъ, сообщала мнѣ причину своего гнѣва, я неизмѣнно выражала свое недоумѣніе, что она впутываетъ въ ихъ ссору третье лицо, когда она могла быть увѣрена въ его послушаніи, если сообщитъ ему лично свое мнѣніе.

Этотъ твердый и честный образъ дѣйствій въ результатѣ не доставилъ мнѣ даже покоя; читатель увидитъ ниже, что Павелъ I преслѣдовалъ и мучилъ меня наравнѣ съ лицами, по его мнѣнію обидѣвшими или оскорбившими его.—Графъ Андрей Шуваловъ вернулся изъ Парижа и ему вскорѣ удалось настроить фаворита Ланского враждебно противъ меня и моего сына. Однажды мы говорили съ императрицей о томъ, съ какой легкостью можно достать въ Италіи отличныя копіи съ произведеній искусствъ, и я выразила сожалѣніе, что въ Россіи нельзя получить бюстъ ея величества, который мнѣ такъ хотѣлось имѣть. Императрица велѣла лакею принести свой бюстъ, сдѣланный знаменитымъ русскимъ художникомъ Шубинымъ, и подарила мнѣ его. Увидѣвъ это, Ланской воскликнулъ:

— Но вѣдь это бюстъ мой, вѣдь онъ мнѣ принадлежитъ!

Императрица увѣряла его, что онъ ошибается, и во время этого маленькаго спора онъ злобно посматривалъ на меня, а я бросила на него презрительный взглядъ.—Съ тѣхъ поръ ея величество всегда прерывала его и прекращала споры, которые онъ любилъ затѣвать со мной. Вскорѣ генералъ-прокуроръ Вяземскій сталъ внушать мнѣ отвращеніе къ моей директорской должности. То онъ оставлялъ безъ вниманія представленія, которыя я дѣлала въ сенатъ о повышеніи лицъ, заслуживавшихъ награды; то не присылалъ мнѣ нужныхъ свѣдѣній насчетъ границъ губерній, когда я хотѣла издавать исправленныя карты ихъ;

наконецъ онъ осмѣлился спросить казначея академіи, почему онъ не приноситъ ежемѣсячно вмѣстѣ съ отчетами о расходахъ казенныхъ суммъ и отчеты суммъ специальныхъ. Я немедленно же написала императрицѣ и просила ее прислать мнѣ отставку, такъ какъ князь Вяземскій желаетъ установить отчетность, не существовавшую съ самаго основанія академіи, даже при моемъ предшественникѣ, котораго подозрѣвали въ злоупотребленіяхъ; я напоминала государынѣ, что вслѣдствіе моихъ усиленныхъ просьбъ она разрѣшила мнѣ представлять ей отчетъ специальныхъ суммъ и что ея величество изволила удивляться моему искусному распредѣленію ихъ и тѣмъ мѣрамъ, которыми я ихъ увеличила; слѣдовательно я не могла позволить генералъ-прокурору захватывать права директора въ столь существенной для процвѣтанія академіи отрасли и еще менѣе—набрасывать тѣнь на мое безкорыстіе.

Князь Вяземскій получилъ выговоръ и императрица просила меня забыть его глупую выходку. Онъ былъ трудолюбивъ и аккуратенъ, но необразованъ и злопамятенъ и мстилъ мнѣ за то, что я приняла къ себѣ на службу людей, которыхъ онъ преслѣдовалъ и увольнялъ съ занимаемыхъ ими должностей, лишая ихъ тѣмъ куска хлѣба.

Я вызвала его враждебное отношеніе къ себѣ еще другимъ обстоятельствомъ. Въ академіи издавался новый журналъ, въ которомъ сотрудничали императрица и я. Совѣтникъ Козодавлевъ и другія лица, служившія подъ моимъ начальствомъ, помѣстили въ немъ нѣсколько статей въ прозѣ и стихахъ; Вяземскій принялъ на свой счетъ и на счетъ своей супруги сатирическія произведенія, въ особенности когда онъ узналъ, что въ журналѣ сотрудничаетъ Державинъ. Онъ одно время преслѣдовалъ Державина и лишилъ его мѣста вице-губернатора и потому думалъ, что тотъ отомститъ ему, изображая его въ своихъ стихахъ, которые читались всѣми съ жадностью, такъ какъ Державинъ былъ извѣстный и талантливый поэтъ. Мнѣ пришлось испытать по этому поводу много непріятностей. Князь Вяземскій

старался, насколько могъ, чинить мнѣ препятствія въ моихъ полезныхъ начинаніяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли даже общественное значеніе, какъ напр. новыя точныя карты цѣлыхъ провинцій, измѣнившихъ свои границы послѣ раздѣленія Россіи на губерніи [1]).

Онъ не только не сообщалъ мнѣ нужныхъ свѣдѣній, но задерживалъ и тѣ, которыя губернаторы присылали мнѣ по моей просьбѣ. Мнѣ не хотѣлось постоянно надоѣдать императрицѣ своими жалобами и я старалась терпѣливо выносить всѣ эти невзгоды.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ мой сынъ вернулся курьеромъ изъ арміи съ извѣстіемъ о завоеваніи Крыма. Моя радость неожиданнаго свиданія съ нимъ была неописуема. Онъ пробылъ всего нѣсколько дней и снова уѣхалъ въ армію съ чиномъ полковника. Эта милость императрицы осчастливила меня особенно потому, что мой сынъ, получивъ этотъ чинъ, выходилъ изъ гвардіи, слѣдовательно не былъ обязанъ жить въ Петербургѣ и имѣлъ возможность обнаружить свои таланты, командуя полкомъ. Однажды я гуляла съ императрицей въ саду въ Царскомъ Селѣ; разговоръ коснулся красоты и богатства русскаго языка. Я выразила удивленіе, что императрица, будучи сама писательницей и любя нашъ языкъ, не основала еще Русской академіи, необходимой намъ, такъ какъ у насъ не было ни установленныхъ правилъ, ни словарей, вслѣдствіе чего намъ приходилось употреблять иностранные термины и

---

[1]) Эта мудрая мѣра, достойная Великой Екатерины, ввела порядокъ и цивилизацію внутри Имперіи. Появились безопасныя и удобныя дороги, вслѣдствіе чего оживилась внутренняя торговля; суды дѣйствовали на мѣстахъ, такъ что ищущимъ справедливости не приходилось ѣздить за ней за 2—3 тысячи верстъ въ столицу. Города украсились. Государыня велѣла построить на свой счетъ въ главныхъ городахъ губерній великолѣпные дворцы для губернаторовъ и для судебныхъ установленій. Она выстроила красивые соборы; чрезъ учрежденіе гражданской внутренней полиціи водворились порядокъ и безопасность, которыя судебныя установленія не въ силахъ были поддерживать вслѣдствіе отдаленности ихъ другъ отъ друга.

слова, между тѣмъ, какъ соотвѣтствующія имъ русскія выраженія были гораздо сильнѣе и ярче.

— Не знаю, какъ это случилось,—отвѣтила государыня,—такъ какъ я уже нѣсколько лѣтъ мечтаю объ этомъ и даже сдѣлала насчетъ этого нѣкоторыя распоряженія.

— А вмѣстѣ съ тѣмъ это очень легко сдѣлать, такъ какъ за границей есть нѣсколько образцовъ подобныхъ академій, и надо только выбрать.

— Составьте мнѣ, пожалуйста, программу, — сказала императрица.

— Не лучше ли,—возразила я,—вашему величеству приказать вашему секретарю представить вамъ планъ французской, берлинской и другихъ академій съ примѣчаніями относительно измѣненій или урѣзокъ примѣнительно къ подобной академіи въ Россіи.

— Я еще разъ очень прошу васъ взять на себя этотъ трудъ; тогда я буду увѣрена, что, благодаря вашей дѣятельности, не затянется это дѣло, которое, къ стыду моему, еще не приведено въ исполненіе.

— Трудъ невеликъ, ваше величество, и я постараюсь его исполнить возможно скорѣй, но осмѣливаюсь еще разъ указать вашему величеству, что любой изъ вашихъ секретарей справится съ этой задачей лучше меня.

Такъ какъ мнѣ не удалось разубѣдить императрицу, то приходилось повиноваться. Вернувшись вечеромъ къ себѣ, я набросала краткій планъ учрежденія академіи русскаго языка. Каково было мое удивленіе, когда мнѣ вернули мой далеко несовершенный набросокъ, сдѣланный мною наскоро, съ цѣлью доставить удовольствіе императрицѣ, утвержденный подписью государыни, какъ продуманный и окончательный уставъ; онъ сопровождался копіей съ указа, которымъ государыня назначала меня президентомъ этой новой академіи. Копія указа была одновременно послана въ Сенатъ, чѣмъ императрица какъ бы показывала, что и слышать не хочетъ объ отказѣ съ моей стороны.

Черезъ два дня я вернулась въ Царское Село и тщетно пыталась уговорить императрицу выбрать другого президента. Тогда я сказала ей, что у меня уже готовы и суммы, необходимыя на содержаніе русской академіи, и что ей придется только купить для нея домъ; она была особенно довольна и удивлена, когда я сказала, что на содержаніе академіи хватитъ тѣхъ 5000 р., которые она выдавала каждый годъ изъ своей шкатулки на переводы на русскій языкъ классическихъ авторовъ.

— Но я все-таки желала бы,—возразила она,—чтобы эти переводы были сдѣланы.

— Они и будутъ производиться,—отвѣтила я,—ими будутъ заниматься ученики Академіи Наукъ подъ руководствомъ русскихъ профессоровъ; такимъ образомъ эти 5000 р. будутъ примѣнены съ пользой; прежде директора никому не отдавали въ нихъ отчета, и, судя по немногочисленности изданныхъ переводовъ, они по всей вѣроятности смотрѣли на нихъ, какъ на свои карманныя деньги; однако надо учредить жетоны или одну или двѣ медали въ видѣ награды тѣмъ, кто болѣе всего потрудится въ новой академіи. Я буду имѣть счастье представить вамъ штаты и необходимые расходы, и тогда видно будетъ, останутся ли еще деньги на жетоны и медали. Я, дѣйствительно, представила императрицѣ смѣту, назначивъ жалованье двумъ секретарямъ по 900 р. каждому, двумъ переводчикамъ по 450 р.; кромѣ того я намѣтила должности казначея и четырехъ сторожей—для топки и уборки зданія; содержаніе штата достигало цифры 3300 р.; остальные 1700 р. предназначались на покупку дровъ, бумаги и книгъ, которыя должны были пріобрѣтаться ежегодно въ небольшомъ количествѣ, а пока я предложила пользоваться моей собственной библіотекой [1]). На жетоны и на медали денегъ не оставалось, такъ что императрица назначила 1250 р. въ

---

[1]) Однако черезъ 10 лѣтъ у академіи была уже своя довольно большая библіотека.

годъ на покупку ихъ. Государыня казалась обрадованною и даже еще болѣе удивленною моею смѣтою, такъ какъ она привыкла, что въ представляемыхъ ей смѣтахъ не былъ забытъ и президентъ и ему назначено было большое жалованье; я же не назначила себѣ ни копѣйки, и это полезное учрежденіе стоило только лишь 1250 руб., которые ея величество предназначила на жетоны и медали. Я покончу тутъ съ русской академіей, отославъ читателей (если это ихъ интересуетъ) къ послѣднему моему отчету, представленному императрицѣ, и скажу только, что на деньги, не выданныя за послѣдніе три года директорства Домашнева на переводы, т. е. на 15000 руб., я выстроила (прибавивъ къ нимъ еще небольшую сумму изъ спеціальныхъ средствъ) два флигеля во дворѣ дома, купленнаго намъ императрицей, которые я отдавала въ наймы за 1950 руб. Императоръ Павелъ велѣлъ отнять этотъ домъ и флигеля, выстроенные мною, и взамѣнъ далъ участокъ земли, на которой стояла только кузница. Я оставила, уходя изъ академіи, капиталъ въ 49000 р., сданный въ воспитательный домъ, домъ, обставленный мебелью, значительную библіотеку, доходы, увеличенные на 1950 р. въ годъ, и законченный и изданный словарь; все это было сдѣлано въ теченіе 11 лѣтъ.

Не могу покончить съ русской академіей, не сказавъ, что у меня по поводу ея было много непріятностей при дворѣ. Просвѣщенная часть общества отдавала мнѣ справедливость и сознавала, что учрежденіе русской академіи и быстрота, съ какой двигалось составленіе перваго у насъ словаря, стояла въ зависимости исключительно отъ моего патріотизма и моей энергіи. Но придворная партія находила, что словарь, расположенный въ словопроизводномъ порядкѣ, былъ очень неудобенъ, и сама императрица не разъ спрашивала меня, почему мы не составляли его въ алфавитномъ порядкѣ. Я сказала ей, что второе изданіе, которое появится черезъ три года послѣ перваго, будетъ издано въ алфавитномъ порядкѣ, но что первый словарь ка-

кого-нибудь языка долженъ быть этимологическій, такъ какъ долженъ отыскивать и объяснять корни и происхожденіе словъ. Не знаю, почему императрица, способная обнять самыя высокія мысли, не понимала меня. Мнѣ это было очень досадно, и какъ мнѣ ни было непріятно оглашать мнѣніе императрицы о нашемъ словарѣ, я рѣшила обсудить его въ первомъ нашемъ засѣданіи, исключивъ однако много мелкихъ вопросовъ, которыми меня постоянно осаждали; всѣ члены академіи, какъ я и ожидала, единогласно рѣшили, что первый словарь не можетъ быть составленъ иначе, а что вторично онъ будетъ изданъ полнѣе и въ алфавитномъ порядкѣ. Я передала императрицѣ рѣшеніе академиковъ и ихъ мотивы, но императрица не отказалась отъ своего мнѣнія. Она занималась въ то время составленіемъ также чего-то въ родѣ словаря, редактируемаго Палласомъ [1]). Это былъ словарь девяноста или ста языковъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли всего двадцать словъ, напримѣръ: небо, земля, вода, отецъ, мать и т. п.; это ненужное и странное произведеніе внушало мнѣ отвращеніе, хотя всѣ его и расхваливали, какъ чудесный словарь. Чтобы отдохнуть отъ всего этого, я переѣхала на дачу (я выстроила тамъ каменный домъ) и совершенно отказалась отъ выѣздовъ и пріемовъ. Академія требовала отъ меня столько работы, что у меня совершенно не оставалось свободнаго времени. На мою долю выпала обязанность собрать всѣ слова, начинающіяся на извѣстныя три буквы алфавита; каждую субботу мы собирались для отысканія корней словъ, собранныхъ такимъ образомъ всѣми членами академіи. Кромѣ того я каждую не-

[1]) Этотъ ученый пріобрѣлъ извѣстность своими описаніями путешествій по Россіи и своими познаніями въ естественной исторіи; но онъ былъ безнравственный, безпринципный и корыстный человѣкъ; изданіе книги, которую онъ въ угоду императрицѣ называлъ словаремъ, онъ вогналъ болѣе чѣмъ въ 20 тыс. р., не считая того, что стоила кабинету посылка курьеровъ въ Сибирь, на Камчатку, въ Испанію, Португалію и т. п. для отысканія нѣсколькихъ словъ какихъ-то неизвѣстныхъ и бѣдныхъ нарѣчій.

дѣлю ѣздила на нѣсколько дней въ Царское Село. Такъ было занято все мое время.

Зимой мой сынъ получилъ двухмѣсячный отпускъ; я ему передала актомъ, скрѣпленнымъ ея величествомъ, состояніе его отца, оставивъ себѣ небольшую часть его; такимъ образомъ я сняла съ себя обязанность управленія имъ. Онъ получилъ больше, чѣмъ сколько отецъ его оставилъ мнѣ и обоимъ дѣтямъ, и у него не было ни копѣйки долгу, такъ что я могла сказать другимъ и, что еще важнѣе, самой себѣ, что я недурно справилась съ задачей опекунши и управительницы всѣхъ имѣній, которыя остальные опекуны оставили всецѣло на моемъ попеченіи.

Лѣтомъ слѣдующаго года пріѣхала m-me Гамильтонъ. Не съумѣю выразить, какое счастье мнѣ доставилъ пріѣздъ этого любимаго и почтеннаго друга. Вслѣдствіе особой милости императрицы, она была представлена ей въ Царскомъ Селѣ, гдѣ иностранцевъ обыкновенно не принимали.

Я испросила трехмѣсячный отпускъ и повезла m-me Гамильтонъ въ Москву. Она осмотрѣла всѣ достопримѣчательности этого интереснаго города и его окрестностей; затѣмъ мы поѣхали въ мое любимое имѣніе, Троицкое, гдѣ мнѣ такъ хотѣлось жить и умереть. Меня привело въ восторгъ, что моей пріятельницѣ понравилась красивая мѣстность, въ которой былъ расположенъ этотъ прелестный уголокъ, и что она, хотя какъ англичанка и видѣла чудные парки своей родины, одобрила и мой садъ, который былъ не только распланированъ мной, но гдѣ каждое дерево и каждый кустъ были посажены по моему выбору и на моихъ глазахъ.

Изъ Троицкаго мы поѣхали въ мое помѣстье въ Бѣлоруссіи, подъ Могилевомъ, пожалованное мнѣ императрицей. Такимъ образомъ моя подруга увидѣла часть губерній Московской, Калужской, Смоленской и Могилевской. Въ концѣ осени мы вернулись въ Петербургъ. Въ это время разсматривались въ академіи сочиненія, присланныя разными

учениками и написанныя на заданныя академіей темы; за первыя два лучшихъ сочиненія академія выдавала преміи. Я не любила появляться въ научныхъ конференціяхъ; тѣмъ болѣе мнѣ было непріятно предсѣдательствовать въ публичномъ засѣданіи; но я уступила усиленнымъ просьбамъ m-me Гамильтонъ, которой непремѣнно хотѣлось видѣть, какъ я отправляю свои директорскія обязанности. День, назначенный для раздачи премій, былъ объявленъ заранѣе въ газетахъ и публики собралось очень много. Были иностранные министры и даже дамы; я сказала очень короткую рѣчь; хотя она продолжалась не болѣе пяти—шести минутъ, но мнѣ чуть не сдѣлалось дурно, такъ какъ смущеніе, всегда охватывавшее меня въ подобныхъ случаяхъ, и тутъ не пощадило меня; потъ выступалъ крупными каплями и мнѣ нѣсколько разъ пришлось отпить изъ приготовленнаго для меня стакана съ холодной водой. Конецъ засѣданія былъ для меня самымъ пріятнымъ моментомъ и съ тѣхъ поръ я никогда не предсѣдательствовала въ публичныхъ конференціяхъ.

До насъ дошла вѣсть о смерти отца Щербинина. Одна коварная подруга моей дочери, въ надеждѣ легче выманивать отъ нея деньги и драгоцѣнности, когда она не будетъ со мной, посовѣтовала ей сойтись съ мужемъ и написать по этому случаю Щербинину. Она такъ и сдѣлала; когда я объ этомъ узнала, я не сочла себя въ правѣ противиться ея рѣшенію, опираясь на свой материнскій авторитетъ, но со слезами и съ самой безграничной нѣжностью просила ее остаться со мной. Отъ горя, граничившаго съ отчаяніемъ, я заболѣла; зная расточительность своей дочери, я предвидѣла роковыя послѣдствія ея шага и предсказала все, что случилось съ тѣхъ поръ. Она обѣщала мнѣ не оставаться въ Петербургѣ и жить либо съ родными своего мужа, либо въ имѣніи. Я очень расхворалась; судороги и рвота причинили мнѣ разрывъ у пупка (une rupture dans le nombril), и я вскорѣ такъ ослабѣла, что моя сестра и m-me Гамильтонъ боялись за мою жизнь. Я не узнавала

улицъ, когда меня возили кататься, и, не помня ничего, кромѣ горя, доставленнаго мнѣ дочерью, все время говорила объ ожидающихъ ее несчастіяхъ. Однажды моя сестра и моя подруга повезли меня на мою дачу по Анненгофской дорогѣ; мы вышли изъ экипажа въ лѣсу, граничащемъ съ моей землей. Въ этой части моего имѣнія построекъ не было и стояли только ворота, сколоченныя изъ двухъ балокъ и поперечной перекладины. Карета ѣхала впереди; моя сестра и m-me Гамильтонъ шли пѣшкомъ за ней; я немного отстала отъ нихъ и въ ту минуту, какъ я входила въ ворота, на меня обрушилась верхняя балка. На крикъ моей сестры сбѣжались мои люди, собиравшіе грибы въ лѣсу; я сѣла на землю и, уговаривая моихъ спутницъ успокоиться, сняла шляпу, которая кажется меня и защитила, и попросила ихъ посмотрѣть, не раздробленъ ли у меня черепъ, такъ какъ я чувствовала сильную боль въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня ушибла балка. Наружныхъ признаковъ ушиба не было. Моя подруга настаивала, однако, на томъ, чтобы мы поскорѣе вернулись въ городъ посовѣтоваться съ докторомъ Роджерсономъ; я же находила, что мнѣ полезнѣе будетъ пройтись пѣшкомъ, чтобы возстановить правильное кровообращеніе. Вернувшись въ городъ, мы послали за докторомъ и онъ съ безпокойствомъ спросилъ меня, не чувствую ли я тошноты. Я улыбаясь отвѣтила ему, что тошнота у меня была, но что врядъ ли ему придется производить трепанацію, такъ какъ меня очевидно оберегаетъ какой-то геній, который заставляетъ меня жить вопреки моей волѣ и всевозможнымъ обстоятельствамъ. Дѣйствительно, ушибъ не повлекъ за собой никакихъ послѣдствій. Повидимому, физическія страданія не въ силахъ были меня погубить. Какъ пріятно было бы, если бы я такъ же хорошо была защищена отъ нравственныхъ мукъ! Мое разстроенное здоровье возстановлялось понемногу. Отъѣздъ моей подруги лѣтомъ слѣдующаго года повергъ меня въ уныніе, которое мнѣ удавалось побѣдить только безпрерывной дѣятельностью, то зани-

маясь дѣлами обѣихъ академій, то слѣдя за постройками у меня на дачѣ. Я даже работала съ каменщиками, выводя стѣны своего дома.

Слѣдующей зимой мой сынъ пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ съ княземъ Потемкинымъ. Возобновились нелѣпые слухи о томъ, что онъ будетъ фаворитомъ; однажды племянникъ князя Потемкина, Самойловъ, пріѣхалъ къ намъ и спросилъ, дома ли князь Дашковъ; его не оказалось дома; тогда Самойловъ поднялся ко мнѣ и послѣ нѣсколькихъ подготовительныхъ фразъ сообщилъ, что князь Потемкинъ желалъ бы видѣть у себя моего сына въ послѣ-обѣденное время, давая мнѣ понять, что его посѣщеніе будетъ имѣть особенные результаты. Я отвѣтила ему, что все сказанное имъ меня не касается и что онъ, вѣроятно, обязанъ передать это князю Дашкову, и прибавила, что я слишкомъ люблю императрицу, чтобы препятствовать тому, что можетъ доставить ей удовольствіе, но изъ уваженія къ самой себѣ не стану принимать участіе въ подобныхъ переговорахъ, и если мой сынъ [1]) когда-нибудь и сдѣлается фаворитомъ, я воспользуюсь его вліяніемъ только одинъ разъ, а именно, чтобы добиться отпуска на нѣсколько лѣтъ и разрѣшенія уѣхать за границу.

Когда отпускъ моего сына пришелъ къ концу, онъ уѣхалъ въ армію и, разлучаясь съ нимъ, я не такъ сильно горевала, такъ какъ съ его отъѣздомъ само собой прекратились всѣ эти предположенія. Лѣтомъ ея величество поѣхала въ Финляндію. Она такъ любезно и дружески просила меня сопровождать ее, какъ будто я этимъ приносила ей большую жертву, между тѣмъ какъ я была очень рада увидѣть Финляндію и вообще совершить поѣздку, надѣясь разсѣять ею мою грусть. Король шведскій долженъ былъ пріѣхать въ Фридрихсгамъ; мнѣ интересно

---

[1]) Въ то время онъ усердно ухаживалъ за госпожей Н. и связь ихъ не была тайной ни для кого.

было познакомиться съ нимъ и сравнить его съ герцогомъ Зудерманландскимъ, котораго я хорошо знала. Свиданіе двухъ просвѣщенныхъ, родственныхъ и сосѣднихъ государей обѣщало быть очень интереснымъ и я съ удовольствіемъ повиновалась желанію государыни, чтобы я ей сопутствовала.

Въ день нашего отъѣзда меня посѣтилъ шведскій повѣренный въ дѣлахъ, замѣнявшій Нолькена, получившаго отпускъ для того, чтобы поѣхать навстрѣчу королю. Онъ сообщилъ мнѣ, что король намѣревается возложить на меня крестъ ордена du Mérite, и съ удовольствіемъ узналъ о томъ, что я сопровождаю императрицу, такъ какъ давно уже желалъ со мной познакомиться.

— Мнѣ очень лестно слышать это,—возразила я;—но я умоляю васъ отговорить его величество отъ награжденія меня орденомъ: во 1-хъ потому что я простушка и меня смущаетъ и та лента, которую я ношу; во 2-хъ это отличіе, никогда еще не дарованное женщинѣ, надѣлаетъ мнѣ еще больше враговъ и возбудитъ всеобщую зависть, не доставляя мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ большого удовольствія.—Въ заключеніе, я попросила его увѣрить его величество, что глубоко цѣню его милость ко мнѣ и рѣшаюсь отказываться отъ нея только потому, что питаю безграничное уваженіе и довѣріе къ его просвѣщенному уму. Мы вечеромъ переѣхали на лодкахъ черезъ Неву на такъ называемую Выборгскую сторону, гдѣ насъ размѣстили по разнымъ улицамъ города; на мою долю пришелся очень хорошенькій и, главное, чистенькій домикъ. На слѣдующій день императрицѣ представились судья, администраторы и дворяне и она приняла ихъ съ той добротой и лаской, какою она привлекала къ себѣ всѣ сердца. Я не люблю подробно описывать свои путешествія и кое-что пропускаю; я забыла упомянуть, что мы провели ночь въ одномъ изъ императорскихъ имѣній въ очень комфортабельномъ дворцѣ. Я забыла также сказать, кто составлялъ свиту императрицы. Изъ женщинъ была я одна; кромѣ меня въ каретѣ ея величества были

фаворитъ Ланской, графъ Иванъ Чернышевъ, графъ Строгановъ и Чертковъ, такъ что всѣхъ насъ было шесть. Остальная свита состояла изъ оберъ-егермейстера Нарышкина, статсъ-секретаря графа Безбородко, управляющаго кабинетомъ Стрекалова и двухъ камергеровъ, посланныхъ впередъ на границу для встрѣчи короля. На слѣдующій день вечеромъ мы пріѣхали въ Фридрихсгамъ, гдѣ насъ размѣстили менѣе удобно; король пріѣхалъ только черезъ день. Его повели сперва въ покои императрицы; его свита осталась въ смежной комнатѣ и ее представили мнѣ. Мы познакомились, и когда появились оба монарха, императрица представила меня королю. Обѣдъ прошелъ очень оживленно; императрица имѣла послѣ обѣда еще одно частное совѣщаніе съ королемъ, что повторялось каждый день во время нашего пребыванія въ Фридрихсгамѣ.

У меня сложилось твердое убѣжденіе, что коронованныя особы не бываютъ искренни другъ съ другомъ; мнѣ даже кажется, что, несмотря на обоюдную любезность и на просвѣщенный умъ, онѣ въ концѣ концовъ становятся въ тягость другъ другу, такъ какъ общеніе между ними отягчается и усложняется политикой. На третій день шведскій король подъ именемъ графа Гаги пріѣхалъ ко мнѣ; я велѣла сказать, что меня нѣтъ дома и вечеромъ разсказала объ этомъ императрицѣ, но она осталась этимъ недовольна; тогда я ей отвѣтила, что врядъ ли король найдетъ удовольствіе въ обществѣ такого простого и искренняго существа, какъ я, такъ какъ со времени своего путешествія въ Парижъ онъ превратился совершенно во француза. Однако, императрица просила меня принять короля на слѣдующій день и задержать его подольше, изъ чего я заключила, что ей хотѣлось избавиться отъ него на нѣсколько часовъ. Я повиновалась и приняла короля. Нашъ разговоръ былъ весьма интересенъ. Его величество былъ очень уменъ, образованъ и краснорѣчивъ, но онъ обладалъ и всѣми предразсудками, присущими коронованнымъ особамъ; къ тому же онъ былъ королемъ-путешественникомъ, т. е. имѣлъ совершенно лож-

ныя понятія о всемъ видѣнномъ имъ за границей, такъ какъ подобнымъ знатнымъ путешественникамъ показываютъ все съ лучшей стороны и все устроено и налажено такъ, чтобы производить самое лучшее впечатлѣніе. Путешествія монарховъ и ихъ наслѣдниковъ имѣютъ еще и ту дурную сторону, что, съ цѣлью заручиться ихъ расположеніемъ, не щадятъ лести и кажденія передъ ними. Возвратившись къ себѣ, они требуютъ отъ своихъ подданныхъ прямо обожанія и не довольствуются меньшимъ. Потому-то я всегда находила излишнимъ путешествія коронованныхъ особъ за границей и предпочитала, чтобы они ѣздили по своей странѣ, но безъ торжественности, которая бременемъ ложится не на дворъ, а на народъ, и съ твердымъ намѣреніемъ изучить все, касающееся каждой провинціи.

Во время нашего разговора я убѣдилась, что короля мистифицировали во Франціи и, впитывая въ себя расточаемую ему лесть, онъ слишкомъ благосклонно судилъ о странѣ и ея населеніи. Я не соглашалась съ королемъ, опираясь на оба мои пребыванія во Франціи и на свои путешествія внутри ея и въ сосѣднихъ странахъ, причемъ я полагала, что французамъ не стоило давать себѣ труда меня обманывать и потому они мнѣ позволили наблюдать жизнь, какою она была въ дѣйствительности. Знаменитый (своими несчастіями и гоненіями, которымъ онъ подвергся по смерти короля со стороны герцога Зудерманландскаго) графъ Армфельдъ часто соглашался со мной. Все-таки я была довольна, когда кончился этотъ визитъ и король отправился къ императрицѣ.

На слѣдующій день онъ уѣхалъ, одаривъ всю свиту императрицы. Онъ преподнесъ мнѣ лично въ знакъ особаго расположенія перстень съ его портретомъ, окруженнымъ большими бриліантами, совершенно уродовавшими кольцо. Мы тотчасъ же уѣхали изъ Фридрихсгама прямо въ Царское Село, куда пріѣхали за день до дня восшествія на престолъ императрицы, такъ что я уже не успѣла по-

ѣхать въ городъ. Я поспѣшила вынуть брилліанты изъ кольца шведскаго короля и окружила его портретъ маленькими жемчугами, а брилліанты подарила своей племянницѣ Полянской, которая пріѣхала въ числѣ другихъ фрейлинъ на праздникъ восшествія на престолъ.

По возвращеніи свиты въ Царское Село я подверглась нелѣпому нападенію со стороны фаворита Ланского. Въ качествѣ оберъ-гофмейстера князь Барятинскій получилъ приказаніе ежедневно посылать въ академію для напечатанія въ газетѣ отчетъ о нашемъ путешествіи, остановкахъ въ разныхъ городахъ, пріемахъ и т. п. Когда князь Барятинскій сообщилъ мнѣ объ этомъ, я отвѣтила, что все подписанное имъ будетъ напечатано безъ замедленія, что это давно уже мною приказано, равно какъ приказано помѣщать касательно нашего двора только статьи, за подписью князя или гофмаршала Орлова, не мѣняя въ нихъ ничего, даже ороографіи. Ланской объявилъ мнѣ, что петербургская газета въ этихъ отчетахъ послѣ императрицы упоминала только мое имя.

— Спросите объ этомъ князя Барятинскаго,—отвѣтила я;—я не писала и не редактировала этихъ отчетовъ; съ тѣхъ поръ, какъ я управляю академіей, въ газетѣ помѣщаются о нашемъ дворѣ исключительно статьи, подписанныя имъ или Орловымъ.

— Однако,—возразилъ онъ,—кромѣ императрицы упоминается только ваше имя.

— Я вамъ уже сказала, чтобы вы обратились къ князю Барятинскому за разъясненіемъ, почему ваши имена не помѣщены въ газетѣ; я не читала этихъ отчетовъ и вовсе не касалась ихъ.

Однако, Ланской все продолжалъ повторять то же самое. Меня это вывело изъ терпѣнія и я сказала:

— Знаете что, милостивый государь, какъ ни велика честь обѣдать съ государыней—и я ее цѣню по достоинству,—но она меня не удивляетъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышла изъ младенческихъ лѣтъ, я ею пользовалась. По-

койная императрица Елизавета была моей крестной матерью. Она бывала у насъ въ домѣ каждую недѣлю и я часто обѣдала у нея на колѣняхъ, а когда я могла сидѣть на стулѣ, я обѣдала рядомъ съ ней. Слѣдовательно, врядъ ли я стала бы печатать въ газетахъ о преимуществѣ, къ которому я привыкла съ дѣтства и которое мнѣ принадлежитъ по праву рожденія.

Я думала, что на этомъ нелѣпый разговоръ и закончится; ничуть не бывало, онъ настаивалъ на своемъ. Зала наполнялась приглашенными и я ему сказала очень громко, чтобы быть услышанной всѣми, что лицо, во всѣхъ своихъ поступкахъ движимое только честностью и ставящее цѣлью своей службы исключительно благо страны, можетъ и не пользоваться блестящимъ состояніемъ и вліяніемъ при дворѣ, но зато чувствуетъ внутренній миръ и, спокойно держась намѣченнаго пути, нерѣдко переживаетъ тѣ снѣжные или водяные пузыри [1]), которые лопаются на его глазахъ. Наконецъ, императрица своимъ появленіемъ избавила меня отъ продолженія этого глупаго разговора.

Въ теченіе зимы у меня было много домашняго горя, которое сильно расшатало мое здоровье.

Весной я испросила двухмѣсячный отпускъ и поѣхала въ Троицкое, оттуда въ Круглое, гдѣ я оставалась только недѣлю, но съ удовольствіемъ замѣтила, что земля становилась плодороднѣе, а мои крестьяне стали болѣе достаточными и трудолюбивыми; они владѣли вдвое большимъ количествомъ скота и лошадей, чѣмъ когда я ихъ получила, и они почитали себя счастливѣе, чѣмъ въ періодъ своей принадлежности сперва Польшѣ, а затѣмъ казнѣ. Попеченія объ обѣихъ академіяхъ разсѣивали грустныя мысли, которыя болѣе чѣмъ когда-либо овладѣвали мной.

Вскорѣ возникшая война съ Швеціей, обнаружившая во всѣмъ блескѣ твердость характера императрицы, послу-

[1]) Эти слова оказались пророческими: черезъ годъ, лѣтомъ, Ланской умеръ и въ буквальномъ смыслѣ слова лопнулъ: у него лопнулъ животъ.

жила поводомъ къ довольно странному инциденту. Я познакомилась съ герцогомъ Зудерманландскимъ, братомъ шведскаго короля, во время перваго моего путешествія за границу. Онъ послалъ въ Кронштадтъ парламентера съ письмомъ къ адмиралу Грейгу, въ которомъ просилъ его переслать мнѣ письмо и ящикъ, найденный имъ на одномъ изъ захваченныхъ судовъ. Адмиралъ Грейгъ, будучи иностранцемъ и близкимъ моимъ другомъ, нашелъ нужнымъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ съ величайшей осторожностью: онъ послалъ и ящикъ и письмо въ Совѣтъ въ Петербургъ, гдѣ императрица засѣдала почти на каждомъ собраніи. Она приказала отослать мнѣ ящикъ и письмо, не вскрывая ихъ. Я была на дачѣ и чрезвычайно удивилась, когда мнѣ доложили, что пріѣхалъ курьеръ изъ Совѣта; онъ передалъ мнѣ толстый пакетъ отъ знаменитаго Франклина[1]) и очень лестное письмо отъ герцога Зудерманландскаго, въ которомъ онъ меня извѣщалъ, что вслѣдствіе войны, возникшей между Россіей и Швеціей, онъ захватилъ одно судно, на которомъ и нашелъ посылку, адресованную на мое имя, и что, сохранивъ ко мнѣ уваженіе, вызванное нашимъ знакомствомъ въ Ахенѣ и Спа, онъ спѣшитъ послать мнѣ означенную посылку, такъ какъ не желаетъ, чтобы война, столь неестественная между двумя монархами, связанными столь близкими родственными узами, распространила свое вліяніе и на личныя отношенія частныхъ людей.

[1]) Движимый чувствомъ уваженія и дружбы ко мнѣ, онъ предложилъ меня въ члены почтеннаго и знаменитаго философскаго общества въ Филадельфіи, куда я и была принята единогласно; у меня былъ уже дипломъ его и оно пользовалось каждымъ случаемъ, чтобы посылать мнѣ издаваемыя имъ произведенія. Этотъ пакетъ и заключалъ въ себѣ нѣсколько такихъ книгъ и письмо отъ секретаря общества. Письмо Франклина польстило мнѣ больше посланія герцога, такъ какъ я его считала выдающимся человѣкомъ и онъ соединялъ глубокія познанія съ простотой въ обращеніи и непритворною скромностью, благодаря которой онъ очень снисходительно относился къ другимъ. Я написала Франклину и секретарю философскаго общества и искренно поблагодарила ихъ за присланныя книги.

Я отослала курьера, сказавъ ему, что я сейчасъ же поѣду во дворецъ и покажу императрицѣ письма. Я дѣйствительно поѣхала въ городъ прямо ко двору, хотя было четыре часа дня, т. е. такой часъ, когда даже министры не ѣздили къ императрицѣ. Войдя въ уборную, я сказала лакею, чтобы онъ доложилъ императрицѣ, что, если она не занята, я буду счастлива поговорить съ ней и показать ей бумаги, которыя получила утромъ. Императрица приняла меня въ спальнѣ; она писала за маленькимъ столикомъ; я передала ей письмо герцога Зудерманландскаго, «а это, сказала я, письмо отъ Франклина и отъ секретаря филадельфійскаго философскаго общества; я состою его недостойнымъ членомъ». Когда императрица прочла письмо герцога, я спросила ея приказаній на этотъ счетъ. «Пожалуйста, отвѣтила она, не продолжайте этой переписки и не отвѣчайте на письмо».

— Наша переписка не будетъ продолжаться. Это первое письмо, которое я получила отъ герцога за двѣнадцать лѣтъ, — отвѣтила я, — и не велика бѣда, если я покажусь ему невоспитанной и грубой, не отвѣчая на письмо; я бы рада была приносить вашему величеству большія жертвы. Но позвольте вамъ напомнить правдивый портретъ герцога, который я вамъ нарисовала. Можетъ быть, вы согласитесь со мной, что онъ сдѣлалъ мнѣ честь написать это письмо не для моихъ прекрасныхъ глазъ, а потому, что онъ желалъ бы найти какой-нибудь предлогъ, чтобы вступить въ переговоры о собственныхъ своихъ интересахъ, совершенно отличныхъ отъ интересовъ его брата, короля шведскаго.

Однако ея величество со мной не согласилась, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оказалось, что я правильно оцѣнила герцога и что можно было заставить его измѣнить интересамъ его брата и парализовать дѣйствія шведскаго флота.

Выходя изъ аппартаментовъ императрицы, настоятельно приглашавшей меня остаться на спектакль въ Эрмитажѣ, я встрѣтила въ пріемной одного только Ребиндера, такъ

какъ рано еще было собираться гостямъ. Ребиндеръ былъ въ полномъ смыслѣ слова порядочный человѣкъ и очень дружески ко мнѣ расположенъ. Поздоровавшись со мной, онъ объявилъ мнѣ, что знаетъ, почему я была у императрицы.

— Весьма вѣроятно,—отвѣтила я,—скажите только, какимъ образомъ вы это узнали? [1])

— Я получилъ письмо изъ Кіева,—отвѣтилъ онъ,—въ которомъ мнѣ пишутъ, что вашъ сынъ женился по выходѣ его полка изъ Кіева, во время одной изъ стоянокъ.

Я чуть не упала въ обморокъ, но собралась съ силами и спросила имя невѣсты моего сына. Онъ мнѣ назвалъ фамилію Алферовой и, видя, что со мной дѣлается дурно, не могъ понять, почему его слова такъ на меня подѣйствовали.

— Ради Бога, стаканъ воды!—сказала я.

Онъ побѣжалъ за водой, и когда я пришла немного въ себя, я ему сказала, что мое свиданіе съ государыней касалось письма, полученнаго мною отъ герцога Зудерманландскаго и что я впервые отъ него узнаю о свадьбѣ сына, которая, очевидно, очень неудачна, если онъ не спросилъ у меня даже разрѣшенія на нее. Бѣдный Ребиндеръ былъ въ отчаяніи, что сообщилъ мнѣ столь непріятную новость, но я попросила его не говорить больше объ этомъ и развлечь меня другимъ разговоромъ, дабы я могла собраться съ силами и исполнить приказаніе, столь милостиво отданное государыней, провести вечеръ съ ней.

Но это усиліе надъ собой чуть не стало для меня роковымъ. Всѣ замѣтили, что я была взволнована, и, пожалуй, заключили бы изъ этого, что я состою въ преступной перепискѣ съ врагами государства, если бы императрица нѣсколько разъ не заговаривала со мной очень ласково; замѣтивъ, что я была печальна и такъ задумчива, что не слышала ничего, что дѣлалось на сценѣ, она старалась

---

[1]) Я думала о парламентерѣ и о письмѣ герцога Зудерманландскаго.

развлечь меня веселыми и смѣшными разговорами, которые она одна умѣла придумывать въ одну минуту.

Послѣ спектакля я не пошла къ императрицѣ, какъ то дѣлали ея приближенные, а поѣхала домой. У меня сдѣлалась нервная лихорадка и въ теченіе нѣсколькихъ дней мое горе было столь велико, что я могла только плакать. Я сравнивала поступокъ сына съ поведеніемъ моего мужа относительно своей матери, когда онъ собирался на мнѣ жениться; я думала, что всевозможныя жертвы, принесенныя мною дѣтямъ, и непрестанныя заботы о воспитаніи сына, всецѣло поглотившія меня въ теченіе столькихъ лѣтъ, давали мнѣ право на довѣріе и почтеніе съ его стороны. Я предполагала, что заслужила больше моей свекрови дружбу и уваженіе своихъ дѣтей, и что мой сынъ посовѣтуется со мной, предпринимая столь важный для нашего общаго счастья шагъ, какъ женитьба.—Два мѣсяца спустя я получила письмо, въ которомъ онъ просилъ у меня разрѣшенія жениться на этой особѣ, тогда какъ весь Петербургъ уже зналъ объ его нелѣпой свадьбѣ [1]) и обсуждалъ ее на всѣхъ перекресткахъ. Я уже собрала свѣдѣнія о всей семьѣ его жены и чуть съ ума не сошла отъ горя, получивъ это письмо, какъ бы въ насмѣшку испрашивающее у меня разрѣшеніе на уже совершившійся фактъ. Одновременно съ его письмомъ я получила и посланіе отъ фельдмаршала графа Румянцева, въ которомъ онъ говорилъ мнѣ о предразсудкахъ, касающихся знатности рода, о непрочности богатства и какъ будто преподавалъ мнѣ совѣты. Словомъ, его письмо было смѣшно, если не сказать больше, тѣмъ болѣе, что я никогда не давала ему ни повода, ни права

---

[1]) Свадьба эта была во всякомъ случаѣ необъяснима, такъ какъ невѣста не отличалась ни красотой, ни умомъ, ни воспитаніемъ. Ея отецъ былъ въ молодости приказчикомъ и впослѣдствіи служилъ въ таможнѣ, гдѣ сильно воровалъ; мать ея была урожденная Потемкина, но была весьма предосудительнаго поведенія и вышла замужъ, не имѣя ничего лучшаго, за этого человѣка.

становиться между мной и сыномъ въ столь важномъ вопросѣ. Я отвѣтила ему въ насмѣшливомъ тонѣ, скрытомъ подъ самой изысканной вѣжливостью, увѣряя его, что въ числѣ безумныхъ идей, внѣдренныхъ, можетъ быть, въ моей головѣ, никогда не существовало слишкомъ высокаго и преувеличеннаго мнѣнія о знатности рожденія и что, не обладая краснорѣчіемъ его сіятельства, не возьмусь объяснять ему, почему я предпочитаю всѣмъ подобнымъ пустымъ предразсудкамъ хорошее воспитаніе и нераздѣльную съ нимъ чистоту нравовъ и т. п.

Сыну своему я написала только нѣсколько словъ: «Когда вашъ отецъ собирался жениться на графинѣ Екатеринѣ Воронцовой, онъ поѣхалъ въ Москву испросить разрѣшенія на то своей матери; я знаю, что вы уже женаты нѣсколько времени; знаю также, что моя свекровь не болѣе меня была достойна имѣть друга въ почтительномъ сынѣ».

У меня открылась нервная лихорадка, я потеряла аппетитъ и съ каждымъ днемъ худѣла. Зимой я почувствовала себя физически лучше и усердно занималась дѣлами въ качествѣ директора одной академіи и президента другой. Я взяла на себя собрать слова [1]), начинающіяся на опредѣленныя три буквы алфавита, и согласилась исполнить работу, порученную мнѣ членами академіи и состоявшую въ точномъ и ясномъ объясненіи всѣхъ словъ, имѣющихъ отношеніе къ нравственности, политикѣ и управленію государствомъ. Эта задача, довольно трудная для меня, поглощала много времени и на нѣсколько часовъ въ день отвлекала меня отъ грустныхъ мыслей, осаждавшихъ меня.

Я нигдѣ не бывала и ѣздила только два три раза въ недѣлю къ императрицѣ, гдѣ проводила вечеръ въ избранномъ обществѣ, составлявшемъ интимный кружокъ императрицы. Весной я переселилась на дачу моего отца; она была дальше моей, которая еще достраивалась, и мало кто тре-

---

[1]) Для перваго русскаго этимологическаго словаря, изданнаго Россійской Академіей.

вожилъ меня въ моемъ уединеніи, да и тѣ безпокоились напрасно, такъ какъ я никого не принимала. Все это лѣто я была въ такомъ грустномъ настроеніи, что мной овладѣвали черныя мысли, побѣждаемыя мною только съ помощью неба; съ той минуты, какъ я поняла, что покинута своими дѣтьми, жизнь стала для меня тяжелымъ бременемъ, и я безропотно и съ радостью отдала бы ее первому встрѣчному, который пожелалъ бы отнять ее у меня.

Въ слѣдующемъ году было еще хуже. Получивъ двухмѣсячный отпускъ, я посѣтила Троицкое и Круглое. Когда я вернулась, моя сестра Полянская объявила мнѣ, что по требованію одной портнихи, нѣкой Генуци, полиція запретила моей дочери выѣздъ изъ Петербурга, такъ что она даже была подъ надзоромъ; между тѣмъ она была больна и докторъ Роджерсонъ сообщилъ ей, что жизнь ея окажется въ опасности, если она какъ можно скорѣй не поѣдетъ на воды въ Ахенъ. Я дала пройти три дня, дабы моя дочь не приписала мое посѣщеніе вліянію сестры, и на четвертый день послѣ этого разговора, несказанно огорчившаго меня, поѣхала къ ней попозже вечеромъ, чтобы никого у нея не встрѣтить. Она была на ногахъ, но очень измѣнилась; она дышала съ трудомъ и цвѣтъ лица у нея былъ зеленый. Увидѣвъ меня, она хотѣла было броситься мнѣ въ ноги; но я ее остановила и, поцѣловавъ, сказала, что она должна успокоиться и беречься и что все устроится къ лучшему. Я сократила свое посѣщеніе, полагая, что она нуждалась въ отдыхѣ послѣ волненія вслѣдствіе моего внезапнаго появленія. Мнѣ также необходимо было остаться одной и даже лечь въ постель, чтобы успокоить свои нервы. На слѣдующій день я вернулась къ ней, и когда ей стало лучше, я предложила ей поселиться со мной на дачѣ возлѣ Петербурга и обѣщала ей уладить дѣла съ кредиторами и испросить для нея у ея величества разрѣшеніе ѣхать въ Ахенъ, куда и отправлю ее лѣтомъ, поручившись за ея долги и давъ ей необходимые для путешествія деньги. Она поправилась немного, и когда я все

устроила, уѣхала въ Ахенъ. Я дала ей въ спутницы миссъ Бетсъ[1]) и сама осталась одна въ Киріановѣ.

Я условилась съ дочерью, что по окончаніи леченія она вернется ко мнѣ, не теряя времени. Вмѣсто этого она поѣхала послѣ леченія въ Вѣну, а оттуда въ Варшаву, и 14,000 р., данные мною на путешествіе, оказались истраченными на эти ненужныя поѣздки. Она снова надѣлала долговъ и подверглась опасности, такъ какъ попала въ Польшу во время охватившей ее революціи. Добрая миссъ Бетсъ, предполагая, что госпожа Щербинина будетъ путешествовать неопредѣленное время, попросила позволенія вернуться ко мнѣ и проѣхала всю Германію, имѣя съ собой только одного лакея — нѣмца, знавшаго языкъ страны. Для меня было, конечно, очень пріятно имѣть ее съ собой, но съ другой стороны я скорбѣла о томъ, что моя дочь разсталась съ этой доброй особой, ограждавшей ее отъ безсовѣстной эксплуатаціи окружавшихъ ее людей; вмѣстѣ съ тѣмъ она рѣшилась снова подвергнуть себя непріятностямъ и огорчить свою нѣжную мать, великодушно простившую ей все горе, которое она ей доставила.

Миссъ Бетсъ нашла во мнѣ большую перемѣну и не съумѣла скрыть свою печаль и изумленіе по этому случаю. Она была еще больше поражена, когда я ей разсказала, что за послѣдніе два мѣсяца каждый день, вставая, я не знала, дотяну ли я день до конца или покончу съ собой. Однако самоубійство по зрѣломъ размышленіи показалось мнѣ малодушіемъ и трусостью и это удержало меня отъ исполненія моего намѣренія, хотя я съ радостью пошла бы навстрѣчу смерти, если бы получила ее изъ другихъ рукъ, а не изъ своихъ собственныхъ. Зимой я менѣе страдала отъ ревматизма, ухудшившагося вслѣдствіе сырости моей дачи. Я выѣзжала кататься въ экипажѣ и по обыкновенію два раза въ недѣлю обѣдала у императрицы. Однажды за обѣдомъ дежурный генералъ-адъютантъ, графъ Брюсъ,

---

[1]) Моя лектриса,—англичанка.

разсказалъ, съ какой беззавѣтной храбростью солдаты взбирались на стѣну города, съ которой стрѣляли по нимъ.

— Меня это не удивляетъ,—отвѣтила я;—мнѣ кажется, что самый большой трусъ можетъ вызвать въ себѣ минутную храбрость; онъ бросается въ аттаку, потому что самъ знаетъ, что долго она не продолжится. Впрочемъ, извините меня, графъ, но я считаю героическимъ мужествомъ не храбрость въ сраженіи, а способность жертвовать собой и долго страдать, зная, какія мученія ожидаютъ васъ впереди. Если будутъ постоянно тереть тупымъ деревяннымъ оружіемъ одно и то же мѣсто на рукѣ и вы будете терпѣть это мученіе не уклоняясь отъ него, я сочту васъ мужественнѣе, чѣмъ если бы вы два часа сряду шли прямо на врага.

Императрица меня поняла, но милый графъ запутался въ какихъ-то туманныхъ объясненіяхъ, и въ концѣ концовъ упомянулъ о самоубійствѣ, какъ о доказательствѣ мужества. Я сказала, что много думала надъ этимъ вопросомъ и, обсудивъ все, что прочла о немъ, пришла къ заключенію, что независимо отъ того, что, убивая себя, человѣкъ грѣшитъ противъ своего Создателя и противъ общества, этимъ онъ ясно доказываетъ, что къ этому малодушному поступку привелъ его недостатокъ мужества и терпѣнія. Императрица не спускала съ меня глазъ, и я сказала ей улыбаясь, что я никогда ничего не предприму ни для ускоренія, ни для отдаленія своей смерти, и что вопреки софизму Ж. Ж. Руссо, плѣнившему меня въ дѣтствѣ (я тогда уже любила храбрость), я нахожу, что дамъ болѣе яркое доказательство твердости своего характера, если съумѣю страдать, не прибѣгая къ лекарству, которымъ не въ правѣ пользоваться. Императрица спросила меня, о какомъ софизмѣ я говорю и въ какомъ сочиненіи Руссо онъ заключается.

— Онъ говоритъ въ «Новой Элоизѣ»: «Напрасно боятся смерти, такъ какъ пока мы живемъ— ея нѣтъ, а когда она наступаетъ, мы уже не существуемъ».

— Это очень опасный авторъ —отвѣтила государыня;— его стиль увлекаетъ и горячія молодыя головы воспламеняются.

— Когда я была въ Парижѣ, ваше величество, одновременно съ нимъ, я не хотѣла его видѣть. Уже одно то, что онъ жилъ въ Парижѣ инкогнито, доказываетъ, что скромность его была притворна и что онъ снѣдаемъ былъ честолюбіемъ и желаніемъ наполнить своимъ именемъ весь міръ. Его произведенія, конечно, опасны, какъ ваше величество только что изволили говорить, потому что молодыя головы легко могутъ принять его софизмы за силлогизмы.

Съ этого дня императрица пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы развлечь меня, и эта доброта меня глубоко трогала.

Однажды утромъ, мы остались съ ней вдвоемъ и она попросила меня написать русскую пьесу для своего театра въ Эрмитажѣ. Я тщетно увѣряла ее, что у меня не было ни малѣйшаго таланта къ подобнымъ произведеніямъ; она настаивала на своемъ, объясняя свое упорство тѣмъ, что она на опытѣ знаетъ, какъ подобная работа забавляетъ и занимаетъ автора. Я принуждена была обѣщать ей, что исполню ея желаніе, но поставила условіемъ, что она прочтетъ первые два акта, поправитъ и откровенно скажетъ, не лучше ли бросить ихъ въ огонь. Въ тотъ же вечеръ я написала оба акта и отнесла ихъ государынѣ. Пьеса называлась по имени главнаго дѣйствующаго лица «Тоисіоковъ»; не желая, чтобы думали, что я хочу изобразить какое-нибудь лицо въ Петербургѣ, я избрала наиболѣе распространенный у насъ типъ безхарактернаго человѣка, которымъ наше общество, къ сожалѣнію, изобилуетъ. Ея величество удалилась со мной въ спальню, чтобы прочесть мой экспромптъ, который мнѣ казался недостойнымъ такой чести; она смѣялась надъ различными сценами и не знаю, вслѣдствіе ли своей снисходительности или пристрастія, которое она иногда выражала мнѣ, она объявила ихъ превосходными. Я разсказала ей планъ всей пьесы и развязку, предполагае-

мую въ третьемъ актѣ. Но ея величество заставила меня обѣщать, что я напишу ее въ пяти актахъ; но кажется пьеса отъ этого не выиграла, такъ какъ дѣйствіе оказалось растянутымъ и скучнымъ. Я ее кончила какъ могла, и черезъ два дня она была уже переписана набѣло и въ рукахъ императрицы. Она была играна въ Эрмитажѣ и впослѣдствіи напечатана.

На слѣдующій годъ я попросила у ея величества разрѣшеніе для моего сына покинуть армію на два, три мѣсяца и поѣхать въ Варшаву съ тѣмъ, чтобы заплатить долги сестры и привезти ее на родину. Государыня на это согласилась и я отдала по этому случаю всѣ деньги, какія имѣла, и въ продолженіе шести мѣсяцевъ жила долгами, такъ какъ только въ концѣ этого періода стали поступать мои доходы. Мой сынъ совершилъ упомянутое путешествіе и привезъ свою сестру въ Кіевъ, къ мѣсту своего служенія. Оттуда оба они написали мнѣ объ этомъ. Я уже нѣсколько лѣтъ не получала писемъ отъ моихъ дѣтей, а такъ какъ никто и ничто не вытѣснило ихъ изъ моего сердца, то можно себѣ представить, какъ я была несчастна.

Подъ начальствомъ моего брата по таможнѣ служилъ одинъ молодой человѣкъ по фамиліи Радищевъ; онъ учился въ Лейпцигѣ и мой братъ былъ къ нему очень привязанъ. Однажды въ русской академіи, въ доказательство того, что у насъ было много писателей, не знавшихъ родного языка, мнѣ показали брошюру, написанную Радищевымъ. Брошюра заключала въ себѣ біографію одного товарища Радищева по Лейпцигу, нѣкоего Ушакова, и панегирикъ ему. Я въ тотъ же вечеръ сказала брату, который послалъ уже купить эту брошюру, что его протеже страдаетъ писательскимъ зудомъ, хотя ни его стиль, ни мысли не разработаны и что въ его брошюрѣ встрѣчаются даже выраженія и мысли, опасныя по нашему времени. Черезъ нѣсколько дней братъ сказалъ мнѣ, что я слишкомъ строго осудила брошюру Радищева; прочтя ее, онъ нашелъ только, что она ненужна.

такъ какъ Ушаковъ не сдѣлалъ и не сказалъ ничего замѣчательнаго.

— Можетъ быть, я слишкомъ строго къ нему отнеслась, возразила я. Однако, видя, что братъ интересуется этимъ молодымъ человѣкомъ, я сочла своимъ долгомъ сообщить ему, какое заключеніе я вывела изъ этой глупой брошюрки: человѣкъ, существовавшій только для ѣды, питья и сна, могъ найти себѣ панегириста только въ томъ, кто снѣдаемъ жаждой распространять свои мысли посредствомъ печати, и что этотъ писательскій зудъ можетъ побудить Радищева написать впослѣдствіи что-нибудь еще болѣе предосудительное. Дѣйствительно, слѣдующимъ лѣтомъ я получила въ Троицкомъ очень печальное письмо отъ брата, въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что мое пророчество исполнилось; Радищевъ издалъ несомнѣнно зажигательное произведеніе, за что его сослали въ Сибирь. Я далека была отъ мысли радоваться, что мои выводы оказались вѣрными, и меня опечалила судьба Радищева, и еще болѣе горе моего брата, которое, какъ я знала, не скоро еще уляжется. Я даже предвидѣла, что фаворитъ, съ которымъ графъ Александръ былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, не преминетъ попытаться набросить тѣнь и на него по этому случаю. Онъ дѣйствительно такъ и сдѣлалъ; при другомъ государѣ ему удалось бы и повредить ему, но на Великую Екатерину его слова не произвели никакого впечатлѣнія. Однако этотъ инцидентъ и интриги генералъ-прокурора внушили моему брату отвращеніе къ службѣ и онъ попросилъ годового отпуска, ссылаясь на разстроенное здоровье, требовавшее покоя и деревенскаго воздуха. Когда онъ уѣхалъ въ свои помѣстья, я очутилась одна въ Петербургѣ, въ обществѣ, ставшемъ мнѣ ненавистнымъ; но меня поддерживала надежда на его возвращеніе; однако до истеченія срока отпуска онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и получилъ ее.

Онъ кончилъ свою полезную для отечества службу въ 1794 г. Черезъ полтора года послѣ его отъѣзда, вдова

одного изъ нашихъ знаменитыхъ драматическихъ авторовъ, Княжнина, попросила меня напечатать въ пользу ея дѣтей послѣднюю написанную имъ и еще не изданную трагедію.

Мнѣ доложилъ объ этомъ одинъ изъ совѣтниковъ канцеляріи академіи наукъ, Козодавлевъ. Ему я и поручила прочесть ее и сообщить мнѣ, нѣтъ ли въ трагедіи чего-нибудь противнаго законамъ или религіи, и добавила, что охотно даю ему это порученіе, такъ какъ онъ превосходно владѣетъ русскимъ языкомъ и, будучи самъ писателемъ, можетъ судить о томъ, что можно или нельзя напечатать у насъ. Козодавлевъ сообщилъ мнѣ, что пьеса содержитъ въ себѣ историческіе факты, происшедшіе въ Новгородѣ, что онъ ничего не нашелъ въ ней предосудительнаго и что развязка заключается въ торжествѣ русскаго государя и изъявленіи покорности Новгородомъ и мятежниками. Тогда я велѣла напечатать ее съ тѣмъ, чтобы вдова понесла возможно менѣе расходовъ. Трудно себѣ представить, какія нелѣпыя послѣдствія это повлекло за собой. Графъ Иванъ Салтыковъ, никогда ничего не читавшій, по чьему-то наущенію объявилъ фавориту графу Зубову, что онъ прочелъ эту трагедію, и что она является чрезвычайно опасной въ данное время. Не знаю, прочла ли ее императрица или графъ Зубовъ, но въ результатѣ ко мнѣ явился полиціймейстеръ и очень вѣжливо попросилъ меня отдать соотвѣтствующее приказаніе хранителю книжнаго магазина академіи, такъ какъ императрица приказала ему взять всѣ находившіеся въ немъ экземпляры трагедіи, находя ее слишкомъ опасной для распространенія въ публикѣ. Я исполнила его просьбу, предупредивъ, что врядъ ли онъ найдетъ эту книгу въ магазинѣ, такъ какъ она помѣщена въ послѣднемъ томѣ «Россійскаго Ѳеатра», издаваемаго академіей въ свою пользу; я добавила, что онъ могъ испортить этотъ томъ, вырвавъ изъ него названную комедію, но что мнѣ это кажется смѣшнымъ, такъ какъ это произведеніе гораздо менѣе опасно для государей, чѣмъ нѣкоторыя французскія трагедіи, которыя играютъ въ Эрмитажѣ. Днемъ

ко мнѣ явился генералъ-прокуроръ сената Самойловъ, съ упрекомъ отъ имени императрицы, что я напечатала эту пьесу Княжнина. Не знаю, хотѣли ли меня этимъ напугать или разсердить, но во всякомъ случаѣ ни того, ни другого не достигли. Я очень твердо и спокойно отвѣтила гр. Самойлову, что удивляюсь, какъ ея величество можетъ допустить мысль, что я буду способствовать распространенію произведенія, могущаго нанести ей вредъ. Самойловъ сообщилъ, что императрица намекнула и на брошюру Радищева, говоря, что трагедія Княжнина является вторымъ опаснымъ произведеніемъ, напечатаннымъ въ академіи; въ отвѣтъ на это я выразила желаніе, чтобы императрица прочла ихъ и въ особенности сравнила эту пьесу съ тѣми, которыя даются на ея сценѣ и въ общественномъ театрѣ; «наконецъ, добавила я, это меня не касается, такъ какъ я подвергла ее цензурѣ совѣтника Козодавлева, прежде чѣмъ разрѣшить вдовѣ автора печатать ее въ свою пользу»; въ заключеніе я выразила надежду, что меня не будутъ больше безпокоить по поводу этой исторіи.

На слѣдующій день, вечеромъ, я по обыкновенію поѣхала къ императрицѣ провести вечеръ съ ней въ интимномъ кружкѣ. Когда императрица вошла, ея лицо выражало сильное неудовольствіе. Подходя къ ней, я спросила ее, какъ она себя чувствуетъ.

— Очень хорошо,—отвѣтила она,—но что я вамъ сдѣлала, что вы распространяете произведенія, опасныя для меня и моей власти.

— Я, ваше величество?—Нѣтъ, вы не можете этого думать.

— Знаете ли,—возразила императрица,—что это произведеніе будетъ сожжено палачомъ.

Я ясно прочла на ея лицѣ, что эта послѣдняя фраза была ей внушена кѣмъ-то и что эта идея была чужда ея уму и сердцу.

— Мнѣ это безразлично, ваше величество, такъ какъ мнѣ не придется краснѣть по этому случаю. Но, ради Бога,

прежде чѣмъ совершить поступокъ, столь мало гармонирующій со всѣмъ тѣмъ, что вы дѣлаете и говорите, прочтите пьесу и вы увидите, что ея развязка удовлетворитъ васъ и всѣхъ приверженцевъ монархическаго образа правленія; но, главнымъ образомъ, примите во вниманіе, ваше величество, что хотя я и защищаю это произведеніе, я не являюсь ни его авторомъ, ни лицомъ, заинтересованнымъ въ его распространеніи.

Я сказала эти послѣднія слова достаточно выразительно, чтобы этотъ разговоръ окончился; императрица сѣла играть; я сдѣлала то же самое.

Черезъ день я поѣхала къ императрицѣ съ обычнымъ докладомъ, твердо рѣшивъ, что, если она не позоветъ меня какъ всегда въ комнату брилліантовъ[1]), я не буду больше ѣздить къ ней по утрамъ и, не откладывая, подамъ прошеніе объ отставкѣ.

Самойловъ, выходя отъ императрицы, шепнулъ мнѣ: «Императрица сейчасъ выйдетъ; будьте покойны; она на васъ не сердится». Я отвѣтила ему громко, чтобы меня слышали всѣ присутствующіе:

— Мнѣ нечего волноваться, такъ какъ я ничего дурного не сдѣлала. Мнѣ было бы досадно за императрицу, если бы она питала несправедливыя чувства ко мнѣ; впрочемъ, я вѣдь не впервые переношу несправедливости.

Императрица вскорѣ появилась и, давъ присутствующимъ поцѣловать руку, сказала мнѣ: «Пойдемъ со мной, княгиня». Надѣюсь, что читатели этихъ записокъ повѣрятъ мнѣ, что это приглашеніе доставило мнѣ огромное удовольствіе, не столько за себя, сколько за императрицу, такъ какъ я съ грустью должна была сознаться, что моя от-

---

[1]) Въ этой комнатѣ были выставлены большая и малая брилліантовыя короны и всѣ брилліанты. Когда императрица видѣла меня среди придворныхъ въ своей уборной, она всегда звала въ эту комнату, гдѣ мы оставались съ ней вдвоемъ и свободно разговаривали, пока ее причесывали.

ставка и отъѣздъ изъ Петербурга не послужили бы къ ея чести. Надѣюсь также, что мнѣ не припишутъ суетности, которая никогда мнѣ и въ голову не приходила.

Словомъ, я была очень рада, что императрица не заставила меня окончательно порвать съ ней, и какъ только я переступила порогъ, я попросила ее дать мнѣ поцѣловать руку и забыть все происшедшее за послѣдніе дни. Императрица начала было: «Но въ самомъ дѣлѣ, княгиня...», но я ее прервала, сказавъ, что черная кошка проскочила между нами и не слѣдуетъ ее звать назадъ. Императрица, смѣясь, заговорила о другомъ; я сама была очень весела и за обѣдомъ заставила ее хохотать.

Война съ Швеціей закончилась миромъ, подписаннымъ въ августѣ 1790 г. Можно было надѣяться на заключеніе весьма славнаго для насъ мира и съ Турціей. Всѣ радовались въ Петербургѣ. Вскорѣ дѣйствительно былъ подписанъ миръ, достойный высокихъ подвиговъ нашей арміи, беззавѣтнаго патріотизма нѣкоторыхъ генераловъ и офицеровъ. Никакія интриги французовъ не могли впослѣдствіи подвинуть Турцію на новую войну съ Россіей; она ея боялась. Мнѣ хотѣлось увидѣться съ братомъ, пожить въ моемъ любимомъ имѣніи и совсѣмъ удалиться со службы и отъ жизни въ туманной столицѣ, но я не хотѣла уѣхать изъ Петербурга, не заплативъ долговъ дочери. У меня былъ еще свой долгъ въ банкѣ въ 32.000 р., которымъ я ликвидировала свои заграничные долги [1]; мечтая о спокойной деревенской жизни, я рѣшила продать свой петербургскій домъ и разстаться со столицей, покончивъ со всѣми долгами, и тѣмъ пріобрѣсть спокойствіе духа.

Щербининъ подарилъ своей женѣ и своей двоюродной сестрѣ, госпожѣ Б., по большому имѣнію. Его мать и сестры просили учредить опеку надъ остальными имѣніями Щербинина, можетъ быть въ надеждѣ, что вышеозначенныя

[1]) Я заняла эти деньги на расходы, вызванные путешествіями и воспитаніемъ сына.

дарственныя записи будутъ объявлены недѣйствительными. Онъ самъ могъ бы разстроить опеку, такъ какъ законъ объ опекѣ надъ лицами, признанными неспособными къ управленію своими имѣніями, такъ ясно соблюдаетъ интересы владѣльца имѣній, что ему стоитъ только здраво отвѣтить на нѣкоторые вопросы, чтобы роднымъ его было отказано въ ихъ просьбѣ учредить опеку. Однако Щербининъ этого не сдѣлалъ и его мать и сестры даже убѣдили его, что онѣ для его же блага предприняли этотъ шагъ. Когда я освободила свою дочь, поручившись за нее, и отправила ее въ Ахенъ, я велѣла принести себѣ векселя, подписанные ею; среди нихъ я нашла счета, подписанные не только ею, но и ея мужемъ, и судя по товарамъ, перечисленнымъ въ нихъ, они очевидно были использованы самимъ Щербининымъ. Я не признала эти счета, не желая сознательно давать себя дурачить. Я поэтому снеслась съ опекунами Щербинина и отъ нихъ узнала, что онъ подарилъ своей женѣ прекрасное имѣніе, при чемъ дарственная запись была составлена съ соблюденіемъ всѣхъ требованій закона. Я и сказала имъ, чтобы они обратились въ Сенатъ, который одинъ могъ утвердить ее или признать недѣйствительной, и, разсмотрѣвъ представленные счета, рѣшить, которые изъ нихъ я должна заплатить полностью, и которые они признаютъ подлежащими уплатѣ однимъ Щербининымъ или нами обоими. Дѣло въ Сенатѣ затянулось, и такъ какъ я не желала давать поводъ думать, что я хочу, чтобы имѣніе непремѣнно было присуждено дочери, тѣмъ болѣе, что въ сущности я этого вовсе и не желала, такъ какъ знала, что моя дочь была въ значительной степени виновна въ разстройствѣ состоянія своего мужа, я даже имѣла мужество сказать это генералъ-прокурору, имѣвшему большое вліяніе на рѣшеніе дѣла въ ту или другую сторону, и просила только ускорить его, дабы я могла рѣшить, надо ли мнѣ продавать или заложить свои имѣнія, чтобы заплатить долги дочери и, покончивъ съ дѣлами, уѣхать въ деревню. Наконецъ Сенатъ вынесъ рѣше-

віе въ пользу моей дочери; и императрица утвердила его. Я заплатила большую часть долговъ моей дочери; остальные же обязалась уплатить вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ Москву.

Я уже продала свой домъ и жила одна въ огромномъ домѣ отца; со мной было небольшое количество прислуги; въ этомъ большомъ пустынномъ домѣ я казалась себѣ принцессой, зачарованной злымъ волшебникомъ, не позволявшимъ мнѣ уѣхать. Мнѣ было поручено управленіе имѣніемъ дочери; я обложила ея крестьянъ такимъ легкимъ оброкомъ, что они считали себя счастливыми и даже тѣ, которые покинули свои избы, вернулись домой. Вслѣдствіе этого доходы съ имѣнія съ трудомъ оплачивали проценты на капиталъ, данный мною въ уплату долговъ моей дочери.

Я письменно просила у императрицы уволить меня отъ управленія обѣими академіями и дать мнѣ двухлѣтній отпускъ для поправленія здоровья и устройства своихъ дѣлъ. Императрица не пожелала, чтобы я оставила совсѣмъ академію, и позволила мнѣ только уѣхать на два года. Я тщетно представляла императрицѣ, что академія наукъ въ особенности не можетъ оставаться безъ директора столь долгое время; она пожелала, чтобы я назначила себѣ замѣстителя изъ лицъ, подчиненныхъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ ничего не предпринималъ, не списавшись предварительно со мной. Она хотѣла также, чтобы я продолжала получать жалованье директора академіи наукъ [1]). Императрица выразила графу Безбородко свою печаль по поводу моего намѣренія уѣхать; несмотря на мое твердое рѣшеніе жить въ деревнѣ и мое желаніе повидаться съ моимъ братомъ, графомъ Александромъ, я съ глубокой печалью думала о томъ, что можетъ быть никогда больше не увижу императрицу, которую страстно любила еще до восшествія

[1]) Оно было всего въ 3000 р.—столько же, сколько до меня получалъ Домашневъ за то, что ровно ничего не дѣлалъ и разорялъ академію.

ея на престолъ, когда я имѣла возможность оказывать ей болѣе существенныя услуги, чѣмъ она мнѣ; слѣдовательно моя любовь къ ней была вполнѣ безкорыстна и я не переставала ее любить, несмотря на то, что она въ своемъ обращеніи со мной не всегда повиновалась внушеніямъ своего сердца и ума; я съ радостью любовалась ею каждый разъ, когда она давала къ тому поводъ, и ставила ее выше самыхъ великихъ государей, когда-либо сидѣвшихъ на россійскомъ престолѣ.

Окончательно устроивъ всѣ дѣла и приготовившись къ отъѣзду, я отправилась вечеромъ въ Таврическій дворецъ, гдѣ находилась императрица. Она меня осыпала любезностями и я все не рѣшалась проститься съ ней. Въ обычный часъ императрица удалилась къ себѣ и я хотѣла попросить у нея позволенія проститься съ ней въ ея комнатѣ, но великій князь Александръ и его прелестная супруга случайно загородили мой путь, разговаривая съ княземъ Зубовымъ. Я шепнула Зубову, чтобы онъ меня пропустилъ, такъ какъ я хочу поцѣловать руку императрицы въ послѣдній разъ передъ моимъ отъѣздомъ, рѣшивъ уѣхать утромъ на слѣдующій день. Онъ сказалъ мнѣ: «подождите немного», и исчезъ. Я думала, что онъ пошелъ доложить государынѣ, что я хочу проститься съ ней, но прошло добрыхъ полчаса и никто за мной не приходилъ. Я вышла въ сосѣднюю комнату и, встрѣтивъ камердинера императрицы, поручила ему передать ей, что я желала бы поцѣловать ея ручку передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Черезъ четверть часа онъ вернулся и сказалъ, что императрица меня ожидаетъ. Каково было мое удивленіе, когда, входя къ ней, я увидѣла вмѣсто яснаго, спокойнаго выраженія, которое у нея было весь вечеръ, лицо у нея встревоженное и даже раздраженное. Вмѣсто сердечнаго прощанія она сказала мнѣ только:

— Желаю вамъ счастливаго пути, княгиня.

Когда человѣкъ привыкъ судить себя строго и совѣсть его ни въ чемъ не упрекаетъ, ему трудно угадать незаслу-

женныя имъ чувства других. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Я предположила, что императрица получила дурныя извѣстія, взволновавшія ее, внутренно помолилась о ея спокойствіи и благополучіи и удалилась. На слѣдующій день ко мнѣ пріѣхалъ проститься Новосильцовъ, родственникъ Марьи Савишны, приближеннаго лица императрицы, пользовавшагося ея довѣріемъ. Я спросила его, не пріѣзжалъ ли вчера курьеръ съ дурными вѣстями, такъ какъ я нашла государыню сразу такъ замѣтно измѣнившейся. Новосильцовъ пріѣхалъ изъ дворца и конечно зналъ бы отъ своей родственницы, если бы случилось что-нибудь особенное, но онъ положительно увѣрялъ меня, что императрица дурныхъ вѣстей не получала и что она утромъ была въ отличномъ настроеніи духа.

Я не знала, чему приписать пріемъ, который я встрѣтила у императрицы, но вскорѣ получила письмо отъ статсъ-секретаря Трощинскаго, объяснившее мнѣ эту загадку. Къ нему былъ приложенъ счетъ портного, подписанный моей дочерью и ея мужемъ, и очень трогательное и вкрадчивое прошеніе этого портного къ императрицѣ. Трощинскій отъ имени императрицы выражалъ удивленіе, что я, обязавшись заплатить долги моей дочери, уѣзжаю изъ Петербурга, не сдержавъ своего слова. Должна сознаться, что я пришла въ сильное негодованіе и тутъ рѣшила не возвращаться болѣе въ Петербургъ. Я отвѣтила Трощинскому, что удивляюсь еще больше ея величества тому, какъ она могла остановиться на минуту на столь унизительной для меня мысли, и вернула счетъ, прося передать императрицѣ, что если она велитъ его разсмотрѣть, то увидитъ, что это счетъ мужского портного, поставлявшаго одежду самому Щербинину и ливреи его лакеевъ; а такъ какъ я не брала на себя обязательства платить долги моего зятя, владѣвшаго состояніемъ равнымъ моему, то и отослала этого портного[1]) къ опекуну Щербинина, который въ моемъ при-

[1]) Дѣйствительно, счетъ этого портного былъ оплаченъ опекунами черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ доходовъ Щербинина.

сутствіи обѣщалъ заплатить ему черезъ два мѣсяца, и портной ушелъ при мнѣ совершенно удовлетворенный. Я добавила, что если онъ впослѣдствіи передумалъ или если кто-нибудь съ цѣлью повредить мнѣ научилъ его написать это прошеніе, то несправедливо заставлять меня нести отвѣтственность за это.

Оказалось, что это прошеніе было дѣйствительно составлено приспѣшниками князя Зубова и самъ Зубовъ (какъ я узнала впослѣдствіи) передалъ его императрицѣ въ Таврическомъ дворцѣ наканунѣ моего отъѣзда передъ тѣмъ, какъ меня къ ней допустили. Несмотря на это я обращалась съ нимъ дружелюбно впослѣдствіи по восшествіи на престолъ императора Александра и въ особенности послѣ его коронованія въ Москвѣ, когда Зубовъ былъ въ немилости.

Словомъ, уѣзжая изъ Петербурга, я уносила цѣлый рядъ сложныхъ чувствъ, которыя не были бы столь противорѣчивы, если бы моя любовь съ Екатеринѣ Второй могла бы подвергнуться измѣненію.

Я отправилась сначала въ свое бѣлорусское имѣніе, дабы устроить нѣкоторыя дѣла и назначить сроки поступленія доходовъ для расплаты съ кредиторами дочери. Я пробыла тамъ всего восемь дней; въ Троицкомъ я также прожила только недѣлю, такъ какъ спѣшила къ моему брату, графу Александру. Проѣздомъ я останавливалась въ Москвѣ на нѣсколько дней, чтобы сдѣлать распоряженія относительно устройства своего дома, который я приказала обставить скромно, но комфортабельно, чтобы жить въ немъ зимой. Если моя голова не вскружилась отъ успѣховъ, достигнутыхъ мною въ особенности въ области управленія обѣими академіями, то неудивительно, что она противустояла превратностямъ и ударамъ судьбы, постигшимъ меня; я твердо вѣрю, что человѣкъ, умѣющій сдерживать свое самолюбіе и честолюбіе въ должныхъ границахъ, съумѣетъ вынести и несчастія. Я считала свою общественную дѣятельность законченной, и посвятила себя любви

къ брату и деревенской жизни не только спокойно, но радостно; мое удовольствіе было отравлено только воспоминаніями о томъ, что люди, которыхъ я любила и уважала, вредили себѣ въ глазахъ другихъ несправедливыми и совершенно мною незаслуженными поступками по отношенію ко мнѣ.

Мой пріѣздъ былъ очень пріятенъ моему брату; но, опасаясь, что мнѣ нельзя будетъ жить въ своемъ домѣ въ Москвѣ и принимать въ немъ друзей, если онъ не будетъ устроенъ и вытопленъ до наступленія морозовъ, мы ясно сознали неблагоразуміе моего дальнѣйшаго пребыванія у него. Я уѣхала въ Москву и наблюдала за работами въ моемъ домѣ; мой братъ хотѣлъ ранѣе обыкновеннаго пріѣхать вслѣдъ за мной въ Москву. На слѣдующій годъ мой братъ пріѣхалъ въ Троицкое и остался въ восторгѣ отъ моего сада и различныхъ плантацій и построекъ, произведенныхъ мной, и когда я осенью пріѣхала къ нему въ имѣніе, онъ уполномочилъ меня измѣнить планъ его сада и продолжить плантаціи и дорожки, которыя я намѣтила во время моего перваго шестидневнаго пребыванія.

Лѣто 1796 г. я провела въ своемъ могилевскомъ имѣніи, гдѣ принимала нѣкоторыхъ лицъ изъ Петербурга, хорошо освѣдомленныхъ о томъ, что дѣлалось и говорилось при дворѣ, и выразившихъ мнѣ свое удовольствіе, что вскорѣ увидятся со мной, такъ какъ ея величество намѣревалась мнѣ написать и пригласить въ Петербургъ для того, чтобы я повезла великую княжну Александру въ Швецію: ея бракъ съ шведскимъ королемъ казался дѣломъ почти рѣшеннымъ; одновременно я получила изъ Москвы письма отъ моихъ родственниковъ, выражавшихъ свое сожалѣніе, что мнѣ придется ихъ покинуть, такъ какъ по слухамъ императрица уже отправила ко мнѣ курьера съ приглашеніемъ вернуться въ Петербургъ. Тогда я рѣшила немедленно же вернуться въ Троицкое и испросить или отставку или продленіе отпуска. Вернувшись въ Троицкое, я написала императрицѣ и она продолжила мой отпускъ

всего на годъ. Ея письмо было очень милостиво, но опасаясь, что государыня недовольна моимъ долгимъ отсутствіемъ, я написала въ Петербургъ вѣрнымъ друзьямъ и просила ихъ сообщить мнѣ откровенно, какъ императрица отзывается обо мнѣ и не сердится ли на меня. Мнѣ отвѣтили, что императрица нѣсколько разъ говорила обо мнѣ и какъ будто была довольна тѣмъ, что выбрала меня для сопровожденія своей внучки въ Швецію. «Я знаю, говорила она, что княгиня Дашкова слишкомъ меня любитъ, чтобы отказать мнѣ въ исполненіи моего сердечнаго желанія, и тогда я буду покойна за мою молодую королеву».

Вернувшись изъ Круглаго въ Троицкое, я рѣшила закончить начатыя постройки. Четыре дома были достроены и я еще больше украсила свой садъ, такъ что онъ сталъ для меня настоящимъ раемъ, и каждое дерево, каждый кустъ былъ посаженъ при мнѣ и въ указанномъ мною мѣстѣ. Любоваться своимъ произведеніемъ вполнѣ естественно и я утверждаю, что Троицкое—одно изъ самыхъ красивыхъ имѣній въ Россіи и за границей.

Мнѣ въ особенности пріятно и утѣшительно было жить въ немъ, потому что крестьяне мои были счастливы и богаты. Населеніе за сорокъ лѣтъ моего управленія имъ возросло съ 840 до 1550 душъ. Число женщинъ увеличилось еще больше, такъ какъ ни одна изъ нихъ не хотѣла выходить замужъ внѣ моихъ владѣній. Я увеличила свою и безъ того большую библіотеку и комфортабельно устроила нижній этажъ, чтобы жить въ немъ осенью. Ревматизмъ, полученный мною въ Шотландіи и всегда мучившій меня осенью, не преминулъ напомнить мнѣ о себѣ и въ означенномъ году; я была нездорова весь октябрь мѣсяцъ и въ началѣ ноября, когда Россію постигло самое ужасное несчастье, поставившее меня на краю могилы.

Серпуховскій городничій Григоровъ, честный и почтенный человѣкъ, очень преданный мнѣ (такъ какъ мнѣ удалось оказать нѣкоторыя услуги ему и его брату), пріѣхалъ

ко мнѣ какъ-то вечеромъ. Когда онъ вошелъ въ комнату, меня поразило его растерянное и грустное лицо. «Что съ вами?» спросила я.—«Развѣ вы не знаете, княгиня, какое случилось несчастье. Императрица скончалась».

Моя дочь, бывшая тогда со мной, боясь, что я упаду, поддержала меня.

— Нѣтъ,—сказала я,—не бойтесь за мою жизнь; къ несчастію я переживу этотъ страшный ударъ; меня ожидаютъ еще и другія горести и я увижу свою родину несчастной въ той же мѣрѣ, въ какой она была славной и счастливой въ царствованіе Екатерины.

Въ продолженіе 24 часовъ меня терзали невыносимыя страданія; я тряслась всѣмъ тѣломъ, но знала, что не настало еще мое избавленіе.

Слова, сказанныя мною въ первую минуту отчаянія, оказались пророческими. Вскорѣ все общество было объято постоянной тревогой и ужасомъ. Не было семьи, не оплакивавшей какой-нибудь жертвы. Мужъ, отецъ, дядя видѣли въ своей женѣ, сынѣ, наслѣдникѣ предателя, благодаря которому онъ погибалъ въ казематахъ крѣпостей или въ Сибири. Рвота, спазмы и безсонницы такъ ослабили мой организмъ, что я только изрѣдка могла вставать съ постели и то на короткое время. Я поѣхала въ Москву въ началѣ декабря, чтобы приставить себѣ піявки, и твердо рѣшила возможно скорѣе вернуться въ Троицкое, такъ какъ я уже получила указъ Сената, которымъ императоръ уволилъ меня отъ всѣхъ моихъ должностей; въ отвѣтъ на это я просила Самойлова, остававшагося еще генералъ-прокуроромъ Сената, повергнуть передъ государемъ выраженіе моей преданности и благодарности за то, что онъ освободилъ меня отъ непосильнаго бремени. Написавъ это письмо, я стала покорно ожидать неминуемыхъ преслѣдованій. Однако передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы я была поставлена въ затруднительное положеніе и не знала, какъ изъ него выйти. Я получила письмо, подписанное «Донауровъ»; по приказанію императора, онъ увѣдомлялъ

меня о моемъ увольненіи со службы. Мнѣ неизвѣстны были ни имя, ни отчество Донаурова и потому я не знала, какъ мнѣ ему отвѣтить и адресовать письмо; не отвѣтить ему вовсе и не извѣстить о полученіи приказанія государя я не могла, такъ какъ это считалось бы преступленіемъ противъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы я написала ему, не соблюдая обычныхъ формъ обращенія, я этимъ создала бы себѣ вѣчнаго врага, такъ какъ онъ приписалъ бы это упущеніе моему высокомѣрію. Я и рѣшила написать своему двоюродному брату, князю Куракину, бывшему еще въ фаворѣ, и просила его извиниться за меня передъ Донауровымъ, что я не отвѣтила ему непосредственно, объяснивъ ему, что это случилось потому, что я не знала, какъ адресовать ему письмо и не хотѣла оказаться невѣжливой; кромѣ того я просила сообщить ему, что я смотрю на свою отставку, какъ на благодѣяніе со стороны императора. Я разсказала своему брату, графу Александру, этотъ инцидентъ и не могла придти въ себя отъ удивленія, когда онъ сообщилъ мнѣ, что этотъ Донауровъ былъ сынъ буфетнаго лакея моего дяди, государственнаго канцлера; женившись на калмычкѣ, любимой горничной тети, онъ получилъ завѣдываніе виннымъ погребомъ, а затѣмъ сдѣлался главнымъ дворецкимъ.

Ссылки и аресты стали событіями столь обыденными, что слухи о нихъ дошли и до меня. Я была глубоко потрясена смертью Екатерины Второй, несчастіемъ, постигшимъ мою родину, и ужасомъ, сковывавшимъ рѣшительно всѣхъ, такъ какъ не было почти дворянской семьи, изъ которой хоть одинъ членъ не томился бы или въ Сибири или въ крѣпости. Моя болѣзнь и въ особенности состояніе моихъ нервовъ превращали мою жизнь въ тягостное для меня бремя, но я не хотѣла самовольно сократить ее. Мнѣ необходимо было ѣхать въ Москву не для того, чтобы совѣтываться съ докторами,—я не питала довѣрія къ мѣстнымъ эскулапамъ,—а чтобы поставить себѣ піявки и тѣмъ возстановить правильное и спокойное кровообращеніе.

Я пріѣхала въ Москву 4 декабря въ 9 ч. утра. Въ моемъ домѣ меня съ тревогой и нетерпѣніемъ ожидали родственники, думавшіе, что я не вынесу потери Екатерины Второй. Туда же вскорѣ пріѣхалъ и братъ Александръ. Я принуждена была лечь въ постель; не было еще двѣнадцати часовъ, когда генералъ-губернаторъ Измайловъ вошелъ ко мнѣ. Онъ очевидно спѣшилъ въ Сенатъ, такъ какъ не успѣлъ онъ сѣсть, какъ тихо сказалъ мнѣ, что императоръ приказалъ ему передать мнѣ отъ его имени, чтобы я немедленно же вернулась въ деревню и помнила бы 1762 г. Я отвѣтила громко, такъ, чтобы меня слышали присутствующіе, что я всегда буду помнить 1762 г. и что это приказаніе императора исполню тѣмъ охотнѣе, что воспоминанія о 1762 г. никогда не пробуждаютъ во мнѣ ни сожалѣній, ни угрызеній совѣсти и что если бы государь продумалъ событія этого года, онъ, можетъ быть, не обращался бы со мной такимъ образомъ; что же касается отъѣзда моего въ деревню, то немедленно же уѣхать я не могу, такъ какъ должна поставить себѣ піявки, но что уѣду непремѣнно на слѣдующій день вечеромъ или самое позднее черезъ день утромъ. Генералъ-губернаторъ откланялся и ушелъ. Всѣ присутствующіе были подавлены и грустны, кромѣ меня. Мой братъ былъ крайне опечаленъ и я старалась ободрить его.

Я уѣхала изъ Москвы 6 декабря. Моя жизнь представляла изъ себя сплошную борьбу со смертью. Я черезъ день писала брату и роднымъ, и они аккуратно отвѣчали мнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, между прочимъ мой братъ, пытались увѣрить меня, что Павелъ I своимъ обращеніемъ со мной какъ бы исполнялъ свой долгъ по отношенію къ памяти отца, но что послѣ коронаціи моя судьба измѣнится, и потому онъ просилъ меня не падать духомъ и беречь свое здоровье. Я приведу здѣсь свой отвѣтъ, такъ какъ онъ (какъ и многія мои слова) оказался пророческимъ:

«Ты увѣряешь, мой другъ, что Павелъ оставитъ меня въ покоѣ послѣ коронаціи. Развѣ ты его не знаешь? Когда

деспотъ начинаетъ бить свою жертву, онъ повторяетъ свои удары до полнаго ея уничтоженія. Меня ожидаетъ цѣлый рядъ гоненій и я приму ихъ съ покорностью. Я надѣюсь, что я почерпну мужество въ сознаніи своей невинности и въ незлобивомъ негодованіи на его обращеніе лично со мной. Дай Богъ только, чтобъ онъ въ своей злобѣ забылъ про тебя и про моихъ близкихъ; что ни угодно будетъ Господу послать мнѣ, я никогда не скажу и не сдѣлаю ничего, что могло бы унизить меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Прощай, мой другъ, мой возлюбленный братъ, цѣлую тебя».

Лежа въ постели или на кушеткѣ, безъ движенія, не имѣя даже возможности много читать, вслѣдствіе судорожныхъ болей въ затылкѣ, я на досугѣ вспоминала все, что испытала и сдѣлала въ жизни, и обдумывала, что мнѣ предстояло еще сдѣлать.

Мнѣ страстно хотѣлось поѣхать за границу, какъ только мнѣ удастся получить на то разрѣшеніе, но меня удерживала любовь къ сыну. Дѣла его были разстроены; онъ ими не занимался и вслѣдствіе множества долговъ его доходы могли бы уменьшиться до очень скромныхъ размѣровъ, если бы я лично своими попеченіями не сохраняла и не увеличивала собственное состояніе. Я черпала нѣкоторое утѣшеніе въ прошломъ. Мое безкорыстіе и неизмѣнная твердость моего характера служили для меня источникомъ внутренняго мира и удовлетворенія, которые хотя и не замѣняли всего, но придавали мнѣ извѣстную гордость и мужество, поддерживавшія меня въ превратностяхъ судьбы.

Я узнала, что нѣкоторые фавориты покойной императрицы задавались цѣлью вывести меня изъ терпѣнія съ тѣмъ, чтобы я, поддавшись живости своего характера, сдѣлала бы сцену, которая открыто поссорила бы меня съ императрицей. Между прочимъ графъ Мамоновъ, который былъ умнѣе своихъ предшественниковъ, былъ убѣжденъ, что не удастся возстановить императрицу противъ меня и заставить ее совершить слишкомъ явную несправедливость, если я сама не вызову ее на это, что легко могло бы слу-

читься, если бы я, будучи озлоблена противъ государыни, не сдержала бы своего негодованія и тѣмъ дала бы ей поводъ гнѣваться на меня. Онъ исподтишка много вредилъ мнѣ и моему сыну, что и могло бы вызвать во мнѣ раздраженіе, но я по опыту знала, что была бѣльмомъ на глазу у фаворитовъ, и, руководимая своей безграничной любовью къ императрицѣ, умѣла отличать то, что исходило отъ нея лично, отъ того, что было ей внушено фаворитами, которымъ я не только не поклонялась, но дѣлала видъ, что не знаю, какое они занимаютъ положеніе и какимъ вліяніемъ пользуются.

Непоправимая потеря, постигшая мою родину со смертью императрицы, приводила меня въ ужасъ и отчаяніе, но прошлое вызывало во мнѣ воспоминанія, заставлявшія меня уважать свой образъ дѣйствій.

Настоящее было тревожно. Павелъ съ первыхъ же дней своего восшествія на престолъ открыто выражалъ свою ненависть и презрѣніе къ матери. Онъ поспѣшно уничтожалъ все, совершенное ею, и лучшія ея постановленія были замѣнены актами необузданнаго произвола.

Назначенія на различныя мѣста и увольненія съ нихъ слѣдовали другъ за другомъ съ такой быстротой, что не успѣвало появиться въ газетахъ объявленіе о назначеніи на какое-нибудь мѣсто извѣстнаго лица, какъ оно уже было смѣнено. Никто не зналъ, къ кому обратиться. Рѣдки были тѣ семейства, гдѣ не оплакивали бы сосланнаго или заключеннаго члена семьи. Всюду царилъ страхъ и вызывалъ подозрительное отношеніе къ окружающимъ, уничтожалъ довѣріе другъ къ другу, столь естественное при кровныхъ родственныхъ узахъ. Подъ вліяніемъ страха явилась и апатія, чувство губительное для первой гражданской добродѣтели—любви къ родинѣ. Будущее предвѣщало мнѣ неисчислимыя бѣдствія. Удрученная горемъ и больная, я трепетала за своихъ родныхъ и друзей и влачила жизнь въ надеждѣ, что она скоро прекратится. Вскорѣ оправдалось

мое пророчество о томъ, что Павелъ не прекратитъ своихъ гоненій на меня.

Ко мнѣ пріѣхалъ какъ-то подполковникъ Лаптевъ, отдаленный родственникъ моей бабушки, котораго мнѣ посчастливилось подвинуть въ его служебной карьерѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что не хотѣлъ вернуться въ свой полкъ, не посѣтивъ меня, и что можетъ пробыть у меня только одинъ этотъ вечеръ, такъ какъ онъ уже просрочилъ свой отпускъ вслѣдствіе болѣзни отца. Онъ посидѣлъ со мной до двѣнадцати часовъ, когда я отослала его спать. Въ три часа ночи онъ велѣлъ мнѣ передать черезъ мою горничную, что долженъ переговорить со мной и передать мнѣ письмо. Я отвѣтила ему, что онъ успѣетъ сдѣлать это и утромъ, и посовѣтовала лечь и отдохнуть отъ путешествія. Тогда онъ велѣлъ сказать мнѣ, что пріѣхалъ нарочный изъ Москвы и привезъ мнѣ письмо. Я не сомнѣвалась въ томъ, что меня постигъ новый ударъ, и велѣла впустить Лаптева, передавшаго мнѣ письмо отъ московскаго генералъ-губернатора, Измайлова. Оно заключало въ себѣ приказаніе императора немедленно отправиться на жительство въ имѣніе моего сына, расположенное въ Новгородской губерніи (названіе имѣнія или деревни не было намѣчено), и оставаться въ немъ впредь до новаго распоряженія. Я разбудила свою дочь и продиктовала ей отвѣтъ Измайлову, въ которомъ я увѣдомляла его, что несмотря на мое желаніе безъ замедленія исполнить волю императора и на свое равнодушіе къ тому, гдѣ я буду прозябать и гдѣ умру, я принуждена отсрочить свой отъѣздъ, потому что я давно сдала сыну управленіе его имѣньями, никогда не была въ его новгородскихъ помѣстьяхъ и не съумѣю найти дорогу въ деревню, имя которой даже не обозначено; я добавила, что, считая болѣе благоразумнымъ миновать Москву, я буду блуждать по проселочнымъ дорогамъ и потому немедленно же пошлю нарочнаго къ управляющему моего сына съ просьбой прислать мнѣ какого-нибудь крестьянина изъ новгородскихъ

деревень, въ случаѣ, если таковой найдется въ Москвѣ, для того, чтобы онъ мнѣ указывалъ дорогу.

Мнѣ стоило большого труда успокоить и ободрить мою дочь. Она плакала, обнимая мои колѣни. Кто-то разбудилъ миссъ Бетсъ, чтобы сообщить ей страшную новость, повергшую въ уныніе весь домъ; когда она вошла въ комнату, она дрожала какъ листъ; я пожала ей руку, уговаривая ее хорошенько подумать, прежде чѣмъ поддаться внушенію ея любви ко мнѣ, и дала ей полную свободу не слѣдовать за мной въ ссылку и жить въ Троицкомъ или моемъ московскомъ домѣ, сколько времени ей будетъ угодно. Она объявила мнѣ свое твердое намѣреніе не покидать меня, сказавъ, что никто въ мірѣ не заставитъ ее измѣнить свое рѣшеніе. Я поцѣловала ее, а моя дочь бросилась ей на шею; мы плакали какъ дѣти.

Лаптевъ, передавъ мое письмо курьеру и отправивъ съ нимъ одного изъ моихъ дворовыхъ, вернулся въ комнату и спокойно объявилъ мнѣ, что проводитъ меня до мѣста ссылки. Я тщетно протестовала, яркими красками рисуя несчастія, которыя онъ неминуемо навлечетъ на себя, и мое отчаяніе отъ сознанія, что я буду невольной ихъ причиной. Я напомнила ему, что онъ и безъ того просрочилъ свой отпускъ на нѣсколько дней; мое же путешествіе обѣщало быть очень длиннымъ, такъ какъ я собиралась уѣхать проселочными дорогами на собственныхъ лошадяхъ, не имѣя возможности пользоваться почтовыми; вслѣдствіе всего этого императоръ могъ его счесть за дезертира; я съ ужасомъ думала о томъ, что онъ будетъ по меньшей мѣрѣ разжалованъ въ солдаты, тѣмъ болѣе, что императоръ несомнѣнно будетъ гнѣваться и на то, что онъ принялъ такое живое участіе во мнѣ и рѣшился на столь смѣлый шагъ.

— Солдатъ, генералъ и полковникъ теперь всѣ сравнялись,—возразилъ онъ,—и въ настоящее время не стоитъ гордиться своимъ чиномъ. Надѣюсь, вы не прикажете вашимъ людямъ высадить меня изъ вашего экипажа, такъ какъ въ такомъ случаѣ я буду ѣхать стоя за вашей ки-

биткой или за кибиткой вашей дочери. Меня ничто въ мірѣ не заставитъ измѣнить своего рѣшенія увидѣть своими глазами, куда васъ сослали, такъ что будьте добры и не чините мнѣ дальнѣйшихъ препятствій.

Зная упорный и гордый характеръ этого молодого человѣка, я не противилась ему больше, опасаясь, что онъ еще увеличитъ свою вину, самовольно пустившись въ погоню за мной. Онъ доказалъ мнѣ свою преданность своей искренней радостью, когда онъ добился своего. Я не знала еще тогда, что его тревога за меня усилилась вслѣдствіе появленія въ деревнѣ какой-то темной личности, которая постоянно записывала все, что видѣла и слышала. Въ пьяномъ видѣ человѣкъ этотъ разсказалъ, что былъ посланъ съ цѣлью подкупить моихъ людей и узнавать отъ нихъ все, что говорится и дѣлается въ домѣ, и имена лицъ, жившихъ въ моемъ домѣ или навѣщавшихъ меня; онъ увѣрялъ даже, что по дорогѣ я буду схвачена и отправлена далеко въ Сибирь. Все это держалось отъ меня въ секретѣ и я, сама того не подозрѣвая, находилась во власти каждаго изъ своихъ людей; какой-нибудь негодяй могъ бы меня погубить и составить себѣ состояніе, превратившись въ шпіона—въ то время эта профессія была выгоднѣе и почетнѣе всѣхъ остальныхъ. Наконецъ, въ Москвѣ отыскался крестьянинъ изъ новгородской деревни, привезшій въ Москву для продажи гвозди собственнаго производства.

Ко мнѣ пріѣхала моя племянница, княгиня Долгорукова, и осталась со мной до моего отъѣзда изъ Троицкаго. Со мной жили дочери моихъ двухъ двоюродныхъ сестеръ: дѣвицы Исленева и Кочетова [1]). Эта послѣдняя была не совсѣмъ

[1]) Ея родители поручили ее мнѣ до ея замужества, передавъ мнѣ всѣ свои права. Она уѣхала отъ меня неохотно и съ глубокой печалью. По возвращеніи моемъ въ Троицкое, откуда я не имѣла права выѣзжать, ея родители вернули ее мнѣ, по собственному почину, такъ какъ я бы сама никогда не рѣшилась, ради своего удовольствія, запереть ее въ деревнѣ, когда она по своему возрасту должна была жаждать свѣтскихъ удовольствій.

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ВЪ ССЫЛКѢ.

Съ портрета, принадлежащаго издательницѣ ея «Записокъ», г-жѣ Брадфордъ, и приложеннаго къ англійскому изданію 1840 года.

здорова. Я написала ея отцу, жившему въ Москвѣ, что какъ бы ни утѣшительно было ея присутствіе для меня, я не считаю себя въ правѣ брать ее съ собой въ ссылку, гдѣ не было ни докторовъ, ни хирурговъ, ни вообще какихъ-либо средствъ, тогда какъ ея здоровье требовало послѣдовательнаго леченья; я просила его пріѣхать за ней и за дѣвицей Исленевой. Онъ пріѣхалъ за два дня до моего отъѣзда и на слѣдующій день увезъ моихъ племянницъ, обнаружившихъ глубокое горе при разлукѣ со мной. Онъ отвезъ дѣвицу Исленеву къ ея матери и принялся лечить свою дочь, обѣщая мнѣ постоянно давать вѣсти о ней.

Княгиня Долгорукова, женщина выдающаяся по своему уму и сердцу, какъ настоящій искренній и сердечный другъ, занялась упаковкой всевозможныхъ вещей, которыя по ея мнѣнію могли облегчить и скрасить мою жизнь въ крестьянской избѣ безъ мебели и удобствъ. Она старалась скрыть отъ меня свое горе по поводу обрушившагося на меня несчастія, но въ мое отсутствіе слезы ея текли обильно. Наканунѣ моего отъѣзда я застала ее всю въ слезахъ и, нѣжно цѣлуя ее, упрекнула ее въ томъ, что она такъ мало пользуется присущими ей высокими умственными качествами. Я просила ее запастись терпѣніемъ еще на двое сутокъ, такъ какъ я, если Господу Богу не угодно будетъ продлить мою жизнь для ниспосланія мнѣ новыхъ несчастій и бѣдствій, вслѣдствіе состоянія моего здоровья, по всей вѣроятности не выдержу и двухъ дней предстоящаго путешествія; если же по истеченіи этого срока не привезутъ мой безжизненный трупъ, то она можетъ быть убѣждена, что свѣжій воздухъ и движеніе вернули мнѣ силы, такъ что я когда-нибудь еще вернусь и буду еще наслаждаться ея обществомъ. Мое пророчество исполнилось: по возвращеніи моемъ изъ ссылки мы съ ней увидѣлись. Но два года тому назадъ ее унесла преждевременная смерть и я до конца своихъ дней оплакиваю этого вѣрнаго и умнаго друга.

Я не могла ни стоять, ни ходить безъ посторонней помощи и велѣла повезти себя въ церковь; попросивъ своихъ родныхъ и приказавъ прислугѣ не отнимать у меня слезными разставаніемъ небольшой запасъ нравственныхъ силъ, которыми мнѣ съ трудомъ удалось вооружиться, я по выходѣ изъ церкви сѣла въ кибитку [1]) и пустилась въ путешествіе, цѣль котораго мнѣ даже была неизвѣстна: до меня наканунѣ дошли слухи, ходившіе въ деревнѣ, о томъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Троицкаго меня заставятъ измѣнить маршрутъ и отвезутъ въ отдаленный и уединенный монастырь. Но ничего подобнаго не случилось. Наоборотъ, день за день силы мои прибавлялись; я была въ состояніи проглотить нѣсколько ложекъ плотно замороженныхъ щей, которыя, будучи распущены въ кипяткѣ, представляли изъ себя отличный супъ. Напрасно также мои близкіе боялись, что, вслѣдствіе непривычной мнѣ ѣзды въ кибиткѣ, усилятся мои ревматическія боли. Вмѣсто этого я чувствовала себя лучше, чѣмъ за послѣднія шесть недѣль. Между Троицкимъ [2]) и городомъ Тверью, мы два раза чуть не погибли, въ особенности во второй разъ.

---

[1]) Это было 26 декабря 1796 г.

[2]) На первой станціи отъ Троицкаго, гдѣ мы переночевали, Лаптевъ замѣтилъ, что какой-то незнакомецъ, обогнавшій насъ въ кибиткѣ, разговаривалъ съ хозяиномъ избы, въ которой я находилась, и захотѣлъ узнать, кто это такой. Крестьянинъ, бывшій очевидно подъ хмелькомъ, отвѣтилъ, что онъ самъ недоумѣваетъ, кто онъ, такъ какъ онъ сначала объявилъ себя принадлежащимъ къ моей свитѣ, а затѣмъ приказалъ ему именемъ начальства войти въ избу и убѣдиться, тамъ ли княгиня. Очевидно этотъ посланецъ Архарова не былъ очень тонкимъ политикомъ; когда Лаптевъ съ обычной своей горячностью спросилъ его, зачѣмъ ему нужно знать, находится ли княгиня въ избѣ, и какъ онъ смѣетъ тревожить мой покой въ ночное время, посылая въ мою комнату постороннихъ людей, онъ ясно далъ намъ понять, что посланъ слѣдить за нами не по волѣ императора, а по приказанію Архарова; онъ боялся, что я услышу его слова, и сказалъ Лаптеву тономъ, который онъ старался сдѣлать очень грознымъ, что если онъ передастъ мнѣ слышанное имъ, то неминуемо за это отвѣтитъ.

Страшная мятель замела всѣ дороги и мы 17 часовъ блуждали, не зная, гдѣ находимся. Жилья не было видно и лошади выбились изъ силъ. Мои слуги, въ ожиданіи неминуемой смерти, плакали и молились. Я велѣла кучеру остановиться, сказавъ, что съ разсвѣтомъ вѣтеръ несомнѣнно утихнетъ, лошади отдохнутъ и тогда можно будетъ попытаться найти какое-нибудь жилье. Дѣйствительно, черезъ три четверти часа кучеръ замѣтилъ огонекъ на нѣкоторомъ разстояніи. Указавъ самому здоровому и сильному изъ своихъ людей, въ какомъ направленіи свѣтился огонекъ, я послала его узнать, что это такое; черезъ полчаса онъ вернулся и сообщилъ, что это маленькая деревушка въ пять избъ. Мы поѣхали къ ней. Лошади тащили насъ шагомъ, но по крайней мѣрѣ и мы и эти несчастныя животныя были спасены отъ ужасной, медленной смерти. Оказалось, что деревушка лежала совершенно въ сторонѣ отъ дороги, что мы въ эти 19—20 часовъ отъѣхали всего на 6 верстъ отъ мѣста нашего ночлега.—Въ Твери насъ ожидалъ пріятный сюрпризъ; губернаторъ Поликарповъ приготовилъ мнѣ отличную квартиру. Этотъ почтенный человѣкъ тотчасъ же посѣтилъ меня и я выразила ему свою благодарность и опасенія, что его сердечное отношеніе къ ссыльной навлечетъ на него гнѣвъ мстительнаго монарха.

— Я не знаю, княгиня, какими частными письмами вы обмѣнялись съ императоромъ—отвѣтилъ онъ,—но указа о вашей ссылкѣ нѣтъ; слѣдовательно позвольте мнѣ поступать съ вами, какъ мнѣ то подсказываетъ чувство глубокаго уваженія, которое я питаю къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помню.

Онъ прислалъ намъ отличный ужинъ, несмотря на то, что всѣ улицы были запружены гвардейскими войсками, отправлявшимися въ Москву на коронацію Павла.

На слѣдующій день мы уѣхали послѣ легкаго завтрака; такъ какъ намъ предстояло совершить все путешествіе на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, то мы не дѣлали болѣе 64 верстъ въ сутки, а иногда и менѣе.

Въ городѣ Красный Холмъ городничій оказался къ счастью воспитаннымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Его фамилія была Крузе и онъ приходился племянникомъ знаменитому доктору Крузе. Онъ былъ вѣжливъ и услужливъ и далъ намъ съ собой провизіи, которой нельзя было достать въ крестьянскихъ деревняхъ и избахъ. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, мы рано утромъ отправились дальше. Въ этотъ день мы убѣдились въ томъ, что курьеръ, то обгонявшій насъ, то отстававшій отъ насъ, былъ шпіонъ, посланный Архаровымъ (императоръ облекъ его властью инквизитора и эти обязанности не претили его грубой и жестокой натурѣ) и каждый день доносившій ему обо всемъ, происходившемъ въ нашей маленькой колоніи. Лаптевъ вошелъ въ избу, только что оставленную шпіонами, и нашелъ въ ней забытое имъ письмо на имя Архарова; оно не было запечатано; онъ писалъ, что я была очень больна и что Лаптевъ все еще сопровождалъ меня; вѣроятно, для приданія большаго интереса своему письму, онъ сообщалъ еще, что мои люди украли у мужика тулупъ, хотя эта кража была совершена его слугой, имѣвшимъ только жалкую шубенку, тогда какъ наканунѣ своего отъѣзда я подарила всѣмъ моимъ людямъ по прекрасному тулупу. Съ этого дня мы всегда поднимали доску, которою крестьяне прикрываютъ въ избахъ спускъ въ погребъ, чтобы убѣдиться не подслушиваетъ ли клевретъ Архарова наши разговоры. Вскорѣ мною овладѣла болѣе жгучая тревога и безпокойство, которыя улеглись только по возвращеніи моемъ въ Троицкое, когда мой братъ и другіе друзья письменно сообщили мнѣ, что мой сынъ не подвергался гоненіямъ со стороны государя.

Мы пріѣхали въ Весьегонскъ, гдѣ городничимъ былъ двоюродный братъ самаго надежнаго орудія тиранніи и деспотизма Павла I, Аракчеева; чтобы доставить ему это мѣсто, недавно былъ смѣщенъ занимавшій его офицеръ, служившій около сорока лѣтъ, имѣвшій девять ранъ и поставленный самой покойной императрицей. Меня посѣтили оба городничіе, и бывшій и настоящій. Мнѣ стоило боль-

шого труда утѣшить бѣднаго служаку и отвлечь разговоръ на другія темы, такъ какъ онъ все время возвращался къ обсужденію своего увольненія отъ должности. Наконецъ, я попросила его проводить мою дочь и миссъ Бетсъ на ярмарку, бывшую въ то время одной изъ самыхъ значительныхъ въ имперіи. Не успѣли онн уйти, какъ ко мнѣ вошелъ офицеръ и передалъ мнѣ письмо. Оно было отъ моего сына; онъ послалъ этого офицера повидаться со мной, отдать приказаніе крестьянамъ села Коротова (мѣсто моей ссылки), чтобы они оказывали мнѣ повиновеніе какъ собственной барынѣ, и привезти ему вѣсточку отъ меня. Молнія, упавъ въ мою комнату, кажется не испугала бы меня такъ, какъ это письмо. Мое воображеніе уже рисовало мнѣ ссылку сына въ Сибирь, за ослушаніе приказанія императора, запретившаго разсылать офицеровъ съ депешами[1]). Въ глазахъ государя сынъ вѣроятно показался бы преступнымъ еще потому, что принималъ участіе въ судьбѣ своей матери, гонимой имъ. Я спросила у Шрейдемана, не видалъ ли его кто въ городѣ и не встрѣтилъ ли онъ городничаго. Онъ отвѣтилъ отрицательно, но я все-таки умоляла его немедленно уѣхать въ Коротово, лежавшее всего въ 33 верстахъ отъ Весьегонска, гдѣ обѣщала переговорить съ нимъ, и убѣдила его немедля покинуть городъ и вернуться другой дорогой, минуя эту. Тотчасъ же по возвращеніи съ ярмарки моихъ спутницъ, мы уѣхали и поздно вечеромъ прибыли въ мѣсто жительства, указанное мнѣ императоромъ.

Моя изба была довольно просторная; напротивъ нея была кухня, а лучшая изба въ боковомъ переулкѣ была приготовлена для моей дочери. Прежде всего я отправила Шрейдемана, но каково было мое удивленіе и безпокойство, когда слуга моего сына сказалъ мнѣ послѣ его отъѣзда,

---

[1]) Павелъ былъ такъ строгъ въ этомъ отношеніи, что велѣлъ объявить въ газетахъ строгій выговоръ князьямъ Суворову и Репнину за то, что они послали ему, государю, офицеровъ съ депешами.

что Шрейдеманъ не только видѣлъ городничаго, но по легкомыслію и тщеславію объявилъ свое имя, вслѣдствіе чего городничій потребовалъ его паспортъ и оставилъ его у себя. Я не знала покоя ни днемъ, ни ночью, такъ какъ даже во снѣ мнѣ грезилась ссылка сына въ Сибирь. Я написала моему брату и нѣкоторымъ друзьямъ, умоляя ихъ сообщить мнѣ свѣдѣнія о сынѣ, но даже ихъ увѣренія, что онъ былъ назначенъ командиромъ полка[1]), не вполнѣ успокоили меня. Что касается до меня лично, я была покойна и радовалась тому, что моя изба была лучше и просторнѣе, чѣмъ я ожидала. Правда, ночью мои три горничныя спали со мной (днемъ онѣ сидѣли въ комнатѣ миссъ Бетсъ), но онѣ такъ внимательно за мной ухаживали и были такъ чисты, что ничуть меня не стѣсняли. Кромѣ того миссъ Бетсъ догадалась захватить съ собой зеленый суконный занавѣсъ, которымъ и отдѣлила мое помѣщеніе отъ помѣщенія горничныхъ.

На слѣдующій день я отправила и Лаптева; судьба его меня также сильно тревожила. Господь избавилъ меня отъ угрызеній совѣсти, которыя я непремѣнно испытывала бы, если бы онъ сталъ жертвой своей благодарности и привязанности ко мнѣ. Императоръ узналъ, что онъ проводилъ меня до Коротова, и сказалъ на это, что Лаптевъ очевидно носитъ панталоны, а не юбки—государь употреблялъ обыкновенно это выраженіе, когда хотѣлъ сказать, что данное лицо отличается мужествомъ и твердымъ характеромъ. Батальонъ стрѣлковъ, которымъ командовалъ Лаптевъ, былъ упраздненъ Павломъ I, такъ что онъ очутился на улицѣ,

---

[1]) У Павла бывали проблески справедливаго чувства и рѣдкаго великодушія и прозорливости. Онъ узналъ отъ городничаго про поѣздку Шрейдемана, но не разгнѣвался на сына. Точно также, когда, по возвращеніи моемъ въ Троицкое, Архаровъ донесъ, что меня посѣщаютъ родственники и друзья и по нѣсколько дней живутъ у меня, онъ громко сказалъ: «Это вполнѣ естественно, я понимаю, что люди, питающіе къ княгинѣ Дашковой чувства дружбы или благодарности, хотятъ выразить ихъ ей въ настоящую минуту».

но государь далъ ему полкъ и вскорѣ пожаловалъ ему командорскій крестъ Іоанна Іерусалимскаго.

Изъ Твери я написала своему двоюродному брату, князю Репнину, и попросила его узнать, въ какихъ преступленіяхъ меня обвиняетъ императоръ; князь Репнинъ зналъ прекрасно, какія чувства руководили мною въ царствованіе Петра III, зналъ, что они должны были ясно доказать государю и всѣмъ порядочнымъ людямъ, что я никогда не имѣла въ виду ни личныхъ интересовъ, ни преступнаго возвышенія моей семьи. Я сообщила князю названіе деревни, куда была сослана на неопредѣленное время, и указала нѣсколькихъ искренно преданныхъ мнѣ академиковъ, которые перешлютъ мнѣ его отвѣтъ; я обѣщала послать вскорѣ крестьянина къ одному изъ нихъ, чтобы получить изъ его рукъ письма ко мнѣ; такимъ образомъ и его письмо непремѣнно попадетъ ко мнѣ. Императорамъ приносили присягу только дворяне, мѣщане, военные и всѣ люди, состоявшіе на службѣ, а крестьяне, принадлежавшіе дворянамъ, къ присягѣ не приводились. Не знаю, по какому капризу императоръ Павелъ велѣлъ присягать и всѣмъ крестьянамъ. Эта новая мѣра, никогда еще не примѣнявшаяся въ Россіи, оказалась пагубной. Крестьяне вообразили, что они больше не принадлежатъ помѣщикамъ, и нѣкоторыя деревни въ различныхъ губерніяхъ возмутились противъ своихъ господъ и отказались платить имъ оброкъ. Государю пришлось послать войска для ихъ усмиренія. Въ помѣстьяхъ Апраксина и княгини Голицыной, рожденной Чернышевой, бунтъ былъ такъ упоренъ, что пришлось стрѣлять изъ пушекъ и нѣсколько человѣкъ пали жертвой заблужденія, въ которое они были введены этой мѣрой. Не знаю, появлялись ли въ другихъ губерніяхъ канцелярскіе писаря (самое вредное въ Россіи отродье), объѣзжавшіе нѣкоторыя дворянскія имѣнія и внушавшіе бѣднымъ невѣжественнымъ крестьянамъ, что если они только заявятъ о своемъ желаніи принадлежать прямо государю, они будутъ избавлены отъ всякихъ повинностей по отношенію къ своимъ господамъ. Двое

такихъ писарей объѣхали Архангельскую губернію и сѣверную часть Новгородской, и до моего пріѣзда побывали и въ Коротовѣ, гдѣ предложили крестьянамъ за умѣренную плату довести объ ихъ желаніи до свѣдѣнія императора, но тѣ съ негодованіемъ отвергли ихъ предложеніе, объявивъ, что они чувствуютъ себя счастливѣе крестьянъ, принадлежавшихъ казнѣ. Для усмиренія бунтовъ въ этой губерніи былъ посланъ князь Репнинъ. Проѣзжая черезъ маленькое село, лежавшее по сосѣдству съ Коротовымъ, онъ призвалъ къ себѣ сельскаго священника и попросилъ его передать мнѣ тайно письмо. Священникъ съ клятвой обѣщалъ князю въ точности исполнить его порученіе, что онъ и сдѣлалъ: однажды, глядя въ окно, я увидѣла незнакомаго священника, направлявшагося прямо къ моей избѣ. Я вышла на крыльцо, а онъ, взойдя по ступенькамъ, передалъ мнѣ письмо и, сказавъ только, чтобы я надѣялась на милосердіе Божіе, исчезъ. Князь Репнинъ выражалъ мнѣ сожалѣніе, что не можетъ ничѣмъ помочь мнѣ, и совѣтовалъ мнѣ написать императрицѣ и просить ее заступиться за меня передъ своимъ супругомъ.

Должна сознаться, что мнѣ тяжело было обращаться съ просьбой къ императрицѣ, которая, какъ я думала, не была очень благосклонно расположена ко мнѣ. Я не спѣшила писать это письмо и не попросила бы разрѣшенія переѣхать въ Троицкое, если бы я одна страдала отъ жизни въ крестьянской избѣ въ 60-ти-градусные морозы, не имѣя возможности гулять даже съ наступленіемъ поздняго и короткаго лѣта, такъ какъ кругомъ были все болота и непроходимые лѣса; но вмѣстѣ со мной страдали моя дочь, миссъ Бетсъ и мои люди; они, пожалуй, мучились больше меня, такъ какъ переносили эти невзгоды изъ-за меня. Меня поддерживало сознаніе своей невинности, чистота совѣсти и какая-то душевная гордость, придававшая мнѣ силы и мужество, неожиданныя для меня самой и являющіяся загадкой для меня, которую я могу разрѣшить

только приписывая ихъ смиренію, присущему каждому благоразумному человѣку.

Наше положеніе казалось намъ еще печальнѣе потому, что морозы, сковавшіе окружающія насъ болота, дѣлали ихъ доступными для ѣзды и значительно сокращали путь изъ Петербурга въ Сибирь, вслѣдствіе чего большая часть кибитокъ со ссыльными проѣзжала мимо моихъ оконъ. Однажды, увидѣвъ у одной избы кибитку, не похожую на обыкновенную крестьянскую, я послала лакея спросить, кому она принадлежитъ; владѣлецъ ея въ свою очередь спросилъ лакея, чей онъ, и, узнавъ мою фамилію, онъ попросилъ разрѣшенія посѣтить меня, говоря, что состоитъ въ родствѣ со мной, вслѣдствіе брака его дяди съ одной моей родственницей. Хотя мнѣ въ моемъ положеніи было не до гостей и не хотѣлось ихъ принимать, я все-таки велѣла позвать его, думая, что можетъ быть буду въ состояніи чѣмъ-нибудь помочь ему. Чтобы завязать разговоръ, я спросила его, въ какомъ родствѣ онъ состоитъ со мной. Онъ сказалъ мнѣ, что двоюродный братъ его покойной матери, Разваринъ, былъ женатъ первымъ бракомъ на отдаленной родственницѣ моей матери. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, говорилъ заикаясь и лицо его искажалось судорогой. «Не больны ли вы?»—спросила я его.—«Нѣтъ, княгиня,—отвѣтилъ онъ,—я, вѣроятно, такимъ и останусь на всю жизнь». Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, что нѣкоторые его товарищи, гвардіи унтеръ-офицеры, держали предосудительныя рѣчи о государѣ; на нихъ донесли и онъ оказался запутаннымъ въ это дѣло; онъ былъ подвергнутъ пыткѣ, вывихнувшей ему всѣ члены; его товарищи были сосланы въ Сибирь, а онъ самъ былъ исключенъ со службы и получилъ приказаніе отправиться на жительство въ Вологодскую губернію, въ помѣстье своего дяди. Мнѣ было такъ тяжело, что я сократила его посѣщеніе, и долго еще меня преслѣдовалъ образъ этого молодого человѣка съ вывихнутыми членами и, такъ сказать, разорванными нервами.

Вскорѣ меня посѣтили госпожа Воронцова съ дочерью.

Она была вдова дальняго моего родственника. Эта почтенная женщина сочла своимъ долгомъ оказать мнѣ вниманіе въ благодарность за мое попеченіе о ея сынѣ. Она поручила его мнѣ, когда ему было семь лѣтъ, и я воспитывала его до шестнадцатилѣтняго возраста, когда онъ поступилъ на службу съ чиномъ маіора; его нравственныя качества, хорошее поведеніе и нѣжное отношеніе къ матери являлись ея утѣшеніемъ въ жизни. Она поселилась въ сосѣдней избѣ и провела со мной цѣлую недѣлю.

Мы предусмотрительно захватили съ собой изъ Троицкаго книгъ и карандашей, которыми рисовали на бѣломъ столѣ разные виды и картинки; каждые три дня столъ мыли и онъ опять служилъ для той же цѣли—бумагой мы должны были дорожить; кромѣ того насъ развлекалъ своими забавными выходками маленькій казачокъ, и время шло мирно и тихо въ безропотной покорности волѣ Божіей. Мое спокойствіе внушало и моимъ спутницамъ мужество и терпѣніе. Я узнала, что въ концѣ апрѣля при таяніи льда и снѣговъ рѣка разливалась почти на двѣ версты кругомъ, и что, за неимѣніемъ плотовъ и паромовъ, ее переѣзжали только въ маленькихъ лодочкахъ; мы пріѣхали въ зимнихъ кибиткахъ и я знала, что мнѣ невозможно было достать лѣтніе экипажи, поэтому я рѣшила написать императрицѣ и просить ее повергнуть передъ своимъ супругомъ мою просьбу о разрѣшеніи мнѣ вернуться въ Троицкое, откуда я обязывалась не выѣзжать, но гдѣ у насъ подъ рукой будетъ медицинская помощь и гдѣ мы будемъ жить въ моемъ домѣ, не подвергаясь неудобствамъ и невзгодамъ пребыванія въ простыхъ крестьянскихъ избахъ. Я вложила въ пакетъ незапечатанное письмо на имя государя; могу сказать, что оно было очень гордое и не заключало въ себѣ униженныхъ просьбъ. Я писала, что состояніе моего здоровья было таково, что мнѣ не стоило писать настоящаго письма, а его величеству его читать, такъ какъ мнѣ было совершенно безразлично, гдѣ и какъ я умру; но что мои религіозные прин-

ципы и чувство состраданія не позволяли мнѣ равнодушно смотрѣть на мученія людей, раздѣлявшихъ со мною ссылку, ничѣмъ незаслуженную, какъ говорила мнѣ моя совѣсть; я добавила, что никогда при жизни императрицы-матери я не питала къ нему враждебныхъ чувствъ, и въ заключеніе просила его разрѣшить мнѣ переѣхать въ мое калужское имѣніе [1]), гдѣ мои сожительницы и мои люди будутъ лучше помѣщены и въ случаѣ болѣзни будутъ имѣть возможность пользоваться уходомъ врача. Я послала письмо по почтѣ, и надо признаться, мы съ нетерпѣніемъ ожидали результатовъ. Впослѣдствіи я узнала отъ лица, находившагося въ то время въ Петербургѣ и имѣвшаго свободный доступъ во внутренніе покои ихъ величествъ, что мое посланіе чуть не привело къ самымъ ужаснымъ для насъ послѣдствіямъ; но Провидѣнію было угодно спасти меня и на этотъ разъ. Благодаря измѣнчивости настроеній Павла I и какой-то задержкѣ во время путешествія курьера, который долженъ былъ нанести можетъ быть послѣдній ударъ еле-живой женщинѣ, боровшейся съ жестокой судьбой, бѣдствіе было отвращено отъ насъ и мы получили утѣшеніе и облегченіе нашего положенія.

Когда императрица, получивъ мое письмо, передала государю посланіе, адресованное ему, онъ пришелъ въ ярость, прогналъ ее, заявивъ, что не желаетъ быть свергнутымъ съ престола подобно своему отцу, и не пожелалъ принять моего письма.

Императрица сообщила госпожѣ Нелидовой о своей неудачѣ; тогда та отдала письмо младшему сыну государя, великому князю Михаилу [2]) и вмѣстѣ съ государыней по-

---

[1]) Троицкое.

[2]) Павелъ утверждалъ, что только этотъ сынъ являлся дѣйствительно императорскимъ высочествомъ, такъ какъ онъ родился послѣ восшествія его на престолъ; онъ, казалось, любилъ его больше другихъ дѣтей.

вела его къ Павлу; смягчившись, онъ взялъ письмо и, прочтя его, поцѣловалъ сына и сказалъ имъ: «Вы такъ умѣете взяться за дѣло, что противъ васъ нельзя устоять».

Онѣ ласково и нѣжно благодарили его, а онъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Княгиня Екатерина Романовна. Согласно вашему желанію, вамъ разрѣшается вернуться въ ваше имѣніе въ Калужской губерніи. Впрочемъ пребываю къ вамъ благосклонный.

Павелъ».

Затѣмъ онъ позвалъ петербургскаго военнаго губернатора Архарова и повелѣлъ ему поскорѣй отправить ко мнѣ нарочнаго съ письмомъ и вернуть курьера, уже посланнаго раньше и получившаго приказаніе отнять у меня бумагу и чернила, поселиться въ моей избѣ и строго слѣдить за тѣмъ, чтобы я не вступала въ сношенія съ внѣшнимъ міромъ.

Архаровъ [1]), по злобѣ ли или неумышленно, выбралъ для исполненія этого спѣшнаго порученія курьера, только что вернувшагося изъ Сибири, куда онъ отвозилъ въ ссылку какого-то несчастнаго гвардіи офицера. Проѣхавъ взадъ и впередъ 4.000 верстъ безъ отдыха, онъ врядъ ли могъ догнать курьера, уѣхавшаго за нѣсколько часовъ до него; но судьба, очевидно уставъ преслѣдовать меня, устроила иначе. Второй курьеръ догналъ перваго, вернулъ его и самъ съ величайшей поспѣшностью поѣхалъ дальше. Я сидѣла у окна, когда онъ пріѣхалъ. Увидавъ кибитку у крыльца, окруженную моими людьми, я вышла и узнала посланнаго отъ императора. Миссъ Бетсъ тщетно разспрашивала его, какія онъ привезъ вѣсти. Онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ и что привезъ мнѣ указъ отъ государя. Я назвалась и онъ передалъ мнѣ вышеприведенное письмо. Не успѣла я еще его распечатать, какъ миссъ

[1]) Старшій братъ московскаго губернатора.

Бетсъ бросилась на колѣни передо мной, восклицая: «Дорогая княгиня, и въ Сибири есть Богъ! Не падайте духомъ!» Она дрожала всѣмъ тѣломъ и была блѣдна какъ смерть. Я ее подняла, попросила успокоиться и позволить мнѣ прочесть письмо. Когда я ей объявила, что мы получили разрѣшеніе вернуться въ Троицкое, она снова бросилась къ моимъ ногамъ; ее била лихорадка, она бредила и мнѣ съ трудомъ удалось уговорить ее лечь въ постель. Затѣмъ я приказала людямъ накормить курьера и дать ему вина, но онъ отказался отъ пищи и просилъ только дать ему уголокъ уснуть, такъ какъ онъ провелъ нѣсколько безсонныхъ ночей. Я послала къ дочери сообщить ей счастливую новость; люди мои чуть съ ума не сошли отъ радости. На слѣдующій день я отослала курьера обратно; спросивъ его, сколько онъ получаетъ жалованья въ годъ, я дала ему почти вдвое больше. Тогда онъ въ свою очередь чуть съ ума не сошелъ отъ радости; одна я осталась бы совершенно покойной, если бы не болѣзнь миссъ Бетсъ, тревожившая меня; она бредила и не узнавала никого, кромѣ меня. Я отходила отъ ея постели только для того, чтобы писать письма и отправить часть людей въ Троицкое, дабы остаться налегкѣ; я твердо рѣшила не уѣзжать самой, пока миссъ Бетсъ не будетъ въ состояніи совершить путешествіе. Я отправила съ курьеромъ императора также незапечатанное письмо Архарову съ просьбой передать его Лепехину, непремѣнному секретарю Русской Академіи и профессору естественной исторіи въ академіи наукъ. Такъ какъ онъ былъ мнѣ очень преданъ, я разсказала ему случившееся со мной и дала свой адресъ въ Троицкомъ. Архаровъ имѣлъ низость задержать мое письмо. Кромѣ того я отправила съ крестьяниномъ англійскому негоціанту въ Петербургѣ, Глину, письма для моихъ друзей въ Англіи. Затѣмъ я приготовила все къ путешествію, дабы оно не встрѣтило препятствій или задержекъ. Черезъ недѣлю горячка оставила миссъ Бетсъ; она была только очень слаба. Какъ только ей стало лучше, я послала за 120 верстъ впе-

редъ моихъ собственныхъ лошадей, остававшихся въ Коротовѣ, и черезъ десять дней послѣ пріѣзда благодѣтельнаго курьера мы тронулись въ путь.

Не хочу покинуть Коротова, не упомянувъ объ удивительно деликатныхъ заботахъ, которыми крестьяне ежедневно окружали меня. Два раза въ недѣлю они приносили мнѣ съ базара всякую вкусную и даже рѣдкую по сезону провизію для моего стола. За нѣсколько дней до моего отъѣзда я узнала, что крестьянки приносили мнѣ каждый день яйца, блины или пироги для того только, чтобы меня увидѣть и собственными глазами убѣдиться въ томъ, что я жива. Я нѣсколько разъ спрашивала крестьянъ, почему они были такъ привязаны ко мнѣ, несмотря на то, что они уже нѣсколько лѣтъ перешли во владѣніе моего сына. Они неизмѣнно отвѣчали: «За время твоего управленія нами мы разбогатѣли и сдѣлались счастливыми и ты воспитала и нашего батюшку-князя въ такихъ же правилахъ; хотя онъ и повысилъ оброкъ, но онъ все-таки значительно меньше оброка, который наши сосѣди платятъ своимъ господамъ». Крестьяне поставили въ нѣсколькихъ мѣстахъ подставы, такъ что я въ одинъ день проѣхала путь, который, пріѣзжая, совершила въ два съ половиной дня. Я покинула свою избу въ концѣ марта.

Благодаря нѣкоторымъ познаніямъ въ медицинѣ, большой чуткости, которою меня къ несчастью одарила природа, вслѣдствіе того, что я часто ухаживала за больными и на практикѣ изучила проявленія и вліяніе нѣкоторыхъ болѣзней на организмъ, мнѣ удалось вылечить миссъ Бетсъ съ помощью усиленнаго ухода и немногихъ лекарствъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи.

Когда мы выѣхали изъ Коротова, стояла еще настоящая зима. На девятый день нашего путешествія, когда мы подъѣхали къ рѣкѣ Протвѣ, протекающей мимо моего сада и терасы въ Троицкомъ, снѣга уже не было. Берега рѣки зеленѣли и дорога была чрезвычайно тяжела для лошадей, тащившихъ кибитку на полозьяхъ то по песку,

то по травѣ и по глинѣ. Наконецъ на десятый день мы пріѣхали въ Троицкое. Прежде всего я отправилась въ церковь; несмотря на ея большіе размѣры, она едва вмѣщала моихъ людей и крестьянъ, собравшихся изъ 16 принадлежавшихъ мнѣ селъ и деревень, чтобы встрѣтить меня и выразить свою радость по поводу моего возвращенія: они хотѣли всѣ поцѣловать мою руку, но я едва держалась на ногахъ и просила ихъ придти въ слѣдующее воскресенье. Я была очень тронута ихъ искренней радостью, но рѣшительно не могла сдѣлать надъ собой усиліе; мое несчастное больное тѣло требовало неотложнаго отдыха въ хорошей постели. На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда я отправила человѣка въ Москву къ брату, чтобы возвѣстить ему о моемъ возвращеніи въ Троицкое. Я написала также моимъ племянницамъ, княгинѣ Долгоруковой и княгинѣ Маврокордато, съ просьбой сообщить мнѣ поскорѣй свѣдѣнія о себѣ, о моемъ сынѣ и другихъ моихъ родственникахъ и друзьяхъ. Я благодарила Бога, что никто изъ нихъ не сталъ жертвой деспотизма. Я узнала, что въ моемъ московскомъ домѣ были расквартированы 87 солдатъ и одинъ офицеръ. Мой управляющій догадался запечатать входы въ главный домъ, объявивъ, что такъ какъ я поспѣшно уѣхала, не успѣвъ убрать вещи, я приказала наложить печати на всѣ входныя двери. Благодаря этому я была избавлена отъ расходовъ на содержаніе какого-нибудь изъ жалкихъ генераловъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ гатчинскихъ; онъ навѣрное испачкалъ бы весь домъ и испортилъ бы мебель. На моей дачѣ были также расквартированы 90 солдатъ и 6 унтеръ-офицеровъ; на отопленіе для нихъ не хватило тѣхъ 3.000 бревенъ, которыя на плотахъ прибывали по рѣкѣ изъ моего имѣнія; приходилось покупать еще дрова, что въ связи со многими другими расходами заставило меня продать этотъ домъ, хотя я его очень любила, потому что онъ былъ окруженъ садомъ, который, благодаря моимъ заботамъ въ теченіе 30 лѣтъ, достигъ верха совершенства; даже зимой онъ

содержался въ величайшей чистотѣ и порядкѣ, дорожки были расчищены и посыпаны пескомъ, такъ что я могла гулять въ немъ и въ зимнее время. Но все это было ничто въ сравненіи съ расходами и, главное, непріятностями, вызываемыми присутствіемъ въ моемъ домѣ подобныхъ гостей.

Я не знала, впрочемъ, будетъ ли мнѣ когда-нибудь разрѣшено жить въ Москвѣ; я и не желала поселиться въ ней, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ вернулась въ Троицкое; всѣ мои искренніе друзья пріѣзжали ко мнѣ, а я знала, что въ городахъ и въ особенности въ Москвѣ была установлена цѣлая система шпіонства, тѣмъ болѣе опасная, что доносы являются вѣрнѣйшимъ способомъ втереться въ довѣріе подозрительныхъ тирановъ. Лѣтомъ я принялась за свои садовыя, земледѣльческія и строительныя работы, и въ виду того, что у меня не было подъ рукой лицъ свѣдущихъ въ этихъ отрасляхъ, онѣ отнимали у меня много времени и я такъ уставала, что вечеромъ всегда быстро засыпала, что мнѣ было тѣмъ болѣе необходимо, что я каждую ночь неукоснительно просыпалась въ тотъ роковой часъ, въ который меня разбудили, чтобы объявить мнѣ о моей ссылкѣ въ Коротово; я рѣдко засыпала послѣ этого, такъ что принуждена была отдыхать еще часъ послѣ обѣда.

Въ дождливые дни, когда приходилось сидѣть дома, я чертила планы предполагаемыхъ построекъ и плантацій или коротала время за чтеніемъ книгъ изъ своей библіотеки. Мнѣ хотѣлось пріобрѣсть новыя иностранныя книги и, ассигновавъ на ихъ покупку извѣстную сумму ежегодно, я написала объ этомъ моимъ друзьямъ; они отвѣтили мнѣ, что ввозъ книгъ былъ почти совершенно запрещенъ, но что Россія была наводнена клеветническими памфлетами на Екатерину Вторую, которые мои друзья не рѣшались мнѣ присылать. Но я выписала всѣ тѣ, которые были въ Москвѣ, и не положу пера, пока не дополню эту книгу (которая, можетъ быть, и не заслуживаетъ вниманія потомства, но заинтересуетъ моихъ друзей) замѣтками, ко-

торыя, надѣюсь, докажутъ всю лживость утвержденій, написанныхъ подъ вліяніемъ ненависти и зависти.

Въ 1798 г. мой сынъ былъ въ Петербургѣ. Императоръ вдругъ такъ пристрастился къ нему, что былъ не въ духѣ въ тѣ дни, когда онъ не обѣдалъ при дворѣ. Государь проводилъ съ нимъ вдвоемъ цѣлые часы въ своемъ кабинетѣ и онъ часто бывалъ у императрицы, когда у нея были только государь и Нелидова и даже ихъ императорскія высочества не допускались къ ней. Какъ только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ упросилъ великаго князя Александра (нынѣшняго государя) попытаться испросить для меня разрѣшеніе жить въ Москвѣ и посѣтить мои другія помѣстья [1]). Его императорское высочество обѣщалъ исполнить его просьбу, но прошло болѣе мѣсяца и его неоднократныя обѣщанія не осуществлялись. Мой сынъ говорилъ объ этомъ съ Николаи, директоромъ Академіи Наукъ и статсъ-секретаремъ императрицы, которая очень его уважала. Однажды Николаи вошелъ къ императрицѣ въ ту минуту, когда она говорила съ фрейлиной Нелидовой о вліяніи князя Дашкова на государя и выражала удивленіе, что онъ не пользуется имъ, чтобы добиться возвращенія свободы своей матери; на это Николаи сообщилъ императрицѣ, что мой сынъ просилъ заступничества великаго князя и сильно тревожится, что обѣщанія великаго князя не исполняются; онъ сказалъ даже, что ея величество и госпожа Нелидова доказали бы свое великодушіе, если бы употребили и свое вліяніе въ этомъ дѣлѣ.

[1]) Узнавъ о намѣреніи сына поѣхать въ Петербургъ, я написала ему, чтобы онъ забылъ про меня и думалъ только о собственной безопасности. Я нѣсколько разъ повторила то же самое, объявивъ ему, что я предпочитаю Троицкое всякой другой мѣстности въ Россіи и что, благодаря моимъ отношеніямъ къ крестьянамъ, управленіе моими помѣстьями и поступленіе умѣренныхъ оброковъ не требовали моего надзора и потому я не желала свободы передвиженія и не нуждалась въ ней.

Онѣ этого опредѣленно не обѣщали, но отвѣтили, что подумаютъ о томъ, что предпринять. Николаи сообщилъ князю Дашкову этотъ разговоръ; черезъ нѣсколько дней князь Алексѣй Куракинъ по порученію императора сказалъ сыну, что государь хочетъ подарить ему 5,000 крестьянъ; но мой сынъ просилъ передать его величеству, что онъ глубоко тронутъ его добротой и чувствуетъ живѣйшую къ нему благодарность, но желаетъ только возвращенія свободы своей матери. На слѣдующее утро князь Куракинъ подошелъ къ моему сыну передъ вахтъ-парадомъ и сообщилъ что государь велѣлъ ему объявить мнѣ о возвращеніи мнѣ свободы и что онъ самъ сейчасъ скажетъ это моему сыну [1]). Когда императоръ появился на вахтъ-парадѣ, мой сынъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни; но его величество остановилъ его, поцѣловалъ, и мой сынъ, въ порывѣ счастья, забывъ про маленькій ростъ императора, поднялъ его на воздухъ, сжимая его въ своихъ объятіяхъ. Оба плакали. Это была первая и послѣдняя чувствительная сцена, которую видѣла гвардія.

Благосклонное отношеніе Павла къ моему сыну не ослабѣло до самаго его отъѣзда. Онъ совѣтовался съ нимъ насчетъ своихъ военныхъ плановъ и войны, которую хотѣлъ объявить. Во время совѣщанія съ нимъ вдвоемъ въ кабинетѣ, онъ заставилъ его составить на бумагѣ планъ военныхъ операцій, расположеніе войскъ и подъ величайшимъ секретомъ рѣшилъ поручить ему командованіе армейскимъ корпусомъ, стоявшимъ въ Кіевѣ. Онъ даже далъ ему нѣсколько подписанныхъ имъ бланковъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности онъ заполнялъ ихъ, не теряя времени, и

---

[1]) Письмо князя Куракина было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Княгиня и любезная тетушка! Я счастливъ объявить вамъ по приказанію государя императора, что вы свободны посѣщать ваши помѣстья, мѣнять ваше мѣстожительство и даже пріѣзжать въ столицу въ отсутствіе двора; когда же дворъ находится въ Петербургѣ, вы можете жить въ ближайшемъ къ столицѣ имѣніи.»

повелѣлъ нашему министру въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, и въ Константинополѣ, Тамарѣ, совѣтоваться съ княземъ Дашковымъ. Онъ также отправилъ командующему нашимъ флотомъ на Черномъ морѣ приказаніе дѣйствовать совмѣстно съ нимъ и по его указаніямъ. Мой сынъ поѣхалъ изъ Петербурга прямо въ Кіевъ, гдѣ ему надо было сдѣлать коекакія предварительныя распоряженія и сообщить о нихъ императору. Кто бы могъ подумать, что послѣ подобной милости онъ будетъ уволенъ отъ службы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ за то, что заявилъ князю Лопухину (генералъ-прокурору Сената), что одинъ изъ заключенныхъ въ кіевской крѣпости, нѣкто Альтести, посаженъ въ тюрьму невинно. Его обвиняли въ томъ, что онъ поселилъ на земляхъ, пожалованныхъ ему покойной императрицей, нѣсколько солдатъ въ качествѣ хлѣбопашцевъ; это было несправедливо и ни одного солдата въ его имѣніяхъ не было, но главное его преступленіе заключалось въ томъ, что въ предыдущее царствованіе онъ былъ секретаремъ князя Зубова и самымъ близкимъ къ нему лицомъ, пользовавшимся его безграничнымъ довѣріемъ—можетъ быть, иногда употребляемымъ и во вредъ. Можетъ быть, князь Лопухинъ выбралъ минуту, когда государь былъ не въ духѣ, чтобы сообщить ему о заявленіи моего сына, или же у него къ тому были другія причины; онъ былъ человѣкъ двуличный, мстительный и скрытный. Но, какъ бы то ни было, императоръ написалъ князю Дашкову слѣдующія строки:

«Такъ какъ вы вмѣшиваетесь въ дѣла, которыя васъ не касаются, вы симъ увольняетесь въ отставку.»

Мой сынъ не хотѣлъ вручать курьеру, привезшему ему это странное письмо, подписанные государемъ бланки и другія важныя бумаги. Онъ письмомъ къ государю просилъ его прислать довѣренное лицо за упомянутыми документами; когда курьеръ пріѣхалъ за ними въ Кіевъ, князь Дашковъ отослалъ государю даже его письма и, покончивъ съ личными дѣлами, отправился прямо въ свои тамбовскія помѣстья.

Лѣтомъ слѣдующаго года я поѣхала на нѣсколько недѣль въ свое бѣлорусское имѣніе. Я застала тамъ множество злоупотребленій, совершенныхъ полякомъ-управляющимъ въ увѣренности, что я буду сослана въ Сибирь. Я сдѣлала нѣсколько выгодныхъ для моихъ крестьянъ распоряженій и поставила во главѣ управленія этимъ имѣніемъ русскаго крестьянина изъ моихъ крѣпостныхъ. На возвратномъ пути я прожила шесть недѣль у брата. У него въ саду я посадила много деревьевъ и кустовъ, выкопала тѣ, которые были посажены безвкусно, образовывая ломанную линію, и въ общемъ мнѣ удалось украсить его садъ.

Мы проводили съ братомъ каждый день нѣсколько часовъ вдвоемъ и нашъ разговоръ вращался главнымъ образомъ вокругъ предмета, глубоко волновавшаго насъ обоихъ, а именно несчастій, постигшихъ нашу родину и почти каждое отдѣльное лицо, такъ какъ, если кто-нибудь лично и не сталъ жертвой деспотизма Павла I, то онъ оплакивалъ родственника или друга. Не знаю какимъ образомъ, но въ головѣ моей вселилась мысль, что конецъ царствованію Павла наступитъ въ 1801 г. Я сообщила ее брату и на его вопросъ, какія у меня были къ тому данныя, рѣшительно не могла объяснить, откуда у меня взялась эта мысль, но она гвоздемъ засѣла въ моей головѣ. Наконецъ въ январѣ 1801 г., мой братъ, вспомнивъ мое пророчество, воскликнулъ: «Вотъ годъ уже начался.»—«Онъ начался, это вѣрно, отвѣтила я, но мы еще только въ январѣ, а мое пророчество исполнится черезъ три мѣсяца.»

Дѣйствительно, 12-го марта Провидѣнію угодно было допустить, чтобы пресѣчены были дни Павла I и тѣмъ самымъ и общественныя и частныя бѣдствія; налоги росли съ каждымъ днемъ, а съ ними вмѣстѣ и гоненія. Сколько разъ я благодарила Создателя, что я была избавлена отъ обязанности являться при дворѣ въ царствованіе Павла! Сколько мнѣ пришлось бы перенести горя и тревоги, такъ какъ природа отказала мнѣ въ искусствѣ притворяться, столь необходимомъ при общеніи съ государями и еще бо-

лѣе съ ихъ приближенными, и на лицѣ моемъ ясно отражались отвращеніе, презрѣніе и негодованіе, волновавшія мою душу. Павелъ былъ невыносимъ со своимъ прусскимъ капральствомъ, невыносимъ и въ томъ, что придавалъ какое-то сверхъ естественное значеніе своему царскому сану; онъ былъ труслпвъ и подозрителенъ, постоянно воображалъ, что противъ него составляются заговоры, и всѣ его дѣйствія являлись только вспышками, внушенными настроеніемъ минуты; къ несчастію, онѣ чаще всего были злы и жестоки. Къ нему приближались со страхомъ, соединеннымъ съ презрѣніемъ. Какъ мало походила ежедневная жизнь его придворныхъ на времяпрепровожденіе лицъ, имѣвшихъ счастіе быть приближенными къ Великой Екатеринѣ! Не роняя своего достоинства, она была доступна всѣмъ и въ обращеніи съ ней не было и тѣни раболѣпнаго страха; она своимъ присутствіемъ вызывала чувство благоговѣйнаго почтенія и уваженія, согрѣтаго любовью и благодарностью. Въ частной жизни она была весела, любезна, привѣтлива и старалась заставить забыть свой санъ. Даже если бы возможно было, чтобы его потеряли изъ виду хоть на одну минуту, у всѣхъ было такое ясное сознаніе великихъ качествъ, которыми одарила ее природа, что представленіе о ней всегда связано было съ чувствомъ благоговѣйнаго уваженія.

Возвратившись въ Москву, мой братъ разсказалъ нѣкоторымъ лицамъ произнесенное мною пророчество и меня стали осаждать вопросами, на которые я рѣшительно не могла отвѣтить, такъ какъ сама не отдавала себѣ отчета, какимъ образомъ эта мысль засѣла у меня въ головѣ. Спустя нѣкоторое время мой братъ получилъ письмо отъ новаго императора, вызывавшаго его въ Петербургъ для принятія участія въ дѣлахъ.

Вскорѣ въ Троицкое пріѣхалъ мой племянникъ, Татищевъ [1]), присланный чтобы просить меня отъ имени импе-

[1]) Онъ былъ камергеромъ и служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ стоялъ во главѣ отдѣла, вѣдавшаго азіатскія дѣла.

ратора пріѣхать. Не въ моемъ возрастѣ и не съ моими немощами и взглядами на придворную жизнь было спѣшить воспользоваться приглашеніемъ государя и фигурировать при дворѣ. Я оставила своего племянника у себя всего три дня, дабы онъ могъ провести нѣсколько дней съ матерью и родными въ Москвѣ, и посовѣтовала ему поскорѣе вернуться на свой постъ, опасаясь, чтобы кто-нибудь его не занялъ въ его отсутствіе (какъ это часто бываетъ при наступленіи новаго царствованія). Я дала ему письмо къ государю, въ которомъ, поблагодаривъ его за память обо мнѣ, выразила ему сожалѣніе, что не могу немедленно летѣть въ Петербургъ, въ виду того, что мое разстроенное здоровье не позволяетъ мнѣ предпринять сейчасъ это путешествіе, но что при первой возможности я удовлетворю свое горячее желаніе повергнуть предъ нимъ чувства своей глубокой преданности. Въ концѣ апрѣля я уѣхала изъ Троицкаго, дабы застать еще въ Москвѣ моего брата Александра. Мы рѣшили, что онъ поѣдетъ впередъ, а я останусь еще недѣлю въ Москвѣ, чтобы возстановить свои силы и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгнуть задержекъ и путаницы съ почтовыми лошадьми, которыхъ потребовалось бы довольно много для насъ обоихъ.

Я пріѣхала въ Петербургъ въ маѣ мѣсяцѣ и съ удовольствіемъ увидѣлась съ государемъ, котораго научилась любить за послѣднія 12 лѣтъ; но меня еще больше обрадовало, что красота его супруги составляла малѣйшее ея украшеніе. Меня привлекли къ ней ея умъ, образованіе, скромность, привѣтливость и тактъ, соединенный съ рѣдкой для такой молодой женщины осторожностью. Она уже правильно говорила по-русски безъ малѣйшаго иностраннаго акцента.

Однако я съ грустью видѣла, что Александръ окружилъ себя молодыми людьми, небрежно относившимися къ особамъ преклоннаго возраста, которыхъ императоръ и безъ того старался избѣгать, вслѣдствіе своей застѣнчивости (объясняемой, кажется, глухотою). Четыре года царствованія

Павла, пытавшагося превратить своихъ сыновей въ капраловъ, были потеряны для науки и умственнаго ихъ развитія. Вахтъ-парады и обмундированіе войскъ занимали его главнымъ образомъ. Я предвидѣла, что даже доброта государя и твердые принципы гуманности и справедливости не оградятъ его отъ того, что съ одной стороны его приближенные вполнѣ овладѣютъ его довѣріемъ, а съ другой—министры и высшія должностныя лица будутъ дѣлать все, что угодно. Я уѣхала изъ Петербурга въ іюлѣ и, несмотря на далекое разстояніе, отправилась въ бѣлорусское имѣніе и затѣмъ занялась приготовленіемъ къ коронаціи экипажей и гардероба, который я совершенно запустила за послѣднія семь лѣтъ. Мнѣ нечего было одѣть. Я заняла въ банкѣ 44.000 руб.; изъ нихъ 19.500 руб. употребила на уплату долга сына по векселю, 11.000 руб. на уплату долга моего племянника Дмитрія Татищева, а остальное истратила на отдѣлку своего московскаго дома и на приготовленіе къ участію въ торжествахъ коронаціи, причемъ я не стремилась къ особой роскоши, но хотѣла соблюсти приличествующій моему положенію декорумъ. До отъѣзда я получила обѣщаніе государя, что при первомъ производствѣ Кочетова, моя племянница, будетъ сдѣлана фрейлиной, а князь Урусовъ, женившійся на моей племянницѣ Татищевой, камеръ-юнкеромъ.

Я пріѣхала въ Москву за двѣ недѣли до ихъ величествъ. Въѣздъ ихъ въ городъ совершился съ большой торжественностью и великолѣпіемъ. Въ кортежѣ участвовали болѣе пятидесяти придворныхъ и столько же частныхъ каретъ. За каретами ихъ величествъ и императорской фамиліи слѣдовалъ экипажъ, въ которомъ сидѣла принцесса Амалія, сестра императрицы, и я, какъ первая статсъ-дама императорскаго двора. Затѣмъ ѣхали статсъ-дамы, фрейлины, высшія должностныя лица и т. д.

Ихъ величества поѣхали прямо въ Кремль и слушали молебенъ въ соборѣ. Такъ какъ я не люблю церемоній, этикета и празднествъ, я не стану больше о нихъ распро-

страняться. Впрочемъ, всѣ коронаціонныя торжества другъ на друга походятъ; скажу только, что молодой императоръ и его прелестная супруга завоевали сердца всѣхъ москвичей. Во время пребыванія ихъ величествъ въ старинной резиденціи нашихъ государей, представляющей изъ себя цѣлый особенный міръ, вслѣдствіе своей обширности и различія между собой ея жителей—въ ней можно встрѣтить обычаи и манеры современныхъ европейцевъ, рядомъ съ пережитками татарскихъ нравовъ и чистымъ патріархальнымъ бытомъ—во время пребыванія тамъ ихъ величествъ я вела весьма утомительную жизнь. Дворецъ, въ которомъ они жили, былъ въ 9 верстахъ отъ моего дома и я почти каждый день ѣздила ко двору, предполагая, что буду полезной императрицѣ Елизаветѣ, указывая ей множество мелочей, неважныхъ по существу, но которыми не слѣдовало пренебрегать для того, чтобы произвести то хорошее впечатлѣніе, какое я отъ всего сердца желала ей оставить по себѣ. Она сказала брату, что я была ея ангеломъ-хранителемъ и что она безъ меня не съумѣла бы справиться со своимъ новымъ положеніемъ. Моя горячая привязанность къ ней заставляла меня безропотно переносить утомленіе и скуку церемоній, этикета, составлявшихъ придворную атмосферу, столь удушливую для простой деревенской жительницы, какою была я; личный интересъ никогда бы не побудилъ меня къ этому. Послѣ отъѣзда двора въ Петербургъ, я вернулась къ своему обыкновенному образу жизни и въ началѣ марта, какъ всегда, уѣхала въ Троицкое.

На слѣдующій годъ я поѣхала въ Бѣлоруссію, чтобы достроить и освятить новую церковь, сооруженную мною на большой площади въ Кругломъ, а затѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ отправилась въ Петербургъ, куда къ тому же времени долженъ былъ пріѣхать мой братъ Семенъ. Каково было мое негодованіе, когда я услышала, что лица, окружавшія государя и обыкновенно враждовавшія между собой, однако въ одинъ голосъ поносили царствованіе Екатерины II и

внушали молодому монарху, что женщина никогда не съумѣетъ управлять имперіей. Въ противовѣсъ ей они восхваляли до небесъ Петра I, этого блестящаго деспота, этого невѣжду, пожертвовавшаго полезными учрежденіями, законами, правами и привилегіями своихъ подданныхъ ради своего честолюбія, побудившаго его все сломать и все замѣнить новымъ, независимо отъ того, полезно ли оно или нѣтъ; нѣкоторые невѣжественные или льстивые иностранцы провозгласили его создателемъ великой имперіи, задолго до него игравшей бо̀льшую роль, чѣмъ та, которая выпала на ея долю въ его царствованіе.

Я каждый разъ, какъ представлялся къ тому случай, откровенно и, можетъ быть, слишкомъ горячо высказывала свое мнѣніе по поводу проповѣдуемыхъ новыхъ доктринъ. Однажды всѣ министры, составлявшіе новое и нѣсколько нелѣпое правительство, а также и нѣкоторые изъ интимныхъ друзей государя, обѣдали у моего брата Александра; они навели разговоръ на Екатерину, критикуя вкривь и вкось всѣ ея дѣянія и не умѣя отличить злоупотребленій, которыя князь Потемкинъ допустилъ въ военномъ дѣлѣ, и недобросовѣстности или невѣжества исполнителей отъ чистоты и глубины намѣреній императрицы, всегда обращенныхъ къ благу и преуспѣянію имперіи. Мой братъ Семенъ присоединился къ нимъ. Это вызвало во мнѣ чувство, которое я не хочу и, пожалуй, теперь и не съумѣю описать. Моя рѣчь, сказанная противъ этихъ нареканій, дышала искренностью и горячностью, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ. Все это меня взволновало до такой степени, что я опасно заболѣла. Не могу не упомянуть, что дверь моя осаждалась посѣтителями и посѣтительницами, спѣшившими узнать о моемъ здоровьи; я видѣла въ этомъ доказательство любви и уваженія, которыя еще питали къ памяти великой государыни и благодѣтельницы Россіи.

Слова, произнесенныя за обѣдомъ у моего брата, стали темой всѣхъ разговоровъ въ городѣ; всѣ пріѣзжали выра-

зить мнѣ свое сочувствіе. Я бы охотно обошлась безъ него, если бы исполнилась хоть одна моя мечта о счастьѣ родины или хоть одна изъ истинъ, которыя я старалась распространять, принесла бы плоды. Я нашла, что Петербургъ сильно измѣнился со времени императрицы. Въ немъ были либо якобинцы, либо капралы; я умышленно употребляю слово «капралъ», потому что всѣ военные, отъ солдата до генерала включительно, только и занимались постоянными и многочисленными ученіями и усвоеніемъ себѣ строгой военной выправки.

Я вернулась въ Москву поздней осенью, но все-таки поѣхала еще въ Троицкое; я была своимъ собственнымъ архитекторомъ, садовникомъ и управляющимъ, и слѣдовательно, не могла надолго отлучаться изъ Троицкаго, такъ какъ земля требовала постоянныхъ заботъ и ухода.

Я умолчу о нѣсколькихъ послѣдующихъ годахъ, не представляющихъ ничего интереснаго для читателя. Огорченія, поражавшія мое сердце, отягчали мою жизнь; они были такого свойства, что мнѣ хотѣлось бы ихъ скрыть отъ самой себя, и я не рѣшаюсь разсказывать о нихъ читателямъ. Императоръ былъ столь милостивъ, что взялъ на себя уплату моего долга въ банкъ; въ концѣ августа 1803 г. сердце мое было утѣшено гораздо большей и драгоцѣнной для меня радостью: прибытіемъ миссъ Уильмотъ, родственницы моей нѣжной и ближайшей подруги, m-me Гамильтонъ, дочери туамскаго епископа. Миссъ Уильмотъ пріѣхала ко мнѣ въ Троицкое и своими бесѣдами, совмѣстнымъ чтеніемъ, кротостью и привѣтливостью внесла въ мою жизнь тихія радости, безцѣнныя и незамѣнимыя для нѣжной дружбы и любознательнаго ума.

Я имѣла удовольствіе познакомиться съ отцомъ [1]) этого ангела-утѣшителя, посланнаго мнѣ Небомъ и нѣжными заботами мистера Уильмота и m-me Гамильтонъ. Ея ро-

---

[1]) И съ нѣкоторыми ея родственниками.

дители такъ заботливо развивали ея умъ и сердце, что она вызывала восхищеніе всѣхъ людей, способныхъ ее оцѣнить. Съ какой радостью мое любящее сердце воздаетъ ей должную справедливость и какъ глубоко оно цѣнитъ довѣріе ея родителей, отпустившихъ ее къ женщинѣ, нуждавшейся въ смягченіи ея жгучаго горя и привѣтствовавшей окончаніе каждаго дня какъ облегченіе тяжкаго и горестнаго бремени, которое судьбѣ угодно было наложить на ея печальную жизнь. Никогда, никогда не съумѣю я довольно вознаградить ее за все то, что она для меня сдѣлала. Мое уединеніе стало для меня раемъ и оно сдѣлалось бы имъ въ дѣйствительности, если бы. . . . . . . но это отъ нея не зависитъ.

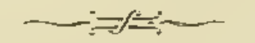
За то я для нея сдѣлала то, чего отъ меня не могли добиться мои родственники и друзья, и чего мнѣ очень не хотѣлось: я написала эти мемуары, такъ какъ она этого непремѣнно желала. Она единственная владѣлица ихъ съ тѣмъ условіемъ, что они появятся только послѣ моей смерти.

Заканчивая ихъ, я смѣло утверждаю, что я писала только истинную правду, которой придерживалась даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она не говорила въ мою пользу, и пропустила только то, что могло бы повредить нѣкоторымъ лицамъ; однако читатель ничего отъ этого не потерялъ.

Если я проживу еще нѣкоторое время, я запишу разные случаи изъ царствованія Екатерины, справедливо прозванной Великой, напомню всѣ благодѣтельныя начинанія этой государыни и проведу параллель между ею и Петромъ I, котораго ошибочно сравнивали съ этой геніальной женщиной, стоявшей несравненно выше его и поднявшей Россію на высоту великой державы, внушающей страхъ и уваженіе всей Европѣ.

Въ заключеніе я могу сказать со спокойной совѣстью, что сдѣлала все добро, какое было въ моей власти, и никогда никому не сдѣлала зла; я отомстила забвеніемъ и презрѣніемъ за несправедливости, интриги и клеветы, направленныя противъ меня; я исполнила свой долгъ по

мѣрѣ силъ и пониманія; со своимъ чистымъ сердцемъ и честными намѣреніями я вынесла много жгучаго горя, которое вслѣдствіе моей слишкомъ большой чувствительности свело бы меня въ могилу, если бы меня не поддерживала моя совѣсть, свидѣтельствовавшая о чистотѣ моей жизни; я безъ страха и тревоги, безтрепетно и спокойно смотрю въ глаза приближающейся смерти.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Документы, относящіеся къ браку кн. Е. Р. Дашковой.

№ 1.

Сговорная графа Романа Ларіоновича Воронцова, о сговорѣ дочери своей Екатерины Романовны за князя Дашкова, 12 февраля 1759 года.

Лѣта тысяча седмь сотъ пятдесятъ девятаго ѳевраля во вторын надесят день генерал поручикъ действителной камеръ геръ и ковалеръ Роман Ларионовъ сынъ Воронцовъ зговорил я дочь свою девицу Катерину Романову в замужство лейб гвардіи Преображенского полку за подпоручика князь Михаила Иванова сына Дашкова а в приданое ей дочери моей дал ценою вещей а имянно бралиантовые серги в пять сот рублевъ перстень бралиантовой в тысячю рублевъ жемчюжная бурмицкая нитка в девят сотъ рублевъ перстень зеленой изумрудной во сто рублевъ два перстня с партретом и бралиантами осыпные в двести рублевъ тряпило бралиантовое в тысячю рублевъ венчалная роба в триста рублевъ парчевая самара цветная в четыре ста рублевъ парчевой шлаѳорокъ белой з золотомъ во сто в семдесят рублевъ роброновъ галубой парчевой в двести в пятдесят рублевъ парчевой белой в двести белой з золотом в двести рублевъ белой штоѳной с выреской и з цветами во сто в пятдесят рублевъ объяринной опалетовой с выреской во сто пятдесят рублевъ лосинной штоѳной з голубыми цветами во сто в тридцать пять рублевъ алой люстриновой з блондами в девяносто рублевъ голубой люстриновой в семдесятъ пять рублевъ алой атласной с выреской в восемдесят пять рублевъ белой атласной с выреской в восемдесят пять рублевъ волнистой тоѳ-

тяной с выреской в шездесят рублевъ полосатой тоѳтяной с выреской в пятдесят рублевъ алой тоѳтяной с выреской в сорокъ рублевъ алой атласной стеганой в пятдесят рублевъ; коотъ алая люстриновая в шездесят рублевъ алая атласная в диатцать пять рублевъ коѳта з белой атласной юпкой в сорокъ рублевъ юбокъ исподиия белая шита золотомъ и цветами в сорокъ рублевъ белая гродетуровая шита шелком в тритцать рублевъ алая атласная стеганая с сеткою серебреною в тритцать рублевъ парчевая атласная с сеткою серебреною в дватцать пять рублевъ епанча парчевая на песцовомъ меху гарнастаемъ опушена в двести семдесят рублевъ мантилія серебреная парчевая з гарнастаевымъ мехом во сто в дватцат рублевъ белая грезетовая юпка в тритцать рублевъ башмаковъ две дюжины в тритцать рублевъ; белья три дюжины галанскихъ сорочекъ женских в четыреста рублевъ две дюжины галанскихъ сорочекъ муских в двести рублевъ две скатерти камчатные и четыре дюжины салфеток в двести пятдесят рублевъ восемь ардинарныхъ скатертей и восемь дюжин салфетокъ в двести пятдесят рублевъ пять перемен на постелю белья в пять сотъ рублевъ двенадцать платковъ галандскихъ в двадцать рублевъ шесть касынок галандских дюжина шелковыхъ чюлковъ въ сорокъ восемь рублевъ дюжина бумажных чюлков в тритцать рублевъ два раброна ситцовыхъ съ юпками в шездесят рублевъ четыре коѳты ситцовые в дватцат рублевъ четыре исподницы кисейные в сорокъ рублевъ три дюжины платков кисейных во сто в сорокъ рублевъ девять пар манжетъ кисейных шитыхъ во сто в пятдесятъ рублевъ шесть ночных карнетовъ во сто в шездесять рублевъ четыре дюжины платковъ носовыхъ во сто в семдесят рублевъ одна дюжина платков шелковых в дватцать в четыре рубли четыре дюжины утиральников в пятнатцать рублевъ уборъ самарной в триста рублевъ семь карнетовъ кружив-ных во сто сорок рублевъ карнет к постеле круживной в шездесят рублевъ калпакъ с круживомъ в сорокъ рублевъ шесть паръ муских манжетъ кружевныхъ в двести рублевъ четыре пары женских в триста пятдесят рублевъ платков на шею с кружи-вомъ на дватцать рублевъ полторы дюжины муских шитых манжетъ во сто десять рублевъ кровать малиновая объяриная з золотымъ позументомъ в тысячю рублевъ постеля с кружнвымъ уборомъ в пять сот рублевъ одеяло белое атласное в пятдесят рублевъ голубое атласное в пятдесят рублевъ зеркало с прибо-ромъ серебренымъ во сто в семдесят рублевъ лентъ разныхъ на пятдесят рублевъ две онжбенновые юпки в сорокъ рублевъ муской шлафорокъ в семдесят рублевъ двенатцать веэровъ в две-

сти рублевъ табакерка золотая в двести рублевъ итого придaного по цене на двенатцать тысячь на девять сот семнатцать рублевъ да на покупку деревень денегъ десять тысячь рублевъ а всего приданого по цене и з денгами на дватцать на две тысячи на девять сотъ на семнадцать рублевъ.

К сей зговорной генералъ порутчикъ дѣйствителной камергеръ и кавалеръ Раманъ Ларионовъ сынъ Воронцовъ вышеписанную дочь свою въ замужство лейб гварди Преображенскова полку за подпорутчика княз Михаила Івановича Дашкова отдал і в приданые за нею всего по цене на дватцать на две тысячи на девятсот семнатцать рублей даль и руку приложилъ. У сей сговорной графъ Михаила Ларіоновъ сын Воронцовъ свидѣтелемъ был и руку приложилъ. У сей зговорной капитанъ Өедор Иванов сынъ Бибиковъ свидетелем был и руку приложилъ. У сей зговорной лейбъ гвардіи Семеновского полку капитанъ порутчикъ Николай Івановъ сынъ Карташовъ свидетелем былъ и руку приложилъ: (Далѣе дословно такъ же расписались): лейб гвардіи Семеновскаго полку прапорщикъ Федоръ Володимеровъ сынъ Шереметевъ, лейбъ гвардіи Семеновскаго полку полковой аудиторъ Николай Дмитревъ сынъ Дурново, лейбъ гварди Семеновскаго полку салдатъ Николай сынъ Александров Орлов, лейб гварди Семеновскаго полку фурьеръ Іванъ Петров сынъ Симанской, лейбъ гвардіі Семеновскаго полку сержантъ Іванъ Алексеевъ сынъ Бянской, лейбъ гварди Семеновскаго полку капралъ Николай Алексеевъ сынъ Крапотов, лейбъ гварди Семеновскаго полку өурнеръ Іванъ Михаиловъ сынъ Заваратковъ, лейбъ гварди Семеновского полку капралъ Александръ Петровъ сынъ Барковъ, лейб гварди Семеновскаго полку порутчикъ Николаи Никитинъ сынъ Цацовиской, леб гварди Семеновскаго полку капитанъ порутчикъ Яковъ Никиооровъ сынъ Хамутовъ, лейб гвардіі Семеновскаго полку капитанъ Андреи Андреевъ сынъ Волковъ, лейб гвардіі Семеновскаго полку капрал Федоръ Глебовъ сынъ Немцовъ, лейбъ гварди Семѣновскаго полку өурнеръ Викторъ Павловъ сынъ Сурьминъ, лейб гварди Семеновского полку сержанъ Василій Богдановъ сынъ Салтыков. Зговорную писал санктъ петербурской крепостной канторы писецъ Петръ Іванов. Совершилъ по указу. Секретарь Іван Языков 1759 году Өевраля во 12 день. Сия зговорная в санкт петеръ бургской крепостной канторѣ в книги записано от писма двaтцат два рубли девяноста две копейки от записки двaтцат за страницу двадцать на росход одиннатцать копеекъ три четверти взято надемотрщикъ Михаила Аврамов. По сей рядной принѣлъ я Князь Михайла Дашковъ все исправно.

№ 2.

Роспись приданому для Катерины Романовны.

Спасителевъ образъ въ серебряной ризѣ кованой и вызолоченной.

Казанской Богоматери серебряныя ризы вызолоченной.

Владимирскія Богородицы серебряныя ризы и убрусъ жемчужный.

Образъ Николая Чудотворца въ серебряныхъ ризахъ.

Брильянтовыя серьги	500
Перстень брильянтовый	1000
Жемчужная бурмицкая нитка	900
Перстень зеленый изумрудный	100
Два перстня съ портретами, брильянтами осыпанные	200
Трясило брильянтовое	1000
Табакерка золотая	200
12 вѣеровъ	200
Вѣнчальная роба	300
Парчевая самара цвѣтная	400
Парчевый шлафрокъ бѣлый съ золотомъ	170
Робронъ голубой парчевый	250
» бѣлый парчевый	200
» бѣлый съ золотомъ	200
» бѣлый штофный съ вырѣзкой и съ цвѣтами	150
» объяринный фіолетовый съ вырѣзкой.	150
» лосинный штофный съ голубыми цвѣтами	135
» алый люстриновый съ блондами	90
» голубой люстриновый	75
» алый атласный съ вырѣзкой	85
» бѣлый атласный съ вырѣзкой	85
» волнистый тафтяный съ вырѣзкой	60
» полосатый тафтяный съ вырѣзкой	50
» алый тафтяный съ вырѣзкой	40
» алый атласный стеганый	50
» кофта алая люстриновая	60
Бѣлая атласная юбка съ кофтой	40
Исподняя юбка бѣлая, шита золотомъ и съ цвѣтами	40

Бѣлая гродетуровая, шита шелкомъ	30
Алая атласная стеганая съ мѣткой серебряной.	30
Кофта алая атласная	25
Исподняя юбка палевая атласная съ мѣткой серебряной	25
Епанча парчевая на песцовомъ мѣхѣ, горностаемъ опушенная	270
Мантилія серебряная парчевая съ горностаевымъ мѣхомъ	120
Бѣлая гризетовая юбка	30

Бѣлье.

Три дюжины голландскихъ сорочекъ женскихъ.	400
Двѣ дюжины голландскихъ сорочекъ мужскихъ.	200
Двѣ скатерти камчатныя и четыре дюжины салфетокъ	250
Восемь ординарныхъ скатертей и восемь дюжинъ салфетокъ	250
Пять перемѣнъ на постелю бѣлья	500
12 платковъ голландскихъ	20
6 косынокъ голландскихъ	10
Дюжина шелковыхъ чулковъ	48
Дюжина бумажныхъ чулковъ	30
Два мироброна ситцевые съ юбками	60
4 кофты ситцевыя	20
4 исподницы кисейныя	40
3 дюжины платковъ кисейныхъ	140
9 паръ манжетъ кисейныхъ шитыхъ	150
6 ночныхъ корнетовъ	160
4 дюжины платковъ носовыхъ	170
1 дюжина платковъ шелковыхъ	24
4 дюжины утиральниковъ	15
Уборъ самарный	300
7 корнетовъ кружевныхъ	140
Корнетъ къ постели кружевной	60
Колпакъ съ кружевомъ	40
6 паръ мужскихъ манжетъ кружевныхъ	200
4 пары женскихъ	350
Платокъ на шею съ кружевомъ	20
$1^1/_2$ дюжины мужскихъ шитыхъ манжетъ	110
Кровать объяринная малиновая съ золотымъ галуномъ	1000

Постеля съ кружевнымъ уборомъ	500
Одѣяло бѣлое атласное	50
Голубое атласное	50
Зеркало съ приборомъ серебрянымъ	170
2 дюжины башмаковъ	30
Лентъ разныхъ на	50
2 фишбеиновыя юбки	40
Мужской шлафрокъ	70
	12927

II.

Переписка съ родными.

Письма княгини Е. Р. Дашковой къ брату ея графу А. Р. Воронцову.

(Дополненіе къ письмамъ, находящимся въ V и XII книгахъ Архива князя Воронцова).

№ 3.

Москва, 14-го декабря (1775).

Прости мнѣ, любезный другъ, если я такъ долго не отвѣчала на твое письмо. Во-первыхъ, извиняюсь болѣзнію; а во-вторыхъ удивленіемъ, которое во мнѣ произвела батюшкина пропозиція о Знаменскомъ его дворѣ. На что мнѣ онъ? Деньги, которыя мнѣ Г.[1]) пожаловала, есть только одно награжденіе и хлѣбъ моей дочери, который въ моихъ рукахъ. Если я оныя сберегла, то не отъ того, что я достаточна и другіе знатные доходы имѣю, но отъ того, что сама не только прихотей, но иногда и нужнаго лишалась. То разсуди, мой другъ, не безумна ли я буду, когда, чувствуя себя истончевающую, я бы то у ней растеряла, что съ такимъ трудомъ ей собрала и чего ужъ нажить ей не успѣю. Настоящѣ этотъ домъ ни на что не нуженъ; а о себѣ божусь тебѣ, мой другъ, что я бы батюшку безпокоить не стала, если бы я себя не чувствовала такъ слабу. А какъ по

[1]) Государыня.

духовной моей (которая, бывъ непротивна законамъ, будетъ конечно ея величествомъ конфирмована) опекуны дѣтей моихъ не сдѣлаютъ такого снисхожденія, какое мнѣ теперь на мыслѣ встрѣчается и которое прошу батюшкѣ представить, если ему угодно покажется: я за счастье сочту и забуду, что деревня, кою я могла имѣть за 50 тысячъ, стоила болѣе 70-ти тысячъ, и я принуждена потерять. Я возьму съ радостію въ какомъ бы ни было мѣстѣ и уѣздѣ деревню за 80 руб. за душу, хотя съ пошлинами и отказомъ близъ 100 руб. станетъ. Если же не то, то чтобъ изволилъ вѣрющее письмо на Знаменской домъ прислать съ тѣмъ, что мнѣ: 1-е) деньги съ него наемныя получать, а потребные расходы на починки изъ дому батюшкинаго шли; 2-е) чтобъ мнѣ 5,000 нынѣ получить, а какъ батюшка изволилъ у меня деньги для желѣзнаго заводу занимать, то легко и по справедливости онъ въ зачетъ, за желѣзо отъ купца занявъ, мнѣ отдать можетъ. Я бы и о сихъ 5,000 не говорила, если-бы я не чувствовала себя въ такой слабости. Разсуди, мой другъ, за что мнѣ дочь свою безвинно, безъ толку и надежности, оставить? Я мучилась, собирала, а наконецъ все безъ пользы оставить! 3-е) Если я оныя деньги получу, то я согласна въ нѣсколько лѣтъ съ доходовъ съ Знаменскаго дома проценты, а затѣмъ и капитала моего уплату, получать, и для лучшей ясности при семъ распишу тебѣ долгъ:

Батюшка изволилъ взять 1773-го года октября 4-го числа	5,000 р.
Еще того-жъ году октября 18-го дня	11,000 »
Итого	16,000 р.
Проценту нынѣшняго году	960 р.
	54 »
Итого	17,014 р.
На покупку бѣглыхъ ты взялъ	900 »
отъ Іюня до Октября будущаго году процентовъ на год и 5-ть мѣсяцевъ	79 р.
Итого всей суммы.	17,993 р.

Получа 5,000, останется 12,993 р. Найму съ Знаменскаго дому я надѣюсь получить 1,550; а какъ съ 13-ти тысячъ проценту 780 руб., то и останется въ уплату первой годъ 770 руб. Я бы желала, чтобъ я была въ состояніи болѣе для батюшки сдѣ-

лать, но по совѣсти и долгу матери истинно не могу. Пожалуй, увѣдомь меня поскорѣй о семъ и если батюшка изволитъ восчувствовать мое снисхожденіе, то какъ вѣрющее письмо, такъ и помянутыя 5,000 поскорѣе присылайте. Прости, мой другъ; болѣе писать не смогу.

Вѣрющее письмо батюшкино должно быть въ такой силѣ: вѣрю продать, заложить или въ наймы отдавать и деньги принимать, которое письмо должно быть въ Юстицъ-Коллегіи въ Петербургѣ засвидѣтельствовано.

№ 4.

По давереиности отъ батюшки получила я отъ брата Александра Романовича въ совершонную заплату данныхъ мною батюшкѣ въ займы денегъ, вексель отъ Сабакина на всю сумму тоесть на 20,141, вчемъ я сію расписку и дала 1775 года марта 5 дня.

Княгиня Екатерина Дашкова.

№ 5.

Получила я отъ брата въ зачотъ техъ денегъ кои онъ мнѣ долженъ тысячу восемь сотъ восемдесятъ рублевъ въ чемъ и дала сію разписку.

Княгиня Екатерина Дашкова.

Москва 1775 года Марта 6 дня.

№ 6.

Москва, 23-го декабря (1775)

На послѣдней почтѣ я не была утѣшена твоими письмами, здоровъ-ли ты; а я все въ одномъ состояніи. Петръ Иванычъ и Марья Родіоновна [1]) тебѣ велѣли кланяться.—Донеси, пожалуй, батюшкѣ, что я контрактъ на Знаменской его дворъ съ директорами совершила на два года съ половиною, по 1,550 р. на годъ и прошлогодскихъ недоплоченныхъ ими 150, да 850 нынѣшнихъ получила, почему изъ батюшкиныхъ долговыхъ денегъ 1,000 и вычла. Управитель же батюшкинъ у меня просилъ оныхъ денегъ, но я не дала ему; потому что сей-сей я не въ состояніи

[1]) Панины.

болѣе этого сдѣлать, и всѣ деньги съ дому получая, ни въ 15 лѣтъ капиталъ мой не будетъ возвращенъ, почему я и льстилась, что батюшка изволитъ восчувствовать мой поступокъ и мнѣ спасибо скажетъ.—Если ты, мой другъ, не надѣешься быть въ Матренинѣ такъ скоро, такъ дозволь мнѣ оттуда 8-мь штофовъ водки взять: моя вся изошла, а здѣсь очень дурна и дорога.

Ну прости, батюшка; сегодни мнѣ недосугъ распространяться. Дѣти мои руки твои цѣлуютъ, а я по смерть съ безпредѣльною горячностью пребуду вѣрнымъ тебѣ другомъ.

К. Дашкова.

№ 7.

(1784).

Въ виду того, что моя дочь привлекла и тебя, милый другъ, къ участію въ дѣлѣ, которое не можетъ не опечалить тебя, я прошу тебя убѣдить ее не заставлять меня принимать крайнія мѣры, которыя навлекутъ на нее всеобщее осужденіе. Вчера она сказала моему сыну, что не будетъ навѣщать меня, разъ я запретила ей являться ко мнѣ, но что она останется здѣсь всѣ четыре мѣсяца, такъ какъ домъ ея уже нанятъ на этотъ срокъ; я вовсе не увѣрена, что вслѣдствіе своей жестокости и открытаго неповиновенія она станетъ воздерживаться отъ посѣщенія мѣстъ, гдѣ ей предстояло бы веселиться, рискуя или даже съ предвзятымъ намѣреніемъ причинить мнѣ своимъ присутствіемъ мученія и наконецъ смерть; въ виду этого я велѣла передать ей сегодня черезъ ея горничную, что я открою свое сердце императрицѣ и что ея величество несомнѣнно, видя мои муки, посовѣтуетъ ей исполнить ея дочерній долгъ и уступить. Она мнѣ отвѣтила, что ее задерживаютъ здѣсь дѣла и что я вольна говорить императрицѣ что угодно, такъ какъ справедливость не позволитъ ея величеству отправить ее въ ссылку. Я не стану высказывать свое мнѣніе объ ея образѣ дѣйствій, только повторю тебѣ свои условія. Если она уѣдетъ на первой недѣлѣ поста, я не сдѣлаю никакого скандала и никому ни слова не скажу, лишь бы она не пріѣзжала ко мнѣ и не появлялась бы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ меня встрѣтить; въ противномъ случаѣ я откроюсь императрицѣ и мнѣ кажется, что она, желая сохранить мою жизнь, посовѣтуетъ ей уѣхать.

Нечего мнѣ конечно присовокуплять, милый другъ, что чѣмъ скорѣе это выяснится, тѣмъ лучше. Еслибы ты видѣлъ, въ какомъ состояніи я нахожусь въ настоящую минуту, ты бы за меня испугался.

№ 8.

Понедѣльникъ, 28 марта (1793).

Вчерашняя почта не принесла мнѣ извѣстій отъ тебя, мой милый другъ, что обезпокоило бы меня, еслибы я не знала, что причиной тому твой переѣздъ изъ Москвы въ Матренино. У насъ слѣдующія новости: 1-е—вчера получено извѣстіе о сраженіи, выиграннымъ Клерфе у Дюмурье, въ которомъ послѣдній потерялъ 18 тыс. человѣкъ и 25 пушекъ. Но въ нашихъ завтрашнихъ газетахъ ты прочтешь, что число пушекъ, отнятыхъ у французовъ, доходитъ до 228, и несмотря на то, что эти цифры положительно невѣрны, отъ меня потребовали, чтобы я помѣстила статью изъ берлинской газеты. Тебѣ, можетъ быть, лучше извѣстны подробности поведенія господъ Дивовыхъ. Я знаю только, что на нихъ сильно негодуютъ; имъ уже послали указъ объ ихъ возвращеніи и они уже находятся на обратномъ пути. До отъѣзда нашего Долгорукова, Державинъ посовѣтовалъ ему написать графу Зубову, что онъ шесть лѣтъ уже проситъ отпуска, а графъ Безбородко все водитъ его за носъ. Долгоруковъ поблагодарилъ его за добрыя намѣренія, но не принялъ его совѣта. Сегодня у графа ассамблея, на которой буду я. Графъ д'Артуа пріѣзжаетъ на эти ассамблеи въ 9 ч. прямо отъ императрицы; онъ не ужинаетъ, обходитъ игорные столы и смотритъ на ужинъ, т. е. входитъ въ столовую, чтобы сказать нѣсколько словъ дамамъ, и затѣмъ уѣзжаетъ. Епископъ Арасскій, пріѣхавшій съ нимъ, говорилъ со мной вчера болѣе часу въ Эрмитажѣ; хотя онъ очень горячо отзывается о событіяхъ во Франціи, но сужденія о нихъ не могутъ понравиться деспоту; взгляды его на старый режимъ мудрые и правильные.

Мой сынъ только что прислалъ курьера; онъ хочетъ, чтобы я получила для него отъ Бока тѣ 12000 р., которые, по его мнѣнію, ему должна провіантская. Сообщи мнѣ, милый другъ, какъ устроилось это дѣло между тобой и Каховскимъ и должна ли я переслать эти деньги тебѣ или отдать ихъ здѣсь кому ты укажешь; онъ мнѣ объ этомъ ничего не пишетъ. Графиня Потоцкая хочетъ купить домъ; я ей предлагаю пріобрѣсть твой большой домъ и нарочно поѣду къ ней, чтобы наладить это дѣло.

На дняхъ у меня были Протасовъ и Новосильцевъ; они одни изъ всѣхъ твоихъ друзей какъ будто помнятъ, что я твоя сестра. Завадовскій ведетъ сильную игру и, говорятъ, вовлекаетъ

въ нее и Самойлова. Конечно, дѣла отъ этого не подвигаются и Ермоловъ посылаетъ за секретарями и оберъ-секретарями, поручаетъ имъ писать даже самыя пустяшныя бумаги, которыя затѣмъ къ нимъ же и поступаютъ и которыя простой писецъ съумѣлъ бы составить.—Самойловъ вызываетъ Новосильцова и Васильева. Этотъ послѣдній на дняхъ подаетъ въ отставку. Мнѣ жаль Самойлова; онъ честный человѣкъ и не его вина, если его посадили на мѣсто ему неподходящее. Рахмановъ умеръ вчера. Зять Шишковскаго, состоящій въ большой дружбѣ съ посломъ Кутузовымъ, разсказалъ мнѣ въ подробностяхъ нелѣпыя сцены, происходившія въ этой семьѣ; онъ обвиняетъ во всемъ Бакунина. Провизія съ каждымъ днемъ дорожаетъ. Говядина стоитъ 10 коп.

Вотъ, милый другъ, весь мой запасъ новостей. Теперь я съ тобой разстанусь. Прощай. Привѣтъ г. ла-Фермьеру.

Зиновьевъ пріѣхалъ; онъ гримасничаетъ и кривляется болѣе, чѣмъ когда-либо.

№ 9.

29 мая (1793).

Тысячу разъ благодарю тебя, дорогой другъ, за твое письмо отъ 18-го числа нынѣшняго мѣсяца, полученное мною вчера; я пошлю Бутурлину приложенную записку на его имя. Изъ моихъ прежнихъ писемъ ты ужъ знаешь, что я поселилась въ твоемъ домѣ. Отъ дурной погоды и плохого состоянія печей онъ очень отсырѣлъ. Погода перемѣнилась, а печи я поправила, такъ что воздухъ въ немъ теперь совершенно другой. Нагаевъ выразилъ мнѣ свое одобреніе и сказалъ: «Прямо по-хозяйски поступаете, спасибо вамъ».

Я не могу сообщить тебѣ много подробностей о Марковѣ; я была занята переѣздомъ и исправленіемъ сломанныхъ замковъ и сожженныхъ половъ въ трехъ комнатахъ, вслѣдствіе чего проводила много времени съ рабочими и никого не видала. Но я знаю, что онъ передъ отъѣздомъ въ Царское Село получилъ вторую головомойку за «легкомысленный тонъ», какъ ты совершенно вѣрно выражаешься; будучи посланъ графомъ Зубовымъ, чтобы объявить непріятное извѣстіе, онъ сказалъ: «Вотъ милая выходка поляковъ». На это ему отвѣтили: «Что вы называете милой выходкой? Видно, что васъ мало огорчаетъ обстоятельство, вредное и для имперіи и для моей славы» и т. д. Съ тѣхъ поръ онъ играетъ комедію и являетъ большое смиреніе, вовсе не соотвѣтствующее его характеру, онъ обманываетъ и его обманыва-

ютъ, осыпая его любезностями, которыя, конечно, также далеко не искренни.

Кто касается до Ламберта, онъ никогда не пользовался особенно хорошей репутаціей и не оказалъ никакихъ выдающихся услугъ своимъ несчастнымъ повелителямъ. Ему отведены аппартаменты въ Царскомъ Селѣ. Княгиня Радзивиллъ, говорятъ, уѣхала вчера въ свои помѣстья около Варшавы, чтобы, какъ она увѣряетъ, имѣть почаще извѣстія отъ дѣтей, которыхъ не выпускаютъ оттуда. Она получила цѣнные подарки отъ императрицы; между прочимъ медальонъ изъ одного бриллiанта, оцѣненнаго въ 25 тыс. р. Иностранные министры полагаютъ, что она будетъ высѣчена, какъ были уже высѣчены двѣ дамы въ Варшавѣ. Но мнѣ кажется, что она со всѣми поладитъ, такъ какъ не обладаетъ ни сильнымъ характеромъ, ни строгими нравами, ни талантами, способными возбудить завистъ въ другихъ. Что касается Альтести, то всѣ знаютъ навѣрно, что его здѣсь нѣтъ, но никому неизвѣстно его мѣстопребываніе.

Ты, вѣроятно, уже знаешь, что шведскій посолъ получилъ приказаніе отъ своего двора не видѣться съ неаполитанскимъ министромъ, знаешь также и все, что касается дѣла Армфельда и нашего участія въ немъ; я полагаю даже, что ты на этотъ счетъ лучше освѣдомленъ, чѣмъ я. Бутурлина родила сына; мать и ребенокъ здоровы. Вотъ и всѣ мои новости, дорогой другъ. Твой планъ насчетъ моего загороднаго двора великолѣпенъ; я сегодня же напишу объ этомъ туда, хотя уже идетъ спѣшная работа на другомъ дворѣ: ставятъ новыя печи. Прощай, дорогой другъ Будь здоровъ.

№ 10.

Понедѣльникъ 20 февраля (1799).

Татищевъ уѣзжаетъ непремѣнно на дняхъ. Я напишу тебѣ съ нимъ подробное письмо, милый другъ, а пока сообщу новость. которая навѣрно тебя огорчитъ: бѣдный Зиновьевъ умеръ въ Ригѣ. Кажется, я не буду имѣть счастья видѣть своего сына, такъ какъ на него возложено не только командованіе всей Малороссійской дивизіей, но еще даны разныя порученія, между прочимъ снабженіе провизіей всей этой дивизіи. Ты не можешь себѣ представить, дорогой другъ, какъ меня это огорчаетъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что здѣсь онъ могъ бы перевестись къ Суворову и такимъ образомъ уйти изъ-подъ начальства этого злобнаго и мстительнаго животнаго, князя Ивана Салтыкова.

Кажется, судьбѣ угодно послать мнѣ всѣ тягостныя испытанія, какія только можно нагромоздить на одну голову. Прощай, дорогой другъ. Я устала, печальна и больна. Мой привѣтъ лаФермьеру.

Дѣло Щербинина затянулось въ Сенатѣ, несмотря на именной указъ. Сенатъ не можетъ рѣшить его, не принявъ во вниманіе всевозможныя отсрочки, которыя они придумываютъ каждый день.

№ 11.

20 іюля (1799).

Послѣ моего послѣдняго письма къ тебѣ, я къ своему удовольствію получила отъ тебя посланіе, дорогой другъ, со вложеніемъ письма отъ брата. Прилагаю при семъ записку для него, и прошу вложить ее въ свой пакетъ, когда ты будешь ему писать. Я еще не видѣла здѣсь никого; въ Смоленскѣ всѣ полки получили приказаніе выступить по первому распоряженію моего сына. Такое же приказаніе получилъ и его бывшій Полоцкій полкъ. На дняхъ я пошлю за бѣднымъ Ѳедюшей; онъ былъ боленъ желчной горячкой. Съ тѣхъ поръ какъ я тебѣ писала, у насъ два раза были грозы и градъ, надѣлавшіе много бѣдъ; моя конопля почти совсѣмъ уничтожена; хорошо, если намъ удастся спасти хоть десятую ея часть; убытокъ свой исчисляю въ 4500 р. Мнѣ также придется дать шести селамъ зерна на обсѣмененіе осенью и на пропитаніе до будущаго года. Гдѣ тонко, тутъ и рвется. Я нынѣшній годъ въ большой разстройкѣ, такъ какъ дала 9 тыс. р. моему сыну, да и градъ лишилъ меня двухъ третей моихъ доходовъ. Я забыла вложить въ мое последнее письмо записку, полученную мною отъ сына. Мнѣ предстоитъ еще много хлопотъ и лишнихъ расходовъ изъ-за лазаретныхъ повозокъ и фуръ, которыя новый командиръ Полоцкаго полка не желаетъ принять, ссылаясь на то, что онѣ обошлись слишкомъ дорого.

Пріѣхала Анна Ивановна Черемисина, такъ что я должна съ тобой разстаться. Прощай, дорогой другъ. Нѣжно цѣлую тебя.

№ 12.

Троицкое, 29 октября.

Наконецъ-то я здѣсь, усталая отъ дороги и совершенно больная. Говорятъ, что дороги подъ Москвой ужасны, такъ что

я не знаю, когда я пущусь въ путь и прїѣду къ нѣжно любимому брату и другу моего дѣтства. Могу только искренно сказать тебѣ, что съ нетерпѣнiемъ жду минуты, когда ты меня примешь въ свои объятiя. Я остановлюсь въ Москвѣ на три дня, чтобы поставить себѣ пiявки и на одинъ день у княгини Прозоровской, такъ что я буду два съ половиной дня въ дорогѣ, а затѣмъ надѣюсь и тѣломъ и душой отдохнуть въ Андреевскомъ.

Имѣешь ли ты извѣстiя отъ брата? Какъ его здоровье? Передай мой привѣтъ Захару Николаевичу. Я только что узнала, что мой сынъ еще въ Москвѣ и что онъ приказалъ сообщить ему, когда я прибуду въ Троицкое, чтобы немедленно прїѣхать сюда. Ужъ конечно не я удерживаю его вдали отъ его недостойной супруги; она очевидно не обладаетъ особенной притягательной силой для него. Пока я приготовила 24000 р. для уплаты его долга по артиллерiи, оставивъ себѣ къ Петрову дню 900 р. Вотъ, дорогой другъ, какъ я устраиваю и его и свои дѣла. Съ первой же оказiей я пошлю твоему управляющему два сорта смоленской крупы. Прощай, цѣлую тебя.

№ 13.

9 апрѣля (1802).

Наконецъ-то дочь моя со мной; я этому тѣмъ болѣе счастлива, что чувствую себя очень плохо за послѣднiя двѣ недѣли и такъ ослабѣла, что едва могу добрести до сада. Прилагаю письмо отъ нея къ тебѣ. Изъ него ты увидишь, что она всецѣло полагается на твое рѣшенiе. Прощай, дорогой другъ, поцѣлуй отъ меня Мишеньку, скажи, пожалуйста, моему милому и доброму племяннику Татищеву, чтобы онъ немедля освѣдомился, какимъ путемъ ему придется внести за меня въ маѣ мѣсяцѣ 2600 р. процентовъ, чтобы ему не пришлось платить еще штрафа.

№ 14.

29 марта.

Твоя старая и больная сестра миллiонъ разъ благодаритъ тебя за твое послѣднее письмо и принимаетъ твое предложенiе посылать ей гамбургскiя газеты; Страховъ больше не пишетъ мнѣ послѣ того, какъ попросилъ у меня взаймы 3 или 4 тыс. р., хотя онъ еще не заплатилъ 5% на 2000 руб., которые онъ мнѣ долженъ съ ноября; я ему отвѣтила очень вѣжливымъ отказомъ.

ссылаясь на необходимость спасти секвестрованныя имѣнія сына. Ты пишешь мнѣ о зимѣ, а здѣсь уже два, три дня стоитъ весна; снѣгъ стаялъ на дворѣ и на террасѣ, на сѣверной сторонѣ, горы обнажены и рѣка разлилась. Воздухъ мягокъ и къ столу уже шесть дней подаютъ дикій цикорій и свѣжую крапиву.

Мой сынъ пишетъ, что онъ долженъ задержаться еще нѣсколько дней въ Москвѣ, чтобы перевести свои экипажи на лѣтнее положеніе. У меня со вчерашняго дня рѣку переѣзжаютъ на паромѣ. Не знаю, какъ Арина Ивановна могла третьяго дня предпринять свой путь. Захару Николаевичу свидѣтельствую свой дружескій поклонъ. Не стану говорить о своей безграничной любви къ тебѣ; скажу только, что во время пребыванія здѣсь моего сына хотя я и была поглощена счастьемъ видѣть и слышать его, сердце мое все-таки часто рвалось къ тебѣ и я разъ 20, вмѣсто того, чтобы назвать сына, по ошибкѣ произносила возлюбленное имя моего брата. Прощай, да благословитъ тебя Господь и сохранитъ отъ всякаго зла!

№ 15.

Троицкое, 29 мая (1803 г.).

Хотя мой сосѣдъ Гончаровъ и имѣлъ уже удовольствіе познакомиться съ тобой, дорогой другъ, но онъ усердно проситъ написать тебѣ эти строки. Я рекомендую его тебѣ, какъ очень честнаго человѣка съ возвышенной душой.

Я давно уже не имѣю отъ тебя извѣстій. Я также противъ обыкновенія запоздала съ письмомъ къ тебѣ, такъ какъ совершила большую поѣздку во исполненіе обѣщанія, даннаго два года тому назадъ графу Остерману посѣтить его въ его имѣніи. Возвратившись оттуда, я очень устала и у меня сдѣлались спазмы. Теперь мнѣ немного лучше, но мое здоровье оставляетъ желать еще многаго. Прощай, дорогой другъ. Да хранитъ тебя Богъ! Нѣжно цѣлую тебя.

Получено 10 іюня въ С.-Петербургѣ.

№ 16.

30 ноября 1803 г.

Я писала тебѣ, дорогой другъ, наканунѣ 24, а такъ какъ у меня было очень много народа въ этотъ день, получивъ письмо отъ литератора, покровительствуемаго Троцинскимъ, я попросила моего сына, бывшаго здѣсь, переслать его тебѣ. Вотъ нашъ пле-

мянникъ Санти и получилъ пощечину, которая тѣмъ болѣе унизительна, что онъ получилъ ее отъ одного изъ своихъ бывшихъ подчиненныхъ, сдѣланнаго прокуроромъ. Хоть бы ему дали орденъ св. Владиміра 2-й степени; ради Бога и уваженія къ нашей семьѣ, сдѣлай что-нибудь для него.

Ты увидишь въ Петербургѣ мою дочь. Шесть лѣтъ послѣ того, какъ я заплатила всѣ ея долги, Чихачовъ вдругъ предъявилъ претензію на 10 тысячъ и черезъ шесть недѣль продали часть ея имѣнія. Боюсь тебя обидѣть, дорогой другъ, если стану просить тебя помочь ей; зная тебя, я вѣрю, милый другъ, что ты любишь моихъ дѣтей, которыя мнѣ дороже жизни.

№ 17.

Репортъ отъ вашего Аглинскаго садовника Дашкавой.

Работа вся окончена, но проситъ васъ о нижеслѣдующемъ:

1. Всю его подсадку съ половины Апрѣля по Іюль, есть-ли два дни дождя не будетъ, приказать поливать.

2. Есть-ли на сѣянныхъ трухою мѣстахъ не взойдетъ трава, то перекопавъ посѣять и укатать.

3. Дорожки по краямъ подсыпать глиною съ пескомъ и укатать, то онѣ шире и лучше будутъ.

4. Гдѣ подсадка, а не посѣяно, то граблями выравнять и чисто содержать, чтобъ трава не проростала и тѣмъ растеніямъ не мѣшала.

№ 18.

1. Въ канальцы и ямки, приготовленные для садки, отнюдь не сажать ни березъ, ивнику, сосенъ, ни ёлокъ, а засаживать оные калиновыми, рябиновыми, орѣшниковыми, бересклетовыми и шиповными *кустами*.

2. Примѣчать надлежитъ, что ближняя къ дорогамъ садка должна быть изъ низкихъ кустовъ, а что ближе къ лѣсу, то выше кусты быть могутъ.

3. Гдѣ не назначено садить, а земля не ровна или плѣшинами, тутъ должно трухою сѣнною засѣвать.

4. Къ каменной стѣнѣ ближній каналъ должно засадить тонкими молодыми липами, въ два аршина съ четвертью вышины; въ переднемъ же каналѣ шиповникъ и бересклетъ посадить.

5. Въ клумбы и близко къ дорожкамъ можно садить ягодки.

6. Нынѣшнюю осеннюю садку и будущую весеннюю по 1-е Іюля поливать черезъ день.

7. Розы разводить, рѣзавъ черенки, какъ съ смородиной дѣлается. Черенокъ посадить въ гряду хорошей земли, потомъ черезъ годъ въ горшки пересадить.

8. Въ канальцы и по берегамъ садки или лѣсу можно сажать крыжовникъ между другого рода кустами.

9. Если не угодно испортить расположеніе нынѣшнее, то запретить должно, чтобъ, исключая назначенныхъ ямъ и шпалеровъ, вновь чего не садили.

10. Приказать сажать деревья и кусты въ показанномъ мною бульонѣ.

11. Дубъ и другія деревья, есть-ли не очень здоровы покажутся, то поливать онымъ же бульономъ, разведя оный пожиже [1]).

№ 19.

Письмо княгини Е. Р. Дашковой къ графу М. С. Воронцову.

30 іюля. Троицкое (1806 г.).

Передъ своимъ отъѣздомъ я получила эполеты, присланныя тобой, за которыя я очень благодарю; ихъ принесъ почтальонъ, а не посланный изъ твоего дома, какъ ты мнѣ сказалъ. Очевидно мой домъ отмѣченъ какимъ-то особеннымъ знакомъ, что Дутинъ [2]) рѣшается появляться въ немъ. Пока у тебя будутъ Постниковъ и Тресвятскій и пока ты, подумавъ хорошенько, не скажешь самому себѣ: «Этотъ домъ на Никитской—даръ моей тетки, забывшей все на свѣтѣ кромѣ чувства нѣжной любви къ моему отцу и ко мнѣ, и поэтому онъ не можетъ являться въ моихъ глазахъ и глазахъ моей челяди чѣмъ-то достойнымъ презрѣнія»,—словомъ, мнѣ, изъ чувства справедливаго негодованія, не слѣдовало бы вмѣшиваться въ твои дѣла. Но это не подходило бы къ моему любящему сердцу; къ тому же твой отецъ ни въ чемъ передо мной не виновенъ и потому, какъ бы мало вѣса ни имѣли предъ тобою мои совѣты, считаю своимъ долгомъ предупредить тебя, что пока Постниковъ управляетъ дѣлами моего брата, опасно держать еще и Тресвятскаго, который довольно богатъ, чтобы дорого заплатить за свой чинъ секретаря, но который желаетъ воспользоваться правомъ покупать земли, которое онъ этимъ пріобрѣлъ. Прощай, дорогой племянникъ. Пиши мнѣ въ Москву и сообщи, когда пріѣдетъ мой дорогой братъ.

---

[1]) №№ 17 и 18—два листка, написанные собственноручно кн. Дашковой въ 1800 г.

[2]) Дворецкій графа Воронцова.

№ 20.

Письмо князя Н. В. Репнина къ княгинѣ Е. Р. Дашковой во время ея ссылки (1797 г.).

Я не могъ отвѣтить на ваше письмо, дорогая княгиня, не зная, чрезъ кого вамъ послать мой отвѣтъ и куда его адресовать. Къ моему большому сожалѣнію я не могу вмѣшаться въ ваше дѣло. Я объ этомъ очень сожалѣю, но это рѣшительно невозможно. Однако, я вамъ дамъ совѣтъ, идущій отъ искренняго сердца. Въ качествѣ кавалерственной дамы обратитесь къ императрицѣ и напишите ей по почтѣ. Выразите ей въ вашемъ письмѣ вашу скорбь о томъ, что вы являетесь единственной несчастной женщиной въ имперіи; просите милости и снисхожденія и только того смягченія вашихъ бѣдъ, чтобы получить разрѣшеніе жить спокойно въ вашемъ калужскомъ помѣстьѣ и покинуть имѣніе, куда вы теперь сосланы и гдѣ у васъ нѣтъ своего крова и вы должны жить въ крестьянской избѣ. Упомяните также о вашемъ разстроенномъ здоровьѣ и укажите, что вы осмѣливаетесь обращаться къ императрицѣ, потому что имѣете честь быть кавалерственной дамой и что вы умоляете ея величество представить Государю челобитную, которую вы вложите въ письмо къ императрицѣ. Эта челобитная должна содержать ту же мольбу, изложенную въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ, и изображать вашу скорбь по поводу вашей опалы. Обращайтесь единственно къ милосердію Государя, неоднократно проявленному имъ и по отношенію къ тѣмъ, кого ему приходилось наказывать, и просите только, чтобы вамъ разрѣшили жить и умереть въ вашемъ калужскомъ имѣніи, гдѣ у васъ есть домъ, защищающій васъ отъ непогоды, и гдѣ у васъ подъ рукой медицинская помощь, въ которой нуждается ваше разстроенное здоровье.

Вотъ все, что я могу вамъ посовѣтовать. Помните, что я это дѣлаю въ величайшей тайнѣ и прошу, чтобы это осталось исключительно между нами и чтобы никто рѣшительно этого не зналъ. Не подвергайте меня опасности. Сожгите это письмо немедленно по прочтеніи и не пишите мнѣ больше. Будьте убѣждены, что я искренно и сердечно желаю вамъ добра.

№ 21.

Письма Елизаветы Романовны Полянской (рожденной графини Воронцовой) къ брату ея, графу С. Р. Воронцову, и его супругѣ.

С.-Петербургъ, 22 августа 1783 г.

Не знаю, какъ благодарить васъ, дорогіе братъ и сестра, за ваше милое письмо; оно доставило мнѣ неизъяснимую радость, извѣщеніемъ, что вы всѣ здоровы, и увѣреніемъ въ вашей дружбѣ, которая для меня всего драгоцѣннѣе. Сохраните ее мнѣ и будьте увѣрены, что никто не любитъ васъ больше меня. Читая ваше письмо, я съ грустью думала о томъ, что васъ нѣтъ со мной, что я васъ не вижу и Богъ знаетъ, когда буду имѣть это счастье! Эта мысль меня угнетаетъ. Людямъ, любящимъ другъ друга, слѣдовало бы никогда не разлучаться. Единственнымъ утѣшеніемъ будетъ мнѣ служить ожиданіе вѣсточки отъ васъ и радость при полученіи ея. Вы мнѣ сдѣлали очень пріятный сюрпризъ, такъ какъ я не ожидала, что получу письмо отъ васъ изъ Риги; зато какъ я вамъ за него благодарна, мои дорогіе друзья. Несмотря на вашу сильную усталость, вы вспомнили обо мнѣ; я цѣню это по достоинству, въ особенности, когда думаю о томъ, моя дорогая, что ты въ твоемъ положеніи устала отъ путешествія и нѣмецкой любезности.

Ты спрашиваешь, дорогой братъ, кто такая эта родственница, которую вы встрѣтили въ Ригѣ? Я ея не знаю и спросила брата; онъ мнѣ сказалъ, что это сестра покойнаго Ивана Петровича Воронцова, вышедшая замужъ за нѣмецкаго генерала. Я писала тебѣ на прошлой недѣлѣ и думала, что ты получишь письмо по пріѣздѣ въ Ригу; однако братъ увѣряетъ, что ты получишь его въ Митавѣ. Съ нетерпѣніемъ жду письма изъ Варшавы. Дай вамъ Богъ доѣхать въ добромъ здоровьѣ! Я очень рада, что Мишенька хорошо себя велъ и не плакалъ, и главное, что онъ здоровъ; хотѣла бы, чтобы его маменька ему подражала въ этомъ; я буду покойна, только когда она благополучно совершитъ это путешествіе.

У насъ двѣ новыя фрейлины: графиня Шувалова и племянница Ивана Ивановича, княжна Голицына [1]). Мнѣ очень досадно, что ваши дѣвицы [2]) не назначены фрейлинами; надѣюсь, что настанетъ и ихъ чередъ; онѣ въ этомъ больше нуждаются, чѣмъ

[1]) Варвара Николаевна, впослѣдствіи графиня Головина.

[2]) Сестры супруги графа С. Р. Воронцова.

тѣ двѣ, у которыхъ нѣтъ недостатка ни въ чемъ; онѣ изъ честолюбія добивались этихъ мѣстъ, отнимая ихъ у другихъ. Однако довольно объ этомъ, меня эта тема приводитъ въ дурное расположеніе духа—такое же, какъ погода: лѣто кончилось, холодно; надѣюсь, что у васъ погода лучше. Щербинина просила мнѣ засвидѣтельствовать ея почтеніе вамъ обоимъ. Пріятельница ея матери пріѣхала[1], но я ея еще не видѣла. Прощайте, дорогіе друзья; цѣлую васъ обоихъ и моего милаго Мишеньку. Дѣти мои свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе и благодарятъ за память. Аннета уѣхала въ Стрѣльну; княгиня еще живетъ тамъ; ея сынъ уѣхалъ недѣлю тому назадъ, чему онъ очень радъ. Вотъ и всѣ новости; нѣтъ ничего интереснаго, все старо и ничего новаго нѣтъ. Я съ нетерпѣніемъ жду извѣстій отъ васъ и остаюсь вашимъ вѣрнымъ другомъ и сестрой.

Е. Полянская.

№ 22.

С.-Петербургъ, 19 марта 1784 г.

Наконецъ-то я получила ваше письмо, доставившее мнѣ неизъяснимую радость; я больше двухъ мѣсяцевъ не имѣла отъ васъ извѣстій. Я вижу, что вы оба здоровы, что мнѣ больше всего и хотѣлось знать. Поздравляю тебя, дорогой братъ, съ тѣмъ, что ты покинулъ эту скучную Венецію. Мнѣ сказывали, будто тебя посылаютъ въ Англію. Я исполнила ваше порученіе къ госпожѣ Загряжской[2]; она просила меня передать вамъ ея привѣтъ и сказать, что она очень тронута вашей памятью о ней; она васъ очень уважаетъ и любитъ—я пишу ея собственныя слова. Она говоритъ, что не завидуетъ вамъ, что вы въ Венеціи, и что твой предполагаемый замѣститель откажется отъ этого мѣста и выйдетъ въ отставку. Я очень рада вашему новому назначенію; боюсь только, что это на многіе годы лишитъ меня удовольствія васъ видѣть.

Я не смѣю надѣяться, что вы передъ своимъ отъѣздомъ въ Англію заѣдете въ Россію для устройства дѣлъ.

Княгиня Дашкова поручила мнѣ послать вамъ обоимъ привѣтъ. Она больна, печальна и очень измѣнилась. У брата много хлопотъ съ ней.

---

[1]) Очевидно рѣчь о m-me Гамильтонъ.

[2]) Натальѣ Кирилловнѣ.

Я проиграла пари и поэтому послала вамъ зеленой каши (gruau vert) черезъ одного грека; не знаю, получили ли вы ее.

Сестра уѣзжаетъ въ концѣ будущаго мѣсяца въ свои помѣстья на три или четыре мѣсяца. Скажу тебѣ нѣчто, что очень удивитъ тебя, дорогая сестра; ея дочь хочетъ помириться съ мужемъ; это большой секретъ и мать ничего еще объ этомъ не знаетъ; они, кажется, поладятъ между собой, живя въ Москвѣ. Я думаю, тебѣ бы это никогда и въ голову не пришло. Она съ ума сходитъ отъ радости и только объ этомъ и говоритъ. Очень она вѣтрена. Не знаю только, какъ приметъ это ея мать; не говори объ этомъ, пока все не будетъ устроено. Послѣ смерти отца ея мужъ сталъ очень богатъ; у него семь тысячъ крестьянъ и нѣсколько сотъ тысячъ наличныхъ денегъ. Я предпочла бы, чтобы вы получили такія деньги—тогда, можетъ быть, вы и пріѣхали бы повидаться съ нами.

Въ числѣ новостей сообщу вамъ, что князь Потемкинъ уѣхалъ, а Скавронская, говорятъ, ѣдетъ къ своей сестрѣ Браницкой, куда ея мужъ пріѣдетъ за ней, чтобы везти ее въ Неаполь; но это, кажется, недостовѣрно.

Императрица подарила ей великолѣпныя серьги, стоющія десять тысячъ рублей. Княжна Барятинская назначена фрейлиной на этихъ дняхъ, она будетъ жить съ матерью; ей всего четырнадцать лѣтъ; она очень высокаго роста и очень красива. Уѣзжая, князь Потемкинъ написалъ письмо Ланскому и просилъ, чтобы она была назначена фрейлиной, что и было исполнено въ тотъ же день.

Вотъ и все что, я знаю. Штатъ великаго князя Александра Павловича также уже составленъ; вы, кажется, уже знаете это, а также, что Протасовъ назначенъ воспитателемъ, подобно тому, какъ Остервальдъ былъ имъ при великомъ князѣ, его отцѣ.

Приближается Пасха и мнѣ вспоминается, какъ пріятно я ее провела въ прошломъ году; Богъ знаетъ, когда еще мнѣ придется провести ее такъ, потому что, если вы теперь не пріѣдете изъ Венеціи, нельзя надѣяться на это удовольствіе раньше пяти, десяти лѣтъ. Вы ничего не пишете мнѣ про Мишеньку; говоритъ ли онъ? Я ему сама вышила кошелекъ и пошлю его ему при первой возможности. Прощайте, дорогіе друзья, мысленно обнимаю васъ и цѣлую моего дорогого Мишеньку и маленькую Като, которую люблю всѣмъ сердцемъ, хотя и не знаю ея.

№ 23.

1784 г. 8-го апрѣля. С.-Петербургъ.

. . . . По словамъ сестры, Завадовскій сдѣлалъ ей много зла. Завтра ея дочь объявитъ ей о своемъ рѣшеніи помириться съ мужемъ; интересно, какъ это произойдетъ; въ первомъ же моемъ письмѣ я сообщу вамъ объ этомъ. Кажется, произойдетъ ужасная сцена. Боже, какъ она легкомысленна! Дай ей Богъ счастья; говорятъ, ея мужъ сталъ совсѣмъ ипохондрикомъ; она это знаетъ, но ручается, что измѣнитъ его и развѣетъ его меланхолію; она дѣлаетъ планы насчетъ покупки дома, словомъ, послушать ее—она самая счастливая женщина въ мірѣ; какое счастье рисовать себѣ все въ розовомъ цвѣтѣ, при твердомъ убѣжденіи, что она будетъ дѣлать все, что вздумается; только врядъ ли это осуществится. Ее ослѣпляютъ тщеславіе и самолюбіе; вотъ счастье Анны Степановны [1]) очень реально; она назначена камеръ-фрейлиной съ двумя тысячами жалованья и у нея превеликій штатъ камеръ-пажей, два лакея, и всѣ ей комнаты отданы, гдѣ жила покойница, княжна Голицына. Столъ съ государыниной кухни и на вызолоченномъ сервизѣ; словомъ, она въ самомъ большомъ фаворѣ, всѣ ея племянницы съ ней и она не чувствуетъ ни въ чемъ недостатка.

Дочь Сухотина живетъ при дворѣ; Ланской устроилъ ей это и обѣщалъ сдѣлать ее фрейлиной. Если бы на этихъ же основаніяхъ взяли бы и твоихъ сестеръ, я думаю, тебѣ это не понравилось бы. Но не знаю, почему бы и не быть имъ фрейлинами, если бы было кому за нихъ просить. Еще одна фрейлина выходитъ замужъ: Катерина Львовна за Головкина. Эта свадьба наконецъ состоится; когда вы уѣхали, она совсѣмъ разстроилась было; онъ будетъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ; Ланской устроилъ это; онъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣлаетъ много добра; лучше всего вамъ обратиться къ нему. Графъ Ангальтъ былъ сдѣланъ на-дняхъ генералъ-адъютантомъ; вы кажется уже знаете, что Протасовъ назначенъ помощникомъ воспитателя великаго князя Александра.

М-me Кобенцель все еще не посланница: она ждетъ еще вѣрительныхъ грамотъ; кажется, она будетъ этимъ очень гордиться. Здѣсь ея невѣстка, мадамъ Ромбекъ; она, говорятъ, очень весела, любезна и хорошо играетъ на сценѣ; вообще все это общество превратилось въ труппу актеровъ, такъ какъ всю

---

[1]) Протасова.

зиму шли спектакли у Нелединской. Щербинина часто у нея бываетъ, но она не играетъ и не состоитъ въ числѣ актрисъ. Князь Барятинскій запретилъ своей дочери играть на сценѣ, той, что въ четырнадцать лѣтъ уже фрейлина; она очень высокаго роста и очень хорошенькая; она теперь красивѣе всѣхъ фрейлинъ, такъ какъ Закревская очень измѣнилась. Пишу вамъ всѣ эти пустяки, такъ какъ не могу оторваться, когда болтаю съ вами.

№ 24.

1784 г. 30-го мая. С.-Петербургъ.

Я отправила вамъ письмо съ Паезіелло, но оно, кажется, до васъ не дошло; онъ, говорятъ, въ Варшавѣ. Я послала вамъ смоленской крупы и маленькую чашку для Миши; она не особенно красива, но я хочу, чтобы онъ ее употреблялъ и, такимъ образомъ, помнилъ меня.

Княгиня Дашкова уѣхала въ Москву и въ имѣніе на три мѣсяца; ея дочь вернется къ мужу; изъ Москвы она поѣдетъ къ нему. Говорятъ, онъ помѣшанъ; разговариваетъ самъ съ собой, смѣется и затѣмъ вдругъ становится задумчивымъ и печальнымъ; надо имѣть много мужества, чтобы рѣшиться на то, что она предприняла. Ея мать очень на нее сердита; здѣсь каждый день происходятъ безконечныя сцены, но въ Москвѣ ихъ, кажется будетъ еще больше; съ ней поѣхала ея пріятельница; она очень милая и кроткая женщина.

№ 25.

С.-Петербургъ, 6-го іюля 1784 г.

Императрица была больна, но теперь ей, слава Богу, лучше. Ее эта смерть очень поразила; она до сихъ поръ не выходитъ и очень немногія лица видятъ ее. Мать Ланского пріѣхала въ Царское Село. Говорятъ, что онъ сдѣлалъ завѣщаніе, оставивъ своему брату всего только 1800 крестьянъ, а остальное отдалъ въ распоряженіе императрицы.

Кажется, эта смерть скорѣй пріятна княгинѣ: они ненавидѣли другъ друга. Ей, вѣроятно, досадно, что ея здѣсь нѣтъ; можетъ быть къ ней и вернется фаворъ, пошатнувшійся за послѣднее время; его вообще очень жалѣютъ, такъ какъ онъ сдѣлалъ много добра и мало зла; но трудно на всѣхъ угодить; если Анна Степановна благодарная женщина, она должна

искренно о немъ сожалѣть, такъ какъ получила все благодаря ему.

Какъ странно, что, живя въ городѣ, я его видѣла всего одинъ разъ издали на маскарадѣ; но видѣла его портретъ у Кушелевой; онъ показался мнѣ очень красивъ. Олсуфьевъ также умеръ; не знаю, писала ли я вамъ объ этомъ. У насъ прескверная погода и много больныхъ. Говорятъ, Безбородко послалъ двухъ курьеровъ за Потемкинымъ.

Графъ Браницкій подарилъ своей женѣ Бѣлую Церковь; это великолѣпный подарокъ, представляющій изъ себя 50—60 тыс. годового дохода; Скавронская живетъ съ ней и, по словамъ ея сестры Шепелевой, уѣзжаетъ въ августѣ; говорятъ, ее замѣняетъ мадамъ Соллогубъ. Свадьба Катерины Львовны была назначена на этотъ мѣсяцъ, но женихъ серьезно заболѣлъ; у него была горячка и боятся чахотки; онъ харкаетъ кровью. Марина Осиповна дѣлаетъ ей великолѣпное приданое, даетъ тысячу крестьянъ и серебряный сервизъ; она была противъ этого брака, но теперь она его очень любитъ и жалѣетъ, что противилась ему. Сватовство Завадовскаго къ Апраксиной все еще затягивается; кажется, это будетъ второе изданіе свадьбы Катерины Львовны; онъ каждый день у Разумовскаго, по словамъ Натальи Кирилловны, и мать очень желаетъ, чтобы это устроилось. До сихъ поръ онъ не сватался, хотя, говорятъ, очень влюбленъ; молодая сначала не хотѣла было, но теперь и она согласна и все зависитъ отъ него. Я видѣла мать у Загряжской; она сказала мнѣ, что шьетъ приданое, много накупила вещей въ этотъ день и желала бы, чтобы ея дочь вышла поскорѣй замужъ, такъ какъ въ наступающемъ году они уѣзжаютъ надолго на Украйну; я отвѣтила ей, что я на ея мѣстѣ не торопилась бы со свадьбой дочери; она такъ красива и обладаетъ такимъ большимъ состояніемъ, что успѣетъ всегда выйти замужъ.

М-me Мальтицъ просила меня передать вамъ привѣтъ; ея сынъ получилъ прекрасное мѣсто; онъ директоръ академіи художествъ вмѣсто Закревскаго; говорятъ, что это мѣсто доставила ему Рибасъ; она по слухамъ къ нему не равнодушна. Графиня Фитингофъ здѣсь съ мужемъ и младшей дочерью[1]); говорятъ, она привезла ее, чтобы просить назначить ее фрейлиной. Вы, кажется, уже знаете, что братъ въ Ригѣ.

---

1) Впослѣдствіи баронесса Крюднеръ.

№ 26.

С.-Петербургъ, 18-го августа 1784.

Здѣшнія новости очень скудны. Головина, Дарья Ивановна, выходитъ замужъ за флигель-адъютанта Уварова. Графиня Чернышева уѣхала съ отцомъ на два мѣсяца въ имѣніе Орловской губерніи, за Москвой. Дворъ все еще въ Царскомъ Селѣ; спектаклей нѣтъ. Императрица не выѣзжаетъ, великій князь большею частію въ Гатчинѣ; онъ совсѣмъ поселился тамъ. Почти никто не видитъ императрицу. Кушелева и Протасова ѣздятъ къ ней иногда. Графъ Ѳедоръ Орловъ проводитъ у нея всѣ вечера. Князь Потемкинъ бываетъ и утромъ и вечеромъ. Говорятъ, тамъ все крайне печально. Забыла сообщить тебѣ новость, которая удивитъ брата: князь Репнинъ здѣсь. По слухамъ, онъ сталъ очень набоженъ, читаетъ только Библію, измѣнился до неузнаваемости и сталъ покорнымъ слугой своей жены. Кто бы это подумалъ?

№ 27.

7-го января 1785 г.

Анна Степановна очень спрашивала о васъ и велѣла передать, что она шлетъ тебѣ свой привѣтъ и очень тебя любитъ. Я сказала ей между прочимъ въ разговорѣ, что ты озабоченъ судьбой своихъ невѣстокъ, которыя со смертью сестры потеряли нѣжную мать. Если ты не имѣешь ничего противъ, ты, кажется, могъ бы воспользоваться тѣмъ случаемъ, что она шлетъ тебѣ поклонъ, и такъ какъ ты ее хорошо знаешь, написать ей письмо, въ которомъ, не прося ничего для своихъ невѣстокъ, ты могъ бы сказать, что судьба ихъ тебя безпокоитъ; она всѣ вечера проводитъ у нея и, можетъ быть, въ разговорѣ покажетъ твое письмо; можешь прислать его мнѣ и я ей передамъ его сама.

Бѣдная Наталія Андреевна умерла; Анна Степановна устроила, что императрица дала тысячу рублей на похороны и по двѣ тысячи рублей каждой изъ трехъ дочерей, обѣщавъ дать имъ приданое при замужествѣ. Къ чести Протасовой, она вспомнила про свою дружбу съ Авдотьей Андреевной. Она дѣлаетъ много добра своимъ родственникамъ; несмотря на свой фаворъ, держитъ себя отлично и ничуть не перемѣнилась. Обѣ Шкурины также просили тебѣ кланяться. Онѣ очень хороши съ Аннетой. Я сказала Наталіи Васильевнѣ, что ты всегда этого желала и что я теперь напишу тебѣ объ этомъ. Княгиня Дашкова несла

новую маленькую княжну и императрица дала ей портретъ, принадлежавшій княгинѣ Орловой, сказавъ, что это только временно и что она заказала ей гораздо лучшій; она опять въ большой силѣ.

Говорятъ, графъ Өедоръ Орловъ вскорѣ пріѣдетъ, а князь Потемкинъ уѣдетъ въ Крымъ. Князь Меньшиковъ женится на княжнѣ Голицыной, дочери гофмаршала. Она очень богатая невѣста.

№ 28.

1-го января 1787 г.

Завтра Дворъ уѣзжаетъ въ Царское Село и черезъ десять дней отправится въ путешествіе. Принцъ Вюртембергскій уѣхалъ; одни говорятъ—на годъ, другіе—совсѣмъ; жена разошлась съ нимъ; она испросила покровительства Государыни и живетъ въ Эрмитажѣ. Говорятъ, она поѣдетъ къ отцу въ Брунсвикъ. Онъ недѣлю тому назадъ уѣхалъ съ дѣтьми. Это служитъ темой всѣхъ разговоровъ. До этого много говорили о несчастіи графа Безбородко. Онъ влюбился въ танцовщицу по имени Маврушка, по слухамъ очень хорошенькую; онъ нанялъ ей домъ Убри по сосѣдству съ собой, помѣстилъ на ея имя въ Воспитательный домъ десять тысячъ рублей и драгоцѣнностей на такую же сумму, и вдругъ Чесменскій, сынъ графа Алексѣя, отбилъ ее у него; она предпочла его всѣмъ матеріальнымъ выгодамъ, предлагаемымъ графомъ, и тотъ остался безъ двадцати тысячъ и безъ дѣвицы. Говорятъ, онъ былъ этимъ очень огорченъ и пытается завязать опять отношенія съ Давіей, рискуя быть побитымъ, такъ какъ она угощаетъ пощечинами своихъ поклонниковъ; благодаря ей многочисленные враги графа будутъ отомщены. Однако, какія глупости я вамъ пишу; мнѣ бы хотѣлось разсмѣшить васъ ими. О Завадовскомъ скажу, что онъ продолжаетъ ухаживать за графиней Апраксиной, но все еще не рѣшаясь предпринять окончательный шагъ; кажется, это будетъ второе изданіе свадьбы Катерины Львовны. Фельдмаршалъ Разумовскій получилъ безсрочный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и всего штата. Въ маѣ онъ уѣдетъ на Украйну. Словомъ, всѣ уѣзжаютъ. Говорятъ, что великій князь останется въ городѣ до Пасхи, а послѣ праздниковъ они поѣдутъ въ Гатчину на все время отсутствія императрицы. У великой княгини лихорадка; она уже двѣ недѣли не выходитъ. Не знаю, выйдетъ ли она сегодня. Маленькіе великіе князья уѣзжаютъ съ Государыней, а великія княжны остаются съ матерью.

№ 29.

Письмо кн. Е. Р. Дашковой къ дочери.

Я очень рада буду, чтобъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ по многодѣліи ему препорученному могъ взять на себя главной надзоръ надъ опѣкою оставшагося послѣ нещастнаго моего сына имѣнія; онъ справедливъ, и черезъ то кредиторы будутъ удовольствованы не взирая на беспутное твое мотовство; естьли Федоръ Ивановичъ Киселевъ откажется быть опѣкуномъ, то одного Павла Александровича Рахманова довольно; ибо правительство всегда имѣетъ долгъ надзирать надъ опѣками; таковое попеченіе для справедливаго успокоенія тѣмъ паче нужно, что ты по развратному своему поведѣнію никакова довѣрія не заслуживаешъ. Я торжественно повторяю, что сынъ мой не хотѣлъ невозможнаго, то есть усыновить побочныхъ дѣтей прижитыхъ при жизни и нынѣ еще живущей жены его; а хотѣлъ ихъ здѣлать благонравными мѣщанами съ посредственнымъ состояніемъ, каковое только при большихъ своихъ долгахъ онъ могъ имъ доставить, о чѣмъ онъ самъ мнѣ объявить велѣлъ; я также торжественно утверждаю, что онъ тебѣ ихъ ввѣрить никогда не хотѣлъ и при последней болѣзни своей просилъ пріятеля своего ихъ взять. Ты хвастаешъся, что выпросишъ у Государя, чтобъ отступя отъ закона, ниспровергнулъ таинство брака по исповѣданію нашему освященное; онъ изволитъ для твоей прихоти, и удовлетворяя твоему чванству усыновить дѣтей незаконныхъ при живой женѣ—мѣчта достойна твоего изступленія—ты обѣщаешъ имъ дать свое имѣніе, когда твое, и злощастное полученное наслѣдство обремѣнено долгами, ты хочешъ ихъ воспитывать, а ты ихъ развращаешъ, отженяя ихъ отъ матери, которая одна имѣетъ надъ ними естественное и законное право; а при первомъ паракcизмѣ злости ты ихъ выкинешъ изъ окна. Я отверзала тебѣ путь къ нѣкоторому со мною сближенію; но ты отвергла все то, что здравой разсудокъ, человѣчество и христіанство, руководствуя сердцемъ моимъ тебѣ предлагали. Послѣ того свѣдала я, что облекшись въ трауръ Императорской фамиліею только носимой, ты вздумала что ты Императрица; въ церьквѣ, гдѣ тѣло нещастнаго твоего брата предъ глазами твоими должно было только возбуждать чувства печали; призывала предъ себя полицеймѣйстера приказывала ему несообразное, кричала и заклинала, чтобъ племянница моя Норова и другъ мой Мавра Романовна послѣдняго христіанскаго долга не воздавали; вся церковь была потрясаема бѣшаннымъ

твоимъ голосомъ, всѣ были поражены ужасомъ, видя безъчеловѣчіе, злость и намѣреніе уморить мать слухомъ сего безбожнаго изступленія; вся Москва съ отвращеніемъ имя твое поминаетъ. Я тебѣ прощала семь разъ, что только едва ангелъ милосердія простить могъ, -вспомни, что ты почью пріѣзжала ко мнѣ въ деревнѣ, не хотѣвъ меня видѣть, собирала людей моихъ и послѣ молѣбна, который конечно Богу угоденъ быть не могъ, раздавала имъ деньги и говорила противу меня и противу друга моего, которая одна утѣшала печаль и грусть брошенной матери; сіе возмущеніе каковое ты желала произвесть, приказаніе, которое ты раздавала людямъ моимъ и разные клеветы, которые ты тщетно хотѣла утверждать въ Москвѣ, доказываютъ что противу тебя пора уже мнѣ предостеречься. Всѣхъ тѣхъ изъ родныхъ, коихъ поведеніе я не одобряла, думая мнѣ досадить или себя подкрѣпить, ты собирала около себя и ласкаешь; напротивъ того всѣхъ любящихъ меня ты ругала и ненавидишь. Все сіе безбожное противу меня ополченіе оправдаетъ меня передъ Богомъ и предъ свѣтомъ; естьли ты въ назначенный срокъ не уѣдешъ изъ Москвы, то я прибѣгну къ послѣднему законному прибѣжищу тебя заключеніемъ избавить преступленія новыхъ злодѣйскихъ умысловъ, а себя и домъ свой охранить; я напоминаю еще разъ какъ мать дожившая въ печали до старости не хотя наказывать, что я по совѣсти своей нахожу нужнымъ и справедливымъ тебя заключить, дабы позору подобно здѣланнаго тобою въ церьквѣ еще не здѣлала и дабы ты не развращала людей моихъ, и чтобъ невинные жертвы отъ твоей злости не пали.

III.

Бумаги княгини Дашковой по управленію Академіею Наукъ.

№ 30.

Всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей Великой Государынѣ и Самодержицѣ Всероссійской

Императорской Академіи Наукъ отъ директора и кавалера княгини Дашковой

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ.

Поелику за всѣми по Академіи Наукъ расходами по 1-е число настоящаго мѣсяца состоитъ экономическихъ денегъ сто пят-

надцать тысячъ рублей, то всеподданнически прошу дозволенія обратить изъ оныхъ тридцать тысячъ рублей всѣ въ пользу добропорядочно-служащихъ при Академіи и упражняющихся въ разныхъ художествахъ и другихъ должностяхъ, приносящихъ трудолюбіемъ своимъ казнѣ Вашего Императорскаго Величества прибыли, когда таковые за старостію или по болѣзнямъ продолжать служеніе не возмогутъ, чтобъ для пропитанія имѣли бы пенсію. А для безпристрастной раздачи обращенныхъ въ пенсіонъ съ упомянутой суммы процентовъ за нужно нахожу всеподданнѣйше представить на благосоизволеніе Вашего Императорскаго Величества нѣкоторыя къ сему положенію правила: 1-е, что помянутыя тридцать тысячъ рублей будутъ отданы въ вѣчный капиталъ въ ломбардъ, дабы получаемые пять процентовъ ни на что иное не могли употребляемы быть, какъ на пенсіонъ; 2-е, что на оный пенсіонъ не идутъ тѣ, которые болѣе четырехъ сотъ рублей жалованья получаютъ; 3-е, что на пенсіонную сумму поступать будутъ выслужившіе при Академіи тридцать лѣтъ; 4-е, раздѣлить помянутые проценты, тысячу пять сотъ рублей, въ производство на двадцать на четыре человѣка, а именно: двумъ — по сту по пятидесяти рублей; двумъ—по сту по двадцати рублей; двумъ—по девяносто рублей; четыремъ — по семидесяти рублей; четыремъ—по пятидесяти рублей; четыремъ —по сороку рублей; четыремъ— по тридцати по пяти рублей, что̀ и учинитъ тысячу пять сотъ рублей. Осмѣливаюсь испрашивать Вашего Императорскаго Величества благоволенія, дабы малая моя услуга въ сдѣланномъ приращеніи казны вящую и на продолжительное время пользу службѣ Вашего Императорскаго Величества могла принесть, повелѣть тридцать тысячъ рублей оставить вѣчнымъ въ ломбардѣ капиталомъ, для обращенія получаемыхъ процентовъ въ пенсію.

За исключеніемъ сихъ денегъ, также положенныхъ мною въ вѣчный капиталъ въ дворянскомъ банкѣ тридцати тысячъ рублей и въ пользу воспитанниковъ при гимназіи отданныхъ въ ломбардъ сорока тысячъ рублей, еще останется до пятнадцати тысячъ рублей, что̀ составляетъ достаточное число денегъ для оборота торговли Академіи.

О семъ прошу Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества указа:

Всемилостивѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества и пр.

№ 31.

Всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской

Императорской Академіи Наукъ отъ директора и кавалера княгини Дашковой

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ.

Въ поднесенномъ Вашему Императорскому Величеству, за истекшій февраль мѣсяцъ, всеподданнѣйшемъ рапортѣ моемъ явствуетъ, что экономическая Академіи Наукъ сумма, за всѣми расходами, по старанію и усердію моему приращеніемъ возвышена до ста шестидесяти одной тысячи рублей, изъ которой суммы, по конфирмаціи Вашего Императорскаго Величества, сто тысячъ рублей положены въ вѣчный капиталъ для обращенія процентовъ, какъ ниже слѣдуетъ, съ тридцати тысячъ рублей русскимъ профессорамъ за преподаваніе лекцій. — Съ сорока тысячъ рублей въ умноженіе и содержаніе въ гимназіи воспитанниковъ. — Съ тридцати тысячъ рублей въ произвожденіе пенсіи немогущимъ продолжать служеніе въ Академіи, за старостію или по болѣзнямъ.—Изъ оставшихъ затѣмъ шестидесяти одной тысячи рублей, съ тридцати тысячъ рублей получаемые въ годъ проценты, тысяча пять сотъ рублей, употребляются на необходимонужныя по Академіи издержки, по недостатку состоявшагося еще въ 1747 году штата.—Пятнадцать тысячъ рублей состоятъ въ данныхъ Академіи отъ книгопродавцевъ векселяхъ, ибо на наличныя деньги не можно-бъ таковое количество книгъ продавать. За симъ шестнадцать тысячъ рублей должны оставаться на торговый оборотъ и покупку бумаги.

Поелику жъ въ академической гимназіи воспитанники умножены и въ занимаемомъ ими казенномъ домѣ учебные классы помѣстить порядочно не можно, да и самый тотъ домъ пришелъ въ такую ветхость, что когда одну половину онаго исправляютъ починкою, тогда другая валится и угрожаетъ опасностію; равномѣрно и состоящій на Васильевскомъ острову по 2-й линіи академическій деревянный домъ пришелъ въ крайнюю ветхость и совершенную къ починкѣ негодность.

Осмѣливаюсь испросить всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества благоволенія помянутые старые два дома продать, изъ коихъ за первый хорошія деньги получить можно, по смежности его со вновь-строющеюся биржею; а при томъ со-

блюдается интересъ избѣжаніемъ излишняго платежа за разломку онаго; на вырученныя же отъ продажи обоихъ тѣхъ домовъ деньги вновь построить порядочно будетъ можно, или подлѣ принадлежащаго Академіи въ 7-й линіи называемаго Волкова дома пристроить по лучшему расположенію, къ умноженію учебныхъ классовъ воспитывающихся, изъ которыхъ со времени Высочайше ввѣреннаго мнѣ управленія Академіи вышло много достойныхъ людей, кои въ разныхъ государственныхъ департаментахъ съ отличіемъ служатъ; а при томъ и просьбамъ для помѣщенія въ училище удовлетворить съ пользою службѣ будетъ можно.

О семъ прошу всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества указа.

Всемилостивѣйшая Государыня

Вашего Императорскаго Величества и пр.

№ 32.

Рескриптъ Княгинѣ Дашковой.

Княгиня Катерина Романовна. Изъ поданнаго намъ отъ васъ доклада, видя съ удовольствіемъ, что усерднымъ стараніемъ вашимъ экономическая Академіи Наукъ сумма умножена до знатнаго количества и обращается на полезныя употребленія, дозволяемъ вамъ, пришедшіе въ ветхость, два академическіе дома: одинъ занимаемый воспитанниками гимназіи, а другой, состоящій на Васильевскомъ острову по второй линіи, продать. На вырученныя же за нихъ деньги сдѣлать вновь порядочную пристройку къ дому, принадлежащему Академіи въ седьмой линіи, по лучшему расположенію, для умноженія учебныхъ классовъ воспитывающихся въ пользу службы и общую. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.
Апрѣля 5-го 1793 года.

№ 33.

Состояніе, въ которомъ находилась Императорская Академія Наукъ, когда я вступила въ управленіе ею въ 1783 г., и въ которомъ она находится нынѣ въ 1786 г.

1.

Денежныя дѣла были чрезвычайно запутаны, вслѣдствіе небрежности, съ какою разграничивались такъ называемыя штатныя суммы отъ экономическихъ (спеціальныхъ); штатныя заключали въ себѣ деньги, отпускаемыя ежегодно казной на содержаніе Академіи; спеціальныя суммы составлялись изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи книгъ и изъ другихъ сбереженій. Эти суммы оказались перепутанными между собой. У Академіи было нѣсколько должниковъ и сама она задолжала какъ въ Россіи такъ и за границей, не выдавала жалованья профессорамъ и другимъ чиновникамъ, не платила за помѣщеніе для книжнаго магазина, за бумагу и т. п; вслѣдствіе того, что никто изъ должниковъ не платилъ Академіи, она сама не могла ликвидировать свои долги.

Обѣ суммы строго разграничены.
Нѣкоторые долги получены.
Академія уплатила всѣ свои долги.

2.

Счета комиссара Збороміrскаго не были приведены въ порядокъ при его жизни, а за послѣдніе два года ихъ вовсе не существовало. Послѣ его смерти всѣ его бумаги были опечатаны, что благопріятствовало безпорядкамъ и породило несправедливыя взысканія съ его вдовы и дѣтей.

Бумаги разсмотрѣны, счета уплачены, а остатокъ денегъ переданъ его вдовѣ.

3.

Инспекторомъ состоялъ господинъ Голубцовъ; онъ ничего не дѣлалъ и только расписывался въ полученіи жалованья. Онъ былъ назначенъ судьей въ Каргополь, гдѣ тщетно ожидали его пріѣзда; ничего не дѣлая, онъ получалъ жалованье отъ академіи и занималъ квартиру, нужную для другихъ цѣлей.

Я его уволила.

4.

Заграничные шрифты для типографіи были настолько стары и сбиты, что невозможно было печатать болѣе одного тома Коментаріевъ академіи.

Я велѣла отлить латинскій и русскій шрифты; ихъ отливаютъ и теперь. Что касается нѣмецкихъ шрифтовъ, я выписала ихъ изъ Саксоніи, а также и латинскіе, чтобы не задерживать печатаніе.

5.

Не было книгъ, необходимыхъ для гг. академиковъ, а въ библіотекѣ многія сочиненія были неполны, благодаря тому, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не выписывались послѣдующіе томы.

Гг. академикамъ каждому по своей спеціальности поручено было составить списки нужныхъ книгъ, и ихъ берутъ у Вейтбрехта въ уплату его долга академіи.

6.

Отливка шрифтовъ происходила въ погребѣ, гдѣ послѣ последняго наводненія такъ сыро, что желѣзные и мѣдные инструменты литейщиковъ совершенно заржавѣли.

Она будетъ перенесена въ болѣе подходящее мѣсто и ближе къ типографіи.

7.

Коллекція минераловъ, присланная изъ Швеціи въ 1780 г., была передана Академіи Домашневымъ лишь при моемъ вступленіи въ должность.

Она приведена въ порядокъ.

8.

Коментаріи Академіи остановились на второй части за 1779 г.

Какъ эти тома, такъ и еще нѣсколько томовъ Коментаріевъ уже напечатаны и выпущены въ продажу.

9.

Гг. профессора, обремененные дѣлами, чуждыми ихъ наукѣ, не имѣли времени заниматься своими спеціальностями, что вредило успѣхамъ науки.

Каждый изъ нихъ можетъ заниматься своей наукой совершенно свободно, не встрѣчая съ моей стороны никакихъ препятствій; со своими дѣлами они обращаются прямо ко мнѣ и получаютъ быстрое ихъ разрѣшеніе, не подчиняясь канцелярской волокитѣ, пугавшей нѣкоторыхъ изъ нихъ.

10.

Цѣна на книги и карты была столь высока, что препятствовала осуществленію благодѣтельныхъ намѣреній Государыни, направленныхъ къ распространенію просвѣщенія.

11.

Карты, по приказанію директора, продавались по двойной цѣнѣ, противъ настоящей, что порождало злоупотребленія, а вслѣдствіе ихъ дороговизны никто ихъ не покупалъ.

Книги, карты и альманахи, поступившіе въ продажу со времени моего вступленія въ Академію, продаются за половину ихъ прежней цѣны.

12.

Пять картъ Азовской губерніи, готовыя уже три года, не были изданы, потому что директоръ занимался исключительно придумываніемъ для нихъ картушей.

Онѣ теперь изданы.

13.

Не было каталога книгъ, находившихся въ Академіи; вслѣдствіе чего публика не знала ничего о ихъ существованіи и цѣнѣ.

Напечатано 1800 экземпляровъ каталога, какъ для Петербурга, такъ и для остальныхъ губерній; теперь же вышло второе его изданіе въ количествѣ шести сотъ экземпляровъ.

14.

Лучшіе ученики Академіи покинули ее; я застала только двухъ, которые не умѣли переводить даже съ нѣмецкаго языка.

Въ цѣляхъ поощренія молодыхъ людей и для возбужденія соревнованія между ними, я установила въ гимназіи два экзамена въ годъ, за которые они получаютъ награды въ видѣ книгъ и золотыхъ медалей. Четырехъ самыхъ способныхъ учениковъ я послала на счетъ Академіи на четыре года въ Геттингенскій университетъ.

15.

Въ гимназіи вмѣсто 50 учениковъ я застала всего 27; изъ нихъ трое не подавали никакихъ надеждъ и были взяты въ типографію, шестеро были отправлены родителямъ въ виду полной неспособности къ наукамъ. Осталось всего 18, т. е. весьма незначительное количество для столь обширной имперіи, въ которой ощущается недостатокъ въ людяхъ, умѣющихъ читать. Сама Академія отъ этого страдала, такъ какъ, нуждаясь въ людяхъ, не знала, гдѣ ихъ взять.

Тѣ шестеро учениковъ были возвращены родителямъ, потому что имъ нельзя было поручить грубую работу, такъ какъ они были изъ сравнительно хорошихъ семей. Кромѣ того казна сберегла и деньги и время. Вмѣсто нихъ теперь 89 учениковъ, которые, смѣю утверждать, гораздо лучше накормлены, одѣты и обучены, чѣмъ прежде.

16.

Вмѣсто недостававшихъ необходимыхъ учителей въ Гимназіи былъ музыкантъ, получавшій 800 р. за обученіе игрѣ на скрипкѣ.

Музыканту было заплочено и онъ былъ уволенъ; вмѣсто него я взяла образованнаго воспитателя и учителя итальянскаго и англійскаго языковъ.

17.

Протоколы общихъ собраній оставались у директора; нѣкоторые изъ нихъ были даже имъ утеряны.

Послѣ долгихъ напоминаній мнѣ удалось получить ихъ отъ него и они теперь тщательно сохраняются. Я запретила приносить ихъ къ себѣ и читаю ихъ, когда бываю въ Академіи, и у себя оставляю копіи съ нихъ.

18.

Книжный магазинъ былъ ревизованъ и осмотрѣнъ лишь два раза за управленіе Академіей камергеромъ Домашневымъ.

Я ревизую его, насколько это возможно при препятствіяхъ, которыя ставитъ мнѣ комиссія, ведущая слѣдствіе по прежнему управленію; я могу принять его въ свое вѣдѣніе только, когда это дѣло будетъ закончено: невозможно произвести точную ревизію, не смѣнивъ прежняго комиссара, котораго я должна пока оставить, такъ какъ онъ еще не обвиненъ и не оправданъ.

19.

Изъ Академіи получали книги для прочтенія посторонніе, вслѣдствіе чего нѣсколько сочиненій оказались разрозненными; книги не были размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ и стояли въ безпорядкѣ.

Теперь только члены Академіи имѣютъ право брата книги, и то подъ расписку; всѣ книги перебраны и установлены въ порядкѣ.

20.

Никогда не была произведена ревизія и потребованъ отчетъ у комиссара, которому поручена была продажа въ Москвѣ книгъ, изданныхъ Академіею.

Счета приведены въ порядокъ г. Штриттеромъ; когда это было закончено, я продала, съ разрѣшенія императрицы, домъ книжнаго магазина за 6.500 р., которые и положила въ ломбардъ на счетъ Академіи.

21.

Вслѣдствіе того, что комиссару было разрѣшено продавать и постороннія книги, онъ завелъ свою типографію и по всей вѣроятности занимался больше продажей своихъ книгъ, нежели академическихъ.

Книги, напечатанныя не въ Академіи, были изъяты изъ магазина и я строго запретила продавать въ немъ какія-либо изданія кромѣ академическихъ.

22.

Академія послала Комментаріи и Акты въ Гамбургъ, Бреславль и Лейпцигъ. За это не было получено ни денегъ, ни свѣдѣній о томъ, проданы ли они.

Я написала министрамъ резидентамъ нашего Двора и нашимъ корреспондентамъ, прося ихъ получить изъ рукъ коммиссаровъ деньги и счета и прислать ихъ въ С.-Петербургъ.

23.

Физическіе инструменты частью были испорчены, частью утеряны во время пожара, и такъ какъ они были замѣнены новыми, эта часть оказалась очень плохо оборудованной; инструментовъ мало и они посредственнаго качества.

Я поручила г.г. академикамъ составить списокъ необходимыхъ инструментовъ и ежегодно ихъ получается по нѣскольку изъ-за границы.

24.

Прессы въ типографіи были тяжелы, плохи, ветхи и ихъ слишкомъ мало.

Я заказала новый прессъ, по образцу англійскаго, для эстамповъ и картъ; остальные я велѣла исправить и упростить, такъ что для примѣненія ихъ уже не требуется столько времени.

25.

Въ Академіи было 38 отставныхъ солдатъ, которымъ платили по 30 р. въ годъ. Такъ какъ имъ нечего было дѣлать и надъ ними былъ плохой надзоръ, они не отличались ни хорошей нравственностью, ни субординаціей и были совершенно безполезны.

Они всѣ заняты теперь дѣломъ и публика можетъ засвидѣтельствовать, что теперь слава, будто мѣстность, окружающая Академію, опасна для прохожихъ—болѣе не существуетъ.

26.

Нѣкоторыя книги въ библіотекѣ не были переплетены и переплетчикъ, не взирая на контрактъ, отказывался работать вслѣдствіе низкой платы.

Всѣ книги уже переплетены и вмѣсто одного переплетчика, которому платятъ аккуратно каждые два мѣсяца, къ услугамъ Академіи всѣ переплетчики въ городѣ.

27.

Бумага расходовалась въ громадномъ количествѣ и не существовало шнуровой книги, регулирующей ея употребленіе.

Теперь расходъ уменьшился на половину; какъ пишущимъ, такъ и мнѣ выдается каждый мѣсяцъ только нужное количество бумаги. Заведены шнуровыя книги, провѣряющія и регулирующія ежемѣсячный расходъ ея.

28.

Химическій отдѣлъ лабораторіи былъ въ очень плохомъ состояніи.

Теперь онъ отдѣланъ заново, а печи устроены по новѣйшей системѣ, признанной лучшею.

29.

Управленіе типографіи было до того плохо, что никогда нельзя было узнать, какая книга печатается и съ какихъ поръ, и работа, которую можно было исполнить въ нѣсколько недѣль, растягивалась на нѣсколько мѣсяцевъ.

Каждую недѣлю представляется отчетъ о печатающихся книгахъ и уже готовыхъ листахъ ея; если печатаніе пріостанавливается, прилагается и объясненіе о причинѣ подобной задержки.

30.

Не было списка шрифтовъ, находящихся въ Академіи, и ихъ образцовъ.

Теперь есть два листа образцовъ шрифтовъ; они сохраняются въ канцеляріи и по нимъ сразу можно видѣть различные шрифты.

31.

Типографщики такъ небрежно изготовляли листы, что въ библіотекѣ и въ магазинѣ есть сочиненія, въ которыхъ не хватаетъ листовъ, что было непріятно для читающей публики и дискредитировало изданія Академіи.

На каждомъ сочиненіи ставится фамилія типографщика, который и отвѣчаетъ за сдѣланную ошибку или за недосмотръ.

32.

Хотя Россія изобилуетъ минеральными богатствами, въ Академіи не было профессора минералогіи.

Я выписала проф. Фербера, извѣстнаго по этой спеціальности и достойнаго соперника Линнея. Онъ приводитъ въ порядокъ коллекціи иностранныхъ минераловъ по системѣ Линнея. Собраніе русскихъ минераловъ будетъ приведено въ порядокъ, какъ только будутъ готовы заказанные шкапы.

33.

Ремонтъ большого готторпскаго глобуса былъ порученъ за пять лѣтъ до моего вступленія адъюнкту Трескоту; онъ занялся этимъ одинъ, не совѣщаясь ни съ географами, ни съ астрономами, взявъ въ помощь себѣ художника. Я узнала это только потому, что художникъ получалъ 25 р. въ мѣсяцъ за свою работу, о которой никто не имѣлъ никакихъ свѣдѣній.

Хотя никто и не сообщалъ мнѣ о его занятіяхъ, я сама пошла посмотрѣть на его работу и велѣла ее ускорить. Я приказала географическому департаменту, астроному Лекселю, а по его смерти профессору Румовскому наблюдать за этой работой, исправить ошибки художника и нанести на глобусъ новѣйшія открытія.

34.

Какъ сказано выше, въ библіотекѣ царилъ полный безпорядокъ. Она съ каждымъ днемъ увеличивалась и для книгъ не было больше мѣста. Книги были всѣ перепутаны.

Библіотека разобрана и я приложила всѣ усилія къ тому, чтобы упорядочить ее лучшимъ образомъ. Прибавлены недостающіе шкапы и она увеличилась болѣе чѣмъ на 3000 томовъ.

35.

Географическій отдѣлъ приходилъ въ упадокъ вслѣдствіе неспособности его начальника и его подчиненныхъ.

Въ видахъ поощренія, я прибавила имъ жалованья. Въ теченіе трехъ лѣтъ появилось нѣсколько картъ, которыя уже поступили въ продажу. Я выписала свѣдущаго по этой части человѣка, который и руководитъ работами.

36.

Лучшіе граверы ушли, а тѣ, что остались, ничего не дѣлали, не будучи поощряемы ничѣмъ и, главное, лишенные хорошихъ учителей.

Я выписала хорошаго гравера и, увеличивъ жалованье ученикамъ, возбудила въ нихъ охоту работать.

37.

Композиція металла для шрифтовъ была нехороша; буквы вскорѣ коробились и расплющивались и были вообще очень непрочны.

Я замѣнила ее композиціей, какую употребляютъ въ иностранныхъ словолитняхъ; буквы сдѣлались отчетливѣе, тверже и гораздо прочнѣе.

38.

Въ казенномъ зданіи Академіи отдавался въ наймы всего одинъ подвалъ за 60 р.; всѣ остальные были завалены разною дрянью и приносили только вредъ зданію.

Всѣ подвалы вычищены и приносятъ 400 р. дохода.

39.

Архивъ конференціи былъ въ безпорядкѣ и въ немъ не доставало многихъ необходимыхъ бумагъ.

Архивъ приведенъ въ порядокъ. Я велѣла списать въ Синодѣ недостающія метрическія свидѣтельства о рожденіяхъ, смертяхъ и бракосочетаніяхъ; они опубликованы въ VI т. Актовъ согласно моимъ намѣреніямъ, заключающимся въ томъ, чтобы г.г. академики занимались работами, приносящими немедленную пользу нашему отечеству.

40.

Матеріалы и инструменты для разныхъ работъ такъ многочисленны и разнообразны, что во избѣжаніе путаницы ихъ получали отъ одного фабриканта, поставлявшаго ихъ по контракту на довольно крупную сумму, что давало поводъ къ злоупотребленіямъ. Эти матеріалы были плохого качества и, слѣдовательно, не прочны.

Теперь Академія покупаетъ ихъ сама и выбираетъ лучшіе. Расходъ на нихъ уменьшенъ противъ прежняго, хотя работъ производится больше. Академія отъ этого выигрываетъ.

41.

Наблюденія и открытія, производимыя внутри страны, сообщались за-границу до ихъ опубликованія въ Россіи и къ стыду Академіи тамъ пользовались ими раньше, нежели у насъ.

Я велѣла занести въ журналъ, что гг. академики не должны отнынѣ сообщать подобныя открытія за-границу, пока Академія не извлекла изъ нихъ славу для себя путемъ печати и пока государство не воспользовалось ими.

42.

Служитель, которому поручена была продажа книгъ, зналъ только русскій языкъ и не былъ знакомъ даже съ ариѳметикой; онъ не могъ соблюдать порядокъ въ счетахъ и къ неудовольствію публики выдавалъ книги въ перепутанномъ или разрозненномъ видѣ.

Я приставила къ этому дѣлу человѣка, знающаго бухгалтерію и иностранные языки; сбытъ книгъ увеличился.

43.

Типографская краска была плоха, дорога и сильно пачкала.

Теперь она не уступаетъ краскѣ лучшихъ заграничныхъ типографій и стоитъ дешевле.

44.

Типографскія гладилки были такъ плохо сдѣланы, что на нихъ уходило много кожи; онѣ были тяжелы и неудобны.

Онѣ сдѣланы по заграничнымъ образцамъ; изъ одного куска кожи ихъ выдѣлываютъ четыре вмѣсто трехъ, а выборъ хорошей кожи даетъ значительную экономію для казны.

45.

Пунсоны плохо содержались, и такъ какъ ихъ раздавали мастерамъ безъ ордеровъ, то они снабжали ими всѣ частныя типографіи, между тѣмъ какъ Академія страдала отъ недостатка шрифтовъ.

Они тщательно сохраняются; по мѣрѣ надобности ихъ раздаютъ и отбираютъ немедленно по отливкѣ.

IV.

Завѣщаніе и разныя относящіяся къ нему бумаги.

№ 31.

Письмо княгини Е. Р. Дашковой генералъ-лейтенанту Ѳ. И. Киселеву, августа 1807 года.

(Выпускаемъ пункты 1, 2, 4, 9, 10 и 12—20, какъ дословно повторенные въ письмѣ Нелединскому-Мелецкому).

Милостивый Государь мой Федоръ Ивановичъ

Удостоверясь въ продолженіи несколькихъ лѣтъ въ истинно родственной дружбѣ вашей ко мнѣ, не могла я ни къ кому другому прибегнуть для точнаго исполненія после кончины моей изображенной ниже сего воли моей какъ къ вамъ; прозьба моя состоитъ въ нижеслѣдующемъ:

3-е. Нищимъ раздать сто рублей а изъ тюремъ выкупить за долги на четыреста рублей все сіи деньги найдетѣ въ дубовой моей шкатулкѣ.

5-е. Все имѣющѣеся въ комнатахъ друга моего Мавры Романовны Вильмотъ такъ какъ ей принадлежащѣе безпрепятственно отдать. Имѣющіяся у меня ее партреты ей же отдать, причемъ прошу васъ усердиѣйше съберечь ее от нагдостей и обидъ кои по изступленіи разума безбожная дочь моя отрешенная мною от наследства всего движимаго и не движимаго имѣнія, послѣ меня остающагося, захотела бы ей и племянницѣ въ домѣ моемъ под видомъ поклоненія тѣлу моему здѣлать; а какъ она ни въ домѣ и ни въ какомъ моемъ имѣніи не наследница то и прошу васъ въ домъ мой ее не впускать и предоставя ей ежели захочетъ увидить въ церквѣ тѣло мое убитое горѣстьми и печалями коимъ она содетельница.

6-е. Ежели другъ мой Мавра Романовна захочетъ при отъездѣ въ отечество свое взять кого либо изъ слугъ и служанокъ моихъ до границы то оныхъ дать ей безпрепятственно а по возвращеніи ихъ в случае что она услугою ихъ будетъ довольна дать каждой и каждому по дватцати пяти рублей награжденія. Изъ екипажей моихъ отдать на выборъ какую ей угодно будетъ карету.

7-е. Племянницѣ моей и другу моему оставатся въ домѣ моемъ сколько имъ надобно будетъ.

8-е. Естли при смерти и по смерти моей племянника моего графа Михайлы Семеновича Воронцова здѣсь не случится и определенная мною по духовной въ следствіе учиненнаго реестра присемъ прилагаемаго денежная раздача остановится, то прошу васъ покорно общѣ съ племянниками моими дѣйствительнымъ камеръ-геромъ графомъ Петромъ Львовичемъ Санти и статскимъ совѣтникомъ князь Александръ Михайловичемъ Урусовымъ по истеченіи четыремесячнаго срока послѣ смерти моей в случае что продажею одного движимаго моего имѣнія въ домѣ моемъ имѣющагося (которую вамъ поручаю) наличными деньгами векселями и всякими обязательствами для вышесказанной по рѣестру раздачи недостаточно будетъ, тогда въ дополненіе къ тому тотъ домъ мой продать и изъ вырученныхъ денегъ раздавъ сколько кому по упомянутому рѣестру мною назначено, остальныя затѣмъ отдать ему же племяннику моему графу Михайлѣ Семеновичу Воронцову.

11-е. Въ память мою прошу васъ принять портретъ блаженной памяти Императрицы Екатерины Великой работы Лампи.

Имѣю честь быть съ почтеніемъ Милостиваго Государя моего покорная услужница *Княгиня Екатерина Дашкова.*

Москва
Августа дня 1807 года.

Сіе письмо принадлежитъ Генералъ-Лейтенанту и Кавалеру Федору Ивановичу Киселеву.

Написано рукой кн. Е. Р. Дашковой:

Графу Петру и Александрѣ Львовичу Санти отдаю большіе серебренные вызолоченные чаши съ постаментами.

«Ихъ я не взялъ. Г. Санти».[1]

№ 35.

Письмо княгини Екатерины Романовны Дашковой къ душеприкащику ея, сенатору и кавалеру Нелединскому Мелецкому.

(Таковыя-жъ письма писаны къ камергерамъ графу Санти и князю Урусову, душеприкащикамъ же ея).

Милостивый государь Юрій Александровичъ!

Удостовѣрясь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ истинной родственной дружбѣ вашей ко мнѣ, не могла я ни къ кому

[1] Написано рукой гр. П. Л. Санти.

другому прибѣгнуть для точнаго исполненія послѣ кончины моей изображенной ниже сего послѣдней воли моей. Просьба къ вамъ моя состоитъ въ слѣдующемъ:

1-е. На третій день, послѣ кончины моей, просить въ Опекунскомъ Совѣтѣ о вскрытіи положенной тамъ отъ меня духовной моей, отъ котораго полученной мною билетъ здѣсь включаю.

2-е. При погребеніи моемъ быть только двумъ священникамъ съ духовникомъ моимъ, коимъ дать что вамъ разсудится; но всѣмъ чтобы не болѣе двухъ сотъ рублей, а тѣло мое отвесть и погребсти въ селѣ Троицкомъ.

3-е. Нищимъ раздать двѣсти рублей, а изъ тюремъ выкупить за долги содержащихся—пять сотъ рублей. Для построенія церкви приходской пять сотъ рублей. Всѣ сіи деньги найдете въ дубовой моей шкатулкѣ.

4-е. Племянница моя Анна Петровна Исленьева, что въ ея комнатахъ, кромѣ картинъ, часовъ, лежанки штофной и качалки (сіи послѣдніе два мебеля отданы невѣстушкѣ) назоветъ своимъ, все ей отдать, какъ ей принадлежащее.

5-е. Назначеннымъ въ духовной моей дѣвкамъ, при мнѣ служившимъ, дать отпускныя, вѣчно на волю, и съ награжденіемъ годоваго жалованья изъ домашнихъ денегъ.

6-е. Всѣмъ людямъ, въ домѣ моемъ служившимъ, выдать равномѣрно годовое жалованье въ награжденіе.

7-е. Ежели графъ Михайло Семеновичъ Воронцовъ не приступитъ скоро къ продажѣ моего дома, и тѣмъ остановится выдача назначеннымъ въ моей духовной и въ семъ завѣщаніи родственникамъ отказанныхъ мною денегъ: то прошу васъ отнестись въ Опекунской Совѣтъ, дабы въ теченіи шести мѣсяцевъ, купно съ вами, проданъ былъ, а потомъ наблюсти, чтобъ назначенныя раздачи произведены были въ дѣйствіе. Остающіяся затѣмъ деньги останутся въ пользу племяннику графу Михаилу Семеновичу.

8-е. Въ память мою васъ прошу принять портретъ блаженной памяти Императрицы Екатерины Великой, работы Лампи, и еще изъ моихъ картинъ, которая вамъ понравится.

9-е. Сестрѣ графинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ Воронцовой и племяннику моему графу Бутурлину также дать выбрать по одной картинѣ.

10-е. Малолѣтней Машинькѣ въ пользу положила я, въ 1806 году, въ Сохранную Казну тысячу рублей, съ тѣмъ чтобъ, не прежде истеченія 15 лѣтъ ей выданы и съ процентами были; а ежели жизнь ея прекратится, то обратить оную сумму въ пользу

приказа Общественнаго Призрѣнія. Билетъ помянутой отдать въ Общественнаго Призрѣнія Приказъ съ тѣмъ, чтобъ сей навѣдывался объ ней, и по совершенности лѣтъ, ей оной выдать.

11-е. Какъ Его Величество Императоръ дозволилъ племяннику моему графу Ивану Ларіоновичу Воронцову имя Дашкова принять, то отдаю ему въ Орловской губерніи село Дашково и Птицыно-тожъ съ деревнями и пустошами, и Калужскую вотчину село Троицкое съ деревнями и пустошами, въ вѣчное и потомственное владѣніе, и имѣющуюся въ домѣ Троицкомъ библіотеку, серебро и все хранящееся тамъ; домъ же Московской, если графъ Михайло Семеновичъ, въ случаѣ недостатка, по завѣщанію моему, денегъ, и все имѣющееся въ немъ какъ-то: библіотеку, картины, серебро и мебель,—все продать, исключая фамильные портреты, кои предоставляю ему же. Изъ вырученныхъ за оныя и за домъ денегъ отдать племянницѣ моей княгинѣ Урусовой, дабы хранила въ пользу сына своего князя Павла, а моего крестника—три тысячи рублей. Сестрамъ ея, Татищевымъ, Марьѣ тысячу рублей, Елисаветѣ двѣ тысячи рублей.

12-е. Подполковника Маслова дочери Прасковьѣ Ивановнѣ, коя въ институтѣ, даю я тысячу рублей, которые отдать въ Сохранную Казну, съ тѣмъ, чтобъ съ наращенными процентами ей отдать, когда ей двадцать лѣтъ исполнится; а въ случаѣ ея смерти, брату меньшому ея тогда, когда ему двадцать лѣтъ исполнится, какъ капиталъ, такъ и причисленные проценты отдать.

13-е. Знакъ ордена Святыя Екатерины, возложенный на меня Великою Екатериною, въ самый день Ея возшествія на престолъ, бывъ тотъ, который Ея Величество носила сама—необыкновенной цѣны, а былъ оцѣненъ тогда въ 6,500 руб. Когда за оной кабинетъ выдастъ деньги, то оныя въ вѣчной капиталъ положить въ Сохранную Казну, прибавя къ оному изъ моихъ денегъ столько, чтобъ оной капиталъ додавалъ процентами положенное число денегъ на содержаніе вѣчно пансіонерку въ институтѣ Екатеринскомъ, съ тѣмъ, чтобъ вѣчно въ ономъ была содержана пансіонерка подъ именемъ княгини Дашковой пансіонерки, разумѣется, чтобъ была настоящая, но бѣдная дворянка. Портретъ же Ея Величества, осыпанный бриліантами, отдаю родной племянницѣ своей, брата графа Семена Романовича дочери.

14-е. Князя Ивана Петровича прошу взять въ память мою часы, стоящіе въ гостинной комнатѣ, или что изъ мебели ему угодно будетъ.

15-е. Кресла большія и всѣ мебели въ гостинной, кромѣ портретовъ и картинъ, невѣстушкѣ княгинѣ Аннѣ Семеновнѣ отдаю, равномѣрно и всю мебель въ ея комнатѣ находящуюся. Если же ей на содержаніе мало достанется на седьмую часть, то изъ денегъ, вырученныхъ за домъ, ей десять тысячь рублей выдать.

16-е. Портретъ Ея Величества Великой Екатерины II-й, что въ траурѣ и въ красной лентѣ, который въ спальнѣ, отдать графу Ростопчину.

17-е. Въ помощь вашу для приведенія въ исполненіе сего завѣщанія моего, назначила племянниковъ своихъ графа Петра Львовича Санти и князя Александра Михайловича Урусова, кои и обязаны содѣйствовать къ облегченію трудовъ вашихъ.

18-е. Племяннику моему князю Маврокордато отдать запечатанныя письма блаженной памяти Императрицы Екатерины Великой и другихъ государей и знаменитыхъ особъ, писанныя ко мнѣ, дабы онъ изданіе въ печать онымъ сделалъ. Его прошу изъ мебели одну штуку или картину себѣ выбрать въ память мою; крестницѣ же моей, а его дочери, изъ капиталу своего даю три тысячи рублей.

19-е. Вазу Англинскую съ лампадою отдаю племянницѣ своей Елисаветѣ Ивановнѣ Полянской.

20-е. Изъ денегъ, кои останутся послѣ меня въ шкатулкѣ наличныя или въ обязательствахъ, употребить на погребеніе и на выдачу назначеннымъ мною здѣсь и въ духовной моей родственникамъ и людямъ моимъ, и для дополненія капитала на содержаніе вышеупомянутой въ Екатерининскомъ институтѣ вѣчной пансіонерки.

Имѣю честь быть съ почтеніемъ и преданностью и проч. На подлинномъ подписано:

Княгиня Екатерина Дашкова.

№ 36.

Собственноручная приписка кн. Е. Р. Дашковой въ черновомъ письмѣ къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому.

Наконецъ прошу и завѣщаю чтобъ мучительница моя безъбожная дочь, не была въ мои домъ, дабы не надѣлала же богомерскіе зрѣлища въ церьковѣ имѣя предъ глазами тѣло убитаго ею, брата ея, злость в неи превозмогая благопристашность и жалость и она къ отвращенію всѣхъ зделала, и тѣмъ бы лю-

бимую мою племянницу и друга Анну Петровну Исленьеву не встревожила на что можно по милостивому распорожению ко мнѣ милосердаго нашего Монарха которои изволилъ и къ начальнику приказывать чтобъ смотреть чтобъ покои мои не нарушали, а въ случае надобности прибегнуть къ законнои помощи чтобъ всю дѣятельность употребилъ мнѣ въ защиту, что можно говорю требовать чтобъ полиція приказала приставу . . . . [1]) въ домъ мои ей непринадлежащеи не пускать а ежели предлогъ будетъ сказывать что тѣлу моему последнеи долгъ хочетъ отдать, то назначить еи церьковь гдѣ будетъ тѣло мое стоять.

№ 37.

Письмо княгини Е. Р. Дашковой графу П. Л. Санти, августа 1807 года.

Милостивый Государь мой Графъ Петръ Львовичъ! Окончивъ сего числа духовное мое завѣщаніе объ остающемся послѣ кончины моей имѣнія, ввѣрила я изображенную въ оном волю мою покровительству Московскаго Опекунскаго Совѣта Воспитательнаго Дома; а какъ сверхъ воли моей, изображенной въ духовной, имѣю я нѣкоторыя распоряженія до дому моего и прочаго относящіяся, то увѣрена будучи въ дружбѣ Вашей ко мнѣ, избрала я Васъ обще съ Г.г. Генералъ-Лейтенантомъ Өедоромъ Ивановичемъ Киселевымъ и Статскимъ Совѣтникомъ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ Урусовымъ для точнаго по сему случаю исполненія; въ чемъ же означенная воля моя состоитъ прилагаю при семъ копію съ письма моего къ Өедору Ивановичу Киселеву; котораго ежели при смерти моей здѣсь не случится, прошу Васъ все распоряженіе, въ письмѣ моемъ къ нему значущееся, привесть во исполненіе обще съ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ Урусовымъ. Въ случаѣ же какихъ либо могущихъ встрѣтится препятствій просить предстательства отъ Опекунскаго Совѣта, котораго о семъ и я въ духовной просила.

Имѣю честь быть съ почтеніемъ Милостивый Государь мой Вашего Сіятельства покорная услужница *княгиня Дашкова.*

Москва.

Августа дня 1807 года.

Сіе письмо принадлежитъ Г. Дѣйствительному Камергеру Графу Петру Львовичу Санти.

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ бумага истлѣла.

№ 38.

Завѣщаніе княгини Дашковой, писанное передъ ссылкою.

Завѣщаніе мое прошу, братецъ, выполнить.

1) Если Лаптевъ при мнѣ въ ссылкѣ останется, то ему, послѣ смерти моей, отдать новокупленную мою подмосковную и десять тысячъ денегъ.

2) Miss Bates пять тысячъ рублей.

3) Катеринѣ Николаевнѣ Кочетовой три тысячи рублей.

4) Всѣмъ людямъ, которые со мною въ ссылкѣ, жалованье, кое нынѣ получаютъ, по смерть производить и двойное жалованье однажды въ награжденье выдать.

5) Всѣхъ дѣвокъ и женщинъ, кои со мною въ ссылкѣ, на волю отпустить вѣчную, и по сто рублей каждой въ награжденіе выдать.

Княгиня Дашкова.

1796. Декабря 24 дня.

Дочери моей по двѣ тысячи въ годъ доходу по смерть давать и долги ей прощаю.

№ 39.

Духовное завѣщаніе княгини Дашковой.

Получено еще въ Москвѣ отъ самой княгини[1]).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Я нижеподписавшаяся, штатсъ-дама и кавалеръ, княгиня Екатерина Романовна Дашкава, урожденная графиня Воронцова, чувствуя преклонность вѣка моего, приближающагося отъ потери любезнѣйшаго сына моего, покойнаго князя Павла Михайловича, призвавъ въ помощь Господа Бога моего, заблагоразсудила, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, изобразить сдѣланное мною слѣдующее распоряженіе.

По учиненному между мною и дѣтьми моими -покойнымъ сыномъ княземъ Павломъ Михайловичемъ Дашковымъ и дочерью Настасьею Михайловною, по мужу Щербининою, въ оставшемъ послѣ мужа моего, а ихъ отца, имѣніи, полюбовному раздѣлу, въ 27-й день февраля 765 года всемилостивѣйше конфирмован-

[1]) Помѣта графа М. С. Воронцова.

ному блаженныя и вѣчно достойныя памяти Императрицею Екатериною Великой, получила я изъ того имѣнія на седьмую часть: въ губерніяхъ—въ Орловской село Птицыно, Дашково тожъ, въ Калужской—село Троицкое, и въ Московской въ Волоколамскомъ уѣздѣ село Мурыково, со всѣми написанными въ оныхъ и принадлежащихъ къ онымъ деревняхъ, дворовыми людьми и крестьянами, всего по 4-й ревизіи « » мужска пола душъ, съ имѣющимися къ онымъ землями и всякими угодьями; которыя села и деревни, по кроткому управленію моему и полученію съ нихъ, въ теченіи 22-хъ лѣтъ, оброка только по три рубля въ годъ, какъ значитъ изъ ревизскихъ сказокъ, умножились до знатнаго количества.

Хотя же, по тому высочайше утвержденному раздѣлу, слѣдовало мнѣ нѣсколько и менѣе того количества на седьмую по смерти мужа моего часть; но поелику сіе учинено, какъ значитъ изъ всемилостивѣйше конфирмованнаго, подносимаго мною покойной Императрицѣ Екатеринѣ Великой, прошенія, съ котораго, равно какъ и съ раздѣла копіи [1]) при семъ прилагаю, въ замѣнъ какъ возвращенія мнѣ принесеннаго мною по приданству имѣнія, употребленнаго на заплату долговъ мужа моего, и издержанной моей суммы на воспитаніе дѣтей, покупку селъ, деревень и земель, включенныхъ въ тотъ же раздѣлъ, какъ бы оставшихся послѣ покойнаго мужа моего, такъ и указной части, слѣдовавшей дочери моей Настасьѣ Михайловнѣ Щербининой, которую удержа у себя, дала я ей вмѣсто оной, при выходѣ ея въ замужество, деньгами, съ превосходствомъ того, что̀ стоитъ,—80,000 руб.; а какъ прежде того раздѣла купленныя мною въ Тамбовской губерніи слишкомъ 400 душъ, числившіяся по 4-й ревизіи за мною, отдала я покойному сыну моему, за котораго, такъ какъ и за дочь мою, сверхъ всего онаго, заплачено мною до 25,000 р. долговъ: а потому все оное, доставшееся мнѣ по раздѣлу, имѣніе есть, какъ по образу самаго раздѣла, такъ и по праву дворянскому, мною благопріобрѣтенное; ибо обратилось оное мнѣ въ куплю пожертвованіемъ капитала моего.

Къ тому же имѣю я: 1-е) всемилостивѣйше пожалованное въ 782 г., отъ щедротъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Императрицы Екатерины Великія, въ Могилевской губерніи мѣстечко Круглое съ деревнями; 2-е) купленныя мною въ Калужской губерніи у Плещеева и другихъ помѣщиковъ до 300 душъ, съ принадлежащими къ нимъ землями и пустошами; 2-е) состоящій въ Москвѣ, Тверской части, на Большой Никитской въ приходѣ

[1]) Не были найдены.

Малаго Вознесенія, каменной домъ, выстроенный собственнымъ капиталомъ моимъ на доставшемся мнѣ по покупкѣ отъ князя Николая Алексѣевича Долгорукова мѣстѣ, и 4-е) на 4-й верстѣ отъ С.-Петербурга по Петергофской дорогѣ дачу съ домомъ, называемую Киріаново, дошедшую мнѣ въ 762 г. по данной.

А какъ по запальчивому нраву дочери моей Настасьи Михайловны Щербининой, изъявлявшей всегда и противу меня не только непочтеніе, но и позволившей себѣ наносить мнѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, огорченія и досады, кои хотя я и старалась скрывать, токмо всѣмъ сдѣлались извѣстными не могу я обременять совѣсть свою оставить кого-либо въ ея зависимости и принадлежности: то я отъ всего недвижимаго и движимаго имѣнія моего ее отрѣшаю, какъ мать и пріобрѣтательница вышесказаннаго имѣнія; а пріемля въ основаніе 22-ю статью всемилостивѣйше жалованной дворянству грамоты, изображающую власть перваго пріобрѣтателя сими словами: «Благород«ному свободная власть и воля оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе «дарить, или на прожитокъ отдать, или передать или продать, «кому заблагоразсудитъ; наслѣдственнымъ же имѣніемъ да не «распоряжаеть инако, какъ законами предписано», распредѣляю и завѣщаю вышеозначенное имѣніе мое по нижеслѣдующему.

Первое, отдаю въ вѣчное и потомственное по смерти моей владѣніе племяннику моему, брата моего роднаго графа Семена Романовича Воронцова сыну, дѣйствительному камергеру и кавалеру графу Михаилѣ Семеновичу Воронцову: 1-е, всемилостивѣйше пожалованное мнѣ въ 782 г. въ Могилевской губерніи мѣстечко Круглое съ деревнями и съ купленною мною въ той губерніи деревнею и со всѣми написанными въ нихъ, по послѣдней 5-й ревизіи, мужеска и женска половъ душами, съ принадлежащими къ нимъ землями, лѣсами, отхожими пустошами и со всѣми угодьи; 2-е, состоящій въ Москвѣ на Никитской улицѣ въ приходѣ Малаго Вознесенія, крѣпостной мой домъ, со всякимъ въ ономъ строеніемъ и движимымъ имѣніемъ, что въ немъ по смерти моей найдется, выключая нѣкоторыхъ мелочныхъ вещей, коихъ употребленіе назначила я въ отношеніи моемъ, при семъ прилагаемомъ къ Ѳедору Ивановичу Киселеву, графу Петру Львовичу Санти и князю Александру Михайловичу Урусову; и 3-е, всѣ остающіеся послѣ меня векселя, заемныя письма закладныя и всякія обязательства и наличныя деньги отдаю ему же, племяннику моему графу Михаилѣ Семеновичу Воронцову. Состоящій за мною вышесказанной въ Москвѣ домъ мой отдаю ему, племяннику моему графу Мих. Сем. Воронцову, съ

тѣмъ, чтобъ онъ по смерти моей, въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ раздалъ опредѣленную мною сумму всѣмъ тѣмъ, кому сколько по особо учиненному вмѣстѣ съ симъ, за подписаніемъ моимъ, реестру назначено, предоставляя впрочемъ ему сіе исполнить хотя и продажею завѣщаннаго мною дома. Ежели же при смерти и по смерти моей помянутаго моего племянника здѣсь не случится, и опредѣленная мною по реестру денежная раздача остановится, то завѣщаю генералъ-лейтенанту Ѳедору Ивановичу Киселеву, дѣйствительному камергеру графу Петру Львовичу Санти и статскому совѣтнику князю Александру Михайловичу Урусову, по истеченіи 4-хъ мѣсячнаго срока послѣ смерти моей (въ случаѣ что продажею одного движимаго имѣнія, въ домѣ моемъ имѣющагося, наличными деньгами, векселями и всякими обязательствами, опредѣленная мною роднымъ моимъ денежная раздача недостаточна будетъ), тогда въ дополненіе къ тому тотъ домъ со всякимъ въ немъ движимымъ имѣніемъ продать, и изъ вырученныхъ денегъ, раздавъ, сколько кому по упомянутому реестру мною назначено, остальныя отдать ему же, племяннику моему графу Михаилѣ Семеновичу Воронцову, о чемъ дано имъ каждому за подписаніемъ моимъ надлежащее наставленіе.

Второе. Брата моего двоюроднаго сыну, графу Ивану Ларіоновичу Воронцову-Дашкаву отдаю въ вѣчное и потомственное владѣніе, доставшееся мнѣ по раздѣлу въ Орловской г. село Птицыно Дашково тожъ съ деревнями, въ Калужской село Троицкое съ деревнями, и въ Московской губерніяхъ—Серпуховскаго уѣзда деревню Дашкову, въ 137-ми душахъ состоящую и подъ управленіемъ помянутаго села Троицкаго находящуюся; купленное мною въ Калужской губерніи у Плещеева и другихъ помѣщиковъ недвижимое имѣніе, со всѣми написанными во всѣхъ тѣхъ селахъ и деревняхъ по 5-й ревизіи мужска и женска половъ душами, со вновь рожденными послѣ ревизіи, съ принадлежащими къ нимъ землями, отхожими пустошами и со всѣми угодьи, такъ же съ имѣющимися тамъ господскими домами и со всѣмъ находящимся въ нихъ недвижимымъ имѣніемъ, всякими заводами и заводскимъ имѣніемъ, да состоящую близъ С.-Петербурга по Петергофской дорогѣ дачу, съ находящимся тамъ домомъ, со всякимъ на ней строеніемъ, мебелью и со всѣмъ тѣмъ, что въ ней по смерти моей останется.

Третіе. Затѣмъ недвижимое мое имѣніе, состоящее Московской губ. въ Волоколамскомъ уѣздѣ село Мурикова съ деревнями, оставляю я до учиненія объ ономъ впредъ распоряженія моего.

Четвертое. При всемъ моемъ на справедливости основанномъ неудовольствіи къ дочери моей Настасьѣ Михайловнѣ Щербининой, завѣщаю однако-жъ я изъ милости въ пользу ея племяннику моему графу Михайлѣ Семеновичу Воронцову выдать, по смерти моей, единовременно 3,000 р., и всякой годъ производить ей же, по смерть, по 4,000 р., раздѣляя оную сумму въ выдачу каждогодно на двѣ половины.

Пятое. Назначенные мною, по реестру, подполковника Маслова дочери дѣвицѣ Прасковьѣ, находящейся нынѣ въ институтѣ, 1,000 р. завѣщеваю племяннику моему графу Михайлѣ Семеновичу Воронцову отдать въ Сохранную Казну Московскаго Воспитательнаго Дома, съ тѣмъ, чтобъ и съ приращенными процентами оные ей выданы были, когда исполнится ей 20-ть лѣтъ, а въ случаѣ смерти ея, брату ея меньшому, когда также минетъ ему 20 лѣтъ.

Шестое. Поставляя всегда богоугоднымъ дѣломъ снабжать и поощрять новыя семейства, желаю и завѣщаю я племяннику моему графу Ивану Ларіоновичу Воронцову-Дашкову выдавать ежегодно въ день смерти моей на шесть паръ сочетавшихся изъ крестьянъ бракомъ, на каждую по 50 р., всего 300 руб.; и чтобъ таковыя шесть паръ избираемы были изъ недостаточныхъ крестьянъ Калужской вотчины села Троицкаго, и бракосочетаемы были въ самой тотъ же день, если уставы церкви тому не воспрепятствуютъ; а если въ тотъ день невозможно, то въ первый, свободный отъ препятствій.

Седьмое. Служащихъ при мнѣ дѣвокъ, а именно, Прасковью, Настасью и Анну, въ награжденіе за ихъ мнѣ службу, отпускаю вѣчно на волю, коимъ и дать въ 10-й день послѣ моей смерти отпускныя.

Осьмое. Не желая обременять болѣе Московской Опекунской Совѣтъ нѣкоторыми мелочными распоряженіями, относящимися до дома моего и до прочаго, поручаю я приверженнымъ ко мнѣ родственникамъ моимъ, Өедору Ивановичу Киселеву, графу Петру Львовичу Санти и князю Александру Михайлову Урусову, оныя выполнить. О содержаніи каковаго распоряженія прилагаю съ письма моего къ нимъ копію, а Московской Опекунской Совѣтъ прошу въ нужныхъ случаяхъ не лишить ихъ своего представительства, для точнаго исполненія воли моей, имъ ввѣренной.

Девятое. Поелику на исполненіе сего духовнаго моего завѣщанія никто мною не избранъ и не назначается; то я, утверждая оное моимъ и упрошенныхъ мною свидѣтелей подписаніемъ, и

представя оное обще съ вышеупомянутымъ реестромъ о раздачѣ назначенной отъ меня суммы, для храненія до смерти моей за печатью герба моего, Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома въ Опекунской Совѣтъ, нанпочтительнѣйше оной прошу, яко опекуна, попечителя, или душеприкащика, мною избраннаго, принять на себя попеченіе о точномъ и непремѣнномъ исполненіи во всей подробности сей моей духовной, завѣщая, при вскрытіи оной, по смерти моей внесть изъ благодарности за таковое посредничество, на богоугодныя того Воспитательнаго Дома заведенія, единовременно 1,000 руб. изъ имѣющейся остаться послѣ меня суммы.

И такъ, призывая имя Божіе и уповая на Его милосердіе, увѣрена въ точномъ выполненіи сего моего духовнаго завѣщанія.

№ 40.

РЕЭСТРЪ,

УЧИНЕННЫЙ МНОЮ, НИЖЕПОДПИСАВШЕЮСЯ КНЯГИНЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ РОМАНОВНОЮ ДАШКАВОЮ, СКОЛЬКО КОМУ НАЗНАЧЕНО МНОЮ ВЪ ВЫДАЧУ, ПО СМЕРТИ МОЕЙ, ДЕНЕГЪ, А ИМЯННО:

	Рубли.
Невѣсткѣ моей княгинѣ Аннѣ Семеновнѣ десять тысячъ рублей	10,000
Фрейлинѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Кочетовой семь тысячъ рублей	7,000
Сестрамъ ея Александрѣ и Дарьѣ Кочетовымъ по двѣ тысячи.	4,000
Аннѣ Александровнѣ Гогеръ, урожденной Полянской три тысячи рублей.	3,000
Внуку моему графу Петру Бутурлину шесть тысячъ рублей	6,000
Племяннику моему Александру Александровичу Полянскому четыре тысячи рублей.	4,000
Аннѣ Петровнѣ Исленьевой три тысячи рублей, какъ я уже ей дала семнадцать тысячъ рублей. . . .	3,000
Генералъ-майору Василію Даниловичу Лаптеву семь тысячъ рублей	7,000
Полковнику Евграфу Алексѣевичу Воронцову пять тысячъ рублей	5,000
Пелагеѣ Константиновнѣ Масловой двѣ тысячи рублей.	2,000

	Рубли.
Племянницѣ моей Елисаветѣ Петровнѣ Дивовой двѣ тысячи рублей	2,000
Племянницѣ моей Татьянѣ Михайловнѣ Норовой, а въ случаѣ смерти ея, то дѣтямъ ея—четыре тысячи рублей	4,000
Внучкѣ моей княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Маврокордато три тысячи рублей	3,000
Подполковника Маслова дочери дѣвицѣ Екатеринѣ Ивановнѣ тысячу рублей	1,000
Племяннику моему графу Петру Львовичу Санти три тысячи рублей	3,000
Внуку моему князю Павлу Урусову двѣ тысячи рублей	2,000
Племянницѣ моей Елисаветѣ Татищевой двѣ тысячи рублей	2,000
Сестрѣ ея Марьѣ Татищевой тысячу рублей	1,000
Итого	69,000

№ 41.

Реестръ, сколько кому назначено кн. Е. Р. Дашковой выдать денегъ послѣ ея смерти.

Реэстръ учиненной мною нижеподписавшеюся Княгинею Екатериною Романовною Дашковою сколько кому назначено мною въ выдачу по кончинѣ моей денегъ.

		Рубли.
1.	Невесткѣ моей княгинѣ Аннѣ Семеновнѣ	10.000
2.	Фрелинѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Кочитовой	9.000
3.	Сестрамъ ея, Александрѣ и Дарье Кочетовымъ по двѣ тысячи каждой	4.000
4.	Аннѣ Александровнѣ Гогеръ	3.000
5.	Внуку моему графу Петру Бутурлину	5.000
6.	Племяннику моему Александру Александровичу Полянскому	4.000
7.	Аннѣ Петровнѣ Нелединевой какъ я 17.000 рублей уже дала	4.000
8.	Василію Даниловичу Лаптеву	7.000
9.	Полковнику Евграфу Алексеевичу Воронцову	6.000
10.	Елизавете Петровнѣ Дивовой	2.000
11.	Татьянѣ Михайловнѣ Норовой	4.000

		Рубли.
12.	Внучкѣ моей княжнѣ Катеринѣ Александровнѣ Мавро Кордато	3.000
13.	Подполковника Маслова дочери девицѣ Прасковье Ивановнѣ	1.000
14.	Елизаветѣ Павловнѣ Татищевой	2.000
15.	Сестрѣ ея Мареѣ Павловнѣ	1.000
16.	Графу Петру Львовичу Санти	3.000
17.	Внуку моему князю Павлу Урусову	3.000
	Итого	71.000

Княгиня Дашкова.

Реѣстръ при духовной моей былъ приложенъ, и отданъ въ воспитательной домъ, но въ сѣмъ есть та только разница что Палагея Констентиновна ибо она скончалась, что я деньги назначенные ей, раздѣлила по другимъ и сверьхъ того 2.000 р. въ раздачу прибавила почему оная до семидесяти одной тысячи въ мѣсто 69.000 р. простирается. *Княгиня Дашкова.*

№ 42.

Письмо С. Татищева кн. Е. Р. Дашковой, 11 февраля 1808 года.

Князь Петръ Васильевичъ поручилъ мнѣ Милостивая Государыня тетушка. донести вамъ что онъ разсматривалъ со всею подробностію духовную вашу и не нашелъ ничего перемѣнить въ оной. что она здѣлана законно, и что вы все право имѣете располагать имѣніемъ симъ какъ благопріобретеннымъ, и на 7-ю часть вамъ доставшемса, которое также почитается благопріобретеннымъ, и между темъ благодаритъ васъ за доверенность ему здѣланную, что ему всегда лѣстно и пріятно дѣлать вамъ угодное какъ по давнишнѣй связи съ покойнымъ дядею Гра: Алекс: Романо: такъ и во всегдашнѣмъ и непременяемомъ къ вамъ почитаніи. Дивовъ мнѣ письма вашего не отдалъ, и потому отыщу его, и ежели не потеряно письмо, возьму его,— здѣсь чрезвычаино отъ чего то веселятся, балы и праздники, безъпрестанно, поручая себя въ продолженіе ко мнѣ милости вашей съ совершеннымъ почтѣніемъ и преданностію, имѣю честь быть навсегда вамъ

Милостивая Государыня тетушка усерднѣйшіи слуга и племянникъ *Сергѣй Татищевъ.*

11-го Февраля 1808 года
С.-Петербургъ.

V.

Счетъ погребенія и наслѣдство княгини Дашковой.

№ 43.

По сохранившемуся счету расходамъ на похороны кн. Е. Р. Дашковой, 4 января 1810 года., видно, что на погребеніе тѣла издержано было 9686 р. 74 к.

№ 44.

Опись имущества покойной кн. Е. Р. Дашковой, 8 февраля 1810 г.

Опись, учиненная февраля 8 дня 1810 года, движимому имѣнію покойной Статсъ Дамы и кавалера княгини Екатерины Романовны Дашковой, состоящему въ подмосковномъ ея домѣ Тверской части на Никитской улицѣ въ приходѣ малого Вознесенія, запечатанному съ доклада Господина Генералъ Фельдмаршала, Главнокомандующаго въ Москвѣ и разныхъ орденовъ кавалера Графа Ивана Васильевича Гудовича, въ небытность въ Москвѣ при случаѣ кончины Ея Сіятельства Г. Тайнаго Совѣтника, Сенатора и кавалера Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго исполнителями нѣкоторыхъ распоряженій покойной Ея Сіятельства Дѣйствительнымъ камергеромъ и кавалеромъ Графомъ Петромъ Львовичемъ Санти и Дѣйствительнымъ же камергеромъ и кавалеромъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ Урусовымъ обще Тверской части съ Г. Частнымъ Приставомъ, Надворнымъ Совѣтникомъ Дмитріемъ Грековымъ; а нынѣ распечатанному по его жъ Господина Главнокомандующаго дозволенію въ небытность на тотъ разъ въ Москвѣ Князя Александра Михайловича Урусова Сенаторомъ и кавалеромъ Юріемъ Александровичемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ и Дѣйствительнымъ камергеромъ и кавалеромъ Графомъ Петромъ Львовичемъ Санти обще съ означеннымъ Г. Частнымъ Приставомъ.

Въ одномъ распечатанномъ пакетѣ ассигнаціями 12,600.

Обязательства.

1. Князя Бориса Андреевича Голицына срокомъ по 29 Декабря 1810 года въ 5,000
2. Князя Петра Михайловича Долгорукова по 20 Декабря въ 1,000

3. Статскаго Совѣтника Александра Петровича Курбатова по 12 Декабря 1810 въ 2,000
4. Князь Бориса Андрѣевича срокомъ по 20 Декабря 1810 въ 7,000
5. Сергѣя Александровича Норова по 1 Марта 1810 въ . 8,500
6. Сергѣя Павловича Татищева по 20 Февраля 1810 въ 7,450
7. Михайлы Михайловича Ермолаева по 1 Сентября 1810 въ 3,500
8. Елисаветы Петровны Глѣбовой по 28 Февраля 1810 въ 4,000
9. Матвѣя Ѳедоровича Толстова по 22 Февраля 1810 въ 4,000
10. Адріана Ивановича Дивова срокъ прошелъ 7 Февраля 1810 въ 5,000
11. Елены Николаевны Нарышкиной по 22 Февраля 1810 въ 3,000
12. Княгини Анны Прозоровской по 11 Февраля 1810 въ 4,000
13. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Ѳедора Похвиснева по 15 Іюня 1811 въ 1,500
14. Николая Васильевича Посникова по 5-е Іюня 1810 въ 1,800
15. Дмитрія Ивановича Киселева срокъ прошолъ 31 Декабря 1809 въ 2,000
16. Его жъ Г. Киселева по 23 Ноября 1810 въ 3,000
17. Сергея Александровича Норова по 23 Ноября 1810 въ 2,000
18. Князя Ивана Михайловича Ухтомскаго срокомъ по 21 Ноября 1810 въ 3,500
19. 1-й гильдіи купца Андрея Тимофеева сына Зайкина по 23 Декабря 1810 въ 4,000
20. Николая Александровича Норова по 22 Ноября 1810 въ 5,000
21. Генералъ Маіора Василья Даниловича Лаптева по 10 Ноября 1810 въ 1,000
22. Марфы Яковлевны Кротковой по 21 Ноября 1810 въ . 4,000
23. Ея жъ Г-жи Кротковой по 21 Ноября 1810 въ 6,000
24. Елены Николаевны Нарышкиной по 18 Агуста 1810 въ 5,000
25. Коллежскаго Асессора Николая Эмирова по 3 Сентября 1810 въ 500
26. Василья Ѳедоровича Демидова по 1-е Сентября 1810 въ 2,500
27. Александра Александровича Полянскаго срокъ прошолъ 1809 въ 3,000
28. Маіора Василья Алексѣевича Савинова срокъ прошолъ 18 Августа 1808 въ 450
Получено въ уплату 150 р.
29. Петра Степановича Валуева срокомъ по 6-е Іюня 1810 12 декабря въ 10,000

30. Графа Сергея Михайловича Каменскаго за поручительствомъ Пошмана. Срокъ прошолъ 23 Декабря 1800 года; съ приложеніемъ протеста въ 5,000

Билеты Сохранной Казны.

1. Подъ № 20159-мъ безсрочно 1808 года Января 10 въ . 16,000
2. Подъ № 27532 безсрочно 1809 Маія 12 въ 10,000

Закладныя:

1. Коллежскаго Совѣтника Ѳедора Соколова. Срокъ прошолъ 1807 Августа 25, въ 2,500
Въ число оной уплачено 500 р. Проценты получены по 1 Января 1810.
2. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Пряишникова. Срокъ будетъ 1811 Сентября 29 въ 22,000
По ней уплаты получено 15890.

Росписка Московскаго купца Тимофея Полежаева, данная до востребованія Ноября 20 дня 1809 въ 50

Партикулярныя письма:

1. Николая Норова, которымъ занималъ по 1 Марта 1810 года . . . . 1,500 р. — к.
2. Адріана Дивова, которымъ занималъ 28 Ноября безъ означенія года на 2 мѣсяца . . . . 2,000 » »
3. Дмитрія Писарева писано 1809 Маія 10, что получитъ и заплатитъ черезъ годъ . . . . 2,650 » »
4. Прикащика Лелешкина росписка. Срокъ будетъ 2 Сентября 1810 въ . . . . 250 » — »

Денегъ серебромъ . . . . 54 » 45 »

Въ медаляхъ серебреныхъ и мѣдныхъ вѣсу $1^1/_2$ фунта. Оныя медали отдалъ я, Г. Санти, Г-ну Лонгинову.

Вещи:

Трое часовъ золотыхъ. Оныя отдалъ я, Г. Санти, Г. Михаилу С. въ Москвѣ.

Портретъ неизвѣстной. Отдалъ я, Г. Санти, Г-ну Гнѣздареву.

Золотая табакерка полуциркулемъ. Взялъ Г. Михаила Семеновичъ.

Золотая табакерка съ верхомъ изъ волосъ. Отдалъ я Г-ну Гнѣздареву.

Черепаховая табакерка съ портретомъ. Отдалъ я Г-ну Гнѣздареву.

Наперсникъ золотой. Отдалъ Гнѣздареву.

Браслеты съ насыпкою изъ волосъ. Отдалъ Г. Гнѣздареву.

Очки въ серебреной оправѣ. Потеряны.

Росписка Князя Григорья Ивановича Вяземскаго 1801 Февраля 10-го данная въ полученіи 6,000 для доставленія въ Курское Губернское Правленіе на уплату претензіи на искупленіе описнаго имѣнія Настасьи Михайловны Щербининой слободы Чернявки.

Купчая Княгини Анны Семеновны Дашковой и Бригадирши Настасьи Михайловны Щербининой на продажу дворовыхъ людей.

Три квитанціи Государственнаго Заемнаго Банка.

Росписка Еврея Хонона Хроля въ 200 червонныхъ.

Записка никѣмъ не подписанная о посланныхъ къ Сергѣю Александровичу Норову обязательствахъ.

Квитанція изъ Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія въ принятіи билета Сохранной Казны въ 1,000 р., положенныхъ въ оную Ея Сіятельствомъ въ пользу дѣвицы Марьи Егоровой дочери Степановой.

Вещи:

Янтарная нитка. Потерена.

Золотая табакерка. Взялъ Г. Михаилъ Семеновичь.

Портретъ Императрицы Екатерины II. Отдалъ Гнѣздареву.

Черепаховая табакерка. Потерена.

Серебреные часы. Отданы Г. Гнѣздареву.

Распущенное золото. Потерено.

Екатерининская звѣзда серебреная. Отдана Гнѣздареву.

Ручка къ зонтику для свѣчи. Отдана Гнѣздареву.

Трубка зрительная. Пропала.

Табакерка перламутровая. Пропала.

Табакерка яшмовая изломаная. Отдалъ Г. Гнѣздареву.

Табакерка яшмовая. Пропала.

Шесть пуговицъ. Отдалъ Гнѣздареву.

Карандашъ серебренный. Пропалъ.

Часы золотые. Взялъ Г. Мих. Семеновичь въ Москвѣ.

Деревянная табакерка. Отдана Гнѣздареву.

Матерія. Згорѣла.

Очки. Пропали.
Деревянная табакерка. Отдана Гнѣздареву.

Серебреные часы Часы золотые. Золотой карандашъ	Взялъ Г. Михаилъ С. въ бытность его въ Москвѣ въ 1811 году.

Золотая табакерка съ портретомъ. Отдалъ Гнѣздареву.
Стальная Екатерининская звѣзда. Отдалъ Гнѣздареву.

Экипажи, Кареты:

1. Четверомѣстная. Кузовъ зеленой. 2. Придворная четверомѣстная. 3. Двумѣстная стариннаго фасона. 4. Четверомѣстный зимній возокъ. 5. Коляска, окрашенная кофейною краскою.	Проданы.

Денегъ ассигнаціями 145

Заемныя письма.

31. Всеволода Андреевича Всеволожскаго. Срокъ прошолъ 29 Декабря 1809 въ 13,000
32. Княжны Марьи Ѳедоровны Щербатовой. Срокъ прошолъ 2 Января 1809 въ 2,000
Получено въ уплату 500 р. и на годъ отсрочено.
33. Дворянина Дмитрія Васильевича Нарышкина по 11 Января 1810 въ 5,000
34. Московскаго купца Тимофея Полежаева по 17 Ноября 1810 въ 150
35. Николая Александровича Норова. Срокъ прошолъ 1 Января 1810 въ 2,500
36. Князь Иванъ Михайловича Ухтомскаго по 6 Ноября 1810 въ 2,000
37. Князь Иванъ Сергѣевича Борятинскаго по 16-е Декабря 1810 въ 6,500

Отдалъ Лонгинову окромѣ серебреныхъ денегъ
разныхъ монентъ въ кошелькѣ 36,
денегъ серебромъ 97 р. 10 к.

Золотыхъ денегъ полуимперіаловъ и семь червонныхъ. Подарилъ Г. Михаилъ Семеновичъ людямъ:

Квитанція Государственнаго Заемнаго Банка 790 года. Внизу на поляхъ:

По сей вѣдомости вещи свидѣтельствованы, и въ особливое вѣденіе по повѣренному къ нему письму отъ Графа Воронцова приняты Графомъ Петромъ Львовичемъ Санти. А что на шестой страницѣ въ верху, первой и второй строки части перечеркнуты и надъ первою надписано (никѣмъ не подписанная о посланныхъ Сергію Александровичу) то вѣрно. Юрій Нелединской Мелецкой.

По сей ведомости деньги вещи свидетельствованы и въ особливое ведение по верившему писму графа Михаила Семеновича Воронцова графомъ Петромъ Львовичемъ Санти. А что на шести странице въ верху первои и второи строки перечеркнуты и надъ первою надписано никемъ не подписанная о посланныхъ Сергию Александровичу то верно; Тверской частны пристав Грековъ.

По сей вѣдомости деньги, обязательства и вѣщи свидѣтельствованы и въ особливое мое вѣденіе по довѣренности Графа Михаила Семеновича Воронцова получилъ, а что на шестой страницѣ въ верьху перьвой и второй строки части перечеркнуты и надъ перьвою надписано (никѣмъ не подписанная о посланныхъ Сергею Александровичу) то вѣрно. Графъ Петръ Санти.

№ 45.

Опись картинъ и книгъ покойной кн. Е. Р. Дашковой 1811 года.

Реэстръ

картинамъ оставшимся послѣ покойной Княгини Екатерины Романовны Дашковой и отправленнымъ въ Слободской изъ Никитскаго домъ къ управителю Гнѣздареву, 1811-го года Марта 1-го.

1.	Изображеніе древнихъ воротъ въ руинахъ въ золоченной рамѣ . . . На холстѣ	1
2.	Іоанъ Креститель въ пустынѣ безъ рамы . . .	1
3.	Овальной ланшафтъ въ золоченной рамѣ . . .	1
4.	» такой же . . .	1
5.	Рождество Іисуса Христа въ золоченной рамѣ . . .	1
6.	Божія Матерь въ золоченной рамѣ . . .	1
7.	Поученіе Іисуса Самарянину въ золоченной рамѣ. На доскѣ	1
8.	Велизарій слѣпой въ золоченной рамѣ . . . На холстѣ	1
9. 10. 11.	Три ланшафта одинаковой величены въ золоченныхъ рамахъ . . .	3
12.	Благовѣщеніе безъ рамы . . .	1

13.–14. Два ланшафта на манеръ рисовки, изображающіе зиму, въ золоченныхъ рамахъ 2
15. Рождество Іисуса Христа рисованное за стекломъ . . . 1
16. Объявленіе заповѣдей Моисеемъ рисованная въ черной рамѣ 1
17. Портретъ мужской Италіанской работы въ рамѣ 1
18. Портретъ женской въ золоченной рамѣ 1
19. Изображеніе цвѣтовъ среди коихъ образъ Маріи Магдалины въ черной рамѣ . . . . На доскѣ 1
20. Цвѣты же въ черной рамѣ 1
21. » тожъ въ золоченной рамкѣ . . . . На холстѣ 1
22.–23. Два ланшафта водопады безъ рамъ 2
24. Тканая картина въ рамѣ за стекломъ 1
25.–26. Два ланшафта пожаръ въ золоченной рамѣ . . . На холстѣ 2
27.–30. Четыре ланшафта безъ рамъ одинаковой величины . . 4
31.–34. Четыре ланшафта въ черныхъ съ позолоченныхъ рамахъ 4
35. Ланшафтъ въ золоченной рамѣ 1
36. Видъ дачи Кирьяновой безъ рамы 1
37. Колонада рисованная въ золоченной рамѣ за стекломъ . 1
38. Изображеніе мальчика съ собакой и зайцомъ безъ рам . 1
39. Аллегорическое изображеніе Екатерины II въ рамѣ . . . 1
40. Ланшафтъ со стадомъ въ золоченной рамѣ 1
41. Ланшафтъ со стадомъ безъ рамы 1
42. Видъ строеніе кораблей безъ рамы 1
43.–44. Два ланшафта въ рѣзныхъ золоченныхъ рамахъ . . . 2
45.–46. Два ланшафта поменѣе въ рамахъ . . . . . На доскѣ 2
47. Ланшафтъ безъ рамы . . . . На холстѣ 1
48. Ланшафтъ безъ рамы 1
49. Божія Матерь въ храмѣ безъ рамы 1
50. Божія Матерь и Спаситель на ея колѣнахъ 1
51. Крещеніе Іисуса Христа въ новой золоченной рамѣ . . . 1
52.–55. Четыре картины продолговатыя въ разныхъ рамахъ . 4

56. Изображеніе воротъ въ Римѣ безъ рамы . . На холстѣ 1
57. Бахусъ и Граціи въ золоченной рамѣ . . . . На холстѣ 1
58. Большой ландшафтъ съ лицами и стадомъ въ рамѣ . . . 1
59. Изображеніе воиновъ связывающихъ женщину 1
60. Александръ Македонскій съ воинами и жрецами 1
61. Изгнаніе Адама и Евы изъ рая въ рамѣ 1
62. Юпитеръ и Меркурій отрѣзавшій языкъ женщинѣ безъ рамы 1
63. Руины безъ рамы 1
64. Изображеніе Истины въ рамѣ 1
65. Большой ландшафтъ въ черной рамѣ 1
66. Картина съ разными лицами въ резной рамѣ 1
67. Мифологическое изображеніе 3-хъ лицъ 1
68.
69. } Двѣ картины шествіе Іисуса Христа въ рамѣ 2
70. Діана и Эндиміонъ 1
71. Божія Матерь трехъ радостей въ рамѣ . . . На деревѣ 1
72. Ифигенія ведомая на жертву писана Вардигомъ въ золоченной рамѣ 1
73. Вардига же остатки храма Пальмиры 1
74. Фламанскій ландшафтъ съ фигурами 1
75. Ландшафтъ въ черной рамѣ 1
76. Внутренность фламанской хижины въ рамѣ 1
77. Фламанская бесѣда въ рамкѣ 1
78. Спящая Нимфа и пастухи въ рамѣ 1
79. Меркурій и Нимфа въ рамѣ 1
80. Теньерова головка въ черной рамкѣ . . . . На деревѣ 1
81. Внутренность храма католическаго въ черной рамѣ . . 1
82. Пастухъ съ пастушкой въ полѣ, въ рамѣ 1
83. Юпитеръ и Даная рисованная въ рамѣ за стекломъ . . 1
84. Крещеніе Іисуса Христа въ рамѣ . . . . . . На холстѣ 1
85. Божія Матерь, Спаситель и Іоаннъ Креститель, безъ рамы . . . . На доскѣ 1
86. Лебедь и два лица надъ нимъ, въ золоченной рамѣ. На холстѣ 1
87. Картина историческая отдана по духовному завѣщанію Графу Петру Львовичу Сантл—въ рамѣ. 1
88. По оному же завѣщанію Князю Урусову 1
89. Почтъ-Директору Ключареву. } По отзыву его, что картина сія принадлежитъ ему 1
90. Портретъ мужской Италіанской работы . . . На доскѣ 1
91. Картина изображающая даму сидящую на диванѣ въ позолоченной рамѣ 1

— Портретъ Екатерины II тканой въ золоченной рамѣ		1
— Картина писанная на фарфорѣ круглая въ рамѣ		1
— Фамильныхъ портретовъ		48

Петръ Санти.

№ 46.

Реэстръ книгамъ.

		Руб.	Коп.
1.	Сочиненіе Державина 4 части	25	—
2.	» Хераскова 12	65	—
3.	» Сумарокова	50	—
4.	» Николаева 5 частей	15	—
5.	» Майкова	4	—
6.	Басни Хемницера	4	—
7.	Сочиненіе Дмитріева	8	—
8.	» Ломоносова 6 частей	25	—
9.	(Въ подлинникѣ пропускъ).		
10.	Сочиненіе Анны Буниной	10	—
11.	» Лукина 2 части	3	50
12.	» Голицына	3	—
13.	» Долгорукова	4	—
14.	» Подполковника Ржевскаго	1	50
15.	» Карамзина 8 частей	35	—
16.	» Его-же Московской журналъ 8 частей	19	—
17.	Собраніе русскихъ стихотвор. 5 час.	25	—
18.	Образцов. сочиненіи 5 частей	25	-
19.	Летопись Дмитрія Ростовскаго	5	—
20.	» Тучкова	3	—
21.	» Богдановича 6 частей	18	—
22.	» Бахаріина Хераскова	5	—
23.	Мои Петербургскія сумерки, Страхова	5	—
24.	Исторія Нехозина Россійскія 3 части	15	—
25..	Жизнь Мѣнщикова	3	50
26.	Исторія.		
27.	Платоновы проповѣди 16 частей	35	—
28.	Донъ-Корадо 2 части	4	—
29.	Сочиненія Пельскаго	3	-
30.	Сочиненія и переводы Академіи	15	—
31.	» Шаликова	7	50
32.	» Волковой	2	50
33.	» Сусальникова 3 части	7	50
34.	» Княжнина 5—	13	—

	р.	к.
35. Сочиненія Баброва	12	—
36. » Глинки повѣсти	4	—
37. Руской Вѣстникъ 4	60	—
38. » Зябловскаго 6 частей	35	—
39. Утренняя Заря 6 частей	15	—
40. Суворова жизнь	2	—
41. Сочиненія Войтяговскаго 5 частей	17	
42. » Правикова 6 частей	60	—
43. » Измайлова 4	6	—
44. Пріятное препровожденіе времяни 20 частей	50	—
45. Древняя Вифліофика 20 частей	70	—
46. Дѣяніи Петра Великаго 30 частей	65	—
47. Анекдоты русскихъ мужей	3	50 [1])

№ 47.

Счетъ прихода и расхода денегъ послѣ смерти кн. Е. Р. Дашковой, 1810 года.

Реэстръ.

. . . . . . покойной Княгини Екатерины Романовны . . . . . поступило въ приходъ денегъ съ 4 Генваря 1811 года.

	Руб.	Коп.
По кончинѣ Княгини вынуто изъ шкатулки	6,165	—
Принято по описи	12,500	—

Въ подлинной описи значится ассигнаціями 12,600 р.; но по повѣркѣ моей оказалось только 12.500 р.

	Руб.	Коп.
По той же описи	145	—
Серебромъ 251 р. 55 к. съ лажемъ	754	65(?)
Золотыхъ 6-ти полуимперіаловъ и 7 червонныхъ		
За проданной Нелединскимъ Мелецкимъ орденъ Св. Екатерины получено отъ него	5,000	—

По заемнымъ письмамъ получено

Съ Князя Бориса Андрѣевича Голицына уплаты	8,000	—
Съ Сергея Павловича Татищева	7,450	—
Съ Елизаветы Петровны Глѣбовой	4,000	—
Съ Матвея Федоровича Толстаго	4,000	—

[1]) Сохранилась и опись мебели въ домѣ княгини Дашковой—напечатана въ «Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина», вып. IX, стр. 76—85.

	Руб.	Коп.
Съ Елены Ивановны Нарышкиной	3,000	—
Съ Княгини Анны Михайловны Прозоровской . .	4,000	—
Съ Князя Ухтомскаго уплаты	2,000	—
Съ Купца Дашкина	2,000	—

Съ него надлежало получить по векселю его 4,000 р.; но какъ онъ за уплатою 2,000 остальной долгъ перевелъ на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лопухина, то въ остальной суммѣ взято съ него, Лопухина, и съ процентами обязательство.

	Руб.	Коп.
Съ Лопухина получено процентовъ съ 2,000 р. . .	120	—
Съ Василья Даниловича Лаптева	1,000	—
Съ Марфы Яковлевны Кротковой слѣдовало получить 10,000 р., но какъ она заплатила до сроку, то за вычетомъ процентовъ получено съ нее только	9,575	—
Съ Елены Николаевны Нарышкиной	5,000	—
Съ Василья Федоровича Демидова	2,500	
Съ Александра Александровича Полянскаго . . .	3,000	
Съ Петра Степановича Валуева	10 000	—
Съ него же за просрочку по 6-ти процентовъ . . .	350	—
Изъ Московскаго Опекунскаго Совѣта по двумъ билетамъ капитальныхъ	26,000	
Да на оныхъ проценту	2,373	
Съ Господина Соколова по закладной	2,000	—
Съ Дѣйствительной Статской Совѣтницы Прянишниковой по закладной	3,000	—
Съ нее на остальную сумму, то есть: съ трехъ тысячъ рублей процентовъ	150	
Съ Николая Александровича Норова	1,500	—
Съ Андрея Ивановича Дивова	2,000	—
Съ Всеволода Андреевича Всеволожскаго	13,000	—
Съ Дмитрія Васильевича Нарышкина	1,000	—
Съ него же процентовъ на остальныя четыре тысячи	240	—
Съ Николая Александровича Норова	2,500	—
Съ Князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго слѣдовало получить 6,500 р., но какъ онъ заплатилъ до сроку, то за вычетомъ по разсчету процентовъ получено только	6,120	77½
Изъ Круглаго за 1810-й годъ получено доходу въ два раза	11,550	—

За проданныя вещи получено:

	Рубли.	Коп.
За пару лошадей	120	—
За мраморъ съ Италіанца Пенни порученный въ продажу покойною Княгинею Италіанцу Депетре получено	1,600	—
За испорченный паркетъ	450	—
За старыя экипажи	675	—
За проданное серебро 72½ фунта, каждый по 65-ти рублей получено	4,696	25

Занято:

Въ Опекунскомъ Совѣтѣ подъ залогъ 58-ми фунтовъ серебра съ внутреннею позолотою за вычетомъ процентовъ	2,248	25
У Еврея Ханона занято безъ процентовъ	10,000	—
За наемъ дома съ жильцовъ получено въ семъ 1810-мъ году	3,710	40
Итого . . .	185,493	32½

На подлинномъ написано: сей щетъ отданъ мною лично Графу Михайлѣ Семеновичу Воронцову въ Москвѣ 10-го Января 1810 года.

. . . . Графа Михайлы Семеновича . . . . послѣ кончины Княгини Екатерины Романовны Дашковой съ 4-го Генваря 1810-го года.

1810-го года

Генварь

	Рубли.	Коп.
На погребеніе тѣла покойной Княгини домоправителю Фохту	6,165	—

Февраль

За эстафетъ въ Круглое, о бытіи всѣмъ крестьянамъ въ повиновеніи Господъ душеприкащиковъ	62	60
Дано домоправителю Фохту на расходъ	500	—
Ему же	600	—

	Рубли.	Коп.
Выдано на путевые издержки и на прочіе расходы до Круглова Титулярному Совѣтнику Рябову, посланному туда для отвращенія споровъ Госпожи Щербининой по сему имѣнію . .	500	—
Домоправителю Фохту на расходъ	700	—

Мартъ

Камеръгеру Всеволожскому дано за обученіе отданнаго ему покойною княгинею мальчика Анисима музыкѣ	125	53
Поручику Жигачеву отправленному по дѣлу о духовномъ завѣщаніи въ Калугу	50	—

По завѣщанію выдано:

За кончиною Анны Семеновны Дашковой, коей 10,000 р. завѣщаны были, отданы наслѣднику ея брату родному маіору Алферову	10,000	-
Фрейлинѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Кочетовой . . .	9,000	—
Сестрамъ ея дѣвицамъ Александрѣ и Дарьѣ Кочетовымъ по 2,000 р. каждой	4,000	—
Баронессѣ Аннѣ Александровнѣ Догеръ	3,000	
Графу Петру Дмитріевичу Бутурлину	5,000	—
Камеръгеру Александру Александровичу Полянскому	4,000	
Дѣвицѣ Аннѣ Петровнѣ Исленьевой	4,000	—
Генералъ Маіору Василью Даниловичу Лаптеву .	7,000	—
Полковнику Евграфу Александровичу Воронцову .	6,000	—
Елизаветѣ Петровнѣ Дивовой	2,000	—
Надворной Совѣтницѣ Татьянѣ Михайловнѣ Норовой	4,000	—
Княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Маврокордато .	3,000	—
Марьѣ Павловнѣ Татищевой	1,000	—
Елизаветѣ Павловнѣ Татищевой	2,000	—
Графу Петру Львовичу Санти	3,000	—
Князю Павлу Александровичу Урусову	3,000	—
За доставленіе въ Петербургъ Екатеринѣ Николаевнѣ Кочетовой 9,000, Татьянѣ Михайловнѣ Норовой 4,000, Камергеру Полянскому 4,000 и Баронессѣ Полянской 3,000 р.	208	90
Въ пользу малолѣтной полковника Маслова дочери дѣвицы Прасковьи въ Опекунскій Совѣтъ внесено	1,000	—

	Рубли.	Коп.
Въ пользу Опекунскаго Совѣта въ оной же внесено	1,000	—

Обѣ сіи суммы вычтены Опекунскимъ Совѣтомъ въ слѣдствіе духовнаго завѣщанія во время представленія Графомъ Санти сохранной казны билетовъ суммою въ 26,000 р., въ каковой силѣ и подано отъ него въ опекунскій совѣтъ въ 1810 году объявленіе, другаго же документа ему выдано небыло.

	Рубли.	Коп.
Въ Опекунскій Совѣтъ писцамъ дано	5	
Дано домоправителю Фохту на расходъ	3,100	—
Ему же	1,000	—
Полученныя во время болѣзни княгини домоправителемъ ея на расходъ Сергѣя Александровича по письму его деньги возвращены подъ росписку коллежскаго регистратора Троеборскаго	200	—
Управляющему при покойной княгинѣ московскимъ домомъ коллежскому ассесору Фохту за управленіе мѣстечкомъ Круглымъ по 1,500 р. въ годъ, щитая съ 1 числа будущаго Апреля мѣсяца дано за 1-ю треть въ передъ жалованья	500	—
Ему же на дорогу до Круглаго	250	—

По духовной выдано людямъ въ награжденіе:

Прасковьѣ Пріяткиной	20	—
Настасьѣ Григорьевой	20	—
Аннѣ Дурневой	16	—
Кондратью Лелешкѣ	19	—
Тимофею Лелешкѣ	19	—
Антону Лукъянову	19	—
Козмѣ Степанову	18	—
Веденикту Михайлову	14	—
Прасковьѣ Ивановой	14	—
Петру Чурнаеву	9	—
Феклѣ Степановой	5	—
Ивану Иванову	6	—
Степану Спиридонову	8	—
Василью Нефедову	6	—

Апрѣль

По завѣщанію выдано:

	Рубли.	Коп.
На искупленіе колодниковъ за долги содержащихся къ прокурору отослано	500	—
За исходатайствованіе дѣвушкамъ покойной княгини въ силу духовнаго завѣщанія отпускныхъ	125	—
Дано домоправителю Аничкову на расходъ	975	—
Крестьянину покойной княгини Аввакуму Овсянникову, отправленному господиномъ Нелединскимъ въ Питербургъ къ Графинѣ Иринѣ Ивановнѣ дано	100	—
Въ орденской капитулъ взнесено за крестъ Святыя Екатерины чего по оцѣнкѣ самаго капитула стоитъ	1,953	75
Отдано господину Нелединскому за пересылку въ капитулъ ордена для оцѣнки	69	54
Женщинѣ Екатеринѣ Фроловой по положенію покойной княгини выдано пенсіи за сей годъ . .	50	—
Стряпчему Трубникову за производство дѣла по спору Щербининой	1,000	—

Май.

Живописцу Баранову подъ росписку его должныя ему покойною княгинею выдано	300	—
Дано домоправителю Аничкову на расходъ	430	-
Дѣвушкѣ служившей при покойной княгинѣ выдано при выходѣ ея въ замужество въ награжденіе	25	-

Іюнь.

Домоправителю Аничкову на расходъ дано	1,000	-
Дворовымъ людямъ мѣстечка Круглаго на заплату долга сдѣланнаго ими во время содержанія ихъ въ Тарусѣ по спорамъ Настасьи Михайловны 138 р., за подводы изъ Москвы 24 р. и за обратное ихъ отправленіе на Серпуховскую дорогу, гдѣ жены и дѣти ихъ вывезены были — 20 р., за привозъ ихъ и съ семействами сюда заплачено ямщикамъ —144 р., всего	326	—

	Рубли.	Коп.
. . . . . лошадей, на которыхъ люди сіи отправлены въ Круглое заплочено	986	75
За переносъ дѣла изъ уѣзднаго суда въ палату .	75	—
По производству дѣла издержано	110	—
Настасьѣ Михайловнѣ Щербининой единовремянно награжденія	3,000	
Ей же за первую половину сего года	2,000	
Домоправителю Аничкову на расходъ дано	685	
Ему же дано	500	—
Іюль.		
Домоправителю за телегу, купленную для отправленіе въ Круглое, дано	36	—
За столяра Федора, отправленнаго въ Круглое, заплачено здѣсь долгу	50	—
Николаю Михайловичу дано	5,000	—
Августъ.		
На содержаніе въ Московскомъ училищѣ ордена Святыя Екатерины вѣчно пансіонерки подъ именемъ княгини Дашковой взнесено	9,205	8½
По завѣщанію взнесено въ Опекунской Совѣтъ въ пользу Щербининой за 2-ю половину	2,000	—
Сентябрь.		
Къ Николаю Михайловичу Лонгинову отправлено .	5,000	—
Вѣсовыхъ и процентныхъ на почтѣ за нихъ заплачено	51	75
На построеніе приходской церкви Вознесенія Христова взнесено въ Духовную Консисторію . .	500	—
Октябрь.		
Къ графу Михайлѣ Семеновичу отправлено въ армію съ Николаемъ Николаевичемъ Бахметевымъ	3,500	—
Проценты за занятыя въ разное время на заплачено	1,983	67½
Подробный счетъ симъ деньгамъ за сгорѣніемъ гросъбухъ сдѣлать нынѣ невозможно.		
Съ цѣны дома внесено въ уѣздной судъ процентныхъ пошлинъ	3,000	

	Рубли.	Коп.
Отправлено къ Николаю Михайловичу Лонгинову .	6,500	—
За нихъ вѣсовыхъ и процентныхъ заплочено на почтѣ	67	92½

Ноябрь.

Дано домоправителю	1,115	—
Къ Николаю Михайловичу Лонгинову отправлено .	7,000	—
За нихъ вѣсовыхъ и процентныхъ денегъ заплочено на почтѣ	73	15
Къ Николаю Михайловичу Лонгинову послано почтою	5,000	—
За нихъ вѣсовыхъ и процентныхъ заплачено на почтѣ	52	60
За прошлый 1809-й годъ заплаченныя мною 29 декабря 1809 года во время болѣзни покойной княгини поземельныя деньги	678	35

Декабрь.

За отправленіе съ почтою портрета покойной Императрицы Екатерины II-й къ Николаю Михайловичу Лонгинову заплачено	201	40
Повѣренному за издержки на полученіе изъ уѣзднаго суда копіи съ духовной дано	50	—
За эстафетъ въ Круглое	62	75
Купцу Зайкину за занятыя у него въ разныя времяна деньги	520	—

1811 года Генварь.

Къ Николаю Михайловичу Лонгинову отправлено съ почтою	5,000	—
За нихъ вѣсовыхъ и процентныхъ заплочено . . .	52	60
По завѣщанію въ Опекунскій Совѣтъ внесено за первую половину сего года на имя Настасьи Михайловны	2,000	50
Къ Николаю Михайловичу отправлено почтою . .	20,000	—
За нихъ вѣсовыхъ и процентныхъ денегъ заплачено на почтѣ	207	60
На счетъ графини Ирины Ивановны дано повѣренному ея	100	—
Домоправителю на расходъ дано	300	—
А всего	170,679	45½

Отдано графу Михаилѣ Семеновичу лично въ бытность его въ 1811 году въ Москвѣ	5,810	—
А съ оными въ расходѣ . . .	185,489	45½
Въ приходѣ было какъ выше значитъ . . .	185,193	32½
За тѣмъ въ остаткѣ	3	87

На подлинномъ написано: сей щетъ отданъ мною лично Графу Михаилѣ Семеновичу Воронцову въ Москвѣ 10 Януаря 1811 года.

На поляхъ: Таковыя щеты отъ Его Сіятельства Графа Петра Львовича принялъ Его Сіятельство.

VI.

Разныя бумаги.

№ 48.

Письмо княгини Дашковой кн. Г. А. Потемкину, отъ 14-го августа 1782 года изъ Стрѣльны.

Возвращаю Вамъ, мой милостивый другъ, сына своего, и хотя не мало не сомнѣваюсь о дружескомъ противу меня и благосклонномъ противу его распоряженіи Вашемъ, но не могу воздержаться при сей оказіи, еще не просить васъ о покровительствѣ и руководствованіи вашемъ о немъ. При томъ прошу, батюшка, чтобъ его при себѣ держать и не отставать, ни метаться противу другихъ въ опасности ему не позволять. Я льщусь, что вы, батюшка, въ успокоеніе мое сдѣлаете милость, въ случаѣ мира выберите его полку въ невредномъ климатѣ квартиру, чѣмъ меня много одолжите.

Теперь обращу къ свѣтлѣйшему своему прикащику рѣчь. Нерѣдко бываетъ, что управляющіе имѣніями не совсѣмъ по волѣ помѣщиковъ, сами чрезъ время прикащиками того имѣнія содѣлываются; мое желаніе совсѣмъ противное; ибо я ничего такъ не желаю, какъ то, чтобы *Круглое* вамъ полюбилось и вы бы его, какъ еще не пожалованное мнѣ, у Ея Величества выпросили, а мнѣ бы достали тоже въ указѣ упомянутое число 2,565 душъ, гдѣ нибудь въ Россіи доставили. Село Авчинино, кое

было пожаловано Орловымъ и потомъ отъ нихъ вымѣнено, для чего бы не могло быть еще промѣнено и, по примѣру съ другими сдѣланному, за излишнее въ немъ число душъ, съ меня деньгами получить. Постарайся, мой милостивецъ, а то я, не зная вашей польской экономіи и проживаясь въ Петербургѣ, совсѣмъ банкрутъ скоро буду и спокойнаго духа, съ умножающимся ежегодно долгомъ, имѣть не могу. Дѣтское же имѣніе я не инако, какъ чужое, ввѣренное мнѣ на время, почитаю, а какъ мнѣ скоро 40 лѣтъ минетъ, то пора бы мнѣ кажется, умѣренной, но собственной свой кусокъ хлѣба имѣть и отъ прикащичества сыновнихъ деревень, коихъ я уже ни силы, ни времени управлять не имѣю, отказаться также время. Mais basta sur ce sujet. C'est cependant encore une prière, mon cher prince, que vous aurez a lire. Nommement il s'agit de mon neveu Boutourline. Au nom de Dieu, prenez le dans votre état (штабъ), faite le capitaine et empechez que les talents de ce pauvre homme ne soyent point perdus et qu'il ne se gâte. Quelle nouvelle obligation ne vous aurais-je point, mon respectable ami, si mon infortuné neveu, qui paroit être abandonné de tout le monde, sera avancé par Vous? Je souffre, quand je pense, que son infortune vient de ce que l'Imper(atrice) le retiroi de chez sa grand mère pour le placer à cette vilaine école le corps de cadet, si il avoit été laissé dans sa maison paternelle il aurez été ou Генералъ-Адъютантъ chez quelque général, ou officier des gardes. Je vous conjure, mon Prince, d'avoir égard à ma prière et d'être sur de la reconnaissance d'un coeur qui vous est voué et qui remplis d'amitié et de respect pour vous, sera inalterable durant l'existance de votre fidelle amie.

(Но баста объ этомъ; вы, князь, прочитаете еще одну просьбу. Именно дѣло идетъ о моемъ племянникѣ графѣ Бутурлинѣ; ради Бога, возьмите его въ вашъ штабъ; сдѣлайте еге капитаномъ и постарайтесь, чтобы не пропали дарованія этого молодого человѣка и чтобы онъ не избаловался. Я буду неисчислимо обязана вамъ, мой уважаемый другъ, если мой бѣдный, оставленный всѣми племянникъ будетъ вами выдвинутъ. Я страдаю отъ мысли, что все его несчастіе происходитъ отъ того, что Императрица взяла его отъ бабушки и помѣстила въ этотъ дрянной кадетскій корпусъ. Если бы его оставили въ родительскомъ домѣ, онъ былъ бы адъютантомъ при какомъ-нибудь генералѣ или гвардейскимъ офицеромъ. Я умоляю васъ, князь, быть внимательнымъ къ моей просьбѣ и вѣрить признательности преданнаго и исполненнаго къ вамъ дружествомъ и уваженіемъ сердца, которое останется неизмѣннымъ, пока будетъ жить вашъ вѣрный другъ).

№ 49.

Изъ Софійскаго Нижняго Земскаго Суда.

Въ управу Благочинія столичнаго и губернскаго города Святаго Петра.

Сего ноября съ «3-го» во ономъ судѣ, по предложенію г-на земскаго исправника и кавалера Панаева, производилось слѣдственное дѣло о зарубленіи минувшаго октября 28 числа на дачѣ ея сіятельства двора Ея Императорскаго Величества статсъ-дамы, Академіи Наукъ директора, Императорской Россійской Академіи президента и кавалера княгини Екатерины Романовны Дашковой, принадлежавшихъ его высокопревосходительству, Ея Императорскаго Величества оберъ-шенку, сенатору, дѣйствительному камергеру и кавалеру Александру Александровичу Нарышкину голландскихъ борова и свиньи, о чемъ симъ судомъ на мѣстѣ изслѣдовано, и 16-го числа по прочему опредѣлено:

Какъ изъ онаго дѣла явствуетъ, что ея сіятельство княгиня Екатерина Романовна Дашкова зашедшихъ на дачу ея, принадлежавшихъ его высокопревосходительству Александру Александровичу Нарышкину двухъ голландскихъ свиней, усмотрѣнныхъ якобы въ потравѣ, не давъ о томъ знать сему суду и не засвидѣтельствовавъ посторонними людьми потравы, приказала людямъ своимъ, загнавъ въ конюшню, убить, которыя тогдажъ и убиты были топорами; то, на основаніи высочайшихъ Ея Императорскаго Величества о управленіи губерніи учрежденій 213 статьи во удовлетвореніе обиженнаго, по силѣ Уложенія 10-й главы 208, 209 и 210 пунктовъ, за тѣ убитыя свиньи взыскать съ ея сіятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой противъ учиненной оцѣнки сорока рублей вдвое, то-есть восемдесятъ рублей и, по взысканіи, отдать его высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина повѣренному служителю Кириллѣ Сидорову съ роспискою, при чемъ ему, Сидорову, подтвердить, чтобы впредъ на дачахъ ихъ пастухи за пасомымъ скотомъ имѣли лучшее смотрѣніе, и онаго по дорогамъ и сосѣднимъ дачамъ ходить не допускали, и объ ономъ удовлетвореніи обиженнаго, въ силу той же статьи высочайшаго учрежденія, дать знать Софійскому уѣздному суду репортомъ.

А что принадлежитъ до показанія садовниковъ, якобы означенными свиньями на дачѣ ея сіятельства потравлены посаженные въ шести горшкахъ разные цвѣты, стоющіе шести рублей, то сія потрава не только въ то время чрезъ постороннихъ лю-

дей не засвидѣтельствована, но и когда былъ для слѣдствія на мѣстѣ г-нъ земскій исправникъ Панаевъ и по свидѣтельству его въ саду и ранжереяхъ никакой потравы и поврежденія деревьямъ не оказалось. Да буде бы и заподлинно потрава была, то, за силою манифеста состоявшагося 787 года апрѣля въ 21-й день 24-го пункта, ея сіятельству удовлетворенія учинить не можно, о чемъ отъ сего суда ей и объявить.

По отзывуясь ея сіятельства, учиненному г-ну земскому исправнику, въ боѣ свиней незнаніемъ закона, и что впредь зашедшихъ коровъ или свиней также убить прикажетъ и отошлетъ въ гофшпиталь; то въ предупрежденіе и отвращеніе таковаго предпріятаго законамъ противнаго намѣренія, по силѣ высочайшихъ учрежденій 224 статьи, выписавъ приличныя узаконенія, благопристойнымъ образомъ объявить ея сіятельству, дабы впредь въ подобныхъ случаяхъ отъ управленія собою изволила воздержаться и незнаніемъ закона не отзывалась, въ чемъ ея сіятельство обязать подпискою, по жительству ея нынѣ въ Санктъ-Петербургѣ, какъ о истребованіи отъ ея сіятельства означенныхъ денегъ, осмидесяти рублей, объ отдачѣ объявленія и о взятіи по оному подписки сообщить въ управу благочинія столичнаго и губернскаго города Святаго Петра; съ тѣмъ, дабы благоволила, по истребованіи, показанныя деньги для отдачи повѣренному его высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина и подписку доставить въ сей судъ въ непродолжительномъ времени, о чемъ отъ сего суда управѣ благочинія симъ и сообщается, а ея сіятельству объявленіе, запечатанное въ конвертѣ, приложено при семъ.

Ноября 17 дня 1788 года.

На подлинномъ подписано:
Иванъ Нефневъ.
Секретарь Яковъ Крузе.

№ 50.

Письмо къ государственному канцлеру отъ управляющаго кабинетомъ г. Гурьева.

От 30-го октября (1802).

Вслѣдствіе отношенія ко мнѣ в. с. имѣю честь увѣдомить, что принадлежащее ея сіятельству княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ брильянтовое перо употреблено изъ кабинета; но слѣдующія за него деньги 3,770 руб. оставались еще невыданными, по-

тому что не было объ нихъ отъ ея сіятельства въ кабинетъ отношенія. Теперь же препровождаю оные 3,770 руб. къ вашему сіятельству, прося покорнѣйше о полученіи удостоить меня вашимъ увѣдомленіемъ.

№ 51.

Замѣчаніе графа О. В. Ростопчина на письмо гр. А. Г. Орлова [1]).

Списано 11 ноября 1796 г., 5 дней послѣ смерти Императрицы Екатерины II-й.

Кабинетъ ея былъ запечатанъ графомъ Самойловымъ и генералъ-адъютантомъ Растопчинымъ. Черезъ три дня по смерти Императрицы поручено было в. к. Александру Павловичу и графу Безбородкѣ разсмотрѣть всѣ бумаги. Въ первый самый день найдено это письмо графа Алексѣя Орлова и принесено къ Императору Павлу; по прочтеніи имъ возвращено Безбородкѣ, и я имѣлъ его съ 1/4 часа въ рукахъ. Почеркъ извѣстный мнѣ графа Орлова. Бумага—листъ сѣрой и нечистой, а слогъ означаетъ положеніе души сего злодѣя и ясно доказываетъ, что убійцы опасались гнѣва Государыни, и симъ изобличаетъ клевету, падшую на жизнь и память сей великой Царицы. На другой день графъ Безбородко сказалъ мнѣ, что императоръ Павелъ потребовалъ отъ него вторично письмо графа Орлова. Прочитавъ въ присутствіи его, бросилъ въ каминъ и самъ истребилъ памятникъ невинности Великой Екатерины, о чемъ и самъ чрезмѣрно послѣ соболѣзновалъ.

VII.

Письма г-жи Брадфордъ, рожденной Вильмотъ.

№ 52.

Къ графинѣ Е. С. Пемброкъ [2]).

Дорогая графиня!

Я пріѣхала въ Лондонъ изъ Россіи вчера вечеромъ и привезла вамъ отъ графа Михаила Воронцова его миніатюрный

---

[1]) См. выше, стр. 70, прим.; гр. Ростопчинъ сообщилъ вышенапечатанную копію въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову.

[2]) Рожденная гр. Воронцова.

портретъ и письмо, которое къ сожалѣнію лежитъ въ футлярѣ портрета и прибудетъ со всѣмъ моимъ багажомъ только завтра. или послѣзавтра. Однако я хочу, не откладывая, сообщить вамъ пріятную вѣсть, что я оставила вашего брата въ октябрѣ мѣсяцѣ въ вожделѣнномъ здравіи. Какъ только я получу его письмо, я перешлю вамъ его по почтѣ; что касается портрета, я бы хотѣла передать его лично вамъ, или какому-нибудь указанному вами лицу. Я, конечно, сама пріѣхала бы къ вамъ сегодня, если бы я сейчасъ же не уѣзжала съ моимъ родственникомъ, Джономъ Вильмотомъ, въ Брюсъ-Кэстль, Талленгамъ - Миддльсексъ, куда и прошу васъ адресовать письмо, если вы соблаговолите мнѣ отвѣтить. Мнѣ очень хочется увидѣться съ вами, дорогая графиня, и поговорить о многомъ; я пробуду въ Брюсъ-Кэстлѣ, вѣроятно, болѣе недѣли, такъ что, можетъ быть, намъ удастся увидѣться съ вами въ теченіе этого времени или въ Брюсъ-Кэстлѣ или у васъ, смотря по тому, что вамъ будетъ удобнѣе.

Напоминая вамъ о себѣ, я тѣмъ самымъ напоминаю вамъ и о вашей добротѣ ко мнѣ, проявленной вами передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію. Она служитъ лучшимъ украшеніемъ вашего новаго общественнаго положенія и имени, которое вы теперь носите. Въ случаѣ, если его сіятельство, графъ Воронцовъ, въ городѣ,—у меня есть къ нему порученіе отъ его сына и письмо отъ княгини Дашковой; оно безъ адреса и безъ печати, по поводу чего я должна дать нѣкоторыя объясненія или ему лично или вамъ. Я оставила моего горячо любимаго и высокочтимаго друга княгиню Дашкову въ сравнительно хорошемъ состояніи здоровья.—До свиданія, дорогая графиня. Имѣю честь быть вашего сіятельства благодарной и покорной

М. Вильмотъ.

Іоркъ-Отель.
28-го декабря (1808).

№ 53.

Къ графу С. Р. Воронцову.

Ваше сіятельство!

Изъ только что полученнаго мною письма отъ графини Пемброкъ я вижу, что она была столь любезна переслать вамъ записку, которую я ей написала тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Англію изъ Россіи. Вы усмотрите изъ нея, что у меня есть къ вамъ письмо отъ княгини Дашковой безъ адреса и безъ печати, слѣдовательно, оно въ такомъ видѣ, который требуетъ объясне-

нія съ моей стороны; но такъ какъ леди Пемброкъ проситъ меня переслать его вамъ, я исполняю ея желаніе и объясню все что нужно госпожѣ Жардинъ, которую надѣюсь увидать въ будущую среду. Я вручу ей одновременно и миніатюрный портретъ графа Михаила, который онъ посылаетъ своей сестрѣ.

Мнѣ очень жаль, ваше сіятельство, что мнѣ пришлось отослать обратно письмо отъ вашего сына. Меня къ тому побудили очень вѣскія причины, встрѣтившія и его одобреніе; но я обѣщала ему запомнить и передать вамъ два пункта изъ его письма: первое, что онъ совершенно здоровъ; второе, что каждый разъ, что онъ видитъ государынь императрицъ и царскую семью, онѣ съ большимъ интересомъ разспрашиваютъ о васъ и просятъ его передать вамъ ихъ дружескій привѣтъ.

Остаюсь и проч.

М. Вильмотъ.

Брюсъ-Кэстль,
Толленгамъ-Миддльсексъ.
1-го января 1809.

№ 54.

Ваше сіятельство!

Только сейчасъ я получила разрѣшеніе отъ лорда Гленберви переслать вамъ тѣмъ способомъ, о которомъ я вамъ говорила, первую часть записокъ княгини Дашковой. Я отошлю ихъ вамъ немедленно и полагаю, что вы получите ихъ завтра вечеромъ.

Ваше сіятельство, вѣроятно, помните исторію оригинальной рукописи, которую я вамъ разсказала. Упоминаю объ этомъ, дабы вы не думали, что оригиналъ находится у меня, и что я вамъ посылаю копію съ него.

Ваше сіятельство слишкомъ чувствительны, чтобы не понять, съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ожидать вашихъ замѣчаній по прочтеніи этой интересной рукописи, и слишкомъ добры, чтобы не простить мнѣ смѣлость, съ которой я это выражаю.

Честь имѣю и проч.

М. Брадфордъ.

Сторрингтонъ.
2-го февраля 1813.

№ 55.

№ 6. Іоркъ-Крессентъ, Элистонъ, около Бристоля, 12-го октября 1813 г.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, ваше сіятельство, съ тѣхъ поръ какъ вы сдѣлали мнѣ честь посѣтить меня въ Лондонѣ и говорить со мной насчетъ записокъ, оставленныхъ мнѣ покойной княгиней Дашковой.

Мое долгое молчаніе вовсе не вытекаетъ изъ преступной небрежности къ этому интересному дѣлу. Вы, вѣроятно, помните, что мои послѣднія слова были: «Вы дали мнѣ надъ чѣмъ подумать». Особыя причины, которыя тогда заставляли меня желать ихъ опубликованія въ такой подходящій моментъ (о чемъ я и сообщила вашему сіятельству), отпали. Я воспользовалась отсрочкой, вызванной неожиданными замѣчаніями вашего сіятельства, для того, чтобы зрѣло все обдумать и посовѣтоваться съ мужемъ и нѣсколькими лицами, достойными всеобщаго уваженія, вызваннаго ихъ умомъ и талантами. Впрочемъ, я съ тяжелымъ сердцемъ рѣшаюсь высказать мнѣніе, совершенно противоположное соображеніямъ вашего сіятельства, и идти наперекоръ желанію столь близкаго родственника моей благодѣтельницы и моего друга.

Но пришлось на это рѣшиться. Къ тому меня побуждаетъ и одно предстоящее событіе, всегда опасное и нерѣдко роковое для женщины. Я только что пріѣхала въ Клифтонъ и въ домѣ отца моего готовлюсь быть матерью; но если мнѣ придется умереть, мои настоящія слова и мысли послужатъ не только оправданіемъ для моего мужа и моихъ родныхъ, но и руководящимъ правиломъ для нихъ. Я ясно сознаю, какой вѣсъ придала бы моя смерть моимъ словамъ; я знаю желаніе покойной княгини Дашковой насчетъ изданія ея записокъ и моя совѣсть и сердце сочли бы кощунствомъ дѣйствовать вопреки столь часто выраженному ею желанію, извѣстному вашему сыну, графу Ростопчину, графинѣ Иринѣ Воронцовой, ея сыну и множеству вашихъ друзей и родныхъ, которыхъ долго было бы перечислять. Но позвольте вамъ сообщить, что съ нѣкоторыми изъ нихъ я состою въ перепискѣ и что они меня уже спрашивали, почему я не исполняю воли покойной княгини, что всѣ ждутъ этого отъ меня, что не безызвѣстно русскому правительству, такъ какъ меня арестовали на пять дней при выѣздѣ моемъ изъ Кронштадта съ цѣлью попытаться отобрать у меня рукопись.

Но вернемся къ вашимъ возраженіямъ, графъ; я передала ихъ нѣкоторымъ лицамъ, способнымъ взвѣсить ихъ гораздо безпристрастнѣе чѣмъ я; и увѣряю васъ, что всѣ они единогласно нашли, что эти записки, раскрывая чистые мотивы ея дѣйствій и стойкость ея принциповъ и взглядовъ, будутъ способствовать къ очищенію ея памяти отъ грязной клеветы, которой ее облили. Наконецъ, сквозь наивность и очевидную для всѣхъ правдивость ихъ чувствуется, что княгиня, въ качествѣ восторженной поклонницы добродѣтелей обожаемой ею монархини, была иногда ослѣплена на ея счетъ, но никогда не потворствовала ея порокамъ. Въ результатѣ я спрашиваю себя: имѣю ли я право держать въ тайнѣ подобныя свидѣтельства; мое сердце ежеминутно задаетъ себѣ этотъ вопросъ.

Вотъ, графъ, все, что я вамъ хотѣла сказать въ ту минуту, когда опасность моего положенія ставитъ мнѣ подобное признаніе въ священный долгъ. Я подхожу къ великой минутѣ въ моей жизни, и вы поймете, что движенія моего сердца должны регулироваться моей совѣстью, подсказывающей мнѣ, что рано или поздно эта рукопись должна увидѣть свѣтъ.

Повѣрьте мнѣ, что мои личныя чувства къ вамъ будутъ всегда отмѣчены глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ.

Примите выраженіе этихъ чувствъ и мои искреннія поздравленія съ той славой, которой вашъ сынъ покрылъ себя на полѣ брани. Я съ интересомъ и радостью прочла всѣ подробности этого дѣла и отъ всего сердца желаю, чтобы его добродѣтели и таланты всегда бы увѣнчивались подобными лаврами.

Прощайте, ваше сіятельство. Мистеръ Брадфордъ, присоединяясь ко мнѣ, проситъ выразить вамъ чувство глубокаго почтенія, съ которымъ остаюсь вашего сіятельства преданною

М. Брадфордъ.

№ 56.

Ваше сіятельство.

Въ виду того, что я въ своей перепискѣ съ вами имѣла исключительную цѣль почтить память покойной княгини Дашковой въ лицѣ ея брата, я сообщила вашему сіятельству какъ мое намѣреніе опубликовать ея рукопись, такъ и самую рукопись. Исполнивъ это и отдавая должное вниманіе возраженіямъ, которыя вашему сіятельству угодно называть доказательствами неправильности фактовъ, изложенныхъ вашей сестрой, я отвѣчаю на ваше письмо не съ цѣлью сдѣлать вамъ замѣчаніе по поводу

тона, въ которомъ оно написано, ни оправдываться въ томъ, что я собираюсь сдѣлать, ни дать вамъ новыя доказательства правдивости этой исторіи; я хочу только исправить выводъ, совершенно лишенный основанія, который вы сдѣлали и на которомъ покоятся разсужденія всего вашего письма.

Порывшись въ своей памяти, графъ, вы могли бы исправить эту удивительную ошибку.

Я никогда не говорила, что рукопись, которая находится у меня, «составлена по памяти по другой рукописи, написанной княгиней Дашковой и сожженной ею». Такая ошибка была бы очень досадна для меня, въ виду того, что за два года до моего возвращенія на родину въ Англію была привезена и прочитана нѣсколькими друзьями княгини, бывшими съ ней въ перепискѣ, копія съ этой рукописи, снятая на глазахъ у княгини и въ которой есть цѣлыя страницы, собственноручно написанныя ею. Этотъ документъ въ настоящее время находится у меня.

Мнѣ остается только добавить, графъ, что, можетъ быть, нѣкоторыя обстоятельства отсрочатъ опубликованіе записокъ, но не измѣнятъ моихъ чувствъ и намѣреній.

М. Брадфордъ.

Клифтонъ.
18-го октября 1813 г. [1])

---

[1]) №№ 1, 4, 5, 29, 31, 36, 37, 41—47 заимствованы изъ IX тома «Описанія старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина»; №№ 2, 3, 6—28, 30—33, 35, 38—40, 49—56—изъ XXI книги «Архива кн. Воронцова»; № 48—изъ книги Н. С. Лебедева «Графы Никита и Петръ Панины»; №№ 1—6, 17, 18, 29—32, 34—51 писаны по-русски; № 52—по-англійски; остальные—по-французски.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Часть вторая. 1782—1804.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

2007089516